

Колыбельная тьмы
мертвецов

Рина Блэйд

Тьма подбирается вплотную к Великомиру. Сил Ордена Святовита недостаточно: стражи оказываются слабы перед нечистью. Отныне солнечные лучи не губительны для тварей: чудища творят кровавые бесчинства и при свете дня. И началось всё это, стоило одной девушки выхватить свою жизнь в бою со смертью.

Глава первая. Несостоявшаяся смерть

Аня

Кажется, я умираю.

О смерти я слышала многое. Одни сравнивают её с вечным и долгожданным сном. Другие что-то бормочут о быстроте смерти, словно она лишь мгновение, незаметное и секундное. Третьи убеждены, что смерть безболезненна. И сейчас, умирая под холодным ливнем, я с уверенностью могу заявить, что нихрена они не знают и несут полную ересь, одна бредовой другой.

Во-первых, никакой это не сон, а если и сон, то явный кошмар. Причём самый страшный. Жизнь буквально ускользает из рук, а всё, что ты можешь сделать, это беспомощно лежать на сырой земле, устремив немигающий взгляд в мрачное небо. Смерть — это потеря, тяжёлая, горькая, страшная и неотвратимая. Это угасание, прекращение чего-то важного и ценного. Во-вторых, люди умирают долго. Смерть долгая. Крайне долгая. Может, последние вдохи и длятся считанные секунды, но те замедляются, точно насмеваются над умирающим, хотят растянуть его муки, сделать их бесконечными и нескончаемыми. За это время действительно всю жизнь вспомнишь. Каждое проклятое мгновение, когда ты не ценил то, что тебе дано. А сейчас, прокручивая воспоминания в голове, ты теряешь всё, что у тебя было, но чем ты не дорожил. В-третьих, умирать больно. Больно и до безумия страшно. Биение сердце замедляется, воздух на вкус как гниль, рот полон крови, дыхание прерывается и даётся тяжелей, холод проникает внутрь, окутывая ледяной пеленой всё тело, которое даже пошевелиться не может. А ещё в голове, точно отсчитывая последние мгновения, стучит горькое осознание, что жизнь кончена и сделать с этим ничего нельзя.

Каждый слабый вдох сопровождается пронзающей болью в груди. Горло одеревенело, сердце стучит тихо и редко, но всё ещё бьётся, точно пытается захватить как можно больше крупиц угасающей жизни.

На глазах выступают слёзы. Я не могу умереть так. Не верю, что смерть пришла ко мне именно сейчас, именно в восемнадцать лет, когда всё только начинается. Когда всё ещё впереди...

Лёжа под ледяным дождём, чувствую себя глупой. Почему я раньше этого не ценила? Почему раньше не наслаждалась прохладными каплями дождя, а сейчас готова отдать всё, лишь бы задержаться в этом мире хотя бы ещё на десяток лет? Почему только сейчас я ощущаю эту полноту жизни, которая стремительно ускользает?

Продолжаю дышать, несмотря на острую боль, потому что знаю: я ни за что не сдамся! Не уступлю смерти, не перестану бороться за жизнь!

Но перед смертью бессильны все, поэтому вряд ли мои попытки увенчаются успехом.

Держаться за жизнь становится всё невыносимей и больней. Разум приказывает отпустить её и отправиться в иной мир, когда сердце отчаянно просит больше времени. Но я

не могу его дать, как бы сильно того не хотела.

— Святые мученики... — незнакомый шёпот звучит так тихо и глухо, что я считываю его за бред. Однако к девичьему голосу добавляется ещё один: мужской, молодой, свистящий, напоминающий летний стрекот сверчков, такой же звучный и живой:

— И все кадеты... Давай-ка осмотримся здесь.

Незнакомцев я не вижу. Я вообще ничего не вижу, кроме мрачного неба и угрюмых туч. Но и эта картина постепенно расплывается. Несмотря на приближение гибели, надежда на спасение не покидает меня. Этот шанс настолько ничтожен, что хочется рассмеяться в голос. Но лёгкие болят так, что я и дышу с трудом. Одна часть меня глупо и наивно верит в эту маленькую возможность, а другая удручающе шепчет, что уже слишком поздно.

От бессилия хочется выть.

— Пепел повсюду, — подмечает девушка. — Тварей было много, вот только...

— Кто убил их, если кадеты мертвы? — договаривает её мысль юноша.

Тем временем отчаяние полностью поглощает меня. Надежда на спасение гаснет, её место занимает смиренное ожидание той самой секунды, когда дыхание окончательно прервётся, взгляд остекленеет раз и навсегда, а кожа станет мертвецки-бледной и холодной. Этот миг уже близок. Его ничто не предотвратит.

— Луиза... — голос юноши полон недопонимания. — Эта целёхонькой выглядит. Но она... вся в крови. Хотя на ней ни единой раны.

Чьи-то длинные пальцы с осторожностью касаются моей шеи.

— Пульс есть, но слабый.

Дальше мои щёки пронзает жгучая боль, точно кто-то вlepил пощёчину.

— Эй, — теперь говорит девушка, которая наверняка и ударила меня, чтобы привести в чувства. — Ты слышишь меня? Не смей терять сознание, иначе уж точно попадёшь на тот свет. Так что держись, если хочешь задержаться в этом гнилом мире.

Несмотря на её воодушевляющую речь, я всё равно теряю сознание, проваливаясь во тьму.

***

От удушливого дыма, исходящего от яркого пламени, скручиваются лёгкие. От сверкающих огненных всполохов болят глаза. Из-за невыносимого запаха гари с каждой секундой становится труднее дышать, а вместе с тем и бежать... Бежать с тлеющей надеждой внутри.

Пламя пожирает всё: его острые языки поглощают обвалившиеся дома, треск огня разносится по всей земле чудовищной мелодией, а деревья, чьи стволы чернеют от жара, погибают в пламенных тисках. Земля, что некогда была укрыта толстым слоем снега, горит рваными полосами, яркий свет от огня пылает в небе тёмным пятном крови. Человеческие тела, беспомощно разбросанные по земле, постепенно сгорают в жадных объятиях пламени, которое сметает всё на своём пути, не проявляя ни капли милосердия.

Бегу, прикрывая рот и нос ладонью, чтобы не задохнуться. Перепрыгиваю через огонь, чьи языки вырастают с каждой секундой. От жара кружится голова, в глазах темнеет. Пару раз я падаю на сожжённую землю, до крови раздирая колени и локти. Но встаю. Глаза предательски слезятся то ли от едкого дыма, то ли от медленно приходящего осознания.

Моя деревня горит. Горит мой дом, горит моя родина. Горит мой друг под обломками собственного дома, на которых пляшет огонь, веселясь и треща. Горит моя мать, что, быть может, ещё жива. Может, она ещё дышит. Может, её жизнь ещё не оборвалась.

Добежав до нужного дома, от которого осталась лишь грудa сгорающих досок, я, не думая ни о чём, разгребаю полыхающие куски, отбрасывая их в стороны. Пламя попадает на руки, но ожоги меня не волнуют, а боль от них уходит на последний план. Огонь окружает меня, однако я будто бы не замечаю кроваво-оранжевых языков, что подбираются всё ближе и ближе. Отбрасываю очередной обломок и вижу... Её. Свою мать.

Её рот немного приоткрыт, точно она пыталась позвать на помощь или же вдохнуть как можно больше воздуха, перед тем как... Как умереть. Глаза у матери мутные и стеклянные, большая часть лица полностью чёрная, другая же покрыта грубыми ожогами и чудовищными волдырями.

Больше я не сдерживаю его. Больше не сдерживаю крик, полный отчаяния, скорби и бессилия. Кричу, кольцо боли охватывает всю меня, слёзы обжигающими ручьями льются по щекам. Треск огня меня не волнует. Пламя, подбирающееся всё ближе и готовое заключить в смертельные объятия, тоже не интересуется. В отличие от поднявшегося рёва, от которого даже земля содрогается.

Поднимаю глаза в небо.

Кричу.

И просыпаюсь, резко встав.

— Твою мать! — вскрикивает юноша, уронив кружку с чем-то густым и плохо пахнущим сначала себе на колени, а потом на пол. — Вот же... — бормочет он, с отвращением глядя на сероватую жижу, что отпечаталась пятном на его одежде. — Нельзя ж так пугать! — упрекает он меня, в то время как я отрешённо хлопаю глазами, пытаюсь прийти в себя.

— Прости, — неловко произношу я сиплым голосом и тут же хватаюсь за голову: затылок гудит. Сосредотачиваю взгляд на согнутых коленях, чтобы хоть немного уменьшить боль, которая всё ещё пульсирует. Но желание узнать, где же я нахожусь, берёт верх, поэтому, не отнимая руку от головы, осматриваюсь.

Стены деревянные и старые, на ветхом полу валяются соломенники, на одном из которых я и полусижу. Из окон просачивается солнечный свет. К своему счастью, небольшому сожалению и лёгкому удивлению, я узнаю женскую казарму кадетов.

— Что произошло?

Поворачиваюсь к юноше, который встал, дабы снять испачканную одежду. Он остаётся в одной лишь холщовой рубашке, а синий кафтан с витиеватыми серебристыми узорами, по которому я и понимаю, кто передо мной, незнакомец неряшливо складывает, кинув его на соседний соломенник.

Лицо у незнакомца вытянутое, загорелое, а волосы рыжие и взлохмаченные, словно его молния ударила. Глаза у юноши добрые, тёплые, карие, как у наивного щенка, что только познаёт мир. На мочке левого уха сверкает золотая серьга.

— Ты страж...

— А тебя это смущает? — юноша отвечает широкой улыбкой, точно всё вокруг — весёлая шутка.

— Нет, просто стражи появляются, когда...

— Когда появляется нечисть, — договаривает он, кивнув. — Ты и сама будущий член Ордена¹. Не очень-то и красиво считать появление стражника дурным знаком.

— Прости, я не это имела в виду, но всё же... Что произошло?

Юноша молчит настолько долго, что я успеваю перебрать в голове все возможные

причины появления стража. На корпус напала нечисть? Вполне возможно, но сейчас за окном день, а в это время нечисть не активна. А если нападение случилось ночью? Получается, я его пропустила, провалявшись в кровати? Тогда напрашивается вопрос: сколько я была без сознания?

По затянувшемуся молчанию стража, который явно тщательно подбирает нужные слова, чтобы объяснить ситуацию, понимаю, что всё намного хуже, чем я могу предположить.

— Во-первых, — наконец говорит юноша, и в его голосе улавливается южный свистящий акцент, — я должен представиться. Руанин Саймью Ванриалд Шидого Нацэ, — заметив мои округлённые глаза, страж добавляет с улыбкой: — Это моё настоящее имя. Все зовут меня Ру Нацэ. А что насчёт тебя?

— Аня. Аня Алконостова. Ты из Талора?

Ру кивает.

— Не стоит спрашивать, как я попал в Великомир. Это история не для первого знакомства. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

— Паршиво.

— Неудивительно. Тебе было бы намного лучше, не вылей ты сваренный мной отвар...

— Я вылила? — перебиваю его, возмущившись от неточности предложения стража. — Это ты завизжал, как свинья на убой, и уронил своё варево.

— Первой начала кричать ты, а я очень впечатлительный! — восклицает Ру в своё оправдание. — Кстати, об этом... Почему ты кричала?

Хочется ответить, что это обычный кошмар. Отчасти это действительно так, только вот обычные кошмары не преследуют на протяжении пяти лет. С того самого момента, когда всё и произошло. Этот кошмар нельзя назвать обычным ещё потому, что он был реален. Этот кошмар — это воспоминание. Давнее и болезненное.

— Не твоё дело, — тихо огрызаюсь я.

Ру наверняка хочет мягко донести, что это его дело, так как в первую очередь он заботится о моём состоянии, и мой крик может ему многое объяснить, но его отвлекает чей-то яростный спор, доносящийся с улицы.

Оба спорящих не стесняются переходить на повышенный тон, перекрикивая друг друга. Первого говорящего узнаю сразу же, стоит мне услышать его крикливый голос, который не перепутаешь ни с чем другим. Уж крик главнокомандующего Зыбина я знаю наизусть, мне часто доводилось его слышать. А второй голос принадлежит девушке:

— Успокойтесь! Она даже ещё не пришла в себя, ей нужен отдых!

— Это она их убила! Дай мне поговорить с этой девчонкой, и она во всём признается!

— Это слишком серьёзное обвинение, главнокомандующий! У нас нет оснований подозревать её в смерти кадетов!

— У меня есть! Как ещё объяснить то, что её единственную не тронули, когда остальным выпотрошили все внутренности?!

— Этого недостаточно, чтобы обвинять и без того раненную девушку в убийстве кадетов! Так что будьте добры, главнокомандующий Зыбин, заткнитесь и предоставьте и мне, и ей тишину и покой!

— Ты сама сказала, что у неё нет ни единой раны!

— Оговорила!

Дверь со скрипом отворяется, а закрывается уже с хлопком, от которого хлипкая дверь смело могла развалиться на щепки.

— В приличном обществе люди здороваются, — кидает Ру, встречая вошедшую девушку, которая тоже оказывается стражем. Но если Ру производит впечатление доброжелательного и миролюбивого члена Ордена, то девушка — его полная противоположность. Шаги быстрые, но тяжёлые, взгляд мрачен, а брови угрожающе нахмурены.

— В жопу приветствия! — гневно выпаливает она, подходя ближе. — О, очнулась наконец! Чудесно, нам как раз не помешают объяснения всего этого дерьма!

Стражница опускается на соломенник рядом с Ру, закинув одну ногу на другую, и одаривает меня пронзительным взглядом. Я же тем временем подмечаю для себя её необычный вид, который только настораживает. Фигура стройная, высокий рост, короткие пепельные волосы, утончённое лицо, острые скулы, алые пухлые губы. Кажется, в ней не хватает... Человечности, что ли? А глаза уж тем более не выглядят естественно. Бирюзовые и блестящие, с суженными зрачками, как у зверя. И именно эта деталь в незнакомке не даёт мне покоя.

— Луиза, — Ру настороженно смотрит на напарницу, которая в свою очередь не спускает глаз с меня. — Тебе не кажется, что Ане не помешал бы отдых?

— Мне бы он тоже не помешал. А она и так три дня без сознания провалялась, наотдыхалась уже. Ну? — её глаза прищуриваются. — Может, объяснишь?

— Объясню — что? — приподнимаюсь, осторожно садясь, хотя Ру хочет меня остановить, наверняка считая, что я ещё слишком слаба. Свесив ноги, хватаюсь за голову, которая до сих пор раскалывается. Однако головная боль меня мало волнует, в отличие от надменного взгляда стражницы. Она точно дыру во мне пытается прожечь. Или как минимум почувствовать себя не в своей тарелке.

Во всяком случае Луиза уж точно способна поставить человека в неудобное положение одним лишь взглядом. Доверия она не внушает, в отличие от улыбчивого и открытого Ру, который заметно притих.

— Ну, например, как ты объяснишь, что среди двенадцати кадетов единственной, кто выжил, оказалась ты? Как ты объяснишь, что у всех умерших были перерезаны глотки и выпотрошены животы? Как ты объяснишь, что в это время ты лежала в луже крови, но без единой раны? Как ты объяснишь, что повсюду был пепел, точно на вас напала толпа тварей?

— Луиза, вопросов слишком много, — пытается облагоразумить напарницу Ру. — Не стоит на неё всё взваливать.

— Стоит.

Из слов Луизы я не понимаю ровным счётом ничего. О каких кадетках идёт речь? Неужели, из моего корпуса? Получается, знакомые мне юноши погибли. Целая дюжина, да ещё и таким ужасным и мучительным способом. Но как это произошло? По словам Луизы, я единственная, кто выжил, а значит, я была там. Вот только... Вот только я ничего не помню.

— Я... — голос предательски дрожит. — Я ничего не помню. Точнее... — тут же исправлюсь, заметив, что Луиза уже хочет надавить на меня, дабы вытрясти нужные воспоминания. — Точнее, я не помню, как погибли мои однокашники. Не помню, кто напал на них. Не помню, что и как произошло.

— А что ты помнишь? — как можно мягче интересуется Ру. — Нам полезна любая информация.

Три дня назад моё утро началось с того, что я ещё не ложилась. Всю ночь я провела в Нечистом лесу, выслеживая шишиг², сворачивая им шеи и связывая их крючковатые ручонки

между собой. Занятие далеко не из приятных и не из лёгких, но результат стоил того, а цель — уж тем более. Получился настоящий шедевр: что-то напоминающее верёвку, только состоящую из маленьких пузатых тварей с вытаращенными глазами. И сию красоту я повесила над дверью в мужскую казарму, прямо перед подъёмом, после чего поспешила вернуться к себе в кровать, но всё пошло наперекосяк.

Мой сюрприз кадеты обнаружили слишком рано и, конечно же, подняли такой крик, что вся нечисть тут же бы убралась из Великомира навеки. Визг юношей привлёк внимание главнокомандующего Зыбина, который слишком любит своих воспитанников, за исключением меня. А дальше...

— Помню, что нас отправили в лес: разобраться с дневной нечистью, — говорю я после минутного размышления. — Помню, как меня поставили в один из отрядов, как помощницу, потому что главнокомандующий забрал мой крест...

— погоди, — прерывает меня Ру движением руки. — В каком смысле забрал крест? Он не имеет права так поступать.

Неловко жму плечами, натянуто улыбнувшись.

— Просто... Я сделала кое-что, за что и последовало наказание.

— И что же? — выгибает бровь Луиза. — Что такого страшного ты могла совершить, раз у тебя отобрали крест? Святые мученики, да тебя и быть здесь не должно, раз креста лишили!

Луиза абсолютно права. Лишение креста означает исключение из Ордена Святовита или, в моём случае, из кадетского корпуса. Но моя выходка не настолько серьёзная, хотя Зыбин пообещал добиться, чтобы я вернулась в родную деревню, а не стала полноправным членом Ордена. Знал бы он, что моей деревни уже как пять лет не существует.

Встаю с соломенника, слегка покачиваясь. Ру тоже поднимается, собираясь подхватить меня в любой момент, если вдруг ноги не выдержат. И пусть я чувствую себя всё ещё отвратительно, в помощи не нуждаюсь. Подхожу к дальнему соломеннику, и в нос ударяет запах смрада и разложения. В очередной раз задумываюсь о том, что лучше бы и от низшей нечисти оставался лишь пепел, как и от других, и достаю гниющих тварей, связанных между собой.

— Ну, вот за это...

Ру громко прыскает, смеясь во всё горло, а спустя секунду к нему присоединяется и Луиза. Я с облегчением выдыхаю, так как ждала осуждающую речь от обоих о том, что настоящий страж не должен таким заниматься. Но их смех успокаивает меня и снимает напряжение, которое сковывало всё это время.

— Мы отправились в лес выполнять задание, — продолжаю я рассказывать то, что помню. — Тварей, вроде как, не нашли. А дальше... Дальше я уже ничего не помню.

Ложь. Я помню, как умирала. Помню, как всё тело горело в объятиях гибели, а душа, сжавшись в комок, молила о пощаде, но при этом была готова отправиться на тот свет. Помню холод и боль, помню отчаяние и бессилие, помню каждую секунду, проведённую в бесконечной агонии.

Но я не говорю об этом, потому что знаю: ничем хорошим это не обернётся. А заявление Луизы о том, что меня нашли в крови среди мёртвых кадетов, но при этом без единой раны, заставляет нервничать. Такого не может быть. Не может, чтобы я в полной мере ощущала смерть, будучи при этом абсолютно невредимой.

— Простите, — я опускаю голову. — Я и впрямь не знаю, что произошло. Что

случилось с кадетами, что случилось со мной... Я...

— Мы это выясним, — обещает Ру. Хлопнув по коленям, страж встаёт и обращается к напарнице: — Я поеду в крепость и доложу обо всём...

— Нет, — его обрывает Луиза. — В крепость поеду я, а ты убедись, что с ней, — стражница кивает в мою сторону, — всё в порядке.

— Да она абсолютно здорова! И с Зыбиным у меня нет никакого желания общаться, ты же знаешь.

— Как будто у меня есть.

— Он хотя бы не грозился сожрать тебя при следующей встрече!

— Ру, ты здесь нужен, как лекарь...

— Прости, ничего не слышу, уже в пути! — и точно в подтверждение своих слов страж направляется к выходу. — Люблю тебя!

— А я думала, тебе нравятся те, у кого между ног кое-что болтается.

— Это приятное дополнение, но ты и без него изумительна! — с этими словами рыжая голова Ру скрывается за дверь. Я же остаюсь наедине со стражницей, которая не испытывает ко мне тёплых чувств. Но, возможно, первое впечатление обманчиво.

Луиза протяжно вздыхает, трёт переносицу и что-то бормочет себе под нос о дурости Ру. Затем поднимает глаза, вновь смотря на меня. И переводит взгляд на шишиг, чьи тела вздулись и начали гнить.

— Чисто из интереса: зачем?

— Это мсть. Шуточная, ничего серьёзного. Неделю назад юноши подсунули мне в казарму анчуток³, а я в ответ повесила над их дверь вот это.

— Надо же. А ты мне нравишься всё больше и больше!

С этими словами Луиза встаёт и идёт к выходу. Я же неловко топчусь на месте, не зная, стоит ли мне оставаться в казарме или идти за стражницей. Та оборачивается, её ладонь касается креста, что висит на шеи, и в этот же миг шишиги вспыхивают искромётным пламенем. Роняю тварей, отходя подальше от огня.

— Как догорят, убери остатки и догоняй меня. Я же верну твой крест.

Луиза скрывается за дверь, выходя на солнечную улицу. Пусть я и знакома со стражницей не больше часа, но уже могу заявить, что она будет занозой похлеще, чем Зыбин. И что-то мне подсказывает, что главнокомандующий вряд ли справится с жёсткой натурой Луизы.

Шишиги уже догорели. Я убираю пепел под соломенник, под которым твари и лежали все те три дня, что я провалялась без сознания. Выхожу из казармы навстречу солнечному свету. Луизы рядом нет, но долго её искать и не приходится: из главной избы, где обычно и можно найти Зыбина, доносятся крики. Туда-то я и иду, прекрасно зная, что меня ждёт.

***

— Или вы немедленно вернёте ей крест, или с этим делом я пойду к своему капитану! А вам прекрасно известна его фамилия, вам прекрасно известно его влияние в Ордене, вам прекрасно известно, что через него это дело попадёт к Тузову! — объявляет Луиза, стукнув кулаком по деревянному столу, чуть не сломав его, в доказательство своих слов.

Всё то время, что Луиза и Зыбин пытаются перекричать друг друга, точно у них соревнование, кто громче заорёт, я тихо стою рядом со стражницей, изредка пытаюсь вставить словечко и от себя. И все мои попытки оборачиваются одним и тем же: либо Луиза велит не вмешиваться, либо главнокомандующий рывкает, что меня не спрашивали.

Безусловно, молчать я не собираюсь, хотя стоит заметить: всё, что говорит Луиза, запросто слетело бы и с моего языка тоже.

— Она нарушила устав, убив невинных кадетов! Да ты посмотри на неё, она даже не скорбит по ним!

Аргумент весомый, спору нет. Мне и самой тошно внутри от мысли, что мне не жаль умерших. Точнее, я не чувствую ничего по этому поводу. Мне и не жаль их, и я не злорадствую. Вроде бы, на это есть причины, но не уверена, оправдывает ли это моё безразличное отношение к смерти тех, чьи имена я знала на протяжении пяти лет.

Я помню, как каждый из погибших смеялся, смотрел, ничего не предпринимал, улюлюкал, вставал в очередь, пока меня... Пока *он*...

От воспоминаний желудок скручивается, а в голове поднимается шум.

— Алконостова! — строгий тон Зыбина выводит меня из цепочки воспоминаний. — Что ты скажешь по этому поводу?

Сначала я удивляюсь: с каких пор Зыбина интересуется моё мнение? Но следом улавливаю знакомую нотку яда, которую главнокомандующий вкладывает в каждое предложение, обращённое ко мне.

— Я уже всё сказала, — твёрдо произношу я, сузив глаза. — Я ничего не помню и не знаю, что произошло с кадетами и кто их убил.

— Да потому что их убила ты!

— Главнокомандующий! — влезает Луиза. — Её присутствие на месте смерти кадетов ещё не доказательство вины. Вам известен случай, когда страж самолично убил своих товарищей, но при этом был оправдан.

Этот случай известен каждому жителю Великомира. В Ордене и за его пределами происшествие пересказывают множество раз, постоянно добавляя что-либо новое. Иногда такие детали похожи на правду, но чаще всего представляют собой полный бред. Не уверена, что я хотя бы раз слышала полностью настоящую историю, но прекрасно знаю, что произошло это два года назад. В тот день и случилась трагедия в Соколинске, в которой погибла четверть города.

Всё случилось из-за Сирина⁴ — опаснейшего духа. В кадетском училище чаще всего рассказывается другая часть всей истории: участие стражей. В Соколинск был отправлен целый отряд стражников под руководством самого молодого капитана за всю историю существования Ордена Святовита — Александра Демидова. И известен капитан стал тем что убил весь отряд своими же руками. Демидов всё ещё состоит в Ордене, звание у него то же, а значит, каким-то образом его оправдали. Вероятней всего, капитан попросту попал под воздействие птицы. А такое и врагу не пожелаешь.

— И это было глупо со стороны Тузова, — отмечает Зыбин.

— Раз так, то может, поделитесь этим мнением с ним самим? — интересуется Луиза, склонив голову. — Верните крест Ане, главнокомандующий. И тогда я забуду все слова, сказанные в этих безвкусных стенах.

Широкие брови главнокомандующего, которые практически срослись в одну, неприятно хмурятся при одном лишь беглом взгляде на меня. Мелкие чёрные глаза Зыбина уставляются на Луизу, ждущую решение и готовую в любой момент начать его оспаривать.

— Она лишена креста заслуженно. Эта девка не только нарушила устав, войдя в чужую казарму, но и подсунула юношам мёртвых шишиг!

— А они их не видели, что ли? — справедливо спрашиваю я, выразительно выгнув

бровь.

Кажется, ещё немного, и Зыбин точно взорвётся. Ну, или как минимум пар повалит из его раскрасневшихся от гнева ушей.

— Это ребячество недопустимо, Алконостова!

— Ребячество?! — теперь уже моя очередь вскипать и спорить с главнокомандующим, не давая никому другому вставить слово. — Я порубила тварей, разве не этим должен заниматься настоящий страж?! — Возмущённо скрещиваю руки на груди. — В отличие от парней, я занимаюсь серьёзным делом! И, если мне в комнату подсовывают анчуток, я даю ответный удар!

— Связывать мёртвых шишиг и вешать их над дверью — это серьёзное дело?

Согласна, звучит и впрямь не очень. Но объяснять Зыбину причину моего поступка — всё равно что общаться с пнём, надеясь, что он поддержит в трудный день. Лично я считаю, что, если бы у старикашки было хоть какое-то чувство юмора, он бы по достоинству оценил моё творение.

— Ты же девушка! — на полном серьёзе восклицает Зыбин, точно тем самым он пытается достучаться до меня, внушив устаревшие традиции. — Охота за нечистью — работа мужская, а ты уже должна найти суженного да под венец пойти!

— Я тоже девушка, — подаёт голос Луиза, — и тоже страж. А по правилам служить в Ордене может каждый, кто готов защищать простой люд. А теперь, после этого короткого напоминания, верните крест кадету Алконостовой, главнокомандующий. Или лишите оружия всех кадетов, которые, как я поняла, так же нарушили устав, войдя в чужую казарму, чтобы подкинуть анчуток.

Ругнувшись себе под нос, Зыбин сдаётся и со стуком кладёт железный крест со шнурком на стол. Даже стоя у стены, не так близко к столу, я узнаю свой крест, который мне вручили на первом уроке, посвящённом владению нитями и крестом⁵, пять лет назад. Немного потрёпанный, в некоторых местах темнеет ржавчина. Любой бы на моём месте давно заменил его, но в отличие от меня, любой не знаком с Зыбиным. А если и знаком, то точно ходит у него в любимчиках. Сколько бы раз я не говорила главнокомандующему, что крест нужно заменить, я получала отказ.

Забираю крест, который в руках отзывается родным теплом, и убираю его в карман серого кафтана.

— Спасибо, — говорит Луиза таким тоном, будто никогда не произносила слово, что только соскочило с её языка. — Удачи на отборочных, — кидает она мне на прощание, выходя из избы.

Иду за ней следом, как меня останавливает кашель Зыбина, означающий лишь одно: меня он не отпускал.

— Задержись на пару слов, милая.

По телу пробегают морозящие мурашки, а в голове снова становится шумно. «Милая»... Так меня называли в жизни лишь два человека, которые сделали со мной одно и то же. И если первый только пытался, то у второго всё получилось. И Зыбин знает об этом случае.

— Сегодня тебе повезло, — говорит он, когда я поворачиваюсь в его сторону. — Но я добьюсь того, чтобы ты вернулась в родную деревушку, а не вступила в Орден. Девушки должны...

— Должны что?! — обрываю его, не выдержав. — Быть хорошенькими, порядочными, послушными?! Угождать мужчинам, заботятся о детях, хранить семейный очаг и прочая

белиберда?! Слышала уже, придумайте что-нибудь новое!

— Алконостова!

— Что? Вы это мне пять лет втюхиваете, я уже всё выучила.

Зыбин поднимает указательный палец, точно хочет подчеркнуть всю важность той речи, которую он сейчас скажет. Я же еле себя сдерживаю, чтобы не развернуться к старикашке спиной и не уйти куда подальше.

— Ты самовольно покинешь училище, милая. Или последствия не заставят себя ждать, — от приторно ласкового тона Зыбина все внутренности сжимаются в тугий ком, а к сердцу тихо и медленно подбирается страх, возникший от очередного «милая». Сглатываю тугий ком в горле, быстро опускаю взгляд на руки: дрожат. Прячу их за спиной, чтобы не выдать своё состояние перед главнокомандующим. Но тот всё понимает по глазам и моему сжатому положению. Стоит расслабиться, взять себя в руки, но эти мысли крутятся в голове лишь беспорядочной волной, ни одна из них не задерживается, не выигрывает в битве со страхом, что тревожно звенит и наслаждается местом, которое ему удалось занять. Дышать становится тяжелей, температура в избе неожиданно повышается. При каждом ударе сердца, которое бешено колотится, грудь пронзает колющая боль, живот скручивается, тревога становится всё ощутимей и ощутимей с каждой секундой.

Чтобы не упасть, я облакачиваюсь на стену и тут же проклиная себя за это: Зыбин не должен видеть этого. Не должен ощущать своё превосходство. Не должен знать, что он сильнее.

Почему это произошло? Почему сейчас? Мне казалось, я победила это, отпустила, всё прошло. Почему же... Почему же мне страшно?

Перед глазами всё плывёт, но разглядеть круглое лицо главнокомандующего несложно. Его толстые губы расплываются в гадкой улыбке при виде ослабевшей меня. Возможно, дело в произошедшем со мной. В том, что я погибала, но в итоге не умерла. Возможно, прошлое здесь ни при чём...

— Вы несправедливы, — шепчу я, безуспешно борясь со страхом. Воздуха становится всё меньше и меньше.

— Ну почему же? К тебе, милая Аня, я более чем справедлив. Пойми, девушке нечего делать в Ордене. Поэтому я из самых добрых побуждений позволяю тебе вернуться в свою деревеньку, где ты найдёшь себе мужа и заживёшь под его покровительством, как настоящая женщина. Иначе, — он делает паузу, внимательно следя за моей реакцией. Слезы Зыбин не дожждётся, хотя они уже подступают к глазам, как и крик — к горлу. — Иначе я позволю ребятам поразвлечься с тобой.

Ничего не отвечаю. Лишь сжимаю зубы до ноющей боли, чтобы не закричать от страха. Внутри горят обида и злость. Зная Зыбина, я более чем уверена, что его угроза реальна. Я даже с крестом не смогу ничего сделать против дюжины крепких парней, которые с лёгкостью задавят меня. Да я и пикнуть не успею, как они с меня одежду сдерут.

— Не дожждётесь, — выдавливаю я и, не выдержав, стрелой оказываюсь на улице, пытаюсь вдохнуть свежий воздух полностью.

Не выходит.

Он попросту не проходит внутрь.

Слёзы уже давно льются по щекам крупными каплями, собираясь у подбородка. Вытираю их дрожащими холодными руками. Щипаю себя за запястья, вспоминая, что раньше это помогало. Сейчас не выходит. Глубоко дышу, но в результате выдавливаю лишь

слабый хрип, не в силах впустить воздух внутрь. Воздух точно скручивает горло в тугий узел и обвязывает его кольцом чудовищного пламени. Молюсь всем святым, чтобы это прекратилось. Проклинаю себя за очередную слабость. Проклинаю себя за то, что позволила страху войти внутрь и вновь завладеть мной.

Поднимаю взгляд, пытаюсь сосредоточиться на чём-то одном. Пересчитываю деревья, стоящие впереди, но они быстро сливаются в единое пятно передо мной. В глазах стоит режущая боль от слёз, по рукам проходит холод. Дышу, несмотря на боль. Воздух понемногу проходит, дышать становится не так трудно. Но страшно до сих пор.

Кое-как встаю с земли, неспешным шагом идя в казарму. Руки дрожат, а ноги подкашиваются. Страх стучит внутри, на щеках остались мокрые дорожки от слёз, которые всё ещё просятся вылиться из глаз. Но я сдерживаю их. Не даю им взять над собой верх. Сдерживаю этот проклятый признак слабости.

Я не должна показывать её.

Её никто не должен видеть.

Даже я сама.

Дойдя до казармы, скатываюсь по стене, сжавшись. А после тихо плачу, уткнувшись в колени.

Я не сдамся. Не отступлю.

Несмотря на угрозы, я дойду до конца. Достигну своей цели.

Глава вторая. Несостоявшаяся поездка

Александр

Я умираю.

Снова.

В очередной. Грёбанный. Раз.

О смерти я слышал многое. Одни с тоской вздыхают, причитая, что конец приходит быстро, от него невозможно убежать, рано или поздно он настигнет каждого. Чувствуя знакомую, но обжигающую боль, распространяющуюся по всему телу с молниеносной скоростью, я с уверенностью могу заявить, что смерть действительно приходит быстро, но забирает она не каждого. Меня она оставляет в этом проклятом мире уже который раз, как бы я не пытался нырнуть в её холодные объятия и уйти навсегда.

Так продолжается уже почти шесть лет.

Другие, видя, что из себя представляет каждый мой день, говорили, что долго я не протяну. Признаться, внутри до сих пор тлеет слабая надежда, что так оно и будет. Но после каждой моей смерти эта вера угасает, и скоро превратится в жалкий пепел.

Так продолжается уже почти шесть лет.

Кто-то и вовсе расписывал в красках мою смерть. Мечты этого человека сбылись: я умирал множество раз. Тонул, резался, сбрасывался с обрыва, истекал кровью, отрезал себе конечности, надеясь умереть от резких и нескончаемых порывов боли. Но всё без толку.

Так продолжается уже почти шесть лет.

Некоторые показали мне, что такое смерть на самом деле. Гибель не страшна, когда её костлявые руки касаются твоей души, желая утянуть за собой. Нет, подобное воспринимается как что-то обязательное и, в моём случае, знакомое. Когда же смерть забирает кого-то другого, это ощущается как падение в пропасть. В пропасть собственного поражения, собственной боли, собственного крика, собственного кошмара, собственной ярости. Смерть — это исчезновение не самой жизни, а чего-то важного и ценного в ней

самой. Того, без чего жизнь становится невозможной и ощущается мрачным и бессмысленным существованием.

Самому умирать не больно. Больно, когда умирают другие. Жизнь стремительно покидает их, а всё, что ты можешь с этим сделать, это кричать и молить о том, чтобы они не сдавались. Не уступали смерти, перед которой бессильны все. Продолжали бороться с гибелью, которая всегда выходит победителем. Не уходили в иной мир, который открывает свои двери перед каждым, когда подходит срок.

Но эти крики, просьбы, молитвы тщетны.

Очередная волна агонии пронзает меня с новой силой. Прикусываю кулак, чтобы не вскрикнуть, ругая себя за то, что попал в то место, при ударе в которое люди умирают болезненно и долго. По синему кафтану расплывается тёмное пятно крови, перед глазами пляшут чёрные звёздочки, а в груди пылающим огнём горит боль, что вспыхивает с каждой секундой всё ярче и ярче.

Ждать конца, терпя муки, я не хочу. Да и времени нет. Поэтому теперь остаётся самое трудное и неприятное.

Обхватываю рукоять кинжала, чьё лезвие полностью вошло внутрь, обеими руками, до скрежета стиснув зубы. Закрываю глаза, вдыхаю колючий воздух и резко вынимаю нож из груди, после чего рукой прикрываю открытую рану, тяжело дыша. Рука скользит чуть выше, останавливаясь у места, где должно биться сердце. Но внутри тихо.

Холодно.

Пусто.

И больно.

Снова.

В этот же момент дверь раскрывается, и сквозь тёмную пелену мне удаётся увидеть рыжую копну волос.

— Саша! — Ру присаживается рядом со мной. Его длинные пальцы касаются моих, осторожно вынимая кинжал из рук. — Ну зачем ты так? Пробовал уже раз десять! — приговаривает он.

— Одиннадцатый раз никогда не помешает, — с улыбкой отмахиваюсь я, постепенно приходя в себя.

Ру помогает мне встать и сесть на лавку. Рана начинает зудеть, знак хороший: скоро затянется. Но вот поступил я опрометчиво: нужно было снять кафтан и рубаху, чтобы не испачкать и не испортить одежду.

— Это глупо, Саша, — упрекает меня Ру, садясь рядом.

— Сказал тот, чьё сердце бьётся, как и у всех, — язвительно парирую я, закидывая голову назад и закрывая глаза. — Ты какими судьбами здесь? Помнится, ты должен быть в Подгорной с Луизой. Что-то произошло? — открываю один глаз, смотря им на друга.

Ру отводит взгляд, явно о чём-то задумывавшись. Или о причине своего возвращения в крепость, или о моей неудавшейся попытке убить себя. Терпеливо жду ответа, с деланным интересом разглядывая собственные ногти.

— В Подгорной были злыдни^б, ничего серьёзного, — коротко говорит Ру, всё ещё не поднимая взгляд. — Дело в другом. И, я думаю, оно может касаться тебя.

— Ты нашёл способ, как мне покончить с собой? — равнодушно предполагаю я.

Как и следовало ожидать, Ру мотает головой. Серьёзность друга напрягает меня, обычно он не такой тихий и отстранённый. Но что могло произойти, что так шокировало его? Эти

вопросы я оставляю висеть в воздухе, зная, что Ру всё равно даст ответ на них. Тот чешет подбородок и наконец поднимает взгляд на меня. В карих глазах я нахожу лишь смятение и непонимание происходящего.

— С тварями я и Луиза разобрались быстро. Мы возвращались обратно, вот только проезжали мимо кадетского училища.

— Западного, я полагаю?

— Да, обучением занимается Зыбин, но важно не это. Я... Я не уверен, не могу точно утверждать, но... Мы нашли тринадцать кадетов. Двенадцать мёртвых кадетов. И одного живого.

— И в чём ты не уверен? Кадеты часто умирают во время обучения, в Орден вступают самые живу...

— Дело не в этом. Тогда был день, Саша. Конечно, шёл дождь, но время было дневное. Нечисть не активна днём.

— Значит, на них напал дух.

— Повсюду был пепел, — мрачно добавляет Ру, вгоняя меня в то же замешательство, в котором пребывает он сам.

Двенадцать кадетов мертвы, убиты были, судя по всему, днём, так как Ру ничего не сказал про следы разложения, которых, видимо, не было. Но нечисть не активна днём, солнечный свет губителен для тварей. Возможность того, что кадетов убил дух, исключается наличием пепла, который остаётся лишь после нечисти среднего или высшего типов. Но они-то как раз и дремлют при свете дня. Что-то здесь не сходится. Не хватает маленькой детали, которую я мог упустить.

— Ты сказал, убито двенадцать кадетов. Один выжил.

— Одна, — поправляет Ру. — Это девушка.

— А ещё ты сказал, что это может касаться меня. Каким образом?

Догадаться несложно, но поверить трудно. Не могу представить, чтобы на свете был ещё один человек с небьющимся сердцем, но оставался при этом человеком, а не нечистью.

— Она умерла, — медленно произносит Ру, внимательно следя за моей реакцией. Внешне остаюсь невозмутимым, но внутри поднимается целое море вопросов. — Мы нашли её всю в крови. Но без единой раны.

— Она не могла убить кадетов и прикинуться мёртвой?

— Это было бы глупо с её стороны. И провалялась она три дня без сознания, а такое сымитировать никому не под силу. Мы с Луизой не отходили от неё. Тем более... По ней было видно, что она умерла.

— Было?

Ру нервно перебирает пальцы.

— Да. Когда я её увидел, она была бледной, как труп. Румянец к ней вернулся не скоро, и...

— Её сердце бьётся, — договариваю я.

— Да, я проверил её пульс, — сокрушённо подтверждает Ру. — Но, Саша, она действительно умерла, клянусь! Она выглядела такой потерянной, такой измученной. Она не призналась в том, что умерла, но ожила. Мне кажется, она боялась.

— И правильно делала, — соглашаюсь я, вспоминая, что, когда всё произошло со мной, об этом никто ничего не знал, помимо одного человека, оказавшегося поблизости. Он-то и помог мне выбраться из гнезда тварей. — Кто-нибудь ещё знает о ней?

— Думаю, Луиза догадывается, что всё нечисто с этим делом. Да и Зыбин в курсе. Не вряд ли до него дойдёт.

— До него, может, и не дойдёт, но сплетни и рассказы он любит, а значит, растреплет всем.

Ситуация действительно вызывает небывалый интерес во мне. Мало того, что нечисть неожиданным образом начала атаковать людей в дневное время суток, так ещё и появилась девушка, которая, как и я, умерла, но вернулась на этот свет, не желая уступать законам смерти. Вот только её сердце бьётся, в отличие от моего. Всё это настолько увлекательно и занятно, что мне определённо стоит выпить.

— Что ты думаешь насчёт этого? — спрашивает Ру, наблюдая, как я достаю из шкафа бутылку любимого кваса, открываю её и делаю приличный глоток прямо из горла.

— Думаю, она сама ничего толком не поняла. Может, она и уверена в том, что почувствовала дыхание смерти совсем близко, но эта уверенность мигом спадёт, и ей будет казаться, что ей просто повезло выжить.

— А как же отсутствие ран?

— Этот факт не уберёт её уверенность до конца. Но это и нужно. Рано или поздно, когда сплетни перестанут быть новыми, пойдёт ещё один слух о том, что никаких ран и не должно было быть. Девушка просто увидела смерть товарищей, их кровь попала на неё, а сама она упала в обморок от такого шока. Не удивлюсь, если так всё и было.

— Ты забываешь о нечисти.

— Страж не может о ней забыть. Но у меня не такая хорошая фантазия, чтобы додумывать все детали. Спроси лучше у сплетников, из них лучшие рассказчики.

Допиваю квас, оставляя пустую бутылку в шкафу. Напиток бодрит, дарит силы и приятное послевкусие. К собственному счастью, я не пьянею, поэтому даже подумываю выпить ещё немного, но взгляд падает на сумку, что уже собрана и покоится на лавке, дожидаясь своего часа. В голове поднимаются крики, всплывают воспоминания, что давно должны были стать забытыми картинками, но до сих пор остаются свежими ранами.

— Саша? — из череды воспоминаний меня возвращает Ру. — Всё в порядке?

— Более чем, — отвечаю с лёгкой улыбкой, снимаю испачканные в крови кафтан и рубаху, сменяя их на то же самое, только чистое, и хватаю сумку, повесив её на плечо.

— Что с девушкой?

— А что с ней?

— Ей нужна помощь. Наша помощь, Саша. Она наверняка напугана, а мы единственные кто знает о таких случаях! Мы должны ей помочь, всё объяснить.

— Этим мы только напугаем её, Ру, — как можно мягче произношу я. — Сам подумай, она явно в шоке. Не каждый день умираешь.

Лично я пробую умереть чуть ли не каждый день, но многие избитые фразы ко мне не относятся.

Ру явно не разделяет моё мнение. Его можно понять: Ру крайне миролюбивый человек, стремящийся помочь каждой живой душе, которую только видит. Неудивительно, что он пытается убедить меня в том, что той девушке, чья история смерти и жизни полна тайн и загадок, нужна помощь. Ну, или хотя бы объяснения того, что с ней на самом деле произошло. Но я не знаю эту бедняжку, не знаю, как она может отреагировать. Возможно, с ней действительно стоит встретиться. Но уже после поездки.

— Через четыре дня отборочные кадетов, — говорю я, поняв, что Ру от меня не отстанет

и не пустит в Соколинск, пока я не соглашусь с его идеей. — Девушка на них точно будет. Проследи, чтобы с ней ничего не случилось. А если и случится, — беру паузу, подбирая слова, — то постарайся, чтобы об этом никто не узнал. Вторую не случившуюся смерть с одним и тем же человеком мы не сможем скрыть.

— Да, капитан.

Попрощавшись с Ру, выхожу из кабинета, идя по коридорам крепости Ордена. Сделаны из серого гранита, прочные, но тусклые, лишь солнечные лучи вносят какой-никакой свет в невзрачные стены. Мимо проходят несколько стражей, быстро кивая в знак приветствия и уважения. Отвечаю им тем же, хотя имена многих мне неизвестны.

Один стражник останавливается передо мной, отдавая честь.

— Капитан Демидов! — чётко произносит он, не отнимая ладонь ото лба. — Главнокомандующий Тузов желает вас видеть.

— Передай ему, что увидит через неделю, — кидаю я, даже не останавливаясь.

— К-капитан! — стражник едва поспевает за мной. Моё несерьёзное отношение к поручению главнокомандующего явно вводит его в ступор. — Главнокомандующий с-сказал, что это срочно.

— Как и моя поездка.

— Н-но он н-настаивал. С-сказал, что это не займёт много времени.

Закатываю глаза. Стражник не отстанет от меня, а если и отстанет, то получит выговор. Во всяком случае страж точно будет серьёзно переживать из-за невыполненного приказа. Пожалев юношу, который немного младше меня самого, я останавливаюсь.

— Ладно. Дорогу сам найду, можешь быть свободен, — добавляю я, заметив, как страж вытянулся по струнке, готовясь вести меня к главнокомандующему.

— Он ж-ждёт вас в зале совещаний.

Нехороший знак. Вполне возможно, что в зале не только Тузов, но и другие стражи: генералы и капитаны. Может, даже главнокомандующий Рылов, встреча с которым не вселяет в меня никакого энтузиазма.

Спускаюсь вниз, мысленно молясь всем возможным святым, чтобы дело действительно не заняло много времени. Ну, или хотя бы не испортило все мои планы.

— Главнокомандующий Тузов, — вхожу, отдавая честь.

— О, неужели устав вспомнил? — усмехается старый главнокомандующий, сидя за длинным столом, вокруг которого обычно и собираются стражи ради совещаний.

— Чего надо, Велимир? — спрашиваю я, садясь напротив.

— А вот и Александр, которого я знаю. Как жизнь, сынок? — интересуется Тузов, поглаживая седые густые усы, под которыми еле видно нижнюю губу. Сморщенное, старческое, доброе лицо главнокомандующего сияет знакомой душевной улыбкой. Кажется, под ярко-голубыми глазами появились даже новые морщинки. Борода, достающая до шеи, аккуратно причёсана. Я и не думал, что колтуны, которыми и является борода главнокомандующего большую часть времени, возможно расчесать. А вот седые волосы всё такие же спутанные.

— Как обычно. Жизнью не назовёшь.

— Не думал смириться с этим?

— От этих дум ничего не изменится. И смирение так просто не приходит.

Велимир только качает головой, что-то приговаривая себе под нос. Тузов знает моё положение, он и был первым человеком, который обо всём узнал, найдя меня в гнезде

тварей, всего в крови. Тогда мне было четырнадцать. Ру же узнал два года спустя и так же случайно: я напоролся на косу полудницы⁷, что вонзилась в живот. После того, как я собственными руками вытащил лезвие, Ру упал в обморок от увиденного. А когда очнулся, что-то шептал на своём родном языке, явно изгоняя из меня какую-то тварь.

— Догадываешься, зачем я тебя позвал?

— Чтобы обломать поездку, которая для меня важнее, чем собственная жизнь, — пожимаю плечами. — Велимир, ты же знаешь. И ты согласился. Я обязан там быть. Это мой долг.

Перед всеми погибшими. И перед мамой, которую я не сумел уберечь в тот злосчастный день.

— Я знаю, — с грустью соглашается Тузов. — И я не хочу лишать тебя этой поездки, но дело серьёзное, Александр. И оно требует твоего присутствия.

— Единственное, что может требовать моего присутствия в такие дни, это появление высшей нечисти или духа. Больше ничего меня не остановит. И ты это знаешь, Велимир. Я всё равно уеду, что бы ты не сказал.

— Я понимаю. — Тузов сцепляет руки вместе. — Но выслушай меня, — получив согласие, главнокомандующий продолжает: — Ты же слышал о случае с кадетами?

— Только не говори...

— Твоего присутствия требуют отборочные. Ровно через четыре дня.

— Нет-нет-нет! — машу я руками, точно пытаюсь укрепить свой отказ. — Нет. Не требуют. Мне новички в отряде не нужны, моя команда полностью сформирована. И если это всё, то я, пожалуй... — встаю, идя к выходу, но Тузов спокойным тоном останавливает меня:

— В твоём отряде не хватает одного человека.

— Минимум — четыре. И у меня столько.

— Новые правила с этого лета: в отряде должно быть минимум пять человек. Я не хотел тебе говорить, потому что знаю, как ты относишься к новым членам команды. Но, боюсь, так больше не может быть. В твой отряд нужен ещё один человек.

— Хорошо, — киваю, пойдя на уступки. — У парочки капитанов наверняка найдутся лишние, пусть один переведётся и...

— Ты меня не понял, сынок, — качает головой главнокомандующий, прижав сжатые руки ко рту. Я знаю этот жест: обычно Тузов так делает, когда собирается сообщить о чём-то плохом. — Тебе необходимо быть на отборочных.

— Мне необходимо быть в Соколинске, Велимир, — чётко выговаривая каждую букву, произношу я.

— Знаю. Но на отборочных будет девочка, которая погибла так же, как и ты.

— Не так же, — возражаю, начиная выходить из себя. Такое происходит редко, обычно это я всех раздражаю. — Её сердце бьётся, спроси Ру.

То, что Тузов уже знает о случае, произошедшем с девушкой, беспокоит меня. Главнокомандующему я доверяю так же, как себе, и меня скорей пугает скорость, с которой весть разошлась по Ордену. Ру вернулся максимум четыре часа назад, но он точно держал язык за зубами. Сомнений не остаётся: Зыбин послал письмо. Вряд ли он додумался до того, что девушка умерла и воскресла, вероятней всего, он попросту обвинил бедняжку в смертях кадетов. А вот Велимир уже додумался самостоятельно.

Мог ли догадаться Рылов? Мозгов у него не так уж и много, но они есть у того, кому он

подчиняется.

— Детали не так уж важны, — как ни в чём не бывало заявляет Тузов. — Я хочу, чтобы ты был на отборочных не просто ради нового члена команды. Я хочу, чтобы ты взял эту девочку.

— А я там зачем? Просто отправь её в мой отряд и всё.

— Её могут перехватить и отправить к другому капитану, прежде чем я успею что-либо предпринять. Думаю, кое-кто уже мог заинтересоваться произошедшим с ней. С девочкой может произойти беда, попади она в дурные руки. А под твоим командованием она будет в безопасности. И, возможно, с её помощью ты решишь свою проблему.

Вот только эта девушка может стать новой проблемой, с которой тоже придётся разбираться. Но вслух я говорю следующее:

— Кто ей заинтересовался?

Голубые глаза главнокомандующего уставляются на меня так, будто ответ мне известен. Но Велимир всё равно озвучивает его:

— Мечислав Ясноликий.

Спина отзывается ноющей болью. Морщусь, потирая шею. А после говорю:

— Хорошо. Я буду на отборочных.

Девушке действительно грозит опасность. И только я могу ей помочь и защитить от царя Великомира.

Глава третья. Отборочные, нечисть и капитан

Аня

Отборочные кадетов проходят в Чаще Гибели — одном из самых опасных участков Нечистого леса. Похуже Чащи будут только Заросли Невозврата. Туда совершенно не проникает солнечный свет, из-за чего нечисть активна в любое время суток, даже днём. В Заросли заходят либо самые отчаянные, либо самые безрассудные. И обе эти характеристики прекрасно подходят стражникам Святовита, которые уже сотню лет пытаются очистить весь Великомир от тварей. Раньше стражей отправляли в Заросли Невозврата. Из названия ясно, что мало кому удалось вернуться, поэтому подобные миссии стражникам больше не поручают, чтобы не сократить членов Ордена, которых и так с каждым годом становится всё меньше и меньше. Отбор проходят не многие, да и нельзя сказать, что желающих вступить в Орден так уж много. А некоторые кадеты умирают во время обучения. Работа стража крайне опасна, и этот факт становится очевидней с каждым новым случаем смерти. Мечтающих стать защитником простого люда или же заработать славы уже не так много, как пару лет назад.

Немногие из кадетов доходят до отборочных. А пережить их удаётся лишь нескольким. Обычно, из десяти кадетов выживают лишь семь.

Правила отборочных ясны и просты: нужно выжить. Пережить ночь в Чаще Гибели и убить как можно больше нечисти любого типа и вида. Каждому кадету даются три клубка нитей того цвета, которым воспитанник может владеть⁸. И это решает инструктор училища, в моём случае — главнокомандующий Зыбин. Лично я считаю, что уже давно заслуживаю пользоваться синими нитями, да и с чёрными смогу управиться. Зыбин, который стар, как гниющий пень, моей уверенности не разделяет, поэтому мне положены только зелёные — практически самые слабые. Хотя главнокомандующий обещал, что приложит все усилия, чтобы и ноги моей не было в Ордене, поэтому я ни капли не удивлюсь, если мне вручат красные — базовые и слабые. Но я всё равно пройду отборочные даже с такими нитями, с

которыми возможность выжить в Чаще Гибели больше похожа на несмешную шутку.

К границе леса я и мой корпус подъехали несколько часов назад. Прибыли мы одними из первых, до начала отборочных ещё много времени. В отличие от однокашников, я выбираю провести долгие часы в уединении. Не иду в крепость, которая считается специальным местом патруля стражей, чтобы отслеживать нечисть, выходящую из леса, а остаюсь в конюшне, поглаживая кобылу по тёмной гриве. И пусть воняет здесь соответствующим образом, в компании животных мне гораздо спокойнее, чем со своими однокашниками. К тому же угроза Зыбина не даёт мне покоя.

Я волнуюсь. К отборочным я шла долгих пять лет, а к становлению стражницей и того больше. И теперь всё может сломаться из-за одного лишь главнокомандующего, чьи взгляды на мир стары так же, как и он сам. Он ненавидит девушек. Считает их усладой для глаз мужчин, симпатичным украшением, главная задача которого хранить семейный очаг и подчиняться каждому слову мужа. Отвратительно.

Каждый день своей учёбы я слышала одни и те же слова, терпела грязные шутки в свой адрес, видела похабные и плотоядные взгляды кадетов, которым главнокомандующий только потакал. И всё обернулось... А впрочем, уже неважно. Я отпустила. Забыла.

Но не простила.

Святые учат не такому. Согласно их учению, нужно прощать все обиды и злость, иначе невозможно прийти к гармонии с собой. Иначе невозможно понять жизнь, почувствовать её полностью.

Трясу головой, отбрасывая картины болезненного прошлого. Сейчас я могу только это: убирать воспоминания в глубину сознания, закрывать дверь и не давать им вырваться на свободу. Но это трудно. Особенно после недавнего странного приступа, когда я несколько лет подряд убеждала себя в том, что забыла и отпустила, но оказалось, что это далеко не так.

Тем не менее, убеждать себя я не прекращу. Так проще. И привычней.

Ворота конюшни со скрипом отворяются. Осторожно выглядываю из стойла, рядом с которым сижу, проверяя, кто вошёл. Если это Зыбин, то моему покою пришёл конец.

— Одуванчик, ну что ты? — примирительно говорит юноша, чью спину я вижу. Незнакомец предупреждающе выставляет руки вперёд, пытаясь усмирить своего коня, который отвечает ржанием и ни в какую не хочет заходить в конюшню. — Здесь не так уж и страшно, хотя запах... Не самые лучшие условия, но потерпеть-то можно!

Глядя на то, как юноша уговорами пытается завести коня в стойло, невольно смеюсь. Мой тихий смех слышит и незнакомец, обернувшись на звук и оглядев глазами конюшню. Скрываться больше нет смысла, поэтому я выпрямляюсь и выхожу из укрытия.

— Помощь не нужна?

— Не помешала бы, — отвечает юноша, и точно в подтверждение его слов конь снова начинает брыкаться и фыркать. — Он предпочитает свежий воздух. Не любит замкнутые пространства. А так, он очень послушный.

Юноша держит коня за поводья, когда тот отчаянно вырывается, пытаясь отпрянуть в сторону. Незнакомец, начиная терять терпение, с силой дёргает за уздечку, на что конь отвечает недовольным ржанием.

— Можно я попробую? — спрашиваю я. Юноша только пожимает плечами, мол, попробуй.

С осторожностью кладу ладонь на холку коня, поглаживая короткую чёрную шерсть. Аккуратно дёргаю за поводья, совсем несильно. Конь с неохотой переставляет одну ногу, а

потом ещё одну, медленно заходя в конюшню. Продолжаю гладить его и не отвожу взгляд от тёмных глаз коня.

— Всё хорошо. Ты молодец, — приговариваю я, вновь потянув поводья к себе. Хозяин коня наблюдает за этим с интересом, склонив голову и сложив руки на груди.

Конь незнакомца отличается от всех лошадей, которых я встречала до этого. Он чёрный, а такой цвет редко можно встретить в Великомире, конь явно был выведен в другой стране. Выглядит жеребец сильным и выносливым, явно способен достойно перенести долгий путь. И глаза у него умные: глубокие, тёмные, всё понимающие.

— Вот так, — удовлетворённо говорю я, заведя коня в стойло.

— Любишь лошадей? — интересуется юноша, подходя к своему животному. При его виде конь вновь фыркает, будто вид хозяина только раздражает. Незнакомец пытается погладить коня за загривок, но тот чуть не откусывает юноше руку, которую он, хвала святым, вовремя отводит. — Видимо, он в обиде на меня.

— Не стоит дёргать за поводья так сильно, всё-таки ему больно. Как его зовут?

— Одуванчик.

— Одуванчик?

— У него особая страсть к этим цветам, — улыбается юноша.

Незнакомец решается вновь погладить коня, и на этот раз тот совершенно не против. Я же в свою очередь разглядываю юношу. Он красив. Даже очень. Чёрные волосы немного вьются, кожа гладкая и чересчур бледная. Глаза глубокие, синие, как вечернее летнее небо. Лицо невозмутимое и расслабленное, улыбка уверенная и дерзкая, точно он готов в любой момент бросить вызов всей нечисти в мире. Взгляд пронзающий, словно юноша постоянно подмечает детали, которые в дальнейшем обязательно использует.

На кадета он не похож. Во-первых, прибыл один. Во-вторых, такой конь воспитаннику не положен. И в-третьих, выглядит он на все двадцать, а это возраст уже для полноценного стража.

Одет юноша просто: в белую рубаху с воротом и широкие брюки. Да и я далеко не в форме: на мне серая косоворотка и холщовые штаны. Кафтаны кадетов должны выдать за час до отборочных, когда все корпуса и стражники, присутствующие на испытании, соберутся.

— Волнуешься? — спрашивает юноша, переместив пронзающий взгляд синих глаз на меня.

Смотрит он внимательно и глубоко, точно одними лишь глазами пытается понять всю меня и докопаться до моих тайн. Даже неуютно как-то.

— О чём ты?

— Сегодня отборочные, — объясняет он, входя в стойло к своему коню и снимая с его спины дорожную сумку. — А на стража ты не похожа, из чего следует простой вывод: ты кадет.

— Почему это не похожа? — вспыхиваю я. — Я ещё как похожа! Я...

— Страж бы не сидел в конюшне, когда есть возможность пойти в уютную крепость да поболтать с себе подобными. А ещё ты слишком юна.

— Ты и сам едва старше меня!

— Спорить не буду, — усмехается юноша, перекидывая сумку себе через плечо. — Советую не сидеть здесь долго, иначе провоняешь. Хотя, с другой стороны, будет чем нечисть отпугнуть.

— Да как ты!..

И это благодарность за то, что я усмирила его буйного коня?! Вот же наглец!

Юноша салютует двумя пальцами на прощание, выходя из конюшни. Его имени и звания я так и не узнала, да и смысла нет. Такого заносчивого индюка стоит обходить стороной, да как можно дальше.

Но к его совету я прислушиваюсь. В конюшне действительно не так чисто, как хотелось бы, запах стоит тот ещё, поэтому я выхожу на улицу, где всюю пляшут летние лучи солнца. Они точно стараются привлечь внимание каждого: падают на зеленеющую траву, касаются деревянных крыш конюшен и крепости, пытаясь пробиться сквозь них и попасть внутрь, ласкают высокие деревья, которые в ответ на тёплый и сияющий свет мерно шелестят листвой.

В крепость не иду, так как не хочу встречаться с Зыбиным и однокашниками. Уж лучше погулять по летнему двору, привести мысли в порядок и сконцентрироваться на отборочных. Провести ночь в Нечистом лесу действительно непросто, но испытание проходит летом, когда ночи гораздо короче, а солнце встаёт раньше. И нечисть слабей именно летом, но нападений в это время так же много, как и в остальное, потому как твари не упустят возможности полакомиться человеческой плотью, несмотря на раннее солнце и недолгую темноту.

Со смерти дюжины кадетов прошло четыре дня. Сложно сказать, восстановилась ли я за это время. Меня ещё долго трясло после угроз Зыбина: одну ночь я не спала, сжавшись в комок у стены и дрожа от непонятного мне страха, а в остальные часто просыпалась от кошмаров, которые были разными, но все так или иначе оказывались воспоминаниями из прошлого.

До сих пор не понимаю, что произошло. И не помню. Мне хочется узнать, кто убил кадетов, да ещё и таким жестоким способом. И почему в живых осталась лишь я? Точнее, почему я выжила, если отчётливо помню, что умирала? И почему сейчас мне кажется, что когда-то я испытывала нечто подобное? Ту же боль. Ту же потерю. Ту же пустоту.

Может, мой срок подошёл? Но если бы это было так, то я стала бы нечистой — смертником. Но на нечисть я не похожа, во всяком случае — на известную. Желания убивать у меня нет, а уж тем более отведать людской плоти. Возможно, я просто накручиваю себя. И я не умирала тогда вовсе. Но это отсутствие ран не даёт покоя. Может, обычный шок? Увидела то, что убило кадетов, вот со страху чуть и не умерла. Что же насчёт крови... Она не принадлежит мне. Просто попала, когда кадетов убили.

Но кто их убил? Или что? Могла ли это быть действительно я, как доказывает Зыбин? Ведь я ничего не помню, возможно всё.

Нет. Трясу головой, отбрасывая мысли. На убийство людей я не способна. Это ужасно, отвратительно и аморально. Святые учат другому. И какую боль бы не принесли мне однокашники, я не настолько зла на них, чтобы убить. В этом я уверена.

К месту патруля подъезжают и другие корпуса. Всего их пять: северный, южный, западный, восточный и столичный. Я из западного, и если инструкторами остальных являются генералы, то у меня это один из трёх главнокомандующих Ордена. Пять лет назад, когда я узнала об этом, моей радости не было предела, ведь я думала, что буду обучаться у лучшего. На деле же Зыбин решил уйти в отпуск от основных дел стража, поэтому и взял под своё руководство кадетский корпус, думая, что так он только отдохнёт от ответственности и прочих дел. Нельзя сказать, что учитель из него крайне плохой, чему-то обучить может. В деле стража главное не то, как тебя обучают, а то, как обучаешься ты сам. Поэтому

бесчисленная практика помогла мне укрепить свои навыки и умения.

До отборочных остаётся час с лишним, поэтому я иду в крепость, где надеваю серый кафтан. Когда меня посвятят в Орден, то кафтан будет синим с серебристыми узорами. Этот момент уже совсем близко.

— Ещё не передумала, Аня? — голос Зыбина за спиной звучит как раскат грома среди белого дня.

— Мой ответ вам известен, главнокомандующий, — как можно твёрже говорю я, застёгивая пуговицы кафтана, что помогает отвлечься и не думать, насколько близко уже подобрался страх. Руки ещё не дрожат. — И вы не посмеете это сделать на глазах двух других главнокомандующих, а также генералов и капитанов.

— Я-то не посмею, милая, — руки дёргаются. — А вот в лесу тебя мало кто уберезёт.

Зыбин уходит, после чего я позволяю себе глубоко вдохнуть и выдохнуть несколько раз, чтобы унять дрожь. На этот раз воздух проходит без проблем, но вот холод так просто не исчезает. Сейчас не время для слабости. Я не могу её показать именно сейчас.

На улице уже все собрались. Встаю к своим однокашникам, которые оживлённо что-то обсуждают.

— Кадеты! — Зыбин выходит вперёд, и все воспитанники, как один, выпрямляются по струнке. Главнокомандующий одаривает их гордым взглядом. Кажется, ещё чуть-чуть, и этот старикашка, которому уже лет десять место в отставке, пустит слезу. — Сегодня вас ждёт главное испытание, к которому вы так долго и усердно шли! Отборочные! Конечно, не всем они будут по плечу, — с издевательской улыбкой говорит он, смотря на меня. — Поэтому, если вы чувствуете, что не справитесь, или же кто-то более мудрый и опытный говорил вам подобное, можете выйти вперёд и покинуть испытание прямо сейчас. Заверяю, это не будет считаться позором, вы лишь будете честны перед всеми и в первую очередь перед собой.

Я знаю, чего он добивается. И этого он не получит. Я уверенно стою в строю, не двигаясь. Его угрозы не подействуют на меня. Не должны подействовать.

Но раз так, то почему мне страшно?

Никто так и не выходит вперёд, поэтому Зыбин, чья лысая голова сияет в свете закатного солнца, как блестящий котелок, продолжает говорить:

— В вас, парни, я несколько не сомневаюсь! Уверен, лучшие из вас попадут к Мурашову, Водневу и Демидову! — при упоминании последнего воспитанники тут же оживляются и перешёптываются между собой. Кто-то тихо говорит, что возможность попасть к капитану, убившему весь свой предыдущий отряд, совершенно не привлекает, в отличие от шанса стать участником отряда какой-нибудь симпатичной стражницы.

Закатываю глаза. Зыбин же не обращает внимания на перешёптывания и грязные шутки.

— Уже к завтрашнему утру многие из вас будут носить не только синие кафтаны, но и гордое звание стражников Ордена Святовита! Да придут с вами святые! Не со всеми, конечно... — добавляет он на тон тише, поглаживая густые седые усы.

Главнокомандующий оставляет кадетов, уходя к остальным стражам, вокруг которых уже выстроились другие корпуса. В каждом не меньше тридцати молодых людей. Девушек гораздо меньше, чем юношей, но в каждом корпусе их несколько. Я же все пять лет обучения была единственной девушкой среди кадетов. Дело это не из приятных, а уж тем более не из лёгких.

По сравнению с другими взводами, западный корпус выглядит жалкой кучкой. Гибель дюжины кадетов серьёзно ударила по училищу, ряды заметно поредели. Наверняка

произошедшее уже разлетелось по всему Ордену. И если кадеты могут не знать, почему у западного корпуса к концу обучения осталось так мало воспитанников, то собравшимся стражникам уж точно всё известно.

Зыбин встаёт рядом с двумя мужчинами такого же возраста, что и он сам. К кафтанам всех троих приколоты одинаковые серебристые значки: восьмиконечная звезда. Именно такие и носят трое главнокомандующих.

Левее всех стоит, как я понимаю, Богдан Рылов. Слышала я о нём немного, большинство говорят о нём как о жёстком, но сильном руководителе. По его лицу, иссечённому кривыми рубцами и шрамами, быстро можно догадаться, насколько он суров. Глаза тёмные, практически чёрные, и колючие. Взгляд хмурый и строгий. Рылов смотрит на кадетов как на свежее мясо, которое можно кинуть в гущу боя, чтобы отвлечь внимание противников от основного войска. По слухам, именно так Рылов и мыслит: ему ничего не стоит пожертвовать солдатами ради победы.

Среди всех Зыбин самый низкий. И при виде него сразу можно догадаться, чем он занимался на протяжении пяти лет: поеданием свежих плюшек или же настоящим делом стражника. Кажется, ещё немного, и пуговица кафтана в районе живота лопнет. Подбородков у главнокомандующего примерно три, но если смотреть на него сбоку, то и четвёртый можно увидеть. Голова лысая, а приличную часть красного круглого лица закрывают пышные усы.

В центре стоит мужчина, который, судя по виду, то ли уснул, то ли уже помер. Его глаза, под которыми собрались паутинки морщин, прикрыты. Спутанные седые усы и борода закрывают чуть ли не половину старческого лица. Волосы такие же серые и лохматые, точно старик не знает о существовании гребня или не тратит время на расчёсывание в силу своего преклонного возраста. Его я знаю, именно благодаря нему я и попала в училище. Тогда он выглядел таким же слабым и разваливающимся, но внешность Велимира Тузова — первого главнокомандующего Ордена — обманчива. Он будет проворней и живей многих кадетов и вряд ли уступит в силе кому-либо. Но ощущение, что ему осталось недолго, всё равно не покидает при виде Тузова.

Кто-то аккуратно трясёт главнокомандующего за плечо, проверяя в чувствах ли он вообще. Тузов открывает ясно-голубые глаза, а его губы расплываются в доброй старческой улыбке. На первый взгляд и не скажешь, что это великий страж. Тузов больше похож на милого дедушку, любящего сидеть с внуками и рассказывать тем байки старинных времён.

Позади главнокомандующего стоит тот, кто и вывел его из полудрёмы. И к своему удивлению я узнаю и его. Это тот самый незнакомец из конюшни. К его синему кафтану приколот серебристый символ капитанов: летящий сокол.

Такой молодой, а уже капитан. Но не может же он оказаться...

— Дорогие кадеты! — вперёд выходит Тузов, подняв руки для привлечения внимания. — Будущие стражи! — добавляет он с улыбкой. — Рад приветствовать вас на отборочных, которые покажут, насколько усердно и честно вы трудились все эти годы! Скажу сразу, испытание далеко не из лёгких. Пережить его возможно, но остаться прежним после увиденного — крайне трудно. И такова вся служба в Ордене. Вступив в него, вы изменитесь. Кто-то претерпит небольшие изменения, другие же не узнают самих себя. И вы должны осознать: вы не убежите от этого. И не вернётесь к тем, кем являетесь сейчас. Первый шаг к изменениям вы сделаете уже сегодня, войдя в Нечистый лес. Об этом вам расскажет самый молодой капитан за всю историю Ордена — Александр Демидов!

Юноша из конюшни и оказывается тем самым капитаном. Александр выходит вперёд, держа руки за спиной.

— Что ж, — медленно протягивает он, обводя собравшихся кадетов взглядом. — Как отметил главнокомандующий Тузов, с испытанием справятся не все. Буду честен с вами: некоторые из вас доживают свои последние часы. Войдя в лес, вы столкнётесь не просто с нечистью. Нет, это далеко не самое ужасное, что вообще водится в этом лесу. Вы столкнётесь с собственными страхами, которые до этого были вам неведомы. Вы столкнётесь с ужасом. Возможно, со смертью. Эта ночь станет худшей в вашей жизни, но ненадолго, если, конечно, вы после увиденного всё-таки осмелитесь вступить в Орден. Во время службы в нём будут ночи и кошмарней. Если за то время, что я говорил всё это, ваши поджилки затряслись, в горле стало сухо от страха, а в голове появился вопрос: «Что я здесь делаю?», выйдете вперёд. Вы можете уйти сейчас. Это не будет считаться трусостью и бесчестием. Нет, так вы только покажите, что цените собственную жизнь. Цените своих близких, которые вряд ли готовы потерять вас навеки вечные. Вас никто не осудит. Вас поймут, потому что даже идиоту ясны все риски работы стража.

Александр берёт приличную паузу, чтобы все кадеты ещё раз взвесили все за и против. Когда он говорил о возможности покинуть отборочные, то на секунду напомнил мне Зыбина. В следующий же миг я поняла, что Демидов в корне отличается от главнокомандующего. Когда Александр говорил, он смотрел вперёд, обращаясь к каждому. В его голосе не было ехидства и насмешливого яда. Он точно уговаривал задуматься обо всём ещё раз, оценить собственные силы в последний раз. Капитан словно пытался облагоразумить тех, кто всё ещё не уверен в собственном решении.

Даже я сомневаюсь, не переоценила ли себя. Но своего решения не меняю: я останусь и дойду до конца.

Вперёд выходят пять кадетов со всех корпусов. Среди них только юноши, девушки не двигаются. Александр кивает безо всякого осуждения, и те, кто решил покинуть отборочные, действительно уходят.

— Что же касается отборочных, — вновь говорит капитан, возвращая всё внимание к себе. — Вам известно, как они проходят. Вам необходимо пережить одну ночь в Нечистом лесу, а именно в Чаще Гибели. Нечисть там водится самая разная: и низшая, и средняя, и высшая. Вам нужно не только выжить, хотя эта задача в безусловном приоритете, но и убить как можно больше тварей. Чтобы не возникло никакой путаницы, вы будете собирать пепел, оставшийся от убитой нечисти. Вам выдадут три небольшие фляги. В лучшем случае, вы сможете наполнить их полностью. Можете работать сообща, это только приветствуется, так как в Ордене вам предстоит сражаться бок о бок со своими товарищами. В таком случае добычу разделяйте поровну, но не делитесь на большие группы. Если во время отборочных ваши поджилки всё-таки затрясутся, тело онемееет от страха, а в голове будет звенеть мысль: «Какого хрена я вообще сунулся в это?», вы всегда можете выйти из испытания. В таком случае в Орден вы не вступите. Сделать это просто: или посылаете с помощью молитвы сигнальный дым, или кричите. То же самое делаете в случае чрезвычайной опасности. Прошу, не геройствуете, дело это гиблое. Поэтому здраво оцениваете собственные силы. Встретив высшую нечисть и поняв, что вы не выстоите против неё, посылайте дым или кричите. В таком случае вы тоже выйдете из испытания. Всю ночь рядом с вами будем мы: настоящие стражи. Мы, будучи невидимыми, будем следить за вами, чтобы помочь в нужный момент и спасти вас, если это будет возможно. Это не трусость. И не бесчестие. Поверьте,

нам не нужны мёртвые молодые люди, у которых вся жизнь ещё впереди. Вас не осудят. Вас поймут и спасут. Тем не менее запреты всё же есть. Запрещено нападать друг на друга. Неважно, из-за чего: из личной неприязни или из желания присвоить чужой пепел себе. Это будет считаться и трусостью, и бесчестием. Сегодня стражи добрые, поэтому это будет караться исключением из испытания. А вот завтрашнее наше настроение не знает никто, поэтому метод наказания может измениться. Напоминаю, завтра наступает в полночь, то есть в то время, когда испытание будет идти. И поверьте, люди, сражающийся с нечистью, гораздо хуже её, — с невозмутимым видом говорит капитан.

От такого заявления я немного успокаиваюсь. Спокойный тон Александра, с которым он произнёс угрозу, производит должное впечатление на кадетов, в том числе и на моих однокашников. Теперь вряд ли кто-то из них рискнёт хоть пальцем тронуть меня, как грозился Зыбин.

— Чтобы убить нечисть, нужно быть опасней и беспощадней нечисти, — говорит Александр Демидов напоследок. — Всем удачи и всё такое. Выживите, и это уже будет считаться вашей победой.

Уж не знаю, кто поручил капитану говорить главную речь перед кадетами, но наверняка этот человек уже пожалел об этом. Какого-либо воодушевления Александр точно не внушил, некоторые и вовсе ушли, передумав становиться стражем. Вряд ли такого ожидали служащие Ордена, потому как после речи капитана наступает неловкое молчание, в котором каждый переваривает услышанные слова. Тишина прерывается лишь спустя сорок секунд главнокомандующим Тузовым:

— Благодарю, Александр, за такую вдохновляющую речь! Присоединяюсь к словам своего друга: не геройствуете. Горы трупов нам действительно не нужны. А теперь: да начнутся отборочные!

Весёлая интонация Тузова после слов Александра выглядит крайне неуместно, и большинство кадетов она только сбивает с толку. Главнокомандующий хлопает в ладоши, объявив начало испытания. Наставник столичного корпуса поднимает руку и тут же опускает, дав своим воспитанникам добро входить в лес. Те идут всем взводом, но быстро расходятся. Насколько мне известно, до Чащи Гибели добраться легко: нужно лишь следовать расставленным ориентирам. Но и на пути к ней нечисть тоже может напасть.

Следующий корпус — северный — идёт спустя десять минут. За ним следует западный, примерно через пять минут. За это время кадетам раздают пояса с флягами, короткие кинжалы и три клубка нитей. Мне достаются зелёные, и вручает их сам Александр Демидов.

— Всё-таки вышла из конюшни? — с улыбкой спрашивает он, протягивая нити.

— Могли бы и представиться, капитан, — огрызаюсь я, забирая клубки. — Я достойна уже синих, просто мой наставник...

— Ты меня совсем не слушала? — обрывает меня капитан на полуслове. — Не геройствуй. И не переоценивай собственные силы. Если сказано, что зелёные, значит, пользуйся ими.

— Но с ними практически невозможно одолеть высшую нечисть!

— Раз невозможно, то беги.

— Я не привыкла бежать.

— Тебе однозначно стоит привыкнуть к этому.

Объяснить всю ситуацию с предвзятым отношением к себе я не успеваю: очередь настаёт быстрее. Сжимаю клубки и убираю их в карман кафтана, прямо к кресту. Александр

неправ: я не переоцениваю себя. Это Зыбин меня недооценивает. И я докажу им обоим, что они ошибались.

Как только западный корпус входит в лес, юноши выходят вперёд, обособляясь от меня и выбирая центральную дорожку. Я же иду по правому пути, держа крест и намотанные на него нити наготове. Вокруг тихо, и лишь звук собственных шагов убеждает меня в том, что я всё ещё в мире живых. Ориентирами, которые указывают путь, оказываются красные ленты, повязанные на ветках деревьев.

Оборачиваюсь на тихий шорох, доносящийся из кустов. Вытаскиваю крест, обмотанный нитями, готовясь обратиться к святому. Шорох стихает, и любой бы на моём месте подумал бы, что ему показалось. Но я абсолютно уверена, что слышала что-то подозрительное. Озираюсь по сторонам. И в следующую секунду слышу, как хлопают чьи-то челюсти, пытаюсь вгрызться в добычу, в роли которой выступаю я. Вовремя отпрыгиваю в сторону, и дрекавак⁹, атаковавший меня, падает на землю и тут же шипит, раскрыв мощные зубы.

Голова у твари большая, а тельце мелкое, поэтому передвигается нечисть с трудом. Но челюсти у дрекавака огромные, да и прыгает он высоко и далеко, поэтому следующий удар не заставляет себя ждать. Мысленно произношу: «Санкт-Владимир¹⁰, прошу, даруй мне свои силы», и с руки срывается сноп пламени, обжигающий тварь. Дрекавак визжит от боли, катаясь по земле, пытаюсь сбить огонь. Его голова шипит и сгорает, образуя нужный пепел. Вскоре он же остаётся и от тонкого тела.

Пепла немного, примерно на четверть фляги, а это и меньше. Собираю его, радуясь, что так быстро нашла первую тварь. Начало положено.

Следую за красными лентами, пока те не заканчиваются. А покосившаяся табличка, на которой видны следы когтей, говорит о том, что я достигла Чаши Гибели. Здесь уже холодней, несмотря на жаркий июль. И воздух в этой части леса другой: в нём витают смерть, смрад, страх, гниль, бессилие. Всё это крайне ощутимо. Хочется убежать, повернуть назад и больше никогда сюда не возвращаться. Но это говорит страх во мне. Желание достигнуть цели и стать стражницей Святовита велит войти в Чашу и встретиться со всеми ужасами, о которых и говорил Александр Демидов.

Кривые деревья выглядят стражниками покоя леса. Ни на одной ветке нет хотя бы засохшего листика: все деревья абсолютно голые. Земля сухая, под ногами слышится неприятный и подозрительный хруст. Опустив взгляд, вижу, что наступила на череп, покрытый грязью и разломившийся на несколько кусков, и отпрыгиваю от него подальше, схватившись за сердце, что бешено колотится, точно в любую секунду готово выпрыгнуть из груди.

Вероятней всего, это меньшее из всех ужасов, что предстоит мне увидеть за эту ночь.

В Чаше Гибели нет даже животных: ни волков, ни белок, ни сов, ни кого-либо ещё. В детстве я любила ходить в лес, несмотря на предостережения матери. Гуляла при свете дня, далеко не уходила. И мне всегда встречались лесные обитатели, которые к нечисти не имеют никакого отношения. Я даже брала из дома сухари, чтобы покормить белок. Здесь даже признаков какой-либо живности нет.

Только холод. Только страх. А ещё вой позади.

К вою присоединятся ещё один. А потом ещё и ещё. Воровато оглядываюсь, держа крест у груди. Вторая рука ложится на рукоять кинжала, чья сталь тоже может оказаться эффективной против нечисти. Судя по вою, это волколаки¹¹. И судя по вою, их несколько. Целая стая, против которой кадету с зелёными, будь они прокляты, нитями не совладать!

Сорвавшись с места, я бегу куда глаза глядят. Вой усиливается, погони не слышно, но темп не сбавляю. Изогнутые ветви деревьев царапают ладони, которыми я раздвигаю заросли, чтобы было проще пробежать. Пару раз за сучья зацепляется кафтан, и я чуть не падаю. Вой приближается, кажется, твари учуяли мой запах. Резко дёргаю рукой, и часть рукава кафтана так и остаётся висеть на кривой ветке.

Бегу до тех пор, пока не врезаюсь в широкое препятствие, которого, если здраво посудить, и быть здесь не должно.

— Так-так-так, — «препятствие», которым оказывается широкоплечий и высокий Ратибор, разворачивается ко мне лицом. Встаю с пыльной земли и отхожу от однокашника на несколько шагов назад, встав в боевую стойку и предупреждающе выставив крест перед собой. — Какой сюрприз! Тебе же известно, милая, что нам запрещено нападать друг на друга.

— Не называй меня так, — сквозь зубы цежу я, не опуская крест.

— Дай угадаю, только он может тебя так называть? — хмыкает Ратибор, угрожающе надвигаясь.

— Нам нельзя нападать друг на друга, — припоминаю я его же слова, но назад всё равно отхожу.

— Тогда и крест убери.

Спина упирается в ствол дерева, дальше идти некуда. Ратибор, который выше меня на целую голову, угрожающе возвышается надо мной, похотливо улыбаясь. Главнокомандующий наверняка дал кадетам своего корпуса некоторые указания насчёт меня.

Но Ратибор не посмеет. Он не должен...

— Стражей здесь нет, я проверил, — протягивает Ратибор, приближаясь. Воздух уходит из лёгких, внутри колотится знакомый и ненавистный страх.

И я устала его терпеть.

Стискиваю зубы, набираю носом побольше воздуха и хватаю Ратибора за руку, выкручивая её. Тот, не ожидая подобного, охает, согнувшись в три погибели, и я, воспользовавшись случаем, не только ударяю в его промежность, но и прижимаю Ратибора к земле лицом, вывернув ему руку до заветного хруста.

— Ещё раз меня тронешь, и я сломаю тебе кое-что более важное и то, что находится чуть ниже, чем рука, — шиплю я ему на ухо.

Отпустив его руку, уже собираюсь уходить, как останавливаюсь от неожиданного шороха. Доносится он то ли с правой стороны, то ли с левой, то ли вообще сзади. Вокруг витает запах гнили и разложения, а это означает лишь одно: твари поблизости.

Ратибор, почувствовав вонь, встаёт с земли, всё ещё поскуливая, как побитый щенок, из-за сломанной руки и удара по причиндалам.

— Учти, Алконостова, о своей руке я доложу стражам и скажу, кто со мной сотворил такое зверство.

— О, тогда не забудь упомянуть при каких обстоятельствах. А если не вспомнишь, то я дополню картину происходящего.

Беседа с однокашником никакого удовольствия мне не приносит, и наш разговор обрывается пришествием тварей. Их много. Очень много.

Я и Ратибор наткнулись на мертвяков¹², которые медленно выходят из-за кривых зарослей деревьев. Эти твари не должны ходит целым скоплением, но сейчас это не так уж и

важно.

Мертвяки давние, следов разложения и гнилых язв у них тьма тьмушая. Кожа землисто-серого оттенка, на костлявых телах болтаются грязные лохмотья, что некогда были одеждой. Вокруг нечисти кружат жирные мухи, противно жужжа, а сами твари обнажают гнилые зубы и вяло мычат, предвкушая свежую плоть.

Идут твари медленно, едва шевеля ногами, поэтому я выбираю действовать, не дожидаясь первого удара от смертников. Бросаюсь вперёд, вытащив кинжал из пояса, и втыкаю его в пустую глазницу ближайшего мертвяка. Тот отвечает ленивым, но яростным мычанием. С хрустом быстро и резко я выдёргиваю кинжал, на котором остались кусочки гнили, и провожу лезвием по горлу мертвяка, отсекая ему голову.

Подобное я проделывала и раньше, но всегда были проблемы с головой: то кинжал застревал в горле, то не рассчитывала силу, и удар выходил слабым, то не отсекала голову до конца, и та болталась на соплях.

Башка мертвяка катится к ногам его товарищей. Проходит секунда, а затем другая, и только потом до тварей доходит, что одна из их потенциальных жертв отказалась становится их ужином и выбрала бороться за жизнь. Да ещё и голову одного из них отсекла!

На самом деле отсечение головы для мертвяка ничего не значит. Передо мной стоит обезглавленное тело, и в знак своего протеста и злости, оно размахивает руками, но я вовремя отпрыгиваю в сторону. Обращаюсь к Санкт-Владимиру, и на руках играют пламенные искры. Заметив свет, мертвяки приходят в движение, решив покончить со мной.

— Шевелись! — велю я Ратибору, который замер при виде тварей. — Или ты их, или они тебя!

Тот тоже оживляется и посылает в нечисть волну пламени. Мертвяки медленной и покачивающийся походкой идут к нам, окружая. Огонь попадает на некоторых тварей, и часть из них с шипением превращаются в пепел. Но пламени недостаточно, его должно быть много, чтобы сжечь такую толпу мертвяков. Огненные языки пляшут по земле, даже касаются и меня, и Ратибора. Становится жарко, некоторые мертвяки уже обернулись пеплом, но тварей всё равно достаточно.

Мертвяк, которого обезглавила я, подходит к своей голове. Серые костлявые руки тянутся к ней, но я отправляю в нечисть пламенный залп. Тварь мычит, огонь трещит на его теле. Уже собираюсь вновь призвать огонь, как тут... Падаю наземь, схватившись за голову.

Вокруг странная тишина, даже треск пламени не доходит до меня. Внутри давящая пустота и странное ощущение, будто всё время замерло. Вдыхаю воздух, но ничего не чувствую. Точно лёгкие застыли, точно остановилось всё. Сознание сужается до одной лишь точки, мертвяков и Ратибора я не вижу, как и лес. Даже собственные руки не могу разглядеть.

Поднимаю глаза, чтобы увидеть хоть что-нибудь, и встречаюсь взглядом с чернильной вороной. Та с интересом рассматривает меня, сидя на иссохшей ветке корявого дерева. Глаза птицы абсолютно черны. Ворона каркает и мгновенно взлетает, раскрыв крылья. Птица исчезает вспышкой среди тёмных деревьев, и стоит ей улететь, как я возвращаюсь в реальность, а звуки возобновляются резким толчком.

Ледяной ветер проходит внутри морозной волной. Тяжело дышу, воздух еле-еле поступает в лёгкие и ещё хуже их наполняет. В ушах шумит глухой вой, в глазах щиплет. А ещё пахнет кровью. И смертью.

Оглядевшись, я не замечаю ничего, от чего бы мог исходить подобный запах. Мертвяки

пахнут гнилью и падалью, а тот запах, что уловила я, похож на... На угасание. На прекращение и исчезновение чего-то светлого, важного и необходимого. Тревога одной волной накрывает меня, а в голове колотится мысль, что вот-вот произойдёт что-то страшное и неисправимое. А в запахе, витающем вокруг, ощущается безвозвратная потеря.

Потеря жизни.

Резкое осознание вместе с бьющимся внутри страхом побуждает меня подняться с земли и атаковать мертвяков новым зарядом огня.

— Алконостова! — видимо, мой неизвестный приступ не остался без внимания Ратибора. — Какого хрена ты творишь?

— Если бы знала, с удовольствием бы поделилась! — рывкаю я, крутюсь вокруг мертвяков с огнём, как яростный ветер. — Нужно уходить! — отчаянно кричу я, чувствуя, что запах усиливается, и чуть ли не задыхаясь от него. Не знаю, как объяснить, но я точно чувствую приближение гибели. Похожее я ощущала, когда умирала несколько дней назад. Только сейчас это чувство не такое близкое и явственное, но не менее кошмарное. — Осторожно!

Слишком поздно.

Мертвяк, подошедший к Ратибору сзади, размахнувшись, перерубает его тело одними лишь руками.

Но это... Это невозможно... Мертвяки не обладают такой силой, чтобы одним только ударом рук перерубить человека... Перерубить человека пополам...

Глаза Ратибора закатываются, его рот, из которого тонкой струйкой сочится кровь, полуоткрыт. Мертвяк берёт кишки Ратибора, растёкшиеся кровавым месивом по земле, и вонзает в них гнилые зубы, неприятно хлюпая и чавкая. Мои внутренности скручиваются от одного лишь вида, будто с ними проделывают то же самое. Закрываю рот ладонью, подавляя крик ужаса и тошноту. Остальные твари, отвлекшись от меня на мёртвое, разорванное на части тело, идут к нему, отрывая себе по куску. Кто-то берёт руку Ратибора, кто-то вонзает грязно-жёлтые зубы в ногу, кто-то вытаскивает внутренности, роясь в одной из двух половин и превращая органы в кровавую кашу.

Невольно отхожу назад, отчаянно пытаюсь остановить рвотные позывы. Вместо каких-либо мыслей в голове лишь туман. В горле пересыхает, все слова, существующие в мире, разом забываются. Слишком странное ощущение. Несколько мгновений назад я билась рядом с Ратибором, а теперь смотрю, как его тело беспощадно рвут мертвяки, желая отхватить себе большой кусок.

Так не должно быть. Просто не должно...

Люди умирают каждый день. И происходит это именно так: между жизнью и смертью лишь один миг, только он разделяет их. Всё может оборваться в одночасье, раз и навсегда. К этому нельзя быть готовым, об этом нельзя знать, этого нельзя ощущать. Но почему... Почему я чувствовала это? Почему ощущала приближение чего-то плохого и страшного? Почему мне казалось, что гибель совсем рядом, а руки смерти близки от того, чтобы утянуть за собой чью-то жизнь?

Я ведь могла предотвратить это. Могла исправить.

Могла спасти жизнь Ратибора.

Туман в голове рассеивается, на его место приходят ярость и злость. Пусть Ратибор был тем ещё мерзавцем, смерти он не заслуживает. Никто не заслуживает смерти, кроме нечисти.

Треск лент пламени, что змеятся у меня в руках, заставляет тварей отвлечься от трапезы. Те прекращают противное чавканье, лениво оторвавшись от кровоточащих кусков сырого мяса. Я же с криком бросаюсь на тварей, чьи гниющие лица перепачкались в багровой крови.

Огонь срывается с рук яростными и искромётными всполохами, поражая каждую тварь. Мертвяки пытаются подобраться ко мне, но пламя пожирает их быстрее: нечисть с шипением и невнятным криком превращается в пепел. Костлявые руки, оставшиеся от тел, тянутся ко мне, но и они сгорают в жарких языках, оставляя лишь серые хлопья на земле.

Пепла хватает на все фляги, но я, едва держа сосуд в дрожащих руках, набираю лишь одну. Остальная часть принадлежит погибшему Ратибору.

Подхожу к его раскромсанному телу. Благо, голову твари не тронули. Опускаюсь на колени рядом с ним и закрываю Ратибору глаза.

— Прощай, Ратибор, — шепчу я.

Отойдя на приличное расстояние от места смерти Ратибора, я больше не сдерживаю рвоту. Меня тошнит до тех пор, пока рвота не переходит в удушливый кашель, а на глазах не появляются колючие капли слёз. Желудок скручивается узлом, в груди пылает пламя, а сердце колотится так, будто предчувствует и свои последние минуты.

Капитан Демидов был прав. В Чаще Гибели можно столкнуться с чем-то похуже нечисти. И это что-то — чья-либо смерть.

До конца испытания мне не попадает так много тварей, как было мертвяков. Я убиваю упыря¹³, который на удивление оказывается совершенно один. Его пепла хватает на треть фляги. Встречаю нескольких бесов¹⁴, благодаря которым полностью заполняю и вторую флягу. Солнце уже начинает появляться на горизонте, когда я собираю остатки пепла одного из бесов.

Я пережила отборочные, но особой радости не испытываю. Её затуманивает печальное осознание того, что Ратибор не один такой. Наверняка погиб не только он, но и другие кадеты. Из западного корпуса, из других. Их больше, чем я могу себе представить.

Светило уже сияет в ясном голубом небе. Тёплые летние лучи никак не вяжутся с увиденным за эту ночь. Пока я убивала тварей, я наткнулась на несколько трупов и скелетов предыдущих кадетов. Или стражи даже не возвращаются за мертвыми телами, или попросту не могут найти всех. В лица свежих трупов я не вглядывалась, не желая узнать кого-то знакомого.

Остаётся по тем же красным лентам вернуться к месту патруля. И всё закончится. Эта ночь будет позади.

А впереди будут ещё тысячи ночей, которые окажутся намного хуже, если верить словам Александра Демидова.

Иду медленно, всё ещё не выйдя из Чащи Гибели. Поблизости никого. Нечисть уже скрылась в укромных тёмных местах, спасаясь от солнечных лучей. А часть кадетов могла уже вернуться. Или... Лучше не думать о другом варианте.

Внезапно деревья угрожающе наклоняются, качаясь, а по земле проходит рябь. Оборачиваюсь и застываю от ужаса. На меня движется зелёное чудище, покрытое вонючей болотной слизью, а рост твари достигает семи аршин. Руки с грязными когтями неестественно длинные, доходят до голени ног, из которых тоже растут когти. Голова круглая и лысая, а при виде меня тварь останавливается, уставившись одним мутным громадным глазом на меня. Нечисть тупо улыбается, показывая острые, как ряд лезвий, зубы,

на которых виден кровавый налёт.

Вот же... И это надо было наткнуться на лихо одноглазое¹⁵! Да ещё и при свете солнца, чьи лучи губительны для твари! Но лихо, стоящее передо мной, явно не испытывает какое-либо неудобство.

Нитей у меня осталось достаточно, но главная проблема в том, что они зелёные. А высшую нечисть, к которой лихо и относится, с ними одолеть невозможно! Поэтому я поступаю так, как поступил бы на моём месте любой здравомыслящий человек и как рекомендовал капитан Демидов. Я бросаюсь в бегство.

Лихо оказывается слишком умным, так как его тяжёлые шаги, от которых дрожит земля, слышатся позади, совсем рядом.

Бегу, не обращая внимания на местность. Главное выжить и оторваться от твари, а о другом я потом подумаю. Пытаюсь на бегу накрутить нити на крест, чтобы послать сигнальный дым, но спотыкаюсь и роняю клубок. Возвращаться за ним слишком опасно, а в кармане ещё есть один. Лихо приближается, его крупные ладони так и норовят схватить меня, как мелкую мошку.

Перепрыгиваю через ветки, руками отодвигаю колючие заросли, которые ломаются под грузными шагами лихо. Сучья царапают руки, лицо и шею, но боль меня не интересует, в отличие от возможности выжить.

Нужно найти открытую местность и остановиться там, дабы разобраться с лихо. Сейчас, среди узких проходов между зарослями, я попросту не могу сражаться с лихо. Во-первых, тварь может раздавить меня одной лишь ступнёй или же хлопком ладоней. Во-вторых, пространство слишком тесное, я не смогу развернуться так, чтобы попасть в глаз нечисти.

А тем временем бежать становится всё труднее и труднее. Дыхание сбивается, ноги становятся слабыми и податливыми, голова кружится от усталости и нехватки сна.

Падаю, растянувшись на земле. Откатываюсь в сторону с коротким вскриком, стоит мне почувствовать лапищу лихо над собой. Пытаюсь встать, и рука лихо вновь чуть не хватает меня, но на этот раз тварь промахивается сама, загребая лишь приличный кусок земли. Лихо ревёт, когда понимает, что вместо вкусной человеческой тушки оно схватило грязную и неаппетитную землю.

Намотав нити на крест, обращаюсь к Санкт-Святославу¹⁶, бросая искрящуюся молнию в глаз лихо. Попадаю лишь в щёку, так как тварь не стоит на месте. Очередной рёв чуть не оглушает меня. Уже хочу встать и побежать дальше, чтобы оторваться от твари, как длиннющие руки лихо вновь пытаются найти меня наощупь. Похоже, чудище серьёзно настроено меня слопать.

Бросаю очередную молнию, попадая на этот раз в когтистую лапу. Снова рёв, и я в очередной раз пытаюсь встать с земли.

— Ложись! — слышится чей-то резкий вскрик, и я, повиновавшись, опять пригибаюсь к земле. И вовремя! Ещё бы секунда, и лихо оторвало бы мне голову.

Впереди замечаю стремительно приближающееся фигуру в синем кафтане, в которой узнаю капитана Демидова. Тот призывает крупную молнию, что попадает точно в цель: в единственный глаз лихо. Но это не убивает тварь.

Капитан, поравнявшись со мной, тут же раздаёт приказы:

— Подберись к нему сзади, я отвлеку его спереди. Используй сразу огонь и бей по ногам, так ты лишишь тварь движения. А потом уж постарайся попасть в глаз.

Не дожидаясь ответной реакции, он кидается вперёд, мчась в атаку прямо на лихо.

Никогда не видела такого бесстрашия. Точно его не пугает возможность погибнуть мучительным образом.

Следуя его указаниям, я обхожу тварь боком, подходя к ней со спины. Капитан справляется хорошо, привлекает внимание лихо к себе так, что, кажется, будто моя помощь Демидову не нужна, он и сам управится с высшей нечистью. Но первое впечатление чаще всего обманчиво, поэтому я перехожу ко второй части плана капитана. Вызываю огонь, выкручивая его в полыхающую плеть, и ударяю ей по ногам лихо. То орёт от боли, размахивает руками, задевая деревья и валя их на землю. Вновь ударяю плетью, усиливая пламя, которое длинными языками пляшет на ногах лихо. Александр тем временем добавляет ещё огня. Жар доходит до колен твари, и та не выдерживает и падает, поднимая оглушающий грохот.

— Давай! — кричит капитан, и я действую.

Огибая лихо, подхожу к его голове. Тварь при виде меня раскрывает челюсти, желая схватить добычу, но я стою на достаточном расстоянии и действую быстро, призвав самую мощную молнию, на которую только способна с зелёными нитями. И кидаю её в мутный глаз твари. Молния проходит в точности по цели, и я, догадываясь, что произойдёт, отбегаю как можно дальше. Грохочет взрыв, и вместо тошнотворной туши лихо остаётся лишь пепел, хлопьями оседающий на землю.

— Можешь собрать, — капитан кивает в сторону пепла. — Думаю, этого хватит на все три фляги, если не больше.

— Как вы здесь оказались? — интересуюсь я, пытаюсь отдышаться.

— Все выжившие кадеты уже вернулись. А тебя всё не было. Многие решили, что тебя убили под конец испытания, но я следил за тобой и знал, что отборочные ты пережила. Но вот твоё отсутствие заставило меня волноваться.

— Неужели? — усмехаюсь я.

— Я же говорил, горы трупов нам не нужны. А мне уж тем более не нужен труп моего нового члена отряда.

— Вашего нового?.. Погодите, что?!

— А я не сказал? — театрально удивляется капитан, обгоняя меня. — Добро пожаловать в мой отряд, Аня Алконостова.

Глава четвёртая. Капитан, обманывающий самого себя

Аня

— Это какая-то ошибка! — возмущаюсь я. — Я просто не могу попасть в ваш отряд!

— А мне казалось, тебе не занимать самоуверенности, — буркает Демидов, идя по лесной тропе размеренным шагом. Я же плетусь позади, высказывая всё, что только думаю по этому поводу. — Тем более что тебя не устраивает? Разве не этого ты хотела, когда шла в училище? Стать полноценным стражем?

— Дело не в этом. Меня не могли отправить в отряд к одному из самых сильнейших капитанов Ордена!

— О, ты считаешь меня одним из сильнейших, — довольно протягивает Александр, тихо смеясь. — Я польщён.

— Не я вас таким считаю, а другие! — всплёскиваю я руками, пытаюсь донести мысль. Но, кажется, капитана только смешит наш разговор.

— Как бы то ни было, ты права, — неожиданно произносит он, заставляя меня заткнуться. — Тебя не могли отправить ко мне в отряд. Я лично тебя взял.

— Но это не может быть правдой!

Неудивительно, что мои возмущения не понятны Александру. В конце концов именно этого я и хотела: стать полноценной стражницей, попасть под командование сильного капитана, каким Демидов и является. Но проблема заключается в том, что не может быть всё так просто, что-то здесь не сходится, да и выглядит всё подозрительно. Я убила не так много тварей, как другие кадеты, которые тоже достойны попасть в отряд капитана Демидова. Но он выбрал меня. Лично выбрал.

А ещё беспокоился, когда я не вернулась из Нечистого леса.

— Почему вы взяли меня в отряд? — уже спокойней спрашиваю я.

Александр резко останавливается, и я чуть не врезаюсь в его спину. Капитан разворачивается ко мне лицом, внимательно вглядываясь.

— А у тебя есть варианты?

— Меня интересует ваша версия, а не собственные домыслы.

— Всё проще, чем ты думаешь, Аня. Я взял тебя в отряд из-за твоих способностей.

— Каких ещё способностей?

— Если я говорю не переоценивать себя, то недооценивать тоже не стоит. Я видел тебя в действии. Я знаю, как ты сражаешься. Я наблюдал за тобой на протяжении всего времени отборочных. Ну, почти всего, — добавляет он, заметив мой вопросительный взгляд. — Пришлось отвлечься ненадолго, чтобы спасти кадета от волколака. К тому же ты убила лихо...

— С вашей помощью, — напоминаю я.

— Если бы ты провернула это в одиночку, я бы лично вручил тебе свой значок капитана в ту же секунду. Надеюсь, я ответил на твой вопрос.

Александр возобновляет шаг, решив, что тема закрыта. Но это далеко не так, поэтому, догнав его и поравнявшись с ним, я хмуро заявляю:

— Не ответили. Вы лжёте, капитан Демидов. В вашем отряде я не из-за этого.

Примерно в тринадцать лет я обнаружила в себе интересную и полезную способность: я всегда понимаю, когда человек говорит правду, а когда — лжёт. Не знаю, как это происходит и чем обусловлено, но, если я слышу ложь, внутри появляется странное щемящее чувство в груди, точно само сознание подсказывает, что меня хотят обмануть, и пытается уберечь от этого.

— Почему?

Капитан даже не отрицает того, что лгал. Лишь бесцветным тоном спрашивает, с чего я сделала такие выводы.

Таких странных людей я ещё не встречала.

— Я понимаю, когда мне лгут.

— А, доверяешь чутью, значит, — понимающе кивает капитан, чьи губы расплываются в лёгкой язвительной усмешке. — Не думала, что оно могло подвести тебя?

— Оно никогда меня не подводило.

— Всё случается в первый раз, — разводит Демидов руками, вгоняя меня в ещё большее раздражение.

— Я в вашем отряде потому, что выжила тогда, четыре дня назад?

— Если я скажу нет, это тебя успокоит?

— Нет, потому что вы солжёте.

— Тогда ответ и так тебе известен.

Киваю, смирившись, что большее я попросту не получу. Александр Демидов не скажет мне больше, чем положено, а это вряд ли его прихоть. Смерть кадетов взволновала Орден, ведь до сих пор неизвестно, что их убило. Или кто. Меня подозревают во всём этом, поэтому неудивительно, что один из сильнейших капитанов взял меня в свой отряд. Орден хочет держать меня под присмотром. Стражи хотят, чтобы в случае чего, кто-то мог предотвратить опасность, которую я могу представлять по их мнению. И разве есть кто-то более подходящий на эту роль, чем молодой капитан, который в прошлом спас целый город, убив перед этим весь свой отряд?

Лесная тропа заканчивается, и перед нами расстилается двор патруля. На улице, кроме меня и капитана, никого. И я решаюсь в последний раз попытать удачу.

— Я могу получить честный ответ на один вопрос?

— Смотря, что за вопрос. Но так уж и быть, в честь нашего знакомства отвечу настолько честно, насколько смогу.

Значит, может солгать.

— Если бы тот случай не произошёл со мной, вы бы взяли меня в свой отряд?

Синие глаза пристально смотрят на меня, точно пытаются узнать ответ, который удовлетворит меня. Но я приму лишь правду, и Александру это известно. Капитан молчит, я уже решаю, что вопрос останется без ответа.

Он проводит рукой по чёрным волосам, взлохмачивая их.

— Мне не дано знать того, чего не произошло. Но я обещал быть честным. Меня бы здесь не было, не произойди тот случай с тобой.

Он не лжёт. И эта правда немного другая, не такая, какую я знаю и слышу обычно. Это горькая истина, дающаяся с огромным трудом. Это правда, от справедливости которой хочется кричать, а её верность давит на сердце тяжёлым грузом. Такую правду никто не хочет признавать.

И Александр Демидов искусно скрыл свою горечь от этой истины, прикрывшись лёгкой блуждающей улыбкой на лице и расслабленным тоном.

Александр лжёт сам себе. И осознаёт это в полной мере.

— Что ж, а теперь, когда вопросов у тебя больше нет, нам остаётся только пожать друг другу руки. — Капитан протягивает бледную ладонь.

Смотрю на неё с подозрением и настороженностью. Закрытость Александра не внушает доверия, но имеет свои понятные причины. Он не просто взял меня в отряд. Он выполнил приказ других стражей, стоящих выше него. Не более.

Жму его руку, которая на ощупь оказывается холодной, точно вечерняя воющая метель.

— Капитан? — настораживаюсь я, когда Александр не отпускает мою руку, а его глаза даже не смотрят на меня. Он немного вздрагивает, но несильно, точно страшится собственных ощущений, к которым не привык, и как можно дальше отодвигает их от себя, закрывает собственное же сознание от своих же чувств. Глаза расширены, будто бы страж испугался чего-то и впал в ступор и смятение. Немигающий взгляд направлен на одну лишь точку. — Капитан! — повторяю я намного громче, когда рука Александра сжимает мою ладонь ещё сильнее.

Глава пятая. Девушка, ставшая стражем

Александр

— Что ж, а теперь, когда вопросов у тебя больше нет, нам остаётся только пожать друг другу руки, — с мирной улыбкой я протягиваю ладонь Ане.

Та решается не сразу, её хвойные глаза выражают подозрение и недоверие. Она будто ищет скрытый смысл в моём жесте и думает, что каждое моё действие чем-то обусловлено. Почему-то я на секунду задумываюсь, что такого Аня пережила?

Аня протягивает руку робко, нерешительно. Точно только и ждёт подвоха, готовясь в любой момент защититься, отпрянуть в сторону, убежать подальше.

Она боится. Но почему?

Её кожа очень тёплая. Подобное тепло я испытывал в последний раз, когда...

Тук.

...когда моё сердце ещё билось.

Тук.

Второй удар заставляет меня вздрогнуть. Странное ощущение, точно кость выдёргивают, только более быстрое и непривычное. Замираю, всё ещё держа за руку Аню, которая обеспокоенно зовёт меня, и вслушиваюсь.

Тук.

Ещё один удар.

Тук.

И ещё.

Откуда они? Почему сейчас? Что это и как произошло?

Тук.

По телу разливается волна тепла, точно внутри разожгли небольшой костёр, чтобы согреться прохладной ночью. Внутри что-то сжимается, но разжимается так быстро, что я даже не успеваю в полной мере почувствовать это биение. По венам разливается кровь, кожа становится естественного бледно-розового оттенка. В груди появляется... Тоска по утраченному? Вроде так это называется, когда внутри гнетёт что-то крайне тяжёлое и непосильное, когда волна тревоги захлёстывает полностью, уничтожая тебя целиком, а воспоминания об утраченном отзываются глухой и щемящей болью, разливающейся по всему телу, пропитывая его горьким ядом безнадёги. Я долгие годы не помнил, каково это, когда сердце живое, стучит и бьётся в груди, а теперь...

А теперь вспомнил.

Вспомнил отсутствие пустоты, тишины и холода. Они не задавливают собой, не вызывают желание беспрерывно кричать, не напоминают о себе каждую секунду, не смеются от бессилия того, кого поглотили, не наслаждаются его измученностью. Их попросту нет. Вместо них...

— Капитан!

Резко выдёргиваю руку, пробудившись от отчаянного и панического крика Ани. Поднимаю взгляд на неё: Аня прижимает руку к себе, к самому сердцу, тяжело дыша. Её глаза испуганно распахнуты, они смотрят прямо на меня, совершенно не моргая. Аня отходит на пару шагов назад, всё ещё держа руку у груди.

— Прости, — выдыхаю я. — Я... задумался.

Если Аня и впрямь распознаёт любую ложь, то сейчас она понимает, что именно услышала.

— С вами?.. С вами всё хорошо?

— Да.

Нет.

— Прости, что напугал тебя, — говорю я всё ещё отчуждённым голосом. — Я не хотел.

Ещё раз прости. И называй меня называй меня просто Александром и на «ты», эта официальность ни к чему, — добавляю я, попытавшись слабо улыбнуться.

Аня кивает, но её страх по-прежнему чувствуется. Он витает в воздухе, как и то, что я испытал пару секунд назад. Забытое вернулось ко мне, я и подумать не мог, что всё происходит так. Почему-то мне казалось, что люди не замечают сердцебиение, не слышат его. Я же слышал. А может, это люди не вслушиваются? Или не хотят слышать?

— Сегодня у тебя посвящение, — между тем произношу я, не смотря на Аню. Не решаюсь взглянуть на неё ещё раз, так как знаю, что увижу на её лице ужас, недоверие и опасение. — Я... Можешь подождать меня здесь? Мне надо... В крепость. Кое-какие дела, и... В общем, я скоро вернусь.

— Тебе точно не нужна помощь?

От её доброты и бескорыстия хочется рассмеяться в голос. Похоже, я её недооценил. Не каждый может, испытывая страх и ничуть не скрывая его, предложить помощь тому, кто, собственно, этот ужас и внушает.

— Нет. Но спасибо.

С этими словами я резко разворачиваюсь к ней спиной и быстрыми шагами направляюсь в крепость патруля, практически ничего не различая перед собой. Кажется, кто-то окликает меня, я даже не оборачиваюсь и не останавливаюсь хотя бы на долю секунды. Каждый звук ощущается назойливым шумом. Серые стены сливаются в невзрачное пятно, воздуха я не чувствую, хотя знаю, что дышу. При удушении ощущения другие: горло сдавливают сильные тиски. Сейчас же я ничего не испытываю. В голове туманно, а внутри...

Холодно.

Тихо.

Пусто.

Снова.

Врываюсь в небольшую комнату, наверняка являющуюся кабинетом для хранения отчётов. С криком опрокидываю что-то огромное, с грохотом летящее вниз. Хватаюсь за голову, сжимая волосы до колющей боли, стискиваю зубы, сдерживая новый порыв крика, бьющийся в горле подобно дикому зверю, сорвавшемуся с цепи. Почему? Почему оно не бьётся? Почему оно забило на короткие мгновения, а затем снова остановилось? Почему тишина, холод и пустота вернулись? Почему они снова сковывают меня?!

Сжимаю палец левой руки, вертя его из стороны в сторону. Немного оттопыриваю его, выкручиваю до заветного хруста. Острая боль быстро пронзает руку, помогая отвлечься от недавнего. Ломаю второй палец таким же образом. И третий.

Достаю из пояса кинжал. И провожу лезвием себе по горлу.

***

— Какой же ты идиот всё-таки, — говорит Велимир, осуждающе цокая языком. — А если бы кто-то другой вошёл и увидел тебя? Александр, не все такие живучие, как ты, при виде трупа многие могут и сами мертвецами стать.

В ответ на его упрёки я молчу, поднимая опрокинутый шкаф на место. На полу валяются бесполезные и скомканные отчёты о патрулях. Если бы знал, что их так много и убирать их придётся мне, сто раз бы подумал, прежде чем вымещать свою злость на этом злосчастном шкафе.

Велимир, оттирая кинжал от крови, бурчит себе под нос что-то ещё, явно ругая меня за глупость и безрассудство. Не знаю, сколько времени я провёл мёртвым без сознания с

перерезанным горлом, но посвящение в стражи Ордена ещё не началось. Хотя Аня уже могла забеспокоиться о том, что меня долго нет.

— Вот ты мне объясни, а то вас молодых хрен поймёшь, — ворчит Велимир. — Какого фига ты это делаешь? Это же бессмысленно!

— Всё имеет смысл. — Я закидываю свитки на верхнюю полку и как следует приминаю их, чтобы впихнуть ещё. — Я и не жду понимания, Велимир. Просто... Это уже невозможно. Это не жизнь.

— Не жизнь, значит, — задумчиво произносит он, а после вздыхает: — А о жизни других ты подумал? Что, если однажды твоё желание исполнится, попадёшь ты в Навь¹⁷, убив себя? Ты не подумал, каково будет тем, кто знает тебя? Каково будет Ру, Данияру, Луизе, Есению, другим стражам? Или мне, к примеру!

Застываю с мятыми отчётами в руках, а после оборачиваюсь к главнокомандующему. Тот не смотрит на меня, всё ещё протирая лезвие тканью, которое и так уже блестит. Велимир намеренно скрывает глаза, опустив их.

— Я... — Запинаюсь, понимая, что Тузов прав. — Прости.

— Да чего уж там, — буркает он немного дрогнувшим голосом.

Слёзы он скрывает плохо, уж я-то знаю. Старик неуклюже их вытирает, несколько раз шмыгнув носом.

— Я тебя напугал, — понимаю я, садясь напротив него. Бесполезные отчёты подождут, к тому же пол для них более подходящее место, чем деревянный шкаф.

— Конечно, напугал, дубина ты этакая! А если бы и вправду ты того?!

— Велимир...

— Не велимиркай мне тут! Знаю я тебя. Скажешь, что всё понял, а потом опять найду тебя с выкрученными руками и дырявым пузом! Александр, зачем ты это делаешь? Всё равно же не выходит.

— Вот именно, — обрываю главнокомандующего прежде, чем тот выдаст ещё одну тираду о неразумности и безнадёжности всей идеи. — Не выходит. А я хочу, чтобы вышло. Хочу, чтобы это закончилось.

— Но почему? Ты же живёшь, как все.

— У всех бьётся сердце, Велимир. Все что-то чувствуют. Я же... Такое про меня сложно сказать. Возможно, я что-то и чувствую. Но ощущение, что я просто внушаю себе это, вселяю в себя чувства, которых попросту нет, с каждым днём только крепнет. Это ненормально, чтобы кто-то продолжал ходить по земле после своей смерти. Мой срок подошёл ещё тогда, шесть лет назад. А мёртвые должны оставаться мёртвыми, а не как я.

Велимир лишь качает головой. Как я и говорил, понимания я не жду. Дело это бесполезное. Словами подобное нельзя объяснить, а никто, кроме самого меня, проблем с небьющимся сердцем не испытывает.

— Тогда пообещай мне кое-что. И постарайся выполнить обещание.

— Ты меня знаешь. Я всегда держу слово.

— Ты прекратишь попытки покончить с собой до тех пор, пока в Навь не отойду я. И не спорь со мной, сынок! — добавляет Тузов сурово, заметив, как я уже собираюсь возразить. — Задержись в этом мире чуть подольше меня.

С Велимиром Тузовым я познакомился шесть лет назад, когда был неопытным мальчишкой, в котором кипели злость на весь мир за его несправедливость, разочарование в том, что раньше вызывало лишь восхищение, и невыносимая ненависть, зудящая под самым

сердцем от одних лишь мыслей о том, что я узнал и что потерял из-за этих знаний. Та ненависть была особенной, бурлящей в груди и разрастающейся с каждым мигом, которым она царствовала. Эта ненависть не ушла, и, наверное, это единственное чувство, в истинности которого я не сомневаюсь по сей день.

Тогда я только-только попал в особый легион, но под командованием Богдана Рылого. Всем воспитанникам поручают индивидуальные миссии, и я был не исключением. Но если обычно задания касались низшей нечисти, то мне досталась высшая.

Мне поручили справиться с гнездом упырей.

Гнездо оказалось небольшим, тварей было всего семь. Но в четырнадцать лет справиться с таким количеством нечисти невозможно, это верная смерть. Крови я потерял много. Слишком много, чтобы остаться в живых в тот самый момент, когда я вбил осиновый кол последнему упырю, едва дыша, еле стоя на ногах и ничего не соображая. Жизнь ускользала у меня из рук, её мгновения стремительно заканчивались, и лишь осознание этого звенело в голове, когда я упал прямо в гнезде, не в силах вернуться в штаб. Кровь вытекала из многочисленных ран, во рту её тоже было достаточно. Последние секунды замедлились, давая вспомнить всю жизнь. Но вспоминал я лишь одного человека и понимал, что тот получил желаемое: мою смерть. Дальше глаза сами закрылись, и весь проклятый мир пропал.

В тот момент я впервые умер.

Но ненадолго.

Меня нашёл Велимир. Тот был совершенно один и направлялся в штаб кадетов особого легиона, так как у него была назначена встреча с главнокомандующим Рыловым. Он счёл меня мёртвым, ибо моё сердце не билось, а засохшей крови было достаточно. Раны затянулись, не оставив даже шрамов, но Велимир в силу возраста и плохого зрения этого не заметил. Как он позже сказал, Тузов не хотел хоронить меня в Нечистом лесу, потому как боялся, что мой срок не подошёл. Он хотел сжечь моё тело, как и поступают в Ордене со всеми умершими стражниками. Велимир собирался устроить прощальные похороны со мной в штабе, поэтому взял меня с собой. Какое же было его удивление, когда я, очнувшись и увидев, что скачу на одной лошади со старым хрычом, начал брыкаться и пытаться соскочить с коня, думая, что меня похитил работорговец.

Тузов чуть не убил меня в прямом смысле этого слова, так как решил, что я уже превратился в нечисть, и пытался меня поджечь. Я же хотел сбежать от чокнутого деда, и у меня почти получилось, но после неудавшейся смерти я заметно ослаб и потерял сознание, так и не убежав далеко. В следующий раз я очнулся связанным, острое лезвие меча упиралось в горло.

— Кто или что ты? — спросил тогда Велимир.

Объяснял всё я Велимиру не меньше часа, а разбирались мы во всем гораздо дольше, даже солнце к тому моменту село. Ни Тузов, ни я не знали, кем или чем я стал. Сердце моё не билось, внутри было непривычно холодно, тихо и пусто. На теле не осталось ни одной раны, что нанесли упыри. Из шрамов был лишь тот, что я получил в прошлом. Он со мной до сих пор.

Я говорил и мыслил, как живой человек. Только моя кожа стала гораздо бледней, я не чувствовал голода или необходимости во сне. Все раны, которые я лично просил нанести главнокомандующего или оставлял на теле самостоятельно, через некоторое время заживали. Тогда я впервые задумался убить себя ещё раз, но остановил меня Велимир,

пообещавший взять меня под своё крыло и помочь разобраться с этим.

И он сдержал обещание. Добился того, чтобы меня перевели в особый легион под его командованием. Он учил меня и поддерживал. Искал информацию, которая могла бы помочь. И хранил мою тайну, старательно оберегая и её, и меня самого.

За эти годы я привязался к главнокомандующему. Он стал для меня другом.

— Обещаю, — наконец говорю я.

— Пойдём, сынок, — произносит он усталым голосом, и я невольно задумываюсь, насколько же он стар. Любой бы на его месте ещё десять лет назад бы покинул пост первого главнокомандующего Ордена. — Скоро начнётся посвящение.

Киваю и накидываю новый чистый кафтан, так как горло старого заляпано кровью.

Посвящение проходит на улице, где собрались уже все выжившие кадеты. Во время начала отборочных их было примерно сто пятьдесят. Сейчас же едва насчитывается половина. Все вымотанные, отчуждённые и испуганные. Некоторые дрожат до сих пор, другие не сдерживают слёзы. В стороне, рядом с конюшнями, стоит телега, прикрытая холщовой тряпкой, из которой виднеется чья-то тонкая болтающаяся в воздухе рука.

Мёртвые кадеты. В телеге те, чьи тела остались более-менее невредимыми после смерти. Не думал, что их выставят так открыто.

— Он убил их... — слышу я далёкий шёпот, проходя мимо одного из кадетов. — Он убил их... Откусил им руки... Ноги... Головы. Эта тварь...

— Эй, — я останавливаюсь и подхожу к юноше, опустившемуся на землю и сжимающему волосы на голове. Тот даже не поднимает взгляд в мою сторону, а всё повторяет одни и те же слова и беспокойно трясётся. Дёргаю его за плечо, заставляя отвлечься от прискорбных мыслей о погибших друзьях. — Их не вернуть. Ни одного из них. Они умерли, сражаясь, и ты видел это. И поверь мне, увидишь ещё не раз, если вступишь в Орден. Поэтому откажись сейчас. Иначе вновь встретишься с этим, — я указываю на телегу, — в очень скором времени. Или же сам окажешься одним из них.

Юноша — ещё совсем мальчик — смотрит на меня, не мигая. Я же оставляю его наедине со своими мыслями, надеясь, что он примет верное решение и больше никогда не подумает о служении в этом проклятом Ордене.

Аня стоит в компании других кадетов. Такая же молчаливая, как и все. Её хвойно-зелёные глаза находят мои, но она их отводит в сторону. До сих пор боится. А я даже не могу объяснить ей всё, ведь любую ложь она с лёгкостью раскусит. А если скажу правду, то она быстро засомневается в своём даре чувствовать любое враньё.

Выглядит она измученной. Ночь в Нечистом лесу серьёзно отразилась на ней. Лицо осунулось, под глазами залегли тёмные круги. Каштановые волосы свободно распущены, но взлохмачены. Губы сухие и в трещинах. Её худые руки обхватывают плечи и немного потирают их, точно так Аня пытается успокоить саму себя.

Глядя на неё, я задаюсь лишь одним вопросом: кто она такая? Почему при прикосновении с ней моё сердце забилося? Может ли она помочь в осуществлении моего желания? Поможет ли она мне убить себя?

— Поздравляю с успешным прохождением отборочных! — объявляет Велимир, широко улыбаясь. Главнокомандующий старается не смотреть в сторону телеги, а его улыбка выглядит крайне натянутой и вымученной. — Вы уже не кадеты, вы почти стражи святого Ордена Святовита! Это великая и ответственная роль, которая далеко не всем по плечу. Но вы доказали, что вам она под силу, пережив ночь в Чаше Гибели. К сожалению, вернулись не

все... — он останавливается, делая приличную паузу. То ли давая будущим стражам ещё раз попрощаться со всеми погибшими, то ли пытаюсь справиться с собственной скорбью, что нахлынула на него. — Знайте, ваши друзья погибли храбро! Они погибли, сражаясь ради одной цели, которая уже сотню лет объединяет весь Орден: искоренить нечисть с этих земель. Ни одна смерть не была напрасна, ваши товарищи погибли за благое дело.

Будущие стражи едва слушают его. Такие слова не помогают, уж я-то знаю. Понимает это и Велимир, желающий поддержать скорбящих и хоть немного залечить их раны, что кровоточат из-за печали и тоски, любым способом. Обычно, в таком случае помогает молчание. Время. Нужный человек рядом. Всего этого стражи лишены.

Молчание будет расценено как равнодушие. Времени на то, чтобы рыдать навзрыд, нет, иначе сам имеешь все шансы быть убитым. И нужных людей тоже нет. Стражники не заводят семьи, редко вступают в отношения, а те далеко не заходят. Из друзей у них только такие же участники Ордена, которые видели то же самое, знают, каково это, и получают такую же поддержку, что и все. То есть никакую. Каждый страж пытается справиться со своей болью, ему некогда разбираться с чужими страданиями, даже если они в точности совпадают с его.

Если Велимир тщательно подбирает слова, выражает свои искренние соболезнования, пытаюсь донести до будущих стражей, что они не одни, то чаще всего происходит всё иначе. Слова сожаления звучат механически, точно все заучили одну и ту же речь, которая не менялась уже сотни лет. Сострадание высказывают сухо, таким тоном, будто это не их желание, а их заставили, принудили. А может, выражение своего сочувствия уже давно стало вежливым жестом, этакой обязанностью.

Велимир говорит долго, суть его слов я давно упустил, как и будущие стражники. Смотря на их поникший вид, замечаю, что заплаканного юноши среди них нет. Да и кажется, что их ряды немного поредели. Что ж, тем лучше для них и для Ордена. Они сохраняют себе жизнь на ещё несколько десятков лет, а Орден не лишится новых членов за несколько миссий.

Главнокомандующий заканчивает высказывать свои соболезнования, и в его ясно-голубых глазах, что заметно опухли и покраснели, видны мелкие капли слёз, которые он неряшливо смахивает, а затем переходит к главной части:

— Вступая в Орден Святовита, вы даёте клятву верности святым, своим сослуживцам и самому Ордену. Вы клянётесь служить верно и храбро, не отступать перед лицом опасности и быть готовым отдать собственную жизнь ради благого дела: истребления нечисти и восстановления покоя во всём Великомире. Произнеся клятву, вы вверяете свою жизнь в руки Ордена, в руки других стражей и в руки святых. Вы обязаны защищать простой люд от нечистой силы. Быть стражем Ордена Святовита — это честь и благородство, это ответственность и великая роль. Вступая в Орден, под вашей защитой будет весь Великомир, ваша родина, нуждающаяся в защите и надеющаяся, что вы её не подведёте и не бросите в тёмное и тяжёлое время.

Тузов вызывает будущих стражей по очереди. Первым оказывается худощавый юноша, который весь трясётся то ли от прохладного летнего ветра, то ли волнения. Паренёк опускается на одно колено перед главнокомандующим. Велимир просит произнести его клятву верности, после чего вешает на его шею новый крест, омочённый в святой воде, и накидывает ему на плечи синий кафтан. Новый страж встаёт и идёт к своему капитану.

Очередь Ани наступает быстро — она идёт третьей. В отличие от двух предыдущих

стражей, она настроена крайне уверенно и решительно. Ноги не трясутся, взгляд не опущен, губы плотно сжаты, а брови немного сведены к переносице. Она опускается на одно колено и наклоняет голову вниз. Её волосы падают ей на плечи, но Аня даже не убирает их, ожидая посвящения.

— Анна Алконостова, — торжественно произносит Велимир Тузов, держа шнурок с новым крестом. — Клянёшься ли ты верой и правдой служить Ордену Святовита и святым Великомира?

— Клянусь, — следует чёткий и твёрдый, как камень, ответ.

— Клянёшься ли ты защищать простой люд от нечисти любой ценой, даже собственной жизнью?

— Клянусь.

— Клянёшься ли ты следовать учениям святых, быть честной и справедливой, поступать благородно и не сходить с верного пути добра и мужества?

— Клянусь.

— Клянёшься ли ты быть достойной стражницей Ордена Святовита, почитать все правила и безукоризненно следовать им, оберегать свою родину от недругов?

— Клянусь.

Крест опускается на грудь Ани. Та вздрагивает, её ладонь тут же сжимает новый железный крест, прижимая его к сердцу, точно она ждала этот момент всю свою жизнь.

— Ты хорошо сражалась, Аня, — отмечает Велимир. — И пусть твой бывший наставник считал, что ты доросла лишь до зелёных нитей, я смело вверяю тебе синие, — с этими словами Тузов протягивает новоиспечённой стражнице клубок нитей. — Добро пожаловать в Орден Святовита, Аня Алконостова, — главнокомандующий набрасывает на её тонкие плечи тёмно-синий кафтан, прямо под цвет нитей.

Встав, Аня кланяется главнокомандующему, после чего идёт ко мне.

— Поздравляю, — произношу я, продолжая наблюдать за посвящением. — Отныне самая дешёвая выпивка в большинстве постоянных дворах для тебя бесплатна. Ну, или только вторая и последующие кружки, но не суть.

— Я не ради выпивки вступила в Орден, — хмуро отвечает она, не оценив мою шутку.

— Неужели? А ради чего ещё тогда?

Аня закатывает глаза в ответ на мой саркастический тон и такую же ехидную улыбку. Про себя я отмечаю, что её страх наконец ушёл, она успокоилась и даже расслабилась.

— Хочешь, уйдём отсюда? Поедем сразу в Воиносвет, в крепость. Всё равно ничего интересного, да и банкета не будет.

— Я думала, все поедут вместе.

— О нет, — протягиваю я. — Большинство из новоиспечённых стражей сразу же получают первое задание, из которых одна пятая точно не вернётся. Поэтому лучше свалить по-тихому, пока не загрузили. Или ты хочешь получить спальное место в конюшне, когда все приличные койки разберут?

— Я бы и от задания не отказалась, капитан.

— Какая упёртая. Будет тебе задание, но чуть позже. Не нужно рваться в бой при первой же возможности, иначе окажешься среди них, — киваю в сторону телеги с трупами. — Пошли, заодно и узнаем друг друга получше.

Оборачиваюсь к новой стражнице и замечаю интересную деталь. А точнее, отсутствие креста, который ей вручили буквально недавно на моих же глазах. Но шаг я не сбавляю, а

Аня, если и замечает мой удивлённый взгляд, ничего не говорит, покорно идя за мной.

И всё же не спросить я не могу:

— Ты где уже крест потеряла?

— Он у меня, — и в доказательство своих слов Аня достаёт крест из кармана кафтана, висящий на шнурке. — Просто не могу носить.

— Не веришь в святых? Дело твоё, но крест носить нужно, это твоё оружие.

— Дело не в вере. Наоборот, я верю в святых, но крест... Он давит на меня. Душит. Поэтому и приходится носить в кармане.

— Не боишься, что таким образом святые покинут тебя?

— Святым не нужен какой-то знак, чтобы быть рядом.

— Точно, — соглашаюсь я. — Их никогда рядом-то и нет. Что носи крест, что не носи...

Аня уставляется на меня, как на больного:

— Ты не веришь в святых? Тогда зачем вступил в Орден?

— Я не верю в мёртвых, — поправляю я, игнорируя второй вопрос.

Стражница ничего не отвечает, а лишь отводит взгляд, молча заявляя, что разговор окончен. Мы как раз доходим до конюшни, в стенах которой и встретились впервые. И у её же стен нас поджидает сюрприз. Точнее, поджидает меня.

Богдан Рылов стоит у входа в конюшню, сложив мощные руки на груди. Помню, как эти руки держали меня, сжимали мои кости чуть ли не до болезненного хруста, пока я рвался к матери, неистово крича. Лицо, покрытое бесчисленными рваными рубцами и шрамами, теперь ещё усеяно и несколькими морщинами, менее заметными, чем у Велимира. Колючие тёмные глаза глядят прямо на меня, а спустя секунду взгляд переводится на Аню. Я останавливаюсь при одном виде на второго главнокомандующего и поворачиваюсь к Ане лицом.

— Вернись к другим стражам, — шепчу я.

— Что?! — Аня тоже говорит шёпотом, но менее тихим. — И почему мы шепчемся?

— Так надо, поверь мне. Стой у телеги с трупами и будь на виду у главнокомандующего Тузова.

— Александр, что?..

— Считай это своим первым приказом: вернись на посвящение и жди меня там.

Аня наверняка хочет получить ответы на все свои возникшие вопросы прямо сейчас, но закрывает рот и разворачивается ко мне спиной, возвращаясь на посвящение стражей. Краем глаза замечаю, как Рылов, увидев, что Аня уходит, оживает. Я же иду прямо к нему, догадываясь, что меня ждёт.

— Главнокомандующий, — почтительно киваю ему в знак приветствия. — Посвящение юных стражей уже давно идёт, почему вы не на таком прекрасном событии?

— Демидов, — произносит он, окидывая меня взглядом снизу вверх, точно смотрит не на симпатичного капитана, а на мелкую букашку, что надоедливо жужжит над ухом. — Ни капли не изменился.

— Ну, а вы всё такой же лысый и хмурый, — парирую я, сохраняя спокойную улыбку. — В чём дело, главнокомандующий? Кого-то ждёте?

Тот больше не медлит и хватает меня за грудки кафтана, прижав к хлипкой двери конюшни. Прядь волос падает мне на лоб, и я невозмутимо сдуваю её, смотря в хищные глаза главнокомандующего, чей взгляд означает лишь одно: я крупно влип.

— В чём дело?

— В девчонке, которую ты взял в отряд, — если бы моё сердце билось, оно бы наверняка заколотилось с бешеной силой при упоминании этих слов. — Откажись от неё и избежишь бед.

— Беды меня в последнее время только привлекают. Поэтому девушка остаётся в моём отряде и под моей защитой, а свои угрозы засунь себе...

— Угрозы не мои, — мотает головой Рылов. — Он хочет встретиться с тобой.

— Я такого желания не испытываю, поэтому спасибо за предложение, от которого я с удовольствием отказываюсь, — язвительно произношу я, склонив голову набок. — И передай ему, чтобы оставил меня в покое, — сбрасываю руки главнокомандующего с себя. — Он мне никто, как и я ему. А девушка останется в моём отряде до тех пор, пока я хожу по этой земле.

— Не заставляй его переходить к другим мерам. Или переведи эту девку к любому моему капитану, или вмешается он.

— Во-первых, она девушка, а не девка. А во-вторых, пусть вмешивается, всё равно ни хрена не делает.

Я уже хочу найти Аню и убраться отсюда подальше, как мои слова прерываются лёгким свистом лезвия, что оказывается у моего горла.

О моей тайне Рылов знать не знает, поэтому, по его мнению, угроза в виде короткого меча, приставленного к плотке, должна сработать. Я же окидываю остриё скучающим взглядом, даже не шелохнувшись. Глупо показывать страх, которого и нет. Даже если бы я был живым человеком, то отреагировал бы точно так же. Не стоит показывать то, что может быть использовано против тебя.

— Давай, — говорю я. — Убей меня, раз он позволил.

Он позволил сделать это ещё шесть лет назад. Он хотел сделать это собственными руками и был близок к цели. Но всё оборвалось.

И кое-что оборвалось и у меня в тот момент.

Лезвие медленно отходит от моего горла, точно в любой миг Рылов передумает и сделает резкий выпад, от которого моя голова покатится по земле, освещённой летним солнцем. Не скажу, что я ярый противник этой затеи, но своё обещание, данному Велимиру, я сдержать обязан.

— У тебя неделя, чтобы одуматься. Дальше будут последствия.

— Жду с нетерпением, — бросаю я на прощание, возвращаясь к Ане.

Её точно нельзя оставлять одну.

Глава шестая. Весь отряд в сборе

Аня

Всю дорогу я и Александр молчим, лишь изредка он просит меня ехать чуть быстрее, если, конечно, я не хочу прибыть в Воиносвет в следующем месяце. Я же молчу, потому как после разговора с главнокомандующим Рыловым капитан выглядит так, словно проглотил комок грязи, полный червей. Когда я напрямую спросила его, всё ли хорошо, он солгал, сказав, что всё чудесно.

Тем не менее, когда нам остаётся меньше часа до столицы Великомира, я всё-таки решаюсь:

— Капитан! — я догоняю Одуванчика, который успел немного обогнать мою кобылу. — Лихо напало на меня при свете дня.

— Ты только сейчас это заметила? — устало интересуется Александр. — На будущее, внимательность к деталям, особенно крайне значительным, не мешает стражу.

— Заметила это я сразу же, как тварь напала. Вспомнила только сейчас.

— Хорошая память тоже стражу не повредит.

— Тебя не смущает, что нечисть активна теперь и днём? — перехожу я к делу, не обратив внимания на колкости капитана.

— Нет. — Александр дёргает за поводья, останавливая Одуванчика, после чего слезает с коня и достаёт фляжку с водой из сумки. — Меня это интересует, — он передаёт флягу и мне, так и не притронувшись к ней. Я делаю два маленьких глотка и даю напиток лошадам. — Как и весь Орден.

— Они в курсе?

— С самой смерти кадетов. Тогда это установилось впервые, но кто знает, может, такое уже и происходило, просто стражи профукали.

— А если кадетов убила не нечисть? — осторожно спрашиваю я, внимательно следя за Александром, пытаюсь уловить правду если не в его словах, то во взгляде или движениях.

Тот убирает волосы со лба и вновь садится на коня, молча веля мне следовать его примеру. Дальше лошади идут пешком, не спеша, их даже подгонять не нужно. Тропинка узковата, с мелкими ямами и неровностями.

— А кто ещё? — усмехается капитан. — В твою причастность я в жизни не поверю. Уж извини, но на убийцу ты не похожа.

— Сочту за комплимент, — фыркаю я.

— Даже если это и не нечисть, факт её бодрствования днём неоспорим. Всё-таки лихо напало на тебя, и были случаи до этого.

— Какие-такие случаи? — наострив уши, переспрашиваю я.

— Страж из моего отряда вчера вернулся с задания. Упыри напали на местных при свете дня. Никаких неудобств или бед твари при этом не испытывали.

Похоже, скоро во всём Великомире наступят тёмные времена. Если раньше люди не боялись заходить в Нечистый лес или другие леса Великомира при свете солнца, чтобы собрать грибы или ягоды, нарубить дров, поохотиться за дичью, то теперь такие прогулки могут обернуться катастрофой. Стражей же просто не хватит, чтобы управиться со всеми тварями. А если в Великомире объявится один их духов? Ничем хорошим это не закончится ни для страны, ни для её жителей.

Тем временем мы наконец подъезжаем к Воиносвету — столице Великомира. По пути встречаются торговцы, пытающийся продать Александру и мне обереги на удачу, тёплые шапки из лисьего меха, железные гривны, расписные глиняные горшки, свежее, по словам купцов, мясо, которое было свежим дня три назад. Пару раз капитан даже останавливается и торгуется с продавцами, сбивая цену того или иного товара, а после, добившись своего, отказывается брать, ссылаясь на забытые деньги. Вслед нам звучат проклятия за потраченное время, которые вызывают лишь смех Александра.

В последний раз я была в Воиносвете пять лет назад, когда только поступала в кадетское училище. В тот момент он покорила меня внушительностью, яркими красками, постоянным движением и неумолкающей жизнью. Город практически не изменился, но перемены претерпела я.

Вокруг шумят, галдят и мчатся по своим делам люди самых разных классов. Среди них видны и стройные фигуры в синих кафтанах, к которым отныне отношусь и я. Большинство

стражей, что мы встречаем, покидают Воинсвет на лошадях и при виде Александра уважительно кивают. По мощёным дорогам носятся дети, играющие в догонялки и совершенно не задумавшиеся, попадут они под лошадиные копыта или нет. Пару женщин с передниками на поясе прикрикивают на непослушных чад, которые отвечают гоготом или вовсе показывают язык в знак своего неповиновения.

Среди людей также заметны грозные фигуры в красных плащах и блестящих на солнце пластинчатых доспехах. К их поясам прикреплены резные ножны, а головы украшают железные шишаки.

— Не смотри на них, — едва слышно шепчет Александр. — Это царские дружинники. Заподозрят тебя в чём-нибудь, и беды в первый же день в столице не заставят себя ждать.

Прислушиваюсь к совету Александра и отвожу взгляд от личной армии царя, пытаюсь особо не выделяться. Один из дружинников останавливает шедшего за нами старого странника, одетого в грязные лохмотья, со спутанной бородой седых волос, из которой выглядываются мелкие сучья.

— Ай, чаво, милук?! — орёт старик, приставив ладонь к уху. — Не слышу ничевой, ты это погромче говори, а то я уж старый! Вот в моё время, когда твоей матери ещё в планах не было...

Чем ближе мы подходим к главной площади, где и располагается крепость Ордена, тем меньше становится низких изб с соломенными и тёсовыми крышами. Маленькие домики сменяются огромными расписными теремами с резными створками на окнах. Вместо разваливающихся телег по дорогам мчат барские колымаги, запряжённые несколькими лошадьми. Людей здесь ещё больше: и бояре, и простолюдины, и стражи, и дружинники, и ремесленники.

Посреди главной площади — её ещё часто называют Площадью Чести — высится каменная крепость Ордена, из центральной и самой высокой башни которой виднеется тёмно-синее знамя с серебряным крестом.

— Почему ворота не охраняются? — спрашиваю я, когда мы без проблем проходим через распахнутые ворота, ведущие напрямик во двор крепости.

— А зачем? Ворота запираются лишь на ночь.

— А если кто-то из врагов проникнет сюда?

— Тогда он самолично подпишет себе смертный приговор, — пожимает плечами Александр и спрыгивает с коня, ведя Одуванчика дальше за поводья. — Поверь, сюда никто не сунется даже за мешок золотых. В крепости обитают стражи — главная сила царя.

Слезаю с лошади и осекаюсь при словах Александра.

— Орден не относится к военным силам царя.

— Разве? Если бы это было так, ты бы почувствовала ложь в моих словах.

— Вовсе нет, — возражаю я. — Мой дар работает иначе. Если для человека его слова являются правдой, то они истина и для меня. А если человек понимает, что лжёт, то обман я и ощущаю. А ты просто веришь собственным словам.

— Им верят многие, — невозмутимо говорит капитан, пожимая плечами.

Конюшни крепости отличаются от всех других, что я только видела, огромными размерами и удивительной чистотой. Во всяком случае здесь царит та чистота, которая может быть только возможна в конюшне.

— Ярик, — обращается Александр к подошедшему пареньку лет пятнадцати, одетому в косоворотку, что на несколько размеров больше его самого. — Позаботься об Одуванчике

и... — он оборачивается ко мне, ожидая, когда я назову имя своей лошади.

— У неё нет имени. Лошадь не моя, а из училища.

— Теперь ещё и лошадь Зыбину возвращать, — с раздражением отмечает Александр. — В общем, позаботься о лошадях, Ярик. Помни, Одуванчик предпочитает не слишком сухое сено.

Капитан передаёт поводья мальчишке, который ведёт лошадей в стойла. Я думаю, что уже вот-вот окажусь в стенах крепости, о чём мечтала последние десять лет, а то и больше. Но у Александра на этот счёт иное мнение, потому как он ведёт меня на полигон, где уже всю тренируются стражи с боевыми чучелами, отрабатывая рукопашный бой. Приглядевшись, я понимаю, что стражей на полигоне не так много, от силы три-четыре человека, а вот тренируются кадеты, за которыми полноценные члены Ордена и приглядывают.

— Я думала, у столичного корпуса отдельная территория.

— Так и есть. Столичный, северный и южный корпуса набирают кадетов каждый год, а не как западный и восточный — раз в пять лет. И места не всегда всем хватает, народу много. Это, — он кивает в сторону тренирующихся ребят, которым на вид меньше четырнадцати, — первогодки. Зелёные и спесивые. Вот скажи, в чём его ошибка? — движением головы капитан указывает в сторону щуплого паренька с тёмно-русыми волосами, торчащими в стороны.

Мальчик бьёт чучело со всех сторон, энергично размахивая кулаками и ударяя то в бок, то в живот, то в голову. Тренируется он изо всех сил, аж волосы прилипли ко лбу, а подмышки кафтана стали мокрыми. Очередной удар — и соломенная башка чучела катится по полигону, а паренёк, подпрыгнув от радости несколько раз, трясёт сжатым кулаком, изредка прижимая его ко рту.

— Не рассчитывает силу, — говорю я. — Будь это не чучело, мальчик мог сломать руку от таких сильных ударов.

Точно в подтверждение моих слов, к мальчугану подходит страж и, глядя на сбитую голову, отчитывает кадета, который явно не понимает недовольство наставника, что видно по его покрасневшимся ушам и возмущённому виду.

— А я не зря взял тебя в отряд.

В крепость мы входим через полигон, попадая в длинный коридор, по которому мчатся стражи со всех сторон. Никто из них не останавливается, лишь некоторые, завидев Александра, быстро кивают, не сбавляя шагу.

— Днём здесь многолюдно, — объясняет капитан, расслабленным шагом идя по коридору. Я же едва успеваю за ним, несколько раз чуть не врезавшись в членов Ордена. — В крепости, считай, четыре крыла. В западной живут капитаны и генералы, поэтому в случае чего ищи меня там. Обычные стражи обитают в северном — самом верхнем, — куда мы, собственно и идём. Южное — самое маленькое — выделено специально для собраний Ордена и торжеств. В нём же столовая. В восточном крыле располагается библиотека и залы для тренировок.

Мы поднимаемся по винтовой лестнице на самый верхний этаж.

— Комнат тут немного, потому как зимой здесь жутко холодно. А ещё здесь проходят вечерние смотровые патрули. Так как больше свободных комнат нет, тебе придётся довольствоваться тем, что есть.

— Я не привередлива, — пожимаю я плечами. — И холод меня не пугает.

— Все так говорят до первого снега.

Капитан отворяет дверь, что ближе всего находится к лестнице, и входит первым, точно осматривается на наличие опасности, и только после этого пропускает меня вперёд.

Комнатушка оказывается меньше, чем я думала, но очень даже уютная. Посередине узкая кровать с периной и красным одеялом, усеянным вышитыми узорами. Чуть в стороне небольшое окно. У изголовья кровати стоит деревянная тумбочка, весьма хлипкая на вид, а у изножья — сундук для одежды.

— Комната у тебя отдельная, — сообщает Александр. — Я бы подселил тебя к ещё одной девушке из моего отряда, но, боюсь, она не одобрит моё решение. Ванная, правда, будет общая, и советую ходить на этаж ниже, потому что здесь вода всегда холодная как лёд.

— Спасибо, — искренне улыбаюсь я.

— Отдохни сейчас. Ты целую ночь не спала.

— Но я хочу отправиться на задание и...

— Успеешь, — мягко усмиряет мой пыл Александр, закрывая за собой дверь.

Стоит мне только плюхнуться на мягкую перину, как усталость накатывает на каждый дюйм тела гигантской волной. Глаза невольно закрываются, а в голове витают мысли о том, что я совсем не устала. Но затихают они быстро, а я проваливаюсь в сон.

***

Александр говорил искать его в западном крыле, но не уточнил, где это хреново крыло вообще находится. Ясен пень, что на западе, вот только крепость огромна, и там, где, по моему мнению, находится запад, оказывается ряд дверей, каждая из которых ведёт неизвестно куда. Стучаться в каждую мне не хочется совершенно.

Проспала я добрых несколько часов: уже солнце садится. Быстро смыв с себя всю грязь, что скопилась на моём теле во время отборочных и дороги до Воиносвета, я, связав мокрые волосы шнурком в высокий хвост и надев чистый кафтан, тут же отправилась на поиски капитана, чтобы получить своё первое полноценное задание.

Петляя по коридорам, я пытаюсь остановить мимо проходящих стражей, чтобы спросить, не видели ли они капитана Демидова. Но те и внимания на меня не обращают, а некоторые одаривают презрительным взглядом и всё равно не останавливаются, гордо подняв головы, как самые важные индюки во всём Великомире. Я уже отчаиваюсь и подумываю вернуться к себе в комнату, как слышу знакомый голос, доносящийся на этаже ниже. Быстро спустившись, я становлюсь свидетелем интересной картины.

За Александром стоит девушка-стражница с золотистыми волосами, сплетёнными в косу, а её пальцы покоятся на плече капитана и сжимаются всякий раз, когда незнакомка осмеливается выглянуть из-за спины стража. Мне знакомы эти движения. И мне известен этот страх, что поглотил девушку с головы до ног.

Осторожно подхожу ближе, слыша тихие, но полные злости и ярости слова Александра:

— Ещё раз тронешь её или другую стражницу и попробуешь на вкус собственные пальцы, которые я тебе отрежу и затолкаю в глотку, — каждое слово он смакует в яде презрения и отвращения. Подойдя ближе, я наконец вижу того, кому угрозы и предназначаются: молодой страж, сидящий на коленях и прижимающий ладони к сломанному кровоточащему носу, смотрит на капитана с ужасом, застывшим в изумлённых глазах. — А теперь назови фамилию своего капитана и можешь быть свободен.

— 3-зачем фа-фами-фамилия?! — дрогнувшим голосом вопрошает страж, всё ещё пытаюсь справиться с кровью, идущей из носа. — Я-я всё-всё понял, о-осознал. Б-б-больше

так не б-буду! Обещаю!

— Правда обещаешь? — губы Александра изгибаются в лукавой усмешке.

— Правда-правда!

— Ну, раз «правда-правда», то иди, конечно же, — сладким и любезным тоном произносит капитан. Я уже хочу вмешаться, да и девушка за спиной Александра сжимается от страха, что с новой силой стискивает её.

Страж чуть ноги Александру не целует, заходясь в неразборчивых благодарностях, встаёт с колен, ещё раз кланяется, благодаря капитана за его милосердие, и медленными шагами идёт к лестничному пролёту, не переставая выказывать своё уважение. Александр же, всё ещё улыбаясь так, что у меня от его ухмылки всё внутри холодеет, ласково хлопает девушку по ладони, веля ей отпустить его. После чего догоняет стража, хватая его за грудки и бросает прямо в стену.

— Не люблю пачкать руки без надобности, но и человеческим языком не всегда можно обойтись, — говорит Александр, поднимая стража с пола и впечатывая его в стену, на что юноша отвечает жалостливым поскуливанием. — Если я велю назвать фамилию своего капитана, то это ты и делаешь, недоносок! Если бы я верил всем обещаниям, что только слышал, я бы бесспорно получил звание не капитана, а доверчивого идиота. А теперь говори, пока в крепости не появилась дыра в форме стража!

Юноша же весь сжимается, но всё же едва слышно выдавливает:

— Е-емельянов.

— Так бы сразу, — Александр тут же отпускает стража.

Александр оставляет юношу валяться у стены, а сам подходит к нам.

— Ты в порядке? — интересуется он у девушки, нервно теребящей кончик косы. — Если он или другой ублюдок хоть пальцем тебя тронет, сразу ко мне. Ну, или к любому стражу из моего отряда.

— С-спасибо, капитан, — лепечет та.

— Спасибо будешь говорить, когда он наказание получит, — Александр кивает в сторону стража, что так и не поднялся с пола. — Я бы его из Ордена выпер, но это уже решать Емельянову. А нос ты ему здорово сломала.

Девушка краснеет и ещё раз благодарит капитана за оказанную помощь. Тот лишь отвечает, что для него это обычное дело, и советует быть осторожной, так как в Ордене много стражей, не понимающих отказ. На этих словах я вздрагиваю, что не скрывается от внимания Александра, но он ничего не говорит и предлагает стражнице проводить её до комнаты, но та вежливо отказывается.

Юноша же быстро уходит, поняв, что больше никакого интереса он не представляет.

— Что произошло? — интересуюсь я, когда мы с капитаном остаёмся наедине. О случившемся я догадываюсь, но почему-то мне хочется, чтобы моё предположение не подтвердилось. В конце концов я глупо и наивно лелеяла надежду, что в Ордене с таким не столкнусь.

— Он домогался до неё, — всё-таки мои опасения оказываются верными. — Любава сломала ему нос, но даже такие отказы некоторые мужчины не понимают и считают знаком проявления симпатии, — Александр раздражённо закатывает глаза. — Я просто оказался рядом.

— И помог?

— Что?

— Ты помог девушке? Встал на её сторону? — хлопаю глазами, глядя на Александра так, будто передо мной не страж с острым языком, а как минимум двуглавая лошадь с телом собаки и рогами козла. — Не говорил, что это она виновата, что это она его совратила своим видом? Ты винил его, а не её? Не говорил, что это естественно у мужчин?

С каждым моим словом взгляд Александра меняется, и теперь он смотрит на меня так же, как и я на него: с удивлением и непониманием.

— Уж не знаю, у каких мужчин естественно бросаться на девушек и даже не слышать их, когда они говорят твёрдое нет, — наконец отвечает он. — Лично я отношу таких людей к... К не людям уж точно. Они мне отвратительны. И что за бред ты несёшь?! Как я могу обвинить девушку в том, что это он не может сдержать себя и не слышит простое и человеческое нет! Конечно, я ей помог! Что за вопросы, Аня? Или ты думаешь... О, — Александр внезапно замолкает, поняв для себя одну вещь, которую я хотела скрыть, но снова не справилась. Опускаю глаза, не желая, чтобы в моём взгляде Александр отыскал всё то, что копилось внутри меня годами.

Страх. Мольба. Желание спрятаться.

Ничего из этого у меня не получается утаить. Снова.

— Мне жаль, — зачем-то говорит капитан, запуская руку в волосы. — Если тебе что-то нужно или...

— Не стоит, — быстро произношу я, не желая ставить его в неловкое положение. — Всё в порядке. Я вообще-то по делу.

Точно очнувшись ото сна, Александр тут же живо спрашивает:

— Что за дело?

— Я бы хотела немедленно приступить к заданию! — отчеканиваю я, выпрямив спину и подняв голову, чтобы мои слова звучали как можно более уверенно.

Александр с облегчением выдыхает и даже выдавливает улыбку:

— Пошли, будет тебе задание.

Признаться, я всё ещё не отошла от увиденного, но как следует стараюсь не показывать это и иду за капитаном, который ничего не говорит: ни о произошедшем, ни о моей реакции на его действия. Впервые встречаю мужчину, вступившегося за женщину, а не обвиняющего её. Наверное, поэтому я так и удивилась, не в силах поверить, что Александр поступил не так, как сделал бы мужчина с иными принципами.

Мы выходим на полигон, идя к конюшням. Уже стемнело, стражей действительно практически не осталось. Неудивительно — основная работа Ордена начинается именно ночью, когда вся нечисть вылезает из своих тёмных укромных мест, дабы поохотиться за свежей человечинной. Хотя сейчас тварям ничто не мешает делать это и при свете дня.

— Поедешь с Данияром, — объявляет Александр.

Я замираю на месте, точно мои ноги прирастают к земле.

— С Д-данияром? — переспрашиваю я севшим голосом. — С-с мужчиной?

Александр останавливается вместе со мной. Синие глаза находят мои, взгляд капитана изучающе скользит по мне, точно Александр изо всех пытается найти нить, за которую можно зацепиться и вытащить меня из гущи страха. Но все эти нити давно разорваны. Мною лично.

— Прости. Я не подумал. Видишь ли, с Данияром легко сработаться. А мне нужно знать, как ты действуешь в команде, поэтому лучше напарника, чем Данияр, и представить сложно. Он мой друг, и я доверяю ему как себе. Поверь, он не обидит тебя.

Я не обижу тебя...

Доверься мне...

Я твой друг или всё-таки больше?..

— Я... Не уверена.

— Аня, — серьёзный тон капитана заставляет меня посмотреть в его синие глаза, тёмные и глубокие. — Данияр тебя не тронет. Клянусь памятью своей матери. Ты мне веришь?

Киваю нерешительно и робко, боясь лишним движением вызвать непрошенные слёзы, что уже стоят в глазах.

— Тогда пойдём. Обещаю, в моей команде ты в абсолютной безопасности. И если кто-то причинит тебе хоть малейший вред, только скажи, и я оторву этим ублюдкам всё, что только можно, и засуну туда, куда только можно.

Сглатываю ком в горле и иду за Александром, подходя к конюшням, из окон которых горит свет. Меня всё ещё трясёт, хотя на улице тепло и безветренно. Александр, если и видит, что я ни капли не успокоилась, ничего не говорит, а лишь одаривает понимающим взглядом, точно пытается донести, что мне нечего бояться. Вероятней всего, он прав. Но такие слова редко помогают. Они не прогоняют страх, он только начинает ныть где-то под сердцем щемящим и ненавистным чувством под названием слабость, что начинает пульсировать при подобных словах. Нечего бояться, значит, и страха быть не должно. А если он есть, то я слаба. Слаба, раз трясусь от того, что не должно внушать ужас.

Стоит нам подойти к дверям конюшни, как створки резко раскрываются, а Александр едва успевает отскочить. И то, двери всё же задевают его нос, поэтому капитан с раздражением шипит и потирает переносицу.

— Ой, прошу прощения! — обеспокоенно звенит девичий голос, и на улицу, к моему удивлению, выходит Луиза, чьи глаза сияют слабым светом в темноте. — А, это ты, капитан, — увидев, кто принял весь удар распахнутых дверей, стражница мигом меняет тон с виноватого на безразличный и ленивый. — Чего припёрся?

— Вот так ты встречаешь любимого капитана... — начинает было Александр, как его перебивает знакомый свистящий акцент:

— Аня!

С Ру мы не виделись около недели, но всё равно мне кажется, что при первой нашей встрече он не был таким высоким. Страж, одетый в обычную косоворотку с порванным воротом, широко улыбается и уже хочет заключить меня в объятия, но вовремя останавливается под мрачным взглядом Александра. Ру протягивает руку в знак приветствия, и его улыбка становится виноватой.

— Рада тебя видеть, — с удовольствием пожимаю я его руку.

— А я-то как рад! Мы с Луизой поспорили, в чей отряд ты попадёшь, и теперь, похоже, она должна мне два медяка! — восторженно, совсем как ребёнок, объявляет Ру, чуть не подпрыгнув от радости. Луиза закатывает глаза, с едким удовольствием замечая:

— Ага, можешь вычеркнуть эти медяки из своего долга мне.

— Что?! Ну Луиза! — измученно протягивает Ру, тяжело вздохнув.

— Могли бы и мне спор предложить, — между тем вставляет Александр. — И почему вы двое тут прохлаждаетесь? Дел что ли нет?

— Дела были! — заверяет Ру, кивая несколько раз. — Мы только вернулись с задания, Саша, — меня удивляет, как страж произносит имя Александра. Во-первых, использует

сокращённый вариант. А во-вторых, даже ударение ставит неверное, а капитан никак не поправляет друга. — Вот и зашли к Данияру, давно его не видели. Точнее, Луиза попросила... — на этих словах Луиза пихает его локтем, веля немедленно заткнуться. Но Ру, не понимая ясного, как белый день, намёка, только шипит от боли и недоумённо уставляется на Луизу, лицо которой принимает самый невозмутимый вид.

— Не будем вам мешать, — произносит она, хватая Ру за рукав косоворотки и уводя его подальше, пока он ещё чего-то не наговорил. — Доброй ночи и прочей хрени. Не умрите там.

— Удачи! — салютует Ру.

Стоит парочке удалиться в темноту ночи, как Александр хлопает себя по лбу. Видимо, подобное ему приходится терпеть чуть ли не каждый день.

Кто бы мог подумать, что Ру и Луиза, знакомство с которыми случилось благодаря моей несостоявшейся смерти, будут со мной в одном отряде! А Александр — этот хренов капитан — даже не удосужился сказать, что я уже знакома с некоторыми товарищами по службе.

— Так тебя можно называть Сашей? — ехидно улыбаясь, интересуюсь я, сложив руки на груди.

— Нет. Ни Шурой, а уж тем более ни Саней. Ру искажает моё полное имя так, что получается ругательство на его языке. Для тебя и всех остальных, у кого проблем с произношением не наблюдается, я Александр.

Киваю, прижимая сжатый кулак к губам и пряча в него тихий смех.

Вхожу в конюшню следом за Александром, ожидая увидеть максимум двух людей: конюха Ярика и Данияра, с которым мне предстоит выполнить задание. Внутри действительно только двое, но юного конюха на месте нет.

Первым, кто бросается мне в глаза, вызывая не столько интерес, сколько странную бдительность, оказывается юноша моего возраста, если не младше. Кожа у него бледная, вид болезненный. Волосы светлые, чуть ли не белые, и лохматые, точно он только-только встал с кровати. Но тёмные круги под глазами говорят лишь о том, что юноша не спал минимум три ночи. Пальцы у него длинные и тонкие, да и сам незнакомец настолько худ, что кажется, будто на него достаточно дунуть, и он развалится. Его руки сложены на груди, а глаза — бледно-голубые — уставлены в одну точку на стене. Кажется, точно он не от мира всего. Стоит в дальнем углу, в стороне.

К моему удивлению, Александр ни слова не говорит об этом юноше, точно его и вовсе здесь нет, а подходит к другому.

— Аня, знакомься, это Данияр Дымов.

Данияр — парень крепкий. Вид у него серьёзный, лицо суровое и мрачное, точно он в последний раз чему-то радовался несколько лет назад, а такое слово, как праздники, никогда не слышал. Глаза серые, холодные и немного колючие. Его лицо пересекает широкий шрам, тянущийся от левого уголка лба до правого края подбородка, и эта рваная полоса явно служит знаком, что боевого опыта у Данияра достаточно.

Он молча протягивает мне ладонь, и рукопожатие у него сухое, но сильное: рука после него немного ноет.

— Задание простое: избавить Нечистый лес хотя бы от нескольких тварей, — ровным баритоном произносит Данияр, быстро вводя меня в курс дела.

— Разве стражи занимаются таким? — удивляюсь я. — Нечисти в лесу настолько много, что от парочки убитых ничего не изменится.

— Да, но изменится, если они останутся живы, — подключается Александр. — Они продолжат убивать людей, и жертв будет больше. А если избавиться хотя бы от малого числа, то это уже хоть что-то. Хоть какая-то победа.

Данияр соглашается с капитаном.

— Есений, — Александр окликает юношу, стоящего в углу, и подходит к нему, пока Данияр вручает мне припасённый короткий меч. Признаться, я предпочитаю нити, а оружием пользуюсь редко, только в крайних случаях.

— Тяжёлый? — интересуется страж, наблюдая, как я оцениваю вес оружия.

— Достаточно. — Рассекаю лезвием воздух, держа клинок в одной руке. Затем обхватываю рукоять второй ладонью и вновь взмахиваю. — Пойдёт.

Данияр даёт мне ножны, и пока я привязываю их к поясу, обращаю внимание на Александра, что тихо переговаривается с Есением — бледным юношей, чьи руки теперь не обхватывают собственные плечи. Нет, теперь Есений сжимает волосы так сильно, что вот-вот вырвет приличные клоки. Его тонкие бесцветные губы едва заметно шевелятся, что-то шепча.

— Всё хорошо? — интересуюсь, подойдя ближе.

— Нет, — честно отвечает капитан, мотая головой. — Объясню потом, — добавляет он, заметив мой вопросительный взгляд. — Это Есений Ладов. И...

В печальных и смиренных глазах Есения стоят слёзы. Завидев меня, он замирает, хлопая глазами.

— Река сожжёт опору, — шёпотом произносит он, едва открывая рот. — Всё уйдёт под пятном крови.

Голос у него отстранённый. Слабый. Чрезвычайно тихий, точно Есений выдавливает из себя слова, которые царапают, сжигают, дерут его горло, принося невыносимую боль. Говорит он с придыханием. Есений убирает дрожащие руки с головы, Александр мягко кладёт ладонь ему на плечо, пытаюсь успокоить.

— Он говорит мало. А если и говорит, никто не может понять, что именно. Точнее, слова-то понятны, но вот смысл...

— Он теряется, — договариваю я.

— Можно сказать и так.

Есений резко хватается за рукав кафтана, я вздрагиваю, пытаюсь отскочить, но страж вцепился крепко.

— Есений! — Александр дёргает его за плечи, пытаюсь отцепить от меня, но хватка у болезненного на вид стража оказывается, на удивление, сильной.

Его бледно-голубые глаза смотрят на меня с мольбой. Он открывает рот и тут же закрывает, либо не решаясь сказать, что хотел, либо подбирая подходящие слова. Хотя в его случае слова всегда будут неподходящими. Я даже перестаю самостоятельно вырываться, ощутив к Есению... Понимание? Сочувствие? Или мне просто хочется узнать, что такого он скажет?

— Кукушка знает, когда падёт последний лепесток, — наконец произносит Есений отрешённым тоном, опустив взгляд. По левой бледной щеке стекает одинокая слеза. Он отпускает меня.

Внутри бешено колотится сердце. Не от того, что Есений резко схватил меня. Не от его слов. Нет. От его голоса. Он не просто отчуждённый.

Он мёртвый.

— Александр...

— Я пытаюсь выяснить, что с ним, — отвечает тот на незаданный вопрос. — Не бойся, он тебя не обидит.

Это я уже и сама поняла.

Дав несколько наставлений о том, что не стоит лезть на тварей, не имея в голове чёткого плана действия, Александр уходит вместе с Есением, чьи глаза покраснели от слёз.

Внутри появляется странное пульсирующее ощущение при виде стража с мёртвым голосом. Вспоминая его слова, его отчуждённый тон, его мокрые дорожки слёз на щеках, я спрашиваю себя, что с ним такое? И не нахожу ответа. Но почему же мне кажется, что он так близко, такой простой и понятный, точно я его знаю давным-давно? Будто он под самым носом.

Но одну вещь я поняла сразу же, как Есений схватил меня за руку.

Он нуждается в помощи.

И почему-то именно в моей.

Глава седьмая. Пустые могилы

Александр

— Есений, я ценю твою заботу, но моя поездка крайне личная, — как можно мягче говорю я, глядя на то, как страж, сидя верхом, с особым интересом разглядывает уздечку, словно видит её впервые в жизни.

Кажется, Есений не слышит меня, ибо говорю я ему одно и то же уже несколько раз подряд. Он даже глаза на меня не поднимает, гораздо больше его волнует грива кобылы: не спутаны ли волосы и как они лежат. С другой стороны, глупо ждать какой-либо реакции от Есения: невозможно понять, когда он слушает, а когда нет. И слушает ли вообще.

Наплевав на всё, я дёргаю за поводья, веля Одуванчику трогаться, и моему примеру следует Есений, тут же обративший на меня взгляд светло-голубых глаз.

Вздыхаю, мысленно бранясь и медленно теряя терпение.

— Я поеду один, — говорю я чуть ли не сквозь сжатые зубы от раздражения. — Ты же оставайся в Ордене. Или найди Ру, отправляйтесь вместе на задание.

Как только Аня и Данияр уехали, я мигом отправился в свой кабинет, чтобы написать жалобу на стража, который грязно приставал к девушке. Всё это время Есений был со мной: тихо стоял тенью, глядя пустым взглядом то в пол, то на меня, то в стену, то на свои руки, то на мою коллекцию выпивки. Он будто пытался от чего-то отвлечься, вечно перемещая собственное внимание. Иногда он теребил концы рукавов кафтана и поправлял их, если они задирались. После того, как я закончил с жалобой, я подкинул письмо в дверную щель кабинета капитана Емельянова, вернулся снова в свой, быстро собрал дорожную сумку, схватил её и двинулся обратно к конюшням. Есений молча пошёл за мной.

Уже на улице, увидев полигон, я только обратил внимание на Есения. Он и раньше мог ходить вслед за кем-то, чем очень пугал Ру и раздражал Луизу. Меня же это настораживало, но я не подавал виду, что что-то не так.

Но сегодняшний случай иной. В этом деле мне не нужна никакая компания. Даже редко говорящего Есения.

— Нам придётся долго скакать, — пытаюсь я отговорить стража от совместной поездки и упоминаю для этого неудобства, что придётся терпеть. — Остановок будет мало. И еду я взял только для лошадей. Точнее, только для своего коня.

Есений даже не моргает. И под напором его взгляда я сдаюсь, поняв, что только теряю

время:

— Ладно. Поехали.

— Дай земляники, — неожиданно произносит Есений, стоит мне отвернуться от него.

Я даже замираю на миг. Голос Есения звучит тише и слабее по сравнению с теми словами, что я в последний раз слышал от него. А это было около часа назад.

Смотрю на стража краем глаза: светлые волосы в беспорядке, под глазами синие круги, щёки впали, уголки сжатых в тонкую линию губ опущены. Иногда мне кажется, что кожа Есения бледнее, чем у меня — мёртвого человека. Но сердце стража с причудами бьётся, это я проверял не раз.

— Будет тебе земляника, — отвечаю я, сглатывая ком, подкативший к горлу. — Как раз июль, в лесу её полно.

Почему-то после моих слов печаль только сильнее окутывает Есения.

***

Первую остановку мы делаем, когда уже переваливает за полдень, а до Соколинска остаётся ехать ещё несколько часов. Как раз к закату должны подъехать к городу.

Спрыгиваю с Одуванчика и раскрываю дорожную сумку, доставая припасённую для лошадей еду. К сожалению, взял я только для своего жеребца, поэтому ему придётся поделиться лакомством с лошастью Есения. Пока скакуны грызут сухари и даже решаются вкусить траву, что растёт вблизи дороги, я подсаживаюсь к Есению, мирно устроившемуся на стволе упавшего дерева. Рядом растёт куст земляники, и я срываю пару алых ягод.

— Есений.

Он срывает травинку и оборачивает её вокруг запястья. Молча протягиваю ему землянику. Есений реагирует не сразу: сначала пытается обернуть травинку так, чтобы та не соскальзывала с руки, а затем, когда она всё же падает на землю, страж уставляется на крупные ягоды, покоящиеся в моей ладони. Есений берёт только одну, внимательно её разглядывает, точно это заморское украшение, а не сладкая земляника. Слегка надавливает на алый плод, выдавливая сочный сок, чьи капли стекают по ладони Есения. На красные потёки, что остаются у него на руке, Есений смотрит с нескрываемым ужасом, и я уже подумываю выхватить ягоду у него из рук, надеясь, что это его успокоит.

Но Есений не даёт мне этого сделать. Он сжимает пальцы сильнее, и земляника лопаётся, а весь её сок оказывается на Есении: попало и на кафтан, и ему на лицо. Страж приоткрывает рот, и его нижняя губа подрагивает, а руки трясутся.

— Есений? — обеспокоенно спрашиваю я, бросая другие ягоды на землю.

Грязной рукой он хватается за голову, пачкая волосы земляничным соком. Он часто дышит, пальцы его второй руки сжимаются в кулак, на лице застывает немой ужас. Я ничего не успеваю предпринять, как Есений шепчет:

— По миру запоёт колыбельная тьмы мертвецов.

После чего он убирает руку от головы и неуклюже трёт глаза. Из его слов я мало что понял, но спрашивать бесполезно: ответа всё равно не последует. А вопросов у меня много. Что такое колыбельная тьмы мертвецов? Как она запоёт? И когда?

— Есений, — зову я, хватая стража за ладони и осторожно отлепляя их от его лица. — Есений, пожалуйста, посмотри на меня, — когда голубые глаза действительно одаривают меня долгим взглядом, я почему-то ощущаю себя крайне уязвимым. — Послушай, я хочу помочь тебе, но как — знать не знаю. И мне нужно кое-что выяснить, чтобы это понять. А сделать это можно только с твоей помощью. Так помоги мне, чтобы я разобрался со всем

этим и помог тебе. Сожми руки, если ты услышал и понял меня, — костяшки пальцев Есения впираются в мои ладони. — Замечательно. Сделай то же самое, если согласен со мной.

Я знаю, что Есений не может отвечать даже обычным кивком или мотанием головой. Выяснил я это в первую нашу встречу, когда собирал свой новый отряд. Поэтому и решил проверить, может ли он отвечать с помощью других движений.

Сначала страж медлит, раздумывает, как лучше ему поступить. Я же не тороплю его и не давлю, терпеливо ожидая. Конечно, он уже мог дать ответ своим бездействием, но мне всё же хочется верить в лучшее.

И его ладони сжимаются в кулаки.

— Тебе нужна помощь? — уточняю я и получаю положительный ответ. — Я могу тебе помочь? — ничего не происходит. — Я бессилён? — кулаки сжимаются. — Ты нуждаешься именно в моей помощи? — снова согласие. — Ты знаешь, что нужно сделать, чтобы тебе помочь? — Есений ничего не делает. — Ты знаешь того, кто может тебе помочь? — страж отводит глаза, а его руки не двигаются. — Ты знаешь, что происходит с тобой? Почему ты так говоришь? — Есений отвечает согласием, и я отпускаю его вспотевшие ладони.

Я только больше запугался в этом деле. Есению нужна моя помощь, но при этом я ничем не могу ему помочь. Спрашивается, в чём он нуждается? В моём бессилии, в котором я вновь тону, не зная, как выбраться из этой пучины?

Есений отворачивается и поднимается, идя к лошадям и немного покачиваясь, точно от головокружения. Он ласково гладит свою кобылу по лбу, а Одуванчик, будто бы захотев, чтобы и ему уделили немного внимания, тыкается мордой в плечо стража. Есений поворачивается к жеребцу и выдавливает что-то наподобие улыбки: уголки его рта слегка дёргаются вверх и замирают.

Впервые вижу, чтобы Есений улыбался.

Как и то, чтобы Одуванчик позволял чесать себя за ухом.

***

Маме всегда нравилось ночное небо больше, чем дневное. Когда я спросил, почему, она тепло улыбнулась, взяла меня за руку и повела ночью к морю, а после сказала посмотреть на небо, что отражалось в шумящих волнах. Я всё сделал так, как она и просила, но ничего не увидел. Небо в тот день было совершенно обычным: тёмно-синим, бескрайним, с редкими крапинками звёзд. Когда я прямо заявил об этом маме, она по-доброму рассмеялась и сказала, что всё перечисленное мною ей в небе и нравится, потому как напоминает мои глаза.

Она любила во мне всё. Я же ненавижу в себе каждую внешнюю черту, что досталась мне не от матери.

Вот и сейчас небо чистое и тёмно-синее. Мама бы точно не спала, сидела бы у окна и любовалась мелкой россыпью звёзд. Я бы подошёл к ней сзади, тихонько спросил, почему она не спит, а после бы взял одеяло, накрыл её спину и уселся рядом. Мне нравилось проводить ночь вот так, вместе с мамой: сидеть на кухне, болтать обо всём на свете, смотреть на небо. В то время моё сердце билось, и я чувствовал себя по-настоящему живым.

Как же мне этого не хватает.

Как только мы проходим через главные ворота Соколинска, я улавливаю знакомый и родной запах моря: солёный, прохладный и свободный. Меня тут же одолевают воспоминания о тех годах, что я счастливо жил в городе, даже не подозревая, что через несколько лет его настигнет страшная беда в лице Сирин. То было беззаботное детство,

сменившееся мраком взросления.

— А ну стоять! — страж, охраняющий вход на кладбище, при звуке наших шагов очухивается ото сна и мигом выпрямляет спину. — Кто идёт?

— То же самое у нечисти будешь спрашивать? — бесцветным тоном говорю я, выгнув бровь.

— Да как ты смеешь дерзить стражнику Ор... — Страж осекается, замечая значок капитана, приколотый к моему кафтану. Я одариваю его хмурым взглядом, без слов веля дать мне и Есению пройти. — К-капитан, п-простите, не узнал...

Больше ничего не говоря, страж пропускает нас вперёд — на кладбище — и вновь встаёт на пост. В каждом городе Великомира стражи также дежурят рядом с кладбищами, ибо в могилах могут лежать и те, чей срок не подошёл, а смерть их случилась преждевременно. Такие восстают из земли, но уже в виде нечисти, жаждущей свежей крови. Да и некоторых тварей закопанные кости не оставляют равнодушными. Многие упыри, ещё будучи одиночками, заглядывают на кладбища в поисках для себя могилы и пристанища. Волколаки же как раз приходят именно за костями: выигрывает их волчья натура, жаждущая что-либо погрызть. Поэтому стражи и стоят на кладбищах ночью, внимательно следя за покоем мёртвых.

Дорогу до нужных могил я знаю. Стражей хоронят крайне редко, их тела всегда сжигают, чтобы борец с нечистью сам не стал тварью, в сражении с которой и отдал жизнь. Поэтому голубцы¹⁸ стражей отличаются от остальных: на них всегда выцарапан солнечный крест. Но четыре могилы, которые стоят в ряд и рядом с которыми я опускаюсь на колени, абсолютно пусты.

Мне не позволили похоронить погибших товарищей. Я даже не видел, как сжигают их тела, потому как на меня одели кандалы и посадили под замок до суда. Когда же меня оправдали и освободили, я лично воздвигнул голубцы на кладбище Соколинска и вырыл могилы. Я бы сделал это в родных поселениях друзей, но все они были родом из деревень, а там никому нет дела до охраны кладбищ. Да и не везде эти кладбища есть. А пустые могилы притягивают к себе нечисть, поэтому я решил не рисковать и не навлекать беду.

— Давно не виделись, ребята, — произношу я скрипящим голосом. Сглатываю ком и продолжаю: — Простите, что опоздал. Возникли некоторые дела... Не важнее встречи с вами, но ничего сделать я не смог. Снова.

Сжимаю подол кафтана, пытаюсь справиться с тем, что происходит внутри. На самом деле там холодно. Тихо. Пусто. И больно до безумного крика. Перед глазами вмиг всплывают картины прошлого, что нахлынули на меня ещё когда я вошёл в родной город. Такие же яркие. Такие же сильные. Такие же болезненные.

Я вижу лицо каждого товарища. Чувствую их горячую кровь на своих руках. Слышу, как они пытаются дозваться до меня, верят, что мне ещё можно помочь, хотя сами нуждаются в большей помощи. Наши мечи скрециваются. До сих пор помню те бесчисленные лязги, от которых сыпались искры.

Помню, как мои руки, сжимающие меч, ловко им орудовали, пробивая каждую защиту, что ставили мои друзья. Помню, как они умоляли меня, помню каждое их слово. Помню, как они кричали моё имя, веря, что я их слышу и в следующую секунду брошу меч.

Я их слышал. Но меч не опустил.

Помню, как сопротивлялся. Как кричал внутри, когда кровь моих друзей оказывалась на мне. Как бился с оковами, что сдерживали меня, когда я оказался среди трупов своих

товарищей.

Я был слабее тех чар, что пленили меня. Не мог их разорвать, как бы того ни хотел. И как бы я не желал обратного, моя рука летела вверх, лезвие взмывало в воздух, и земля в очередной раз впитывала в себя чужую кровь. Сколько было пролито на неё за все века — неизвестно. Знаю только, что в тот день она пропиталась кровью четырёх безвинных людей.

И кровью одной твари, что сгубила более тысячи людей.

Я бы хотел, чтобы ко всей этой крови добавилась ещё одна: моя. Но это невозможно.

— Два года прошло, — между тем произношу я. — Любой бы смирился. Вы бы точно сказали мне отпустить всё это, — горько усмехаюсь. — Но я не могу. И не хочу. Я не позволю себе этого сделать. И простите меня. Если бы не я, вы бы ещё столько прожили, столько бы всего увидели.

Не знаю, подошёл ли срок моих друзей в тот день. Я стараюсь как можно меньше об этом думать. С одной стороны, если они должны были умереть в тот момент, когда моим разумом управляла Сирин, то значит, им было суждено пасть от моей руки. А от этого осознания не становится легче. С другой — если их срок не подошёл, то они могли жить ещё десяток лет или больше. А от этих мыслей только хуже.

Оглядываю могилы друзей: голубцы немного покосились, деревянные крыши покрылись трещинами, а кресты поржавели. По сравнению с другими захоронениями, могилы моих друзей могут показаться нелепыми, грязными и неопрятными. Я редко бываю в родном городе, и не всегда удаётся проведать друзей. А больше ухаживать за их могилами некому.

Могилы — некая привилегия для знатных господ, богатых бояр и влиятельных людей. Конечно, обычные люди могут похоронить своих близких, но земля, отведённая на кладбище, для них слишком дорога. Поэтому бедняки нередко устанавливают голубцы рядом со своими домами или вовсе закапывают тела в лесу, как-либо помечая места захоронений. Знать же может позволить приобрести себе место на кладбище задолго до смерти. Многие куски земли пустуют как раз по этой причине: они принадлежат ещё живым людям.

От богато расписанных голубцов, принадлежащих знатным семьям, становится не по себе. Захоронения обильно украшены золотом, а крыши изрезаны в искусных витиеватых узорах. Невозможно сказать, какая из могил выглядит вычурней и пышней. Лишь складывается впечатление, что люди зачем-то борются между собой, пытаясь выяснить, чьё захоронение богаче, пестрее и краше. Каждый хочет как-то выделиться среди других. Даже если речь идёт о кладбище, где все в равной степени закопаны в землю.

Четыре могилы стражей среди остальных кажутся мне уголком простоты и естественности. Голубцы я вырезал сам, крепил к земле собственными руками, рыл могилы самостоятельно, а затем опускал в землю вещи, что были дороги моим друзьям, и вновь закапывал, бережливо притаптывая землю.

— Я кое-что вам принёс, — говорю я после затянувшегося молчания, повисшего в воздухе угнетающим облаком. — Вацлав, — я поворачиваюсь к первому голубцу — самому широкому и высокому. Таким же был Вацлав: крепким, сильным и бесстрашным. Ничто не могло его сломить и заставить сдаться. Но всё же его взгляд потух, когда я рассёк грудь Вацлава мечом. — Что бы я не принёс тебе, ты всё равно будешь этому рад, — губы сами дёргаются в слабой, но искренней улыбке. — Но я-то знаю, чему ты будешь рад больше всего, — открываю дорожную сумку и достаю небольшой тряпичный свёрток. Развернув его, я кладу круглый пряник у могилы Вацлава. — Прости, больше принести не смог. Кухарка и

так чуть меня не прибила, когда я один стащил. Еле убежал от неё.

С Вацлавом мы частенько проворачивали такое. Он был старше, мудрее и опытнее меня и относился ко мне не как к командиру отряда, а как к младшему брату, постоянно прикрывая мне спину и поучая. Для него я был ребёнком, рвущемся вперёд, а не капитаном, заботящемся о безопасности всего отряда. Пусть в еде я не нуждаюсь, но вместе с Вацлавом нередко бегал на кухню и воровал вкусности. Нам влетало от кухарок, даже Велимир делал предупреждения, грозясь отправить на север за такие выходки, но мы продолжали. А едой делились либо с остальным отрядом, либо с другими стражами, либо с юными кадетами, которые уставали от тренировок настолько, что даже не доходили до столовой.

— Истислав, — следующий голубец чуть пониже и тоньше, узоры на нём получились самыми ровными и чёткими, а углы заострённые, — мне не хватает твоей музыки. Сколько не слышал музыкантов на ярмарках или в тавернах, тебя никто не превзошёл, — подле земли я кладу деревянную свирель. — Я её сам сделал, специально для тебя. Безусловно, я не мастер в этом деле, но звук не так уж плох, как мне показалось, когда я её вырезал. Уверен, в твоих руках она заиграет удивительной мелодией.

Истислав прославился в Ордене как заядлый пьяница и неисправимый разгильдяй, уваливающий от дел всеми возможными способами, что порой доходили до нелепости. И всё это оказалось лишь сплетнями. Когда меня назначили капитаном и вручили под командование четырёх стражей, Истислав встретил меня с пустой бутылкой кваса в руке, задорным настроением и песней, чьи слова было сложно разобрать из-за пьяного состояния стража. На заданиях же он действовал иначе: серьёзно, вдумчиво, чётко, быстро и сосредоточено. Даже умудрялся завести разговор во время боя, поддержать беседу, обсудить каждую тему, что только приходила ему на ум, и остаться при этом невредимым и в хорошем расположении духа.

— Жаль, что я её не услышу. Но, пожалуйста, спой свою мелодию Злате. Так и знал, что стоило вам рассказать о ваших взаимных чувствах, — третий голубец выглядит более лёгким и изысканным, но вместе с тем проще, чем остальные. Он тесно прилегает к могиле Истислава. — Злата... Я долго думал, что тебе привезти. А потом вспомнил о твоей бесконечной любви к чтению, особенно к стихам, — я кладу рядом с голубцом Златы сложенный пополам пергамент. — Знаю, ты велела мне бросить это дело, пока я в конец не оскорбил великое искусство поэзии. Но всё мне хочется верить, что в этом стихотворении ты найдёшь что-то сносное.

Я не поладил со Златой с первой же нашей встречи, так как мы состояли в одном особом легионе под руководством Велимира Тузова. Злата везде была первой: и в боях, и в молитвах, и в фехтовании. Она не видела перед собой преград, а если те и были, то она безжалостно их ломала. Когда мы познакомились, Злату за минуту уложила меня на лопатки и вывихнула мне руку. Позже, когда я стал капитаном, она была готова удавить меня на месте. Злата делала для Ордена то же, что и я, даже больше. Но повышение в звании она не получила. Злата оспаривала многие мои решения, но всё равно подчинялась. Лишь спустя время мы нашли общий язык. Я пообещал, что сделаю всё, лишь бы она продвинулась по службе. Но не успел.

Мало кто понимал, что между Истиславом и Златой. В один момент они могли горячо спорить, чуть ли не вгрызаясь в плотки друг друга, а уже в следующий миг один из них был готов убить каждого, кто только тронет второго. Их страсть была неоспоримой, но непостоянной: она зажигалась точно по щелчку пальцев, подобно огню, чей жар тянется до

самых небес. В их глазах читалось многое, но ничего из этого они так и не осмелились сказать друг другу.

— Ратмир, — обращаюсь я к младшему товарищу. Его голубец ниже всех. — Месяц назад я виделся с твоими родными. С ними всё хорошо, твой дед помогает бабушке по хозяйству. Никогда не видел, чтобы люди настолько трепетно относились друг к другу даже спустя столько лет. Неудивительно, что ты вырос таким. Тебе я привёз два подарка. Один из них просила передать твоя бабушка, — вытаскиваю из сумки два белых платка с разной вышивкой. На одном узор ровный, красивый, ярко-синий с серебром; другая же вышивка корявая и несуразная, и даже непонятно, что изображено: то ли птица, то ли безногий конь. — Думаю, понятно, какая сделана мной, — бережно кладу вышивки у могилы Ратмира.

Несмотря на то, что Ратмир был моим ровесником, для меня он был неопытным ребёнком, делящим мир на чёрное и белое. Он даже не догадывался, что могут быть и другие цвета. Ратмир подчинялся мне беспрекословно, выполнял каждое поручение безупречно, ожидая похвалы. Я был его примером для подражания, Ратмир всегда был на моей стороне, даже если я сам осознавал, что неправ. Он ко всем относился со странной, ничем необоснованной любовью. Ратмир считал, что её заслуживает каждый, никакие причины попросту не нужны. Он даже к нечисти относился по-особенному: всякий раз, убивая тварей, Ратмир молился и святым, и богам о покое душ, что некогда были нечистью.

— Простите, что не проведал ваших родных, — обращаюсь я к Вацлаву, Истиславу и Злате. — Я отсылаю им деньги, но знаю, что этого недостаточно. Простите, что не могу сделать большее.

Не знаю, какое это уже извинение. Кажется, я должен попросить прощение за всё. Особенно за то, что всё ещё хожу по земле Великомира, когда кровь моих друзей пролилась на неё.

Когда с меня сняли все обвинения, я лично навестил родных каждого товарища и рассказал всё так, как оно было. Я стоял на коленях перед их родителями, любимыми, братьями, сёстрами, дедушками и бабушками и попросту говорил. Не молил о прощении, потому что знал, что не заслуживаю его. Я ждал кары от них, был готов к проклятиям и яростной ненависти, знал, что заслуживаю расправы и мести. Мне хотелось самому пустить себе кровь, но я держался, понимая, что это удовольствие принадлежит тем, кто по моей вине потерял дорогих людей.

Но все мои ожидания не оправдались, а оказались только хуже. Никто не кричал на меня, не велел уйти, не кидался с кулаками, желая придушить. Все говорили, что моей вины здесь нет. Родители Истислава и вовсе обняли, как своего сына. Родные Златы уверяли, что не держат зла. Мать Вацлава назвала меня благородным человеком. А бабушка Ратмира прониклась ко мне жалостью.

Почему-то они не видели во мне убийцу своих детей. Поначалу я подумал, что они странные люди. А потом понял, что добрые.

Я множество раз видел, что с людьми делает скорбь. Некоторых она душила, других топила в их же слезах, третьих заставляла срывать голос в беспомощном крике. Кого-то скорбь ломала до неузнаваемости, а иногда и вовсе толкала на самоубийство, раздробив все чувства скорбящего в пыль. Со мной же скорбь поступила иначе.

Мне сухо.

Как бы я не хотел, чтобы внутри вспыхивали взрывы чувств при одном лишь взгляде на

захоронения моих друзей, этого не происходит. Внутри сухо. Холодно. Тихо. И пусто. Может, какие-либо чувства были во мне, но они засохли, покрылись трещинами, а затем сломались на ломкие куски и рассыпались в пепел, сгинув раз и навсегда.

Кое-как встаю, чуть покачиваясь. Ноги затекли и налились тяжестью. Еле переставляю ими, направляясь к следующей могиле. Захоронение находится в самом конце кладбища, где много свободных мест. Что-либо другое мне дать отказались, так как не позволял статус погибшей.

Могилы тоже пусты. Тела нет, так как его тоже сожгли вместе с другими погибшими. Уж слишком был велик риск большого количества смертников, никто и не разбирался, кто кому и кем приходится.

— Привет, мам, — шепчу я, опускаясь рядом с высоким, ровным и крепким голубцом, чья крыша украшена волнистыми узорами. Хотелось оставить хоть какую-то частичку моря, чей шум она считала лучшей музыкой. — Сегодня небо, которое ты любишь, — зачем-то говорю я, попросту не желая молчать. — Я... Мне тебя не хватает, матушка. И... — все слова, что я хотел сказать, разом вылетают из головы. Горло сжимается, в ушах поднимается гул, а перед глазами плывут тёмные круги, даже захоронение не разглядеть. На этот раз мне не сухо.

Мне страшно.

Рука машинально касается рукояти кинжала, вытаскивая короткий клинок. Сверкающее лезвие прижимается к левой стороне груди, чуть смещается вправо, и кончик направлен туда, где должно биться сердце. Пусть его ритм давно стих, но оно всё же есть. Надавливаю, готовясь погрузиться в знакомую тьму, как чьи-то руки меня останавливают.

— Есений?.. — отрешённым взглядом я смотрю на стража, который сжимает мои ладони в своих и осторожно отводит кинжал от моей груди. Опускаю взгляд вниз, с ужасом осознавая, что я только что чуть не натворил.

Я не только чуть не нарушил обещание, данное Велимиру, но и собирался убить себя на могиле матери.

Кинжал с глухим стуком выпадает у меня из дрожащих рук. По щекам стекает что-то горячее и колючее, больно щиплющее кожу и глаза. Ничего не говоря, Есений подаётся вперёд, обнимая меня за плечи и прижимая к себе, пока я трясусь и немигающим взглядом смотрю лишь в одну точку: на могилу своей матери.

— Я ужасный сын... — выдавливаю я сквозь дрожь.

Возможно, мне показалось, но Есений слегка мотает головой и обнимает меня крепче.

Глава восьмая. Работа стража

Аня

— Мне это не нравится, — шёпотом говорю я, глядя на кровавое пятно, что темнеет на крепком стволе дерева.

— Такое никому не понравится, — соглашается Данияр и опускает взгляд вниз, куда я смотреть отказываюсь, потому как уже видела, что там.

Обезглавленное тело. Отрубленная голова, валяющаяся в нескольких футах. И очень много крови.

Труп явно свежий. Кровь не засохла, её наверняка пустили совсем недавно. Мысленно чертыхаюсь, ведь знала, что нужно было подгонять лошадей! Если бы мы пришли раньше, хотя бы на миг, то могли успеть спасти путника, которому взбрело в голову пойти в Нечистый лес ночью! Но мы опоздали.

И это опоздание стоило жизни невинного.

— Похоже на жердяя¹⁹, — ровным тоном произносит Данияр, внимательно изучая обезглавленное тело.

— Жердяи же сворачивают шеи! — всплёскиваю я руками и отворачиваюсь в сторону лошадей, которых мало волнует мёртвое тело, в отличие от возможности пожевать траву. — Ради всех святых, почему у него отрублена башка?!

Данияр оглядывает пострадавшего, пока я изо всех сил подавляю рвотные позывы. Пахнет кровью. Пахнет гнилью. Пахнет смрадом и другими не самым приятными запахами. А стража они будто не смущают.

— Они не всегда сворачивают шеи, — наконец произносит Данияр. — Не знаю, что вам говорили в училище, но явно не всё. При желании жердяи отрывают головы.

— Потрясающе! — язвительно говорю я. — И где нам искать эту тварь?! Если, конечно, она одна...

— Сейчас твари ходят стаями, — сообщает страж, выпрямляясь в полный рост.

— Ну спасибо. Успокоил!

— Я и не пытался тебя успокоить, — хмурит брови Данияр. — Я только говорю, как есть.

Данияр велит мне держать крест и нити наготове, сам же он достаёт меч. Клинок в случае с жердьяем будет наиболее полезным. Главное, вовремя заметить нависшую над собой тонкую тень и обернуться, взмахнув лезвием и разрубив тварь на две части. Иначе последним, что можно услышать в своей жизни, станет хруст собственной шеи.

Оставлять лошадей в лесу небезопасно и глупо с нашей стороны. Нечисть любит лакомиться и мясом животных, а возвращаться пешком в столицу, да ещё и ночью — не самая заманчивая идея. Скакать с ними по лесу нельзя: тропинки узкие и неровные, лошади попросту не смогут долго идти и быстро вымотаются. Брать их с собой тоже не хочется. Могут испугаться и убежать, а если и останутся, то будут только мешать.

— Неподалёку есть постоялый двор, — говорит Данияр, доставая из сумки запасной клубок нитей и убирая его в карман кафтана. — Уведи лошадей туда и возвращайся. Как найду тварь или что-либо ещё, дам сигнальный дым.

— Но... — хочу уже возразить, но понимаю, что страж прав. — Хорошо. Будь осторожен.

— Ты тоже.

Беру лошадей за поводья. От дороги, по которой изредка ходят ночные телеги, мы ушли недалеко. Постоялый двор и вовсе рядом. Выхожу из леса, в тёмно-синем небе сияет белый серп — полумесяц. Сегодня он особенно яркий, точно пытается осветить путь каждому страннику, бодрствующему в ночное время. Звёзд в небе нет, воздух тёплый. Прекрасная ночь, чтобы провести её в компании сладких сновидений. Последнюю такую ночь на моей памяти я проводила на улице, лёжа на мягкой траве и смеясь вместе с тем, кого давно пора забыть.

В окнах маленькой и потрёпанной жизнью избы темно, даже тусклого огонька и в помине нет. Я сразу завожу лошадей в стойла, которых оказывается ровно два. Оглядываюсь в сторону леса, ожидая увидеть дым. Ничего. И это далеко не успокаивает меня, так как Данияр мог найти тварь, которая уже разделалась со стражем, прежде чем тот успел что-либо сделать.

Тревога усиливается, когда я снова захожу в лес. Становится холодней, по коже

пробегают неприятные мурашки. Достаяю крест, крепко сжимая его. Другая рука нащупывает в кармане кафтана нити, готовясь в любой момент выхватить их и намотать на крест. Недолго думая, я это и делаю, навязав на нижний конец креста синюю нитку. Иду осторожно, постоянно озираясь по сторонам. Тихо.

Подозрительно тихо.

Лишь мои шаги как-то разбавляют эту тишину и не дают ей собраться вокруг меня тревожной пеленой.

Замираю, стоит чьим-то рукам опуститься мне на плечи. Кажется, даже кровь сходит с лица. Осторожно опускаю взгляд вниз и вижу длинные, чёрные, когтистые пальцы.

— Пиз... — выдавливаю я со страха, но меня прерывает резкий крик:

— Берегись! — появившийся Данияр посылает в мою сторону мощный удар ветра.

Пригибаюсь к земле, ледяные пальцы отпускают меня, а сама тварь отпрыгивает на целый аршин, встав на четвереньки. Мигом оборачиваюсь.

Жердья напоминает огромного волка с выгнутой спиной и неестественно длинными руками и ногами. Голова у твари чёрная, безглазая, безротая и гладкая. Нечисть тонкая и напоминает тень. Жердья выпрямляется в полный рост, достигая пяти аршин, а то и больше. Когти, что тварь волочит по земле, оставляя рваные полосы, примерно такого же размера, что и клинок Данияра.

Вспышка — и твари уже не видно. Мы с Данияром быстро оглядываемся по сторонам, ожидая нападение с любой стороны. Призываю огонь, решив, что он будет наиболее эффективен против твари, чья скорость значительно превышает нашу.

— Слева! — объявляю я, заметив стремительное и тёмное движение, стрельнув в сторону вспышкой пламени.

Нечисть успевает отпрыгнуть в сторону, вновь встав на четвереньки. Метаю в жердея искры, и тот отскакивает назад, точно запуганный зверёк. Загоняю тварь в угол, продолжая неустанно посылать волны огня. Жердья сжимается в тёмный комок, прижавшись к стволу дерева, и я уже заносу руки, чтобы нанести решающий удар, как меня останавливает Данияр.

— Аня! В сторону!

Короткий приказ только говорит о его серьёзности, но я мешкаю, и моя заминка чуть не стоит мне жизни. Я думала, что вгоняю тварь в угол, где шансов сбежать у неё нет, но оказалось, что всё это время в ловушку меня загонял сам жердья. Он оказывается сзади, и его когти скользят по моей шеи, прежде чем я успеваю среагировать. Но вовремя собираюсь, растягиваю огонь в плеть и ударяю. Когти твари лишь царапают мне горло.

Данияр тем временем бежит на жердея, который вновь исчезает вспышкой и появляется у ствола дерева. Но приём, что он применил со мной, с Данияром не сработает. Он, обратившись к Санкт-Волибору²⁰, топает ногой по земле, поднимая её под жердьяем. Тот теряет равновесие, но возвращает его, снова переместившись на две сажени. Длинные руки тянутся к стражу, и тот отражает их мечом, отрубив кисти. А дальше происходит то, чего не ожидала ни я, ни Данияр, ни сама тварь. Из отрубленных рук жердея выползают тонкие чёрные щупальца, которые, противно хлюпая, срastaются воедино.

В грёбаные. Когтистые. Длинные. Руки.

Держась за шею и шипя от колющей боли, быстро опускаю взгляд на руку. Крови не сильно много, но болит так, будто к глотке приставили раскалённую кочергу.

— Какого хрена его руки отросли?! — спрашиваю я, поднимаясь с земли и не убирая

руку от раны.

— Не выражайся! — следует короткий и строгий ответ Данияра.

— Да иди ты!

Стоит мне убрать руку от раны, как та отзывается резкой и острой болью, от которой перед глазами пляшут чёрные звёздочки. Ранение не смертельное, но и далеко не лёгкое. Однако не такое, чтобы падать в обморок.

Но сражаться с приставленной к горлу ладонью неудобно. Нити не навяжешь на крест одной рукой, держать короткий меч сложно: лезвие попросту перевешивает, равновесие быстро теряется.

Послав боль куда подальше, отнимаю руку, берусь за крест, накручивая на него нити. Данияр тем временем отчаянно уворачивается от атак когтей жердяя, выводя тварь из себя каждым ловким движением. Жердяи безмолвны, поэтому свою ярость они выражают действиями. Тварь нападает злей, мощней, точно нечисть не просто пытается свернуть стражу шею, а прихлопнуть его одним ударом, превратив в лепёшку. Практически каждая атака жердяя приходится по земле, по которой расползается паутина трещин.

Вызываю молнию и кидаю прямо в жердяя, который исчезает в один миг. А мой удар приходится на дерево, что спустя миг загорается.

— Дерьмо, — тихо выдавливаю я, чтобы не получить повторное замечание от Данияра, который и так окидывает меня хмурым взглядом.

Твари нигде не видно, а огонь, танцующий на кроне дерева, быстро перекидывается на древесных соседей. Прямо как пять лет назад, когда...

— Аня! — командный тон Данияра выводит меня из череды воспоминаний, что всплыли в голове при одном виде пламенных языков. — Останови огонь. И не стой столбом! — прикрикивает он, увидев, что я даже не шелохнулась.

Трясу головой, отгоняя ненужные образы. Обращаюсь к Санкт-Владимиру, но не чтобы призвать пламя. Нет, мне нужно притянуть его к себе, убрать с деревьев. Огонь сопротивляется, его жар обжигает, пытаюсь вырваться из моей хватки, чтобы вновь плясать на свободе. Рана на шее пульсирует, не давая сконцентрироваться и собрать пламя воедино. Искры уходят из моих рук, вырываются из красно-оранжевого шара, что мне удалось собрать вместе, и разгораются с новой силой на земле. Пот крупными каплями стекает по лбу, глаза закатываются, мышцы натягиваются так, будто вот-вот лопнут. А ещё по плечам стучат длинные, чёрные и острые когти.

— Сейчас! — кричит Данияр, которого я не вижу.

Уж не знаю, что он задумал, поэтому делаю то, что первым приходит в голову: резко разворачиваюсь, направив шар собранного огня вперёд — на тварь. Когда пламя обрушивается на нечисть, тело жердяя уже разрезано пополам. Огонь и вовсе оставляет после твари лишь тёмно-серые хлопья пепла. Искры от пламени попадают на землю, но быстро тухнут.

— Я... Я была приманкой, — неуверенно произношу я, смотря на Данияра, стоящего в стороне и сжимающего в руке меч, на лезвии которого чернеет тёмная слизь.

— Нет, — заявляет он. — Ты остановила пожар, которой возник по твоей вине. Я просто воспользовался ситуацией.

— Я могла погибнуть! — восклицаю я и тут же осекаюсь, вспомнив, что совсем недавно ощущала гибель, которая так и не наступила.

— У меня было всё под контролем. Это и есть работа стража, Аня. Рисковать.

Больше он ничего не говорит. Я же успокаиваюсь, поняв, что Данияр прав. Я знала, на что иду, когда поступала в училище. И угроза смерти меня не остановила.

— Сильно болит? — интересуется Данияр, кивнув на рану, что краснеет на моей шее.

Мотаю головой и тут же шиплю от пронзающей боли.

— В сумке есть лекарства, — говорит Данияр, идя к выходу из леса. Я же плетусь за ним.

— Если там подорожник, клянусь, я за себя не ручаюсь.

— Не волнуйся. Подорожник измельчённый.

***

В крепость мы возвращаемся только к полудню. А задержались мы потому, что хозяин постоянного двора, где я оставила лошадей, не хотел нас отпускать, пока мы ему не заплатим в три раза больше положенного. Сначала старик, глухой на одно ухо и слепой на один глаз, но упёртый как стадо ослов, говорил, что лошади теперь его, раз в стойлах стоят. Затем торговался, пытаясь продать наших же лошадей. Когда же от злости я ударила по стене постоянного двора, от чего изба чуть не развалилась, хозяин потребовал плату лишь за содержание лошадей. Вот только просил он такую сумму, на которую должен был нас обеспечить горячей едой, тёплой баней и мягким ночлегом. Отстал старик лишь тогда, когда Данияр согласился заплатить половину названной суммы, несмотря на все мои возмущения.

Но стоит нам подойти к Площади Чести, как нас ожидает сюрприз в лице Луизы. Стражница, заметив меня и Данияра, даже не даёт нам вздремнуть, а сразу же тянет на новое задание: в полях одного поселения всё чаще и чаще находят обескровленных людей. Дело серьёзное, ибо на такое способны только ырки²¹. Конечно, упыри тоже пьют кровь, но в поля заходят крайне редко, и твари никогда не осушают жертв до конца, оставляя на запас.

— Старайся бить сверху, — советует Луиза, пока мы втроём скачем на лошадях, надеясь успеть к ночи. Путь далеко не близкий, поэтому Данияр заранее предупредил, что вероятней всего на место мы прибудем лишь на следующий день. Но всё же мне хочется верить, что мы поможем людям раньше.

— Разве не удобней через гортань?

— Нет. Во-первых, можешь промахнуться и просто пронзить шею, не попав в язык. Во-вторых, ырки редко открывают это место. И в-третьих, запаришься меч вынимать. Иногда застревает, что не вытащишь сразу, а ырки — твари приткие. Будут скакать даже с воткнутым лезвием, — на этих словах Луиза морщится, точно в её голове вырисовывается эта картина: бегающая из стороны в сторону ырка, чья шея насквозь прожжена мечом. — Поэтому сверху удобней. Легче вынуть меч и в язык попасть проще.

Жадно запоминаю каждое слово, что пригодиться мне при бое с нечистью. Пусть я закончила кадетское училище и стала полноценным стражем, всё же мне есть чему учиться. Поэтому я и слушаю с раскрытым ртом товарищей по службе, чей опыт в сражениях более велик, чем мой.

Как и полагал Данияр, к ночи мы проходим лишь большую часть пути. Лошади вымотались, да и у меня глаза слипаются. Данияр потягивается, хрустя пальцами и шейей, и спрыгивает с кобылы, когда мы подходим к постоянному двору. Луиза из всех нас выглядит самой бодрой: глаза сверкают, кожа ровная, спина прямая, а голова гордо поднята. Я же явно не в лучшей форме: кафтан помят, волосы спутаны, лицо осунулось. Хотя бы рана затянулась, и теперь на моей шеи бледнеют лишь едва заметные полосы. Но почему-то мне не верится, что с этим так хорошо справился подорожник, что был в лекарстве.

Вздremнуть мне удаётся лишь несколько часов: уже с рассветом мы вновь выдвигаемся в путь. И подходим к поселению только поздним утром.

— Поищем норы, — предлагает Данияр. — Если обнаружите ырку, бейте сразу в голову. Или хотя бы лишите тварь глаз.

— Это если она будет спать, — уточняет Луиза.

— В противном случае, кричите, — коротко добавляет страж и уже разворачивается к нам спиной, как останавливается, краем глазом взглянув на меня. — Аня, пойдёшь с Луизой.

— Капитан не назначал тебя главным, — фыркает стражница, не одобряя идею совместной работы со мной.

— Я сам себя назначил.

Луиза только закатывает глаза и безмолвно велит мне следовать за ней и не отставать. Я же внимательно оглядываюсь по сторонам, ожидая нападения в любой момент. В дневное время свечение глаз ырки не заметишь, из-за чего трудно вообще увидеть тварь. Колосья в поле высокие, именно в них нечисть и прячется, припав к земле. В темноте можно было увидеть хотя бы слабое мигание, а теперь остаётся ждать либо порывистых движений в сторонах, либо тревожного предчувствия, что за тобой кто-то наблюдает.

Раздвигаю колосья руками, проверяя, нет ли нор. Чисто. То же самое обнаруживает и Луиза. Так продолжается ещё минут пять, пока я не спотыкаюсь и едва не валюсь вниз, прямо в золотистые колоски.

— Твою ж!.. — уже готовлю бранное проклятие, как взгляд падает на то, из-за чего я чуть не навернулась.

Человеческая рука. Посиневшая, сухая, вырванная по локоть. Крови под ней мало, и почему так понятно сразу: на земле виднеются следы зубов, точно кто-то настолько жаждал крови, что не побрезговал вкусить вместе с ней и землю.

Сглатываю и осмеливаюсь поднять руку. Холодная, противно мягкая.

— Что тут у тебя? — громко спрашивает Луиза, пугая меня так, что в страхе хватаюсь за сердце, чей ритм заметно увеличивается.

— Ырки отрывают части тела? — отрешённо произношу я, пока стражница ловко перехватывает руку, изучая её вдоль и поперёк с таким видом, будто она держит не человеческую конечность, а новый блестящий клинок.

— Все повадки и привычки тварей стражи не знают, — пожимает она плечами. — Поэтому, почему бы и нет? Думаю, произошло это так: ырка вцепилась в руку нашего бедняги, тот видимо был упёртый, пытался вырваться и убежать. Да так пытался, что рука его не выдержала. Челюсти у ырок крепкие и мощные. Вцепятся в добычу, и хрен отодрёшь, — поясняет Луиза, увидев мои округлённые глаза. — И тварюга голодная была, — со знанием делом говорит стражница, оглядывая рваную землю. — Вот всю кровь и выпила.

— Сзади! — ору я и кидаюсь на Луизу, валя ту вниз и прикрывая её собой.

Ырка приземляется в двух аршинах от нас. Луиза спихивает меня с себя, встаёт, отбрасывая бледную руку, и обнажает короткий меч.

— Не смотри в её глаза! — коротко велит стражница и бросается в атаку. Ырка с криком, напоминающем больше порыв рвоты, уходит в сторону, исчезая в колосьях.

Пусть Луиза и предупредила меня, сама же стражница глядела прямоком на ырку — в её круглые чёрные глаза с двумя мелкими точками, что в темноте сияют жёлтым. И Луиза даже не поддалась гипнозу.

Вынимаю клинок, рассекая им воздух над собой, а после отскакиваю назад. И вовремя!

Удар приходится прямо по глотке ырки, и из тонкой полосы, что оставил мой меч, вытекает густой гной. Тварь верещит, впивая в меня глаза и раскрывая рот, в котором виднеется ряд острых клыков. Уже было встаю и поднимаю меч, как ноги касаются грязные пальцы. И вгрызаются острые зубы.

Вскрикиваю от жгучей боли и роняю клинок. А ырка — та, что впереди, — замечает моё ослабленное положение и в один прыжок чуть ли не долетает до меня, но тут длинное лезвие проводит твари по глазам, из которых тоже сочится гной, а затем и вовсе пробивает насквозь нижнюю челюсть, вонзаясь в длинный острый язык.

— Данияр! — чуть не плача произношу я, когда вторая ырка продолжает нагло высасывать мою кровь, больно присосавшись к лодыжке.

Страж не медлит, а пронзает череп твари, и кончик лезвия наверняка касается и языка. Ырка хрипит и шипит, а спустя миг рассыпается на пепел.

— Здесь ещё пять, — сухо объявляет Данияр, пока я пытаюсь прийти в себя после укуса нечисти. Насколько мне известно, максимум, что может со мной произойти, это обморок. Но сердце всё равно бешено бьётся от страха. Особенно, когда Данияр говорит, сколько в поле ещё таких тварей.

Поднимаю меч, а Данияр в недоумении оглядывается по сторонам:

— А где Луиза?

И будто бы в ответ на его вопрос, вдалеке доносится крик:

— Где вас носит, стражи хреновы?!

Прежде чем Данияр скажет не выражаться, я бросаюсь туда, откуда доносился вопль. Страж следует за мной, и долго бежать не приходится, так как ырки, увидев новых участников боя, мигом переключаются на них, то есть на нас. И тварей здесь больше, чем пять, примерно в четыре раза.

И откуда только они вылезли?!

Всё это время с ними в одиночку сражалась Луиза. Стражница даже не вспотела, лишь пепельные волосы слегка разлохматились. И дышит Луиза ровно, совсем не запыхалась наносить разящие удары раз за разом. Кидаюсь к ней на помощь, когда одна из ырок взбирается стражнице на спину, как меня сбивает с ног ещё одна тварь. Её пасть нависает надо мной, и я, собрав всю силу в кулак, в котором зажат меч, резко дёргаю рукой и пронзаю лезвием язык ырки, спихивая ту с себя.

Но не тут-то было. Будто бы почувствовав гибель сородича, остальные ырки устремляются на меня. Даже та, что взобралась Луизе на спину. И все твари одновременно плотоядно облизываются.

Вот же дерьмо... У меня же открытая рана на ноге!

А кровь как раз и привлекает ырок, для которых я явно выгляжу куском мяса.

— Беги, — едва раскрывая рот, говорит Данияр. Командный тон побуждает меня к действию, и я бросаюсь в бегство, поздно осознав, что моему примеру следуют и твари, что срываются с места целым скопом.

— Я снова приманка?! — догадываюсь я, а тем временем мне в спину доносится дыхание тварей, больше напоминающее хрюканье, перемешанное с храпом.

— Снова риск, — исправляет Данияр.

— Он всегда так делает! — с весельем говорит Луиза, пронзая ырку, что помчалась за мной, в череп.

— Это эффективно, — в свою очередь оправдывается страж, избавляясь ещё от одной

твари.

Ырки решают действовать сообща и окружают меня со всех четырёх сторон. Я крепче сжимаю меч, направляя лезвие то на одну тварь, то на вторую, то на третью, давая понять всем, что я вооружена и без боя моя кровь им не достанется. Но, кажется, нечисть как раз-таки и готова биться за добычу. Мельком гляжу на своих товарищей: те порубили небольшую часть тварей, а сейчас бегут изо всех сил, но шанс, что они успеют, не особо велик.

Ох, и влетит же мне от селян! Но делать нечего. Либо пострадаю я, либо колосья.

В кармане нащупываю крест и быстро молюсь Санкт-Владимиру в тот самый момент когда ырки кидаются на меня одна за другой. С пальцев срывается огонь, сметающий тварей в стороны, но тем жар нипочём: он лишь отвлекает их и не даёт подобраться ко мне. Колоски загораются золотистыми языками, пламя трещит, а ырки не теряют надежды вкусить моей крови: высоко прыгают и тут же получают огненную оплеуху. Всё же есть кое-что хорошее в том, чтобы быть окружённой: можно бить в любую сторону.

Пока я раскидываю ырок огненной плетью, Данияр и Луиза подспевают подойти и искусно орудуют мечами, с хрустом пронзая черепа тварей и задевая их языки. Нечисти становится меньше, а огня и пепла — больше. Когда же Луиза отрубает последней ырке голову, а после рассекает ту пополам вместе с языком, я гашу пламя, сверкающее у меня в ладонях. А огня, разыгравшегося на поле, оказывается слишком много.

Но и эту беду решает Луиза, коснувшись креста на шее и притянув к себе вереницу пламени. Стражница щёлкает пальцами, и от ярких языков остаются лишь тлеющие огненные брызги, которые достаточно притопнуть, и они исчезнут.

— Предлагаю свалить отсюда, пока нам не выписали штраф за порчу поля, — предлагает Луиза.

Я и Данияр мигом соглашаемся.

***

Штраф нам всё же пришлось выплатить: ущерб нанесён серьёзный, и поле сильно пострадало. Благо, нам скинули несколько медяков по причине того, что всё-таки мы избавились от тварей. Но больше никакой благодарности не последовало, нам только пожелали убраться подальше и как можно скорей.

— Если бы не мы, только святым известно, сколько бы ещё людей померло в их хреновом поле, — мрачно ворчу я, когда мы возвращаемся в столичную крепость.

— Привыкай, — как ни в чём не бывало пожимает плечами Луиза. — Это наша работа: не получать благодарность за добрые дела.

— Но почему? — не могу понять я. — Не отваяются же у них языки от человеческого «спасибо».

— Орден пользуется меньшим уважением, чем несколько лет назад, — влезает в беседу Данияр. — Стражи теряют доверие за любую оплошность: будь то подожжённое поле, то неудавшееся задание, обернувшееся чьей-либо гибелью. А народ не прощает плохого. Вот сейчас многие и привыкли думать, что если стражи и берутся за дело, то бед от этого больше, чем толку.

— Но люди нуждаются в нас.

— Нуждаются. Но они никогда этого не признают.

И всё же это несправедливо. Стражи день изо дня подвергают себя опасности, жертвуют жизнями ради других, рискуют, идут на верную смерть, получают серьёзные ранения. И всё ради чего? Ради косых взглядов и перешёптываний о том, что Орден состоит лишь из

нахлебников, приносящих беды? Нечисть бы давно бесчинствовала на просторах Великомира, если бы не борьба Ордена с тварями. Победа не всегда достаётся стражам, но служащие Ордена продолжают бороться до самого конца. А если и знают, что всё бесполезно, то пытаются выбить хоть малейшую искру надежды. Но люди не видят этого. А может, не хотят видеть. Потому и не ценят.

Много времени мы потратили на сон и нормальный обед, поэтому в крепость мы возвращаемся спустя два дня после победы над ырками, к полудню. Стражей в Ордене полно: все куда-то спешат и несутся, прикрикивают друг на друга, раздавая приказы, а после снова срываются с места. Слова теряются в общем шуме, и, в отличие от меня, Луизу и Данияра весь этот балаган не смущает.

Когда мы спрыгиваем с лошадей, я первым делом спрашиваю:

— Вы ведь напишите обо мне отчёт?

— Я писать не люблю, — протягивает Луиза. — Если и придётся, то Данияр напишет за меня.

— Капитан точно о тебе спросит, Аня, — отвечает страж.

— И что вы скажите?

— Что ты неуправляема, — честно произносит Данияр. — Упрямая. И сильная.

— Первые два пункта он и так знает, — мрачно замечаю я.

— Тогда я присоединюсь только к последнему, чтобы до него дошло, — говорит Луиза, уводя свою кобылу в конюшню.

Данияр берёт за поводья остальных двух лошадей и поворачивается ко мне:

— Иди к капитану и доложи о заданиях. Если он, конечно, на месте. Западное крыло, девятая дверь от правой лестницы, второй этаж, — добавляет он, увидев, что я не двигаюсь с места.

Благодарно киваю и вхожу в крепость через главный вход. Несмотря на многолюдность, внутри слишком чисто. Полы сверкают, коридоры на удивление светлые, точно стены помыли. Даже неудобно идти по чистому полу в грязных ботинках, но делать нечего. Иду как можно быстрее, чтобы проходящие мимо стражи не заметили грязь, остающуюся после каждого моего шага.

Подходя ближе к нужной двери, слышу знакомый голос: хриплый, скрипящий, как дверные створки. И если раньше он был ещё и добрым, то сейчас больше напоминает раскаты грома.

— Думаешь, что знаешь его?! — грохочет Велимир Тузов. — Единой встречи недостаточно, глупый ты мальчишка! Он чудовище! И ты не справишься с ним, каким бы упрямым и самоуверенным ослом не был!

— Ты сам сказал: он что-то замышляет! Если я узнаю... — начинает Александр.

— Не узнаешь! Я говорил тебе и повторю ещё раз: ты и на версту к нему не приблизишься. И он к тебе! Избавь меня от возражений, Александр!

Ругань главнокомандующего прерывается моим стуком в дверь. Тут же жалею, что я вообще пришла, потому как более неподходящий момент сложно придумать. Дверь открывает Александр. Выглядит капитан злым, бледнее обычного. Чёрные волосы растрёпаны, а губы поджаты. Но при виде меня его лицо разглаживается.

— Аня, — выдыхает он, точно ожидал увидеть на пороге кого-то другого. — Дай угадаю, несколько заданий подряд? А то тебя давно в Ордене не видно.

— Я не вовремя? — догадываюсь я, не обратив внимания на вопросы капитана.

— Нет.

— Вообще-то да, — возражает Тузов. — Уж извини, но мне надо облагоразумить твоего капитана, так что почешите языками потом.

— Нет, — стоит на своём Александр. — Заходи, — он пропускает меня вперёд. — Мне срочно нужен собеседник, который не старый и не ворчливый.

Неуверенно переступаю порог под грозным взором голубых глаз главнокомандующего. Тот что-то бормочет про молодых и чешет ухо, а после, прочистив горло, обращается к Александру:

— На собрании я тебя не жду. Придёшь — откручу голову и запульну её в Морозные горы. Учти, сынок, я не шучу.

Александр не отвечает, а меня не покидает ощущение, что в комнате явно кто-то лишний, и это наверняка я.

— Не хочешь выпить? — обращается ко мне Александр. — У меня лучший квас во всём Великомире, — не дожидаясь ответа от меня, он подходит к шкафу, доставая тёмную бутылку. — Разные сорта и...

— Я не пью, — мягко отказываюсь я.

— Тогда выпью и за тебя, — невозмутимо произносит он и отхлёбывает прямо из бутылки.

— Капитан, — неуверенно зову я, а спустя секунду добавляю: — Главнокомандующий. Возможно, это не моё дело, но почему в Ордене такая суматоха? Что-то случилось?

Александр переглядывается с Тузовым, точно спрашивает у старшего по званию разрешение мне рассказать. Главнокомандующий едва заметно мотает головой, словно бороду поправляет, а не запрещает что-либо. Капитан вновь поворачивается ко мне, и на его лице сияет кривая улыбка. Он делает ещё один большой глоток прямо из бутылки, после чего торжественно объявляет, нервно смеясь:

— В Орден приезжает царь!

Глава девятая. Одноглазый мерзавец

Александр

Выпиваю квас до конца, бросив пустую бутылку в шкаф. Велимир, обхватив седую голову, качает ей, явно проклиная меня. Аня же, услышав новость, недоумённо хлопает глазами, переводя взгляд то на меня, то на главнокомандующего, то на шкаф с квасом, точно подумывает всё-таки начать пить.

— Стражи готовятся, — объясняю я. — У всех дел по горло, вот они и носятся.

— Вы тоже готовитесь? — спрашивает Аня.

— В каком-то смысле. Нужно подготовить несколько бумаг до приезда царя, — пожимаю я плечами и, вспомнив о цели визита в мой кабинет, достаю из ящика нужные бумаги, которых оказывается немного, кладя их перед Велимиром.

— Что это? — интересуется стражница.

— Отчёты, — тучно вмешивается Тузов, беря одну из бумаг в руки. — Отчёты о нечисти, что бродит под светом солнца. Поэтому царь и приезжает сюда. Хочет выяснить, что творится в его стране с нечистью и что стражи с этим делают. Ну, или дать указания насчёт этого.

— Сегодня собрание, — вставляю я. — Присутствуют все главнокомандующие, генералы и большинство капитанов. Ну, и сам Мечислав Ясноликий. У вас что-то приключилось на миссиях?

— Точно! — мигом откликается Аня, точно вспоминает, за чем же она всё же пришла. — В Нечистом лесу мы нашли обезглавленный жердьям труп. Тварь убита, но перед этим Данияр отрубил жердюю руки, и те выросли, будто их вовсе и не отрубали. Ырок в поле было слишком много, больше дюжины. А ещё я случайно спалила поле, но не всё! — спешно произносит она, заметив мой удивлённый и заинтересованный взгляд. — Отделались шпрафом, — заканчивает стражница быстрым и ёмким отчётом.

Способности к восстановлению жердья не имеют. Такой силой обладают только некоторые из духов и мертвяки, да и то у тех отрубленные конечности не вырастают: твари их попросту приделывают к своим разлагающимся телам. А ырок в одном поле может водиться максимум пять, но уж точно не больше дюжины. Дело начинает принимать дурной оборот.

Всё началось с таинственной смерти кадетов и хождения нечисти под светом дня. А теперь твари становятся сильнее и практически неуязвимыми.

И практически во всех ситуациях присутствовала Аня. Я бы начал её подозревать, если бы не случай с упырями, который мне рассказал Данияр. И другие, с которыми столкнулись стражи за это время.

Но что-то в этой девушке есть. Что-то, что не даёт мне покоя. Что-то, что заставило моё сердце биться.

— Сообщу об этом на собрании, — обещает Велимир, поднимаясь из стола и забирая бумаги с собой. — Царь вот-вот прибудет. Я тебя предупредил, Александр. И вспомни, что ты мне обещал, — говорит он напоследок, хлопая дверью и оставляя нас с Аней наедине.

Убираю волосы со лба и поднимаю взгляд на Аню. Бедная: она всего неделю в Ордене, а уже и задания пережила, и на царя поглядеть выпала возможность. На её месте я бы точно выпил.

На самом деле я бы предпочёл, чтобы Ани сегодня не было в Ордене. Я надеялся, что она с Данияром и Луизой вернётся к утру, так бы я мог дать ей ещё одно задание и отправить подальше от крепости. Подальше от царя. Сам же я вернулся из Соколинска только два дня назад.

И я, и Велимир сошлись на том, что Ясноликий приезжает в Орден далеко не за тем, чтобы обговорить всю ситуацию, происходящую с нечистью, и решить, как дальше бороться с ней, не понеся при этом серьёзные потери в лице стражников. Нет, это лишь прикрытие. Рылов предупреждал меня, говорил, что царь желает встретиться со мной. А затем главнокомандующий назвал срок — неделя. И он как раз подошёл к концу.

Царь что-то замышляет. Причём очень давно, ещё до войны с Багларом — северным государством, чьи земли отныне принадлежат Великомиру. Велимир упоминал, что Мечислав ещё до своего восшествия на престол интересовался Орденом, святыми и всем, что только связано со стражами и их верой. Вряд ли такое любопытство обусловлено жаждой знаний или же принятием религии Ордена. Нет, дело кроется в другом.

Велимир рассказывал мне об этом человеке, когда узнал, кто я на самом деле. Главнокомандующий назвал его чудовищем похуже любой нечисти и всякого духа. Ведь именно Мечислав Зареславский, известный как царь всей земли Великомира Мечислав Ясноликий, двадцать семь лет назад приказал Ордену Святовита уничтожить Баглар вместе с его народом — славными берендеями²².

— Не забудь переобуться, — напоминаю я Ане, взглянув на её грязные ботинки. — Всё-таки не гоже встречать так самого царя.

Будь моя воля, я бы встретил его ударом меча прямо в сердце.

***

Все стражи, присутствующие в Ордене, уже собрались перед центральным входом, дабы должным образом поприветствовать царя. Весь мой отряд в сборе, помимо Есения. Уж не знаю, куда делся страж с причудами, однако такие неожиданные исчезновения с ним случаются не впервой. А выяснять, где он пропадает, бесполезно и невозможно — Есений всё равно не ответит, а лишь посмотрит слезящимися глазами и прошепчет несвязные между собой слова.

Мы стоим в конце коридора. Аня рассказывает Ру, как она чуть не спалила целое поле, а к их беседе постепенно подключается и Луиза. Я же думаю лишь об одном: как сдержать внутренний гнев, если цепи, подавляющие его, практически порвались? Как смотреть на человека, посмеявшегося поднять руку на мою мать? Как не впасть при этом в бешенство и не задушить его голыми руками, с удовольствием слушая каждый предсмертный хрип?

Как не увидеть в этом человеке себя?

Торжественный звук дудок означает лишь одно: царь прибыл. И действительно, широкие двери крепости раскрываются, а стражи выпрямляются по струнке и отдают честь, прижимая левую ладонь со сомкнутыми пальцами к виску и сжимая другой рукой крест, висящий на груди.

К моему удивлению, царь появляется без стражи: без своих дружинников. Он один. Совершенно. Такой уязвимый и открытый.

Он изменился. Чёрные волосы с проседью пострижены и аккуратно уложены, но не вьются, как у меня. Царь даже отрастил короткую бороду. Взгляд пронзающий, острый, подмечающий все детали, что он обязательно использует в дальнейшем. На его лице — красивом лице — играет улыбка доброго и справедливого правителя, который бросает все силы на улучшение жизни в своей стране, делает всё ради своего народа, относится к каждому жителю Великомира с любовью и заботой.

Лжец.

Он постарел. Лицо покрыто едва заметными морщинками, прибавляющими царю мудрости и опыта, что так необходимы настоящему правителю, любящему своё государство. Одет Мечислав роскошно: красное платно, вышитое золотом. Левого глаза у него нет, его прикрывает чёрная повязка с вышитым алым соколом. А второй глаз — до боли синий — сверкает так же ярко, как и в нашу первую и последнюю встречу.

— Знаешь, как он потерял глаз? — шепчу я Ане на ухо, пока царь величаво идёт по коридору, благородно подняв голову.

— И как же?

— Выбрал меч, — коротко поясняю я.

— Что?

— Ну, знаешь, мечом в глаз или...

— Я поняла.

Зелёные глаза Ани находят мои, но стражница быстро отводит взгляд, сдерживая смех, рвущийся наружу и у меня. Едва слышно прокашлявшись, успокаиваюсь, но стоит мне взглянуть на Аню, как желание расхохотаться в голос вновь подбирается к горлу.

На самом деле царь потерял глаз шесть лет назад, когда в него угодила яркая белая молния.

Царь не смотрит ни на кого, глядя только вперёд. Но когда он проходит мимо меня, его

взгляд на себе чувствую всем телом. И не скрываю свой, полный лютой ненависти.

Впереди стоят все три главнокомандующих, которые, отдав честь, склоняются в глубоком поклоне.

— Всемиловейший государь, — Тузов целует вытянутую руку царя, усеянную перстнями. То же самое проделывают и Рылов, и Зыбин. — Рад вас видеть в Ордене Святовита.

— Благодарю за столь тёплый приём, Велимир.

Его голос остался прежним. Похож на сладкий мёд, бархатный и мелодичный. А ещё острый, точно наточенный клинок, и пронзающий до глубины души.

Царь разворачивается лицом к стражам. От его улыбки у меня сводит зубы. Ненависть горит в сердце, которое всё такое же холодное, тихое и пустое.

— Меня всегда восхищали Орден Святовита и его служащие, — произносит он, обращаясь к каждому. Я же быстро оглядываю собравшихся стражей: большинство с благоговением внимают его словам, точно видят перед собой воскресшего святого, а не надменного индюка в богатых одежках. — Каждый из вас смел и мужественен. Нужны огромная сила, непоколебимая храбрость, подлинное благородство, чтобы день за днём охранять сны народа нашей прекрасной страны и оберегать его жизни. Но в этих стенах я не для того, что выразить свою бесконечную благодарность каждому стражу, ставящему свою жизнь под угрозу, — теперь в голосе царя играют сочувствие и печаль, он даже берёт паузу, точно мысли в его голове перемешались из-за горя, и сейчас ему необходимо найти нужную. Намеренно показывает слабость, которой попросту нет. Создает образ правителя, чьё сердце разрывается на части от нависшей над страной опасности.

Лжец.

— Уверен, вам и так уже всё известно. Угроза, грянувшая в чистом небе нашей с вами страны, достигла пика за столь короткое время. Нечисть становится сильнее. Её уже не пугает солнце, что защищало нас своим светом. А это означает одно, друзья, — он вновь замолкает, чтобы стражники мигом заволновались, встрепнулись, зашептали между собой. — Покой мирных и безвинных людей снова нарушен. На этот раз опасность крайне серьёзная, а природа её возникновения нам неизвестна. Я прибыл сюда, чтобы вместе с вами разобраться с этим, найти способ обезопасить народ и помочь вам, стражам, в борьбе с этой напастью. Я скажу следующее, друзья. То, что вам и так известно, но в связи с появившимся страхом в ваших пламенных сердцах могло быть забыто. Люди всегда будут сильнее любой нечистой силы. И тварей, и духов. Им не сломить наши сердца, которые бьются ради одной цели: защиты простого люда и сохранения нашей родины! — на этих словах меня прошибает холодом. — Так не дадим же им победить! — его возгласы подхватывают стражи. — В отличие от нечисти, мы, люди, живые. Наши сердца бьются, и в жизни наша сила! — его единственный синий глаз, цвет которого в точности повторяет оттенок моих, уставляется на одного меня, пока стражники, вдохновлённые речью царя, во всю голоса его призывы.

Он знает.

Святые мученики, *он знает*.

Понимание этого становится для меня настолько неожиданным, что я и не замечаю, как стражники постепенно расходятся. Ру мягко дёргает меня за плечо, точно выводит из транса.

— Саша, — его свистящий голос лезвием проносится по ушам, как и другие звуки. — Ты в порядке?

— Да, — неуверенно киваю я, а после резко сбрасываю его руку со своего плеча. —

Извини. Мне нужно... Мне нужно идти.

Пробираюсь сквозь толпу стражей, не особо понимая, куда иду. Меня ведут ноги, им дорога известна. В голове стучат слова царя, точно молот — по наковальне. Во рту пересыхает, из горла рвётся крик. Кажется, кто-то яро зовёт меня и бежит следом. Не оборачиваюсь, не хочу никого видеть и слушать! Хочу уйти, хочу остаться один, хочу кричать, выть, проклинать, ненавидеть! Хочу вновь вонзить нож поглубже в грудь, чтобы болью заглушить другую...

Раскрываю дверь, ведущую в мой кабинет, а после распахиваю ещё одну — в спальню. Оказавшись в тёмных стенах, запираю дверь на заслонку, и скатываюсь вниз, сев на пол и обхватив голову руками. Спина воет так, будто ожог снова раскаляется. Слишком жарко. Дрожащими руками расстёгиваю мелкие пуговицы кафтана, сбрасываю его, после чего стремительно снимаю рубаху, оставшись в одних штанах и сапогах. Поворачиваюсь спиной к зеркалу, краем глаза смотря на отражение.

Ожог, оставшийся после раскалённого меча, алеет на бледной коже ровным кругом. Спина тогда горела чудовищной болью, пока лезвие скользило по коже. В то время я кричал так, что даже охрип. В воздухе витал запах горячей плоти. А ещё торжество царя, что оставил мне этот шрам шесть лет назад.

Я же лишил его левого глаза, кинув молнию, когда он отрубил моей матери пальцы.

— Ненавижу, — шепчу я, разворачиваясь к зеркалу лицом. В отражении я вижу не себя. — Ненавижу, — повторяю я, ударяя по зеркальной поверхности, разбивая её на мелкие кусочки. — Ненавижу! — в каждом осколке, в котором я только отражаюсь, вижу лишь его.

Того, кого никогда не назову тем, кем он является для меня на самом деле.

Для меня он лишь царь, погубивший тысячи жизней.

Лишь царь, отобравший у меня всё.

Лишь царь, отправивший меня в этот проклятый Орден.

Лишь царь, желавший меня убить.

Но не отец.

Глава десятая. Собрание и кадет

Александр

— Прошу извинить меня за опоздание, — непринуждённым тоном говорю я, растворяя двери главного зала, и уверенным шагом вхожу под удивлённые взгляды стражей.

— Капитан Демидов, — нарушает воцарившееся молчание царь, встречая меня холодной улыбкой. — Рад, что ты к нам присоединился. Мы только начали, поэтому важного ты не пропустил.

Я занимаю место рядом с Тузовым, который, кажется, еле держится, чтобы не прикончить меня на месте за безрассудство. Стоящие рядом со мной стражи, едва слышно перешёптываются, и суть их обсуждений доходит до меня лишь тогда, когда Велимир тихо спрашивает, практически не раскрывая рта:

— Ты выпил перед собранием?

— Для храбрости, — невинным шёпотом говорю я.

Так и знал, что половину кваса следовало оставить на потом. Теперь же от меня разит хмелем за версту, и выглядит так, будто я явился на собрание, где меня уже и не ждали, пьяным. Лучшего появления и придумать нельзя.

— Как я погляжу, Орден не может похвастаться многочисленностью последователей, — царь возвращается к собранию. — Стражей становится всё меньше и меньше с каждым

годом: одни гибнут, другие оставляют службу в силу возраста и потерянных конечностей, третьи и вовсе бегут.

— Дезертиров и десятка не насчитается, — перебивает его Велимир замечанием. — Стражи добровольно уходят, так как понимают, что не выдерживают службу.

— И чем это отличается от позорного трусливого бегства? — царь только усмехается. — Добровольный уход только показывает некоторым стражам, что их трусость не понесёт за собой кару.

— Получается, трусость — это желание сохранить собственную жизнь? — уточняю я.

— Это желание оставить свою родину на растерзание. Чем меньше служащих, тем слабее силы Ордена. Главнокомандующий Богдан Рылов любезно предоставил мне список добровольно ушедших стражей. За последний год их около двадцати. И я даже не говорю о кадетах, что покинули отборочные, даже не дожидаясь их начала, — единственный глаз пронзительно-синего цвета уставляется на меня. — А если учитывать и тех, кто прошёл испытание, но сбежал до посвящения, то Орден потерял двадцать семь стражей, пригодных к борьбе.

Я едва не смеюсь:

— Пригодных к борьбе? Всемиловейший государь, во время отборочных я лишь открыл правду перед излишне самоуверенными юнцами. Не моя вина, что они неожиданно поумнели и выбрали путь, где можно прожить несколько десятков более-менее счастливых лет. И даже если бы их мозги не встали на место, половина из них откинулась бы ещё на первом задании, просто не сумев справиться со страхом. Другой половине бы повезло больше: они бы сдохли на второй задании из-за того же страха. Поэтому Орден ничего не потерял. Давая возможность добровольно покинуть Орден, мы делаем то, чем и занимаются стражи на протяжении ста лет: спасаем жизни.

— В обмен на жизни других людей, капитан. Нечисти всё больше, стражей — меньше. Стражников попросту не хватает на задания, не все получают необходимую помощь. И насколько мне известно, стражей отправляют на задания в парах. Иногда даже целый отряд занимается одним делом.

— Отправлять стражей в одиночку — слишком рискованно, — говорит один из генералов, чью фамилию я не помню.

— Именно, — соглашается Тузов. — Мы не можем рисковать стражами, поэтому и делим их на группы, чтобы в случае чего они смогли выстоять. Это необходимая мера, Всемиловейший государь.

— Необходимой мерой является и наказание дезертиров.

— Они не дезертиры... — начинает было Велимир, но его бесцеремонно прерывает Рылов:

— На посвящение стражи приносят клятву верности Ордену. Покидая же службу из-за страха, они только порочат честь святых.

Многие согласно кивают и встают на сторону царя и главнокомандующего Рылого. В их словах есть доля правды, но всё же они упускают одну важную деталь: служение в Ордене добровольно. Клятва действительно даётся, и она крайне важна, но в случае ухода из службы она не нарушается, а лишь заканчивается.

— Нужно начинать с малого, Велимир, — мягко говорит царь, пытаясь донести свою правду до главнокомандующего. — Кара не будет крайне жестокой, но она покажет стражам важность их избранного пути.

— Прекрасный вариант. Страх перед нечистью по сравнению с тем ужасом, что начнут испытывать стражи перед людьми, превратится в сущий пустяк, — замечаю я.

Взгляды всех присутствующих одновременно обращаются в мою сторону.

— Ты верно мыслишь, капитан, — подмечает царь. — Всё же люди, сражающийся с нечистью, гораздо опаснее самой нечисти. Кстати о ней, — говорит он, точно вспоминает о чём-то важном и неотложном. — Солнце теперь не вредит тварям, а значит, нужно усилить патрули. И это ещё один довод, чтобы избавиться от дезертирства.

Теперь уже большинство стражей верят, что служащие, решившие всё же сохранить свою жизнь, — это дезертиры, а не обычные люди, которым, как и всем, свойственен страх. Те же, кто всё же против, предусмотрительно помалкивает, поняв, что уже всё решено. Один лишь Велимир пытается вставить слово, но все его попытки тонут в шуме, состоящем из предложений для наказаний.

Идея царя пришла многим по душе: теперь стражи увидели в страхе не врага, а союзника, с чьей помощью можно управлять другими служащими.

— Поведение нечисти изменилось с того странного случая, произведшего с кадетами. Александр, — царь произносит моё имя так, точно пытается докопаться до самой сути меня, открыть каждую мою тайну и прочесть её, как раскрытый свиток, — помнится, твой отряд занимается этим. Как ведётся дело?

— Нацэ и Рудова не нашли никаких зацепок, — ровным тоном сообщаю я. — Пепел намекает на свору нечисти, причём чрезмерно свирепую.

— А что насчёт выжившей девушки? Она ведь в твоём отряде.

— Намекаете на её причастность?

— Вовсе нет. Но всё же я должен узнать, что из себя представляет эта девушка, — уже хочу ответить, но царь поворачивается в сторону главнокомандующего Зыбина, который, вероятней всего, всё это время думал лишь о том, когда это собрание уже закончится. — Всеволод, ты был её наставником. Что можешь сказать об Анне Алконостовой?

Царь произносит имя Ани так, будто говорит не о девушке, а о вещице, что принадлежит ему и находится в его власти. Точно так же он говорил в первую нашу встречу. Теперь же при обращении ко мне его тон иной: фальшивый, порой усмехающийся, вежливый, холодный и несущий явную угрозу. Его голос по-прежнему сладок и бархатен, но слова обладают пронзающей точностью. Вот и сейчас, говоря об Ане, царь словно бы подчёркивает, что её жизнь и судьба по мановению руки окажутся в его руках. Только Ани здесь нет, поэтому я быстро понимаю, что угроза предназначена для моих ушей.

— Она неуправляема, — говорит Зыбин, поглаживая пышные усы. — Постоянно ввязывалась в споры, не могла усидеть спокойно, вечно высказывала свои недовольства. Девка она дурная, вбила себе в голову много чуши. Считает себя сильнее и лучше каждого, думает, что достойна большего, чем ей дали. Неблагодарная она. Ещё и строила из себя не пойми что, требовала особого отношения...

— То есть обычного человеческого отношения, где девушку не считают усладой для глаз, хранительницей быта и трофеем для мужчины? Это то особое отношение, которое она требовала? Даже интересно, кто вас так обидел, — насмешливо вскидываю брови. — Но, главнокомандующий, в чём-то вы всё же, на удивление, правы. Она неуправляема. Упрямая настолько, что аж зубы сводит. И в этом её сила. У неё есть принципы, которые она не предаст даже под угрозой собственной смерти. Это многое говорит о ней, как и человеке, так и о страже, — ненадолго замолкаю, ожидая возможных возражений, но тишина

затягивается, и я смело продолжаю: — И ни за что не поверю, что она хоть как-то причастна к убийству кадетов.

— А кто, если не она?! — возмущённо вопрошает Зыбин таким тоном, точно его мнение единственное и не может быть оспорено. — Я эту девку знаю лет пять, и все года своего обучения она ненавидела парней, что так храбро пали!

— У ненависти всегда есть причины, даже у самой мелкой и незначительной. Поэтому, главнокомандующий, вам известно, почему Аня Алконостова питала неприязнь к своим товарищам по учёбе? — интересуется царь.

Зыбин открывает было рот, но тут же захлопывает, то ли не зная, что сказать, то ли намеренно умалчивая.

— Причины мне неизвестны, — наконец говорит главнокомандующий, отмахиваясь от чего-то неважного и не имеющего никакого отношения к делу. Скрещиваю руки на груди, сжимая кулаки, чтобы хоть как-то удержать гнев, вырывающийся из клетки. — Но точно не что-то серьёзное. К тому же как ты, капитан, объяснишь, что она единственная, кто выжил? Да и нашли её без единой раны! И эта девка смеет утверждать, что ничего не помнит! Здесь всё ясно, как белый день, капитан!

Спокойно выдыхаю и поднимаю взгляд на красное лицо Зыбина:

— Единственное, что мне ясно, так это то, что по отношению к стражнице Алконостовой у вас личная неприязнь. И будьте добры, не называйте её девкой, не то я потеряю к вам даже мнимое уважение.

— Да как ты смеешь!..

— Прошу, успокойтесь, — царь примирительно выставляет руки в стороны, словно бы отделяя меня подальше от Зыбина, чьё круглое лицо наливается багряной краской при виде моей нахальной улыбки. — Капитан, я согласен с некоторыми словами главнокомандующего. Как объяснить то, что кадеты были убиты ужаснейшим образом, когда девушка осталась цела?

К вопросу царя присоединяются и другие стражи:

— Вот именно, ни царапины даже, когда у остальных и живого места нет!

— А ещё утверждает, что ничего не помнит! Будто другие поверят в эту чушь!

— Её не было рядом, когда произошло убийство, — бесцветным тоном произношу я, и все разом замолкают, обращая взгляды ко мне и внимательно прислушиваясь. Но выражение лиц стражей одинаково: полное сомнений и недоверия, точно с моих уст слетела наиглупейшая ересь.

— Как это не было?! — гаркает Зыбин так, что до меня чуть не долетает его слюна. — Да её нашли среди других кадетов!

— Почистите уши и поймёте, что именно я говорю. Ани не было рядом в момент смерти кадетов. Она оказалась на месте лишь после их гибели. Главнокомандующий Зыбин, насколько мне известно, вы поручили кадетам задание: разбиться на группы и найти дремлющую нечисть.

О приезде царя и собрании объявили за два дня до этого события. Я знал, что Велимир в жизни не подпустит меня к царю, но я также был уверен, что Ясноликий заинтересуется Аней и её внезапным выживанием в такой запутанной истории. Порой я доверяю Тузову больше, чем самому себе, но всё же что-то заставило меня прийти на собрание и узнать за день до него всё то, что выяснил Ру из собственных наблюдений и рассказа самой Ани.

— Всё так, — цедит Зыбин сквозь сжатые зубы, явно начиная терять терпение.

— А до этого вы забрали у Ани крест, — объявляю я, и меня тут же перебивают стражами вопросами, как это произошло, но всех затыкает Тузов, давая мне продолжить. Круглое лицо Зыбина пылает от злости, что его распирает, даже три подбородка раскаляются до ярко-алого оттенка. Я же криво ухмыляюсь: — В причину вдаваться не буду, сами скажите, зачем, как да почему, ничего не утаивая при этом. Ведь это один из принципов Ордена: правда в словах и помыслах, — Зыбин уже хочет остановить меня очередным визгливым возражением, но я невозмутимо продолжаю: — Поэтому вы поставили её в один из отрядов как помощницу. Зная Аню, уверенно могу заявить, что такой расклад её не устроил. Она наверняка решила, что самолично найдёт больше тварей, поэтому отстала от группы, но недалеко. Тут-то всё и случилось. На кадетов напала свора нечисти, Аня услышала крики и бросилась на помощь, как настоящий страж, ибо её охватила паника, из-за чего здравые мысли ушли на второй план, и она даже не подумала, чтобы позвать кого-либо на выручку, а кинулась сама. Застала она не самую приятную картину: двенадцать мёртвых кадетов и куча нечисти, что увидела новую добычу в лице Ани. А дальше у неё случился шок от увиденного, и она упала в обморок, провалявшись в нём три дня и потеряв память.

— Она могла притворяться! — выкрикивает страж из дальнего угла.

— Здесь и ребёнок поймёт, что план с притворством обречён на провал. Какой смысл притворяться без сознания целых три дня, не имея возможности даже поесть и справить нужду?

— А что насчёт пепла, Александр? — интересуется генерал Никонов. — Он был повсюду, а значит, твари погибли. К тому же девушка была в крови.

— Ну, Аня могла подойти и к самому моменту убийства, и кровь одного или нескольких кадетов попала на неё. С пеплом я не до конца уверен, но одна догадка у меня всё же есть. Аня — верующая. Креста у неё не было, но всё же ей ничего не оставалось, как молиться за свою жизнь.

— Хочешь сказать, нечисть прикончила она? — уточняет царь. — Своей верой?

Орден известен не только стражами, борющимися за жизнь простого люда, но и своей религией, что отлична от веры в богов Великомира. Стражи поклоняются святым — людям с необъяснимыми дарами. Святые жили во времена Святочной эры. Не самые лучшие времена, особенно для самих святых, которые известны так же как мученики. И такое название они получили потому, что были убиты разными мучительными способами. Одного утопили, другого повесили, третьего забили насмерть. Такую участь святые получили именно из-за своих сил, чьё появление люди посчитали недобрым знаком и небесной карой.

Основатель Ордена видел в святых именно людей, а не божью кару. Силы мучеников были для него решением беды, обрушившейся на Великомир: нашествие нечисти. Найдя способ, позволяющий получить силу святых, он основал целый Орден, последователи которого посвящают себя по сей день одному делу — борьбе с нечистью.

Уж не знаю, как было в далёком прошлом, но сейчас стражи растеряли свою веру. Верить в святых и поклоняться им совсем необязательно, чтобы получить их силу. Достаточно правильно произнести молитву и иметь при себе крест, без которого обращение невозможно. Я в мучеников не верил с самого начала. Для меня они остаются лишь мёртвыми, что даруют мне определённые силы.

И я не верю в мёртвых. Я верю в живых, каким не являюсь уже практически шесть лет.

— У неё не была креста, но я не исключаю эту версию, — неторопливо и задумчиво, но

уверенно произношу я, придавая голосу убедительность. — Мы не знаем всех возможностей святых, они могут быть безграничны. Возможно, им и не требуется никакой знак, чтобы услышать обращённые к ним молитвы.

По залу проносятся перешёптывания. Никто не осмеливается оспорить мою версию вслух, громко и перед всеми, на что я и рассчитывал. Если хоть один из стражей возразит, то получится, что он поставит под сомнение всю веру Ордена и самих святых. Поэтому, если кто-то и высказывается, то лишь шипящим шёпотом, сливающимся в один неразборчивый шум.

— Александр, — шепчет Тузов. — Ты явно перегнул палку, сынок... Молодец, что девочку защитил, но без креста молитвы бесполезны. Не раз это проверялось...

— Я знаю. Но пусть займутся этим, а не пустыми обвинениями.

Перешёптывания становятся громче, они быстро переходят в яростный спор. Но касается он не святых и моей версии с молитвами, а Ани — одни уже возвели её в героиню, а другие всё ещё пытаются доказать, что виновна во всём стражница, при этом не опровергая мою лживую и быстро состряпанную теорию.

И последнее слово остаётся за царём, что всё это время молчал в размышлениях и наконец решил выйти из дум:

— Наверяд ли девушка виновна, — произносит он, прерывая горячий спор. — Если её вера настолько велика, что святые услышали её без креста, то Ордену стоит взять это на вооружение. Если стражи смогут уничтожить нечисть одной лишь молитвой, Великомир будет навеки избавлен от этой заразы. Капитан, я могу переговорить с Аней?

Меня точно ошпаривают кипятком изнутри. Под безмолвным сердцем зудит странное чувство, нарастающее с каждым словом, что касается Ани. Особенно, если эти слова принадлежат царю. Вот и сейчас непонятное мне ощущение пульсирует нескончаемой тревогой, что только поднимается, подобно морской волне, когда я смотрю в единственный глаз царя. В его взгляде ни единой эмоции, по которой я мог хотя бы предположить, что он задумал на самом деле. Но я точно знаю одно: я не дам его планам насчёт Ани осуществиться.

— Девочка вымотана, — мягко объясняет Тузов, придя ко мне на помощь. — Всего неделю в Ордене, а на неё столько взвалилось. Сейчас ей нужен отдых.

— Безусловно, — кивает царь, и внутри я облегчённо выдыхаю, но странное чувство, перемешанное со звенящей тревогой, никуда не уходит и даже не проходит хотя бы на самую малость, а только растекается по всему телу, наслаждаясь тем, что ему удалось засесть внутри меня. — Так как неожиданное бодрствование нечисти нам до сих пор неясно, не помешало бы обзавестись мощным союзником. Конечно, эта необходимость может и отпасть, когда твоя теория, капитан, подтвердится.

— Предлагаете запросить помощи у Рутфура? — уточняет Тузов.

— Если Великомир и падёт, то Рутфур будет первым, кто сыграет на его костях, — отрезает царь. — Мысли шире, главнокомандующий. В Великомире обитают духи, чьё могущество значительно превышает человеческие возможности.

— Всемиловитвейший государь, не поймите неправильно, но ведь это абсурд! — высказывается один из генералов. — Духи — наши враги! Это такая же зараза в Великомире, как и нечисть!

— В истории нередки случаи, когда духи вставали на сторону людей.

— Нередки, — соглашается Тузов. — Но всякий раз духи требовали за свою помощь

что-то взамен. И неизвестно, сможем ли мы дать желаемое.

— И духи хитры, — подключаюсь я. — Они могут уверять, что на стороне людей, а когда договор будет исполнен, то вмиг уничтожат тех, кого называли союзниками. Решение одной беды может вылиться в появление другой, более серьёзной и масштабной.

— Мне известны риски, капитан. Как я уже и сказал, к этой мере придётся прибегнуть, только если сил Ордена окажется недостаточно. Пока угроза только наступает. Но долго так не продлится, поэтому мы должны знать заранее, как поступить.

В который раз осознаю, что царь прав, и в снова проклиная себя за такие мысли. Мне не хочется иметь с ним ничего общего: ни мнения, ни цвета глаз, ни крови. Но судьба расставила всё иначе, распорядившись так, чтобы вся картина приносила ей удовольствие и веселье, а меня погребала всё глубже и глубже в нескончаемую пустоту, где воет холод и смеётся тишина.

В настоящее время угроза предстаёт далёкой тенью, что с каждым днём приближается уверенными и значительными шагами. Она не замедляется, а идёт своим темпом — губительным и сокрушающим. Сейчас нечисть может спокойно вылезать из своих нор в светлое время, не страшась лучей солнца. Нападений уже больше, по сравнению с другими месяцами, но это только начало. Скоро до тварей дойдут их новые возможности, которые они пустят в ход, нападая на людей. У стражей даже не будет времени, чтобы отдышаться или плотнуть воды. А если нечисть продолжит сбиваться в стаи, то будут требоваться целые отряды ради защиты лишь одного поселения.

Помощь духа Ордену действительно не помешает. Конечно, до конца избавиться от нечисти проблематично из-за смертников. В конце концов самоубийц меньше не станет. Но уничтожение естественной нечисти точно понизит смертность. И несмотря на эту привлекательную сторону, духам доверять нельзя. Я имел дело с двумя духами, и один хуже другого. Если первый спит и видит, как бы меня прикончить, то второму удалось заставить меня возненавидеть себя, взяв под контроль мой разум.

Ладони едва заметно трясутся, точно снова окрасились чужой кровью.

— Я не предлагаю взять в союзники кровожадного духа, как Сирин, капитан, — говорит царь, заметив дрожь, что пробрала меня. Одёргиваю себя, поняв, что показал слабость и уязвимость. — Людям не раз помогал Рарог²³.

— Найти его сложно, — качает головой Велимир. — И в такие масштабные дела Рарог вряд ли полезет.

— И всё же попытаться стоит.

В последний раз Рарога видели около тридцати лет назад, и то по рассказам очевидцем то была огненная вспышка в небе, что появилась за миг и за то же короткое мгновение исчезла. Известны многие случаи, связанные с птицей: в одних она помогает людям отыскать дорогу домой или выжить в холодный вечер, а в других птица сжигает города и деревни в отместку за охоту, что устроили люди на неё. Учитывая, что духа давно не видно, можно понять, что от людского мира он хочет держаться подальше.

Тем не менее оспорить решение царя никто не осмеливается. Когда же я говорю о том, что может устроить Рарог в худшем случае, на мои опасения отвечают тем, что дух при желании способен также и сжечь Нечистый лес. А огня боится большая часть тварей.

— Также недавно мы обсудили с главнокомандующим Рыловым одну проблему, касательную Ордена и стражей. В кадетские училища поступают всё меньше и меньше, — произносит царь, обводя всех собравшихся стражей взглядом. — Молодые люди не

заинтересованы в защите собственной родины. Сейчас начинается набор в училища, поэтому следует как можно скорей ввести призыв.

— Призыв?! — опешив, переспрашивает Тузов. — Не сочтите за грубость, Всемиловейший государь, но речь идёт о детях! Мы... Мы не можем заставлять их служить Ордену! Принятие нашей веры добровольно, мы не навязываем её! А здесь... — от возмущения он начинает даже спотыкаться. — А сейчас вы предлагаете принуждать детей к службе! В первую очередь будут против родители, ибо служение в Ордене опасно для жизни, не каждый готов пойти на такое!

— Призыв давно пора ввести, — вмешивается один из капитанов. — Нынешние дети — это неотёсанные балбесы. Училище быстро покажет, где их место.

— И где же?! На смертном одре?! — вскипает Тузов. — Дети — это не куски мяса. Мы не можем забирать их насильно из семей и делать из них стражей. И ни один родитель не позволит забрать своего ребёнка и возложить на него такую тяжёлую ношу!

— Они научатся дисциплине и будут заниматься благим делом: защитой родной страны.

— Или станут пушечным мясом! Спасение людей за счёт жизней других — это не про Орден Святовита! Служение в нём добровольно, потому что служащие знают: не каждый способен столкнуться с тем, что встречаются стражи на своём пути. И каждый сам взвешивает свои силы и понимает, может ли он вынести все ужасы или нет. А призыв превратит служение в Ордене в худшую участь из возможных!

— Велимир, — говорит царь, слегка усмехаясь и обращая на Тузова взор единственного глаза. — Я понимаю, в первую очередь ты думаешь о детях. Но призыв будет касаться не всех. В первое время уж точно. Скажем, только юношей, десять семей с города, две — с деревень и сёл. И, как главнокомандующему, тебе не помешает жёсткости.

— На что вы намекаете, государь? Я смотрю на людей как на людей, а не как на куски мяса, что можно бросить на растерзание зверям, лишь бы добиться желаемого.

— Я ни на что не намекаю, Велимир. Но всё же люди пойдут за тем, кто может отступить от своих принципов ради блага многих, а не за тем, кто остаётся позади, таща на себе лишний груз.

Против призыва выступаем только я, Тузов и пару стражей, что также находятся под командованием первого главнокомандующего. Но решение принимается не в нашу сторону, и на том собрание заканчивается.

— Велимир... — осторожно произношу я, когда стражи расходятся.

— Быстро уходи, — шипит он. — Не хватало, чтобы он ещё и тебя получил.

Понимаю его и киваю, разворачиваясь спиной и быстрым шагом выметаясь из зала собраний. Царь за мной не идёт, видимо, его задержал Велимир. Не плохо бы покинуть крепость под предлогом задания. И с этими мыслями я направляюсь к конюшням.

Не успеваю я покинуть южное крыло, как меня окликает мальчишеский голос:

— Александр!

Только его не хватало...

Уже поздно делать вид, что я его не услышал, поэтому приходится остановиться. Меня догоняет мальчик лет четырнадцати, одетый в серый кафтан кадета. Его растрёпанные тёмно-русые волосы торчат в разные стороны, а рот чуть приоткрыт в попытке отдышаться,

— У меня не так много времени, Милен. Говори, что надо.

— Ты обещал провести со мной занятие! — на одном вдохе выпаливает Милен. —

Чтобы я показал, чему научился; чтобы ты оценил это и понял, что я достоин стать стражем!

— Что-то не припомню, чтобы я давал подобное обещание.

— Ещё как давал! — насупившись, утверждает кадет. — Месяц назад!

— Всё равно не помню. Особенно последнюю часть про «достоин стать стражем». Мы это не раз обсуждали, Милен. Ты даже не закончил первый год в училище...

— Почти закончил! — важно и напыщенно поправляет он. — И я гораздо лучше других кадетов! Я знаю всю нечисть, как её победить, и с зелёными нитями отлично справляюсь! Конечно, я могу управиться и с синими, вот увидишь!

— Не увижу, потому что до синих нитей ты ещё не дорос. И да, твой наставник говорил, что зелёные нити ты нагло спёр.

— Это не так! — горячо восклицает Милен. — Ну, я одолжил на время...

Вздыхаю, качая головой. Милен неисправим.

Когда я только познакомился с Миленом, он был мальчишкой, в чьём сердце бесконечно бился ужас. Он родом из деревни Любино, и три года назад поселение настигла страшная беда в лице милосниц²⁴ и мора, что принесли твари.

Милена я нашёл в его же избе. Когда я только вошёл, первыми в глаза мне бросились три трупа, лежащие друг на друге. Их кожа посерела из-за болезни и была полна трупными пятнами, глаза — а те были открыты — покрылись мутной пеленой. Запах стоял соответствующий, из избы никто не выходил минимум три дня, а уж тем более не открывал окно. Тела лежали прямо у входа, точно огромные мешки, что забыли вынести из дома. Я уже хотел вынести трупы и сжечь с остальными, чтобы мор не распространялся, как услышал слабый кашель, доносящийся из темноты.

Пройдя внутрь, я наткнулся на исхудавшую женщину, задыхающуюся в хриплом кашле и бездвижно лежащую на ветхой перине. Её щёки впали, глаза практически остекленели, волосы превратились в сухую солому, а лицо покрылось безжизненной серой коркой. Ей оставалось от силы несколько минут.

Я присел рядом и сжал её тонкую руку, напомиравшую высохший и хрупкий цветок.

— Не бойтесь. Смерть не так страшна, — произнёс я, когда женщина из последних сил повернула голову в мою сторону. С её потрескавшихся губ сорвалось лишь одно слово:

— Ми... Милен...

На том она замолчала, и её рука ослабла окончательно. Я же оглядел комнату и наткнулся на маленькую тень, что забилась в угол, обхватив собственные колени. Но взгляд этой тени был точно направлен на умершую женщину, два глаза смотрели сквозь меня, будто я и сам был прозрачной тенью. Встав, я подошёл к тёмному углу, разглядев в тени мальчика с острыми локтями и коленями и большими серо-голубыми глазами, что не моргали, а лишь неотрывно глядели на труп женщины — матери мальчика.

На удивление, мор не коснулся Милена. Он не говорил целую неделю, а затем стал отвечать лишь короткими «да» и «нет». Другие слова от него было не слышать. Его редко удавалось уговорить выпить воду, еду он не принимал совсем. В его глазах плескался ужас, из-за которого Милен не знал спокойного сна. Всякий раз, стоило ему заснуть на мгновение, он тут же вскакивал, тяжело дыша.

Я долгое время успокаивал его и приводил в чувства. Когда милосницы были уничтожены, а деревня спасена, я принял решение взять Милена с собой в Орден. Поначалу он просто помогал стражам, чистил оружия, работал в конюшне. И лишь спустя три месяца после потери всей семьи к Милену вернулся голос, и он смог говорить целыми

предложениями.

К тому времени я на свою голову принялся его учить, рассказывая о нечисти, боях, Ордене. Милен расцветал на глазах, и мне открылась другая его сторона: спесивая, гордая, импульсивная, суевливая и вспыльчивая. Он загорелся делом стражей, жадно запоминал информацию и пытался самостоятельно прикончить нечисть.

Теперь в глазах Милена не найти страх. Отныне его место занимает излишняя самоуверенность в собственных силах. Осведомлённость в делах Ордена привела Милена к тому, что он решил, будто и сам достоин стать стражем в юном возрасте. Он не раз говорил мне об этом, пытался доказать, а после каждого отказа злился и проклинал меня, обещая, что я ещё пойму, как горько ошибаюсь.

В училище Милен пытается выделиться своими умениями, дабы я как можно скорее признал свою ошибку. Но так он лишь доказывает, что я поступил правильно.

— Ладно, пошли, — сдаюсь я. — Посмотрю, чему ты научился.

Милен весь сияет, и на его миловидном лице проступают ямочки на щеках. Бегом он бросается вперёд, мчась в оружейную. Я же закатываю глаза, но следую за ним.

— Посмотрим, как ты владеешь мечом, — говорю я уже в оружейной, вытаскивая два деревянных клинка из стойки.

— Но я хотел поупражняться с молитвами — главным оружием стражей, — заявляет Милен и чуть не роняет меч, что я ему кидаю, но всё же ловит его.

— Главное оружие стража — это руки. Твои молитвы могут быть безупречными, но если руки не будут за ними успевать, то в бою ты бесполезен. А развить скорость рук можно с помощью меча. Так что не выпендривайся мне тут, сам просил тренировку.

Милен только бубнит себе под нос о том, что он рассчитывал на настоящую тренировку, где сможет лицезреть мастерство стража в обращениях к мученикам, а не на поединок, который кадеты практикует изо дня в день.

Но я остаюсь непреклонен.

Полигон сегодня пустует, занятия кадетов столичного корпуса отменены из-за приезда царя. Соломенные чучела разбросаны по траве: где-то лежит голова, чуть подальше валяется пучок соломы, что служил рукой чучела, а некоторые куклы и вовсе остались целыми.

Милен плетётся за мной, отставая примерно на четыре шага. Заметив краем глаза его хмурый, насупленный и отвлечённый вид, я останавливаюсь и резко разворачиваюсь к нему, ударив кадета тренировочным мечом по правому бедру. Когда тот, охнув, приседает, следующий удар приходится ему по рёбрам, и Милен падает на колени, согнувшись в три погибели. А после меч опускается ему на загривок.

— Убит, — объявляю я.

— Но мы даже не начали! — скорчившись от боли, выдавливает Милен, прижимая деревянный меч к груди. — И я не был готов!

— Врагу неинтересно, начат бой или нет. Он нападёт сам, не дожидаясь твоей готовности. А теперь вставай.

Он послушно поднимается на ноги, слегка покачиваясь, и уже заносит клинок, готовясь напасть, как я хватаю его за руку, выкручивая её, и валю Милена с ног.

— Убит.

— Это не по правилам!

— Не по правилам тренировочного поединка. А в настоящем бою правил не существует. Каждый использует то, что только может. Вставай. И меч подними, — добавляю я, заметив,

как оружие выпало из рук Милена.

Тот встаёт на колени и уже поворачивается за мечом, как я хватаю его за волосы, поднимая голову Милена и обнажая его горло, и подставляю к нему клинок.

— Убит.

— Но...

— Никогда не поворачивайся к врагу спиной, — говорю я, убирая меч от его глотки. — Он всегда должен быть у тебя на виду, ты должен следить за каждым его действием, не пропуская ни малейшей детали. Иначе рискуешь оказаться бранным трупом. Вставай.

Теперь Милен не медлит: о нет, злость дарит ему скорость. Но гнев — самый неверный союзник в сражении. Он дурманит, затуманивает мысли, окутывает непроглядной пеленой, где здравые мысли попросту исчезают из головы, сменяясь беспорядочным хаосом.

Его выпады стремительные и яростные, но я с лёгкостью парирую, уводя удары в стороны. Наши клинки скрециваются, и так же быстро разводятся. Милен уже начинает выдыхаться, тяжело и часто дыша, но он в жизни этого не признает. С глухим рыком, он бросается на меня, занеся деревянный меч, и я вновь отражаю его удар. В воздухе витает пыль, но жарче становится лишь тогда, когда приходит моя очередь нападать.

За короткими взмахами следуют тяжёлые выпады. Милен едва поспевает за моими движениями, его глаза мечутся из стороны в стороны, не зная, куда смотреть: то ли на собственный клинок, то ли на мой. Держится он уже не так уверенно, как в самом начале поединка, но не сдаётся, хотя сдерживать мой напор ему становится всё труднее с каждым мигом. Один лишь ложный выпад заставляет его потеряться во всей ситуации, а я без стеснения пользуюсь этим, сбивая его с ног.

— Убит, — произношу я, приставляя остриё к груди Милена. — А теперь вставай. И брось меч.

— Это ещё зачем?

— Затем, что я уже понял, как обстоят твои дела с фехтованием. Меч ты заносишь слишком высоко, так твои руки быстро устанут, — принимаюсь объяснять я, заметив вопросительный взгляд Милена. — Руководствуйся гневом, тебя легко вывести из себя. И не спорь, а слушай! — повышаю я голос, увидев, как кадет раскрывает рот, дабы опровергнуть мои слова. — Слушай, что тебе говорят, а не считай, что знаешь всё лучше других. И встань уже наконец, — отбрасываю меч в сторону, и Милен следует ему примеру, оставляя оружие на земле.

И снова Милен не ждёт: он быстро понимает, что мне от него нужно, и заносит кулак в ударе. Останавливаю его в полёте, но руку Милен не опускает, а наоборот, прикладывает больше усилий, лишь бы всё-таки вмазать мне от души. Его рука трясётся, он сжимает зубы до скрежета, когда я остаюсь полностью невозмутимым. Во взгляде, направленном на меня, пылает ярость, которую Милен не затушил по моему совету, а только позволил ей разгореться ярче. Он уже выдыхается, что заметно по его красному лицу, и резко бросает руку вниз, но не сдаётся: следующий удар не заставляет себя ждать, но и его я блокирую.

Он колотит кулаками так, точно хочет своими взмахами сотрясти воздух. Или же как минимум выместить весь гнев, что пожирает его изнутри, на мне. Костяшки пальцев Милена ударяются об мои руки, пылая алым. Но Милен не останавливается даже для того, чтобы сделать новый глоток воздуха. Его дыхание давно сбилось, рот открыт, а язык подвешен.

— Достаточно, — останавливаю его я, и Милен уже хочет возразить, да не может из-за учащённого дыхания. Я поднимаю ближайшее целое чучело, вставляя палку в землю и

поворачиваюсь к кадету, чьё лицо красное от усердия и липкое от пота. — Отрабатывай удары на нём.

Бьёт Милен сильно и резко, орудуя своими руками так, точно те верёвки, которыми можно крутить в разные стороны. Наблюдая за ним и его ударами, я не сразу замечаю пришедшую на полигон Аню.

— Александр, нужно поговорить.

— Я тебя слушаю.

— Личный разговор, — уточняет она, едва заметно взглянув на Милена, активно орудуя кулаками.

— Тогда я тем более тебя слушаю, — уверяю я, неотрывно глядя на кадета и его импульсивные удары.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине.

— Да я сегодня нарасхват, — усмехаюсь и поворачиваюсь к стражнице, чьё лицо мрачнее всякой тучи. — Ладно, пойдём, раз так всё важно.

— Но Александр! — Милен, услышав, что я оставляю его, прекращает свои беспорядочные удары, тяжело дыша и впереv серо-голубые глаза прямо в меня. Лицо у него красное, вспотевшее и усталое. — Ты обещал! Обещал провести со мной занятие!

— Считаю, что провёл, — мой тон становится ледяным и непоколебимым. — Бьёшь ты слишком сильно, быстро и часто. Рассчитывай удар и место, куда бьёшь. Будешь тупо размахивать кулаками — окажешься под землёй быстрее, чем занесёшь руку, которую вряд ли сможешь поднять после череды таких ударов, для новой атаки. Ноги держи на ширине плеч и стой твёрдо, а то постоянно дрожишь. Дыши через нос. И думай, — стучу я по виску пальцем, подкрепляя свои слова. — Думай, а не только бей.

— Я и думаю! — в сердцах выкрикивает Милен, топнув ногой. — И я не устаю! Я могу так хоть весь день!

— Нет, не можешь, Милен, — отрезаю я и вновь обращаюсь к Ане. — Пойдём. Прости Милен, но сам понимаешь, дела Ордена не требует отлагательств.

От этих слов Милен злится пуще прежнего.

— Я тоже могу стать стражем! — вскипает он. — Уже давно, и ты знаешь об этом! Я знаю каждую нечисть, каждого духа, знаю, как их одолеть!..

— Знаний недостаточно, идиот ты этакий, — прерываю его. — Думаешь, Орден не владеет этими знаниями? Тут каждый, кого не спроси, в курсе, как одолеть мавку²⁵ и что из себя представляет любой из духов. Тогда почему, милости ради, тварей тьма тьмушая, а на убийство одного духа нужен чуть ли не весь Орден, раз их слабости известны любому стражу?

Милен не отвечает, потупив взгляд.

— Вот именно, Милен. Знания для победы над кем-то — это основа. Без них ты безусловно, быстро превратишься в холодный и бледный труп, как и без навыков сражения и молитв.

— Но я всё это умею! Ты же сам знаешь, ты сам меня учил!

— Хватит, — произношу я, чётко выговаривая каждую букву, будто так смысл слова дойдёт до Милена быстрее. — Я тебя учил, а значит, знаю, на что ты способен. И пока ты самоуверенный глупец, который только бахвалится тем, чего у него нет. Ты ещё слаб, Милен, чтобы стать настоящим стражем. Пройди сначала обучение в училище, а уже потом доказывай мне, чего ты стоишь.

Милен сжимает кулаки так сильно, что даже белеют костяшки. В его глазах блестят крупинки слёз, которые он изо всех сдерживает.

— Ты ещё ребёнок, — продолжаю я, и на этот раз меня пресекает Аня:

— Прекрати. Ты перегибаешь палку.

— Я лишь говорю правду. Думаю, тебе это более чем известно.

Больше я ничего не говорю, а только разворачиваюсь, идя в крепость. Аня идёт за мной, а Милен так и остаётся на полигоне в полном одиночестве со своими мыслями. Стражница молчит, поэтому я перехожу к делу первым:

— Жду тебя у конюшен через десять минут.

— Что?! Но... Вообще-то у меня есть разговор.

— Вот и поговорим, пока до задания будем добираться, — кидаю я и ускоряю шаг, оставляя её позади.

Глава одиннадцатая. Гуси и русалки

Аня

— Её зовут Рада, — сообщает капитан, пока я пытаюсь управиться со строптивой кобылой, которая постоянно уходит в сторону.

— Мило.

Александр сказал, что задание связано с водяной нечистью, и сообщил о нём так резко и неожиданно, что я едва успела собраться, взяв всё необходимое на мой взгляд: сумку с тремя флягами воды, короткий меч, крест и нити, перекус для лошадей, два запасных клубка нитей, деньги и немного еды.

Едем мы четвёртый час, уже стемнело, а до нужного места, по словам Александра, нам ещё идти и идти. Капитан предложил всю ночь провести в пути, а уже по приезде отдохнуть в постоялом дворе и к темноте отправиться к водоёму искать нечисть. На моё утверждение, что отныне твари активны в любое время суток, Александр лишь фыркнул и сказал, что ночью работать привычней и приятней. Тем более сейчас мы вряд ли найдём даже самый затхлый постоялый двор, в котором можно переночевать.

Он оказывается прав. По пути действительно не попадается даже покосившихся избышек или деревень. Ночь тёплая и беззвёздная, в сон совершенно не клонит.

— Я бы хотела поговорить, — напоминаю я.

— Так говори.

— Сегодня в Орден приехал царь, и... — при упоминании царя лицо Александра превращается в холодную маску безразличия, но всё же я продолжаю: — Я подслушала твой разговор с главнокомандующим Тузовым. Лишь обрывки, не весь. Вы говорили о царе, ведь так?

Догадываюсь, что Александр не ответит, и весь наш путь пройдёт в гнетущем молчании. Но к моему удивлению, капитан отвечает сразу:

— Почему тебя интересует царь?

— Он пугает меня, — поправляю я. — Когда он говорил, он лгал, Александр. Правда проскальзывала лишь на долю секунды.

Как только я услышала слова царя, обращённые к стражам, меня пробрало холодом, ибо даже его улыбка была лживой. Я даже перестала улавливать суть дальнейших слов. Смысл ускользал, слова спутывались в один неразборчивый шум, из которого ясно лишь одно: ложь. Везде и повсюду, она сочилась из каждой фразы и любого предложения, что только говорил царь бархатистым голосом. Точнее, некоторое, из того, что я слышала от него,

действительно правда, но она терялась среди череды искусного обмана.

В детстве я часто слышала, как местные старушки спорили, при каком царе Великомир процветал — при предыдущем или же нынешним. Одна говорила, что Мечислав Ясноликий поднял страну с колен, приложил тяжёлую руку и сделал то, на что многие бы не решились. Другая же была уверена, что прошлый царь действовал мирно, мягко и человечно, когда нынешний не боится пролить кровь, использует радикальные методы, идя по головам и руководя страхом, что испытывают соседние государства по отношению к Великомиру. И первая старушка считала подобные способы эффективными, когда вторая сетовала, что её подруга совсем из ума выжила, раз такое одобряет.

Я могу ошибаться. Многие люди используют ложь во благо, не понимая, что ничего хорошего такое враньё, как и любое, не приносит. Царь вполне может быть из таких людей, он может думать, что его слова, в которых еле найдёшь крупицу правды, помогают его народу.

Но почему же вместе с этим я чувствовала и страшную опасность, исходящую от царя? В груди сжималось что-то тяжёлое, горячее, тягучее, звенящее, полное тревоги и безысходности. Это ощущение горящими иглами вонзалось в сердце, и с каждым его ударом они полыхали всё сильнее и сильнее вместе со зверской болью, что чуть не разрывала рёбра. Это похоже на страх, когда сознание сужается, дышать становится тяжело, ноги подкашиваются, и всё тело покрывается ледяной коркой жгучего холода.

И это ощущение усиливалось, стоило мне взглянуть в единственный тёмно-синий глаз царя. Уж не знаю, как он лишился второго, но сильно сомневаюсь, что по названной Александром причине.

— Я и без этого знаю, что он постоянно лжёт.

— Значит, говорили вы всё-таки о нём?

— Даже если так, то что с того? Твои опасения подтвердятся? Если об этом ты хотела поговорить, то не стоит. Я знаю, каков царь Великомира. Знаю, на что он способен. Он может пугать, может восхищать, может заставить тебя дрожать от страха. Но это только в том случае, если ты позволишь. А теперь будь добра, избавь меня от разговоров о нём.

— Знаешь?! — цепляюсь я за это утверждение. — Александр, но...

— Аня, — Александр даже не даёт мне договорить, пресекая слова резким выделением моего имени, произнесённым с особым нажимом: — Можно я попрошу тебя обо одном?

— Конечно.

— Не лезь в мою душу. Всё равно ты ничего не найдёшь.

Я молчу, не желая говорить, что он неправ. Я нашла боль.

Эта боль мне знакома. Она плескается внутри, выливаясь каплями, но это только начало. Дальше нахлынет разрушающая волна, и боль утопит своего хозяина в себе, не оставив ему и шанса на спасение. Такое я испытала вместе с предательством матери, что ещё долго терзало душу, оставляя на ней кровоточащие рубцы.

Моя мать никогда не признавалась мне в любви, но и никогда не говорила, что терпеть меня не может. Что она на самом деле испытывала ко мне — не знаю. Подобное вряд ли назовёшь любовью.

Воспоминания об этом до сих пор свежи. Они никогда не исчезнут, постоянно будут крутиться в голове, напоминая мне, зачем я пришла в Орден. Чтобы сражаться. Сражаться до последнего, сражаться ради людей, сражаться во имя всех погибших в тот день.

Моя родина — обычная деревня, которой уже и нет на просторах Великомира. Её

название никто не знал, и с таким же успехом его забыли знающие. Я же помню. Всегда буду помнить, что родилась в Лачуге. Деревенька маленькой была, вот и получила такое невзрачное название. И я не забуду о ней, несмотря на все те раны, что оставили события, произошедшие там.

Жили мы бедно. Отец, по словам матери, ушёл на рынок за хлебом и не вернулся. Я тогда только-только родилась. Мама любила проклинать избранника, который и мужем её не был. Они мечтали наладить денежное положение, а уже потом и свадьбу сыграть. Тем не менее ничто не помешало им завести ребёнка. А отцу никто не препятствовало уйти, бросив семью.

Мать винила меня в загубленной молодости, придиралась к каждому моему действию, к любому вдоху и ко всему, к чему только могла. Много пила. Слишком много.

Но несмотря на бедственное положение, раз в неделю мы стабильно выезжали в ближайший город. Мать договаривалась об этом с соседом, что продавал в городе горшки, поэтому отвозил нас именно он. Я с удовольствием полюбила бы такие поездки, если бы не их причина. А выезжали мы в город из-за веры матери, которая свято почитала богов. Её фанатизм доходил до того, что она заставляла меня — свою дочь — еженедельно посещать капища.

Я не особо жалую богов. Из всех легенд, что рассказывала мать, я уяснила важную вещь: все боги — надменные выскочки, манипулирующие людьми. Но именно посещение капищ и молитвы к богам породили во мне пламенное желание стать стражем Святовита.

Приезжая в город, я изредка встречала членов Ордена. В них я видела свободу, к которой постоянно тянулась. Они показались мне настоящими, естественными, полными эмоций и чувств, в отличие от бездушных изображений богов. Стражи выглядели искренне, когда боги — лживо и фальшиво. Стражам Ордена все были рады, улыбались при их виде, провожали их песнями, называли храбрецами, героями и спасителями.

Мать же относилась к стражам скептически, называя их нахлебниками, что только пиво хлещут кружками.

Впервые я увидела стражей в шесть лет, да и то издалека. Двое высоких мужчин в роскошных тёмно-синих кафтанах стояли рядом с телегой, как сторожевые псы, охраняющие спокойствие хозяина. Они тут же привлекли моё внимание, я хотела подойти к ним поближе, дабы разглядеть удивительных людей, но мать затащила меня в капище.

В то время я знала об Ордене только то, что он борется с нечистью и почитает святых. Но этой информации было недостаточно. С самого детства я привыкла добираться до сути, узнавать всё возможное о том, что меня только заинтересовало. И Орден не стал исключением.

Я познакомилась с соседским мальчишкой по имени Алёшка, который также мечтал вступить в Орден. Однако, в отличие от меня, Алёшка знал о нём гораздо больше благодаря старшему брату. Я же целые дни проводила в компании с новым другом, возвращаясь домой к полуночи, получая за это бесконечную ругань от матери. Но оно того стоило.

От Алёшки и его родителей я узнавала о святых. Жадно внимала, уточняла детали, могла часами слушать одни и те же легенды, постоянно находя всё новые и новые вопросы. С таким же интересом я слушала о нечисти, её видах и опасности, что эти твари за собой несут. Именно благодаря семье друга я и узнала, что в Орден можно окончательно вступить только после пяти лет обучения или усиленной подготовки, которой удостоиваются только лучшие. А в кадетское училище принимают только с тринадцати лет. Алёшка был моим

ровесником, поэтому, недолго думая, мы пообещали друг другу, что поступим вместе.

Порой мы даже заходили в лес, чтобы самим выследить хотя бы мелкую нечисть и самостоятельно изучить её. В то время нас не пугал риск, мы были заражены им, азарт наполнял сердца, что жаждали приключений.

Матери не нравилась наша дружба. А когда она узнала о вылазках в лес, то стала присматривать за мной намного строже, избив меня перед этим до такого состояния, что я три дня не могла встать с пола.

За любое непослушание я получала пощёчину, за плохое выполнение домашней работы — серьёзную порку, а за любой протест мать таскала меня за волосы, запирала в холодном и сыром подвале на целую ночь и лишала еды. До серьёзного избиения доходило только тогда, когда я убегала ночью к Алёшке, чтобы и дальше узнавать новое о мучениках. Матери не нравилось, что моя вера отличалась от её, поэтому она так отчаянно и пыталась выбить из меня все мысли о святых и мечте стать стражем.

Но как можно забыть о своих желаниях, если только они помогают чувствовать себя живой, даже когда в лёгких колото, а затылок разрывался от ноющей боли?

Мать была непреклонна. Настолько, что решила взять мою судьбу в свои руки. Всё это началось, когда приехал...

— Аня, — зовёт меня Александр. — Ты в порядке?

Тру слипающиеся глаза и устало киваю.

— К рассвету будем на месте, — мягким тоном сообщает капитан. — Но, если сильно устала, можем сделать остановку.

— Не нужно, — широко зеваю. — Александр, я... Прости, если я как-то задела тебя. Я не хотела.

— Знаю, — прерывает он меня безучастным тоном. — Всё в порядке.

— И всё же... — запинаясь, боюсь озвучить свою просьбу. — Только один вопрос.

Александр протяжно и устало вздыхает, но после, не глядя на меня, произносит:

— Спрашивай.

— Ты говорил, что Орден — это военная сила царя. Почему? Ведь стражи в первую очередь избавляются от нечисти, защищают людей и Великомир, но никак не... Но они не убивают людей, не ввязываются в войны и завоевания территорий.

— Ты слышала о Багларе? Небольшое северное государство, рядом с Морозными горами.

— Нет.

— А о берендеях?

— Они вымерли.

— Их истребили, — поправляет Александр. — Это случилось двадцать семь лет назад, когда Великомир вступил в войну с Багларом. А ту страну и населяли берендеи.

— Хочешь сказать?.. — внутри всё мгновенно холодеет.

— Я не знаю всех подробностей, Аня. Истинная причина войны до сих пор неясна. Кто-то твердит, что напали первыми берендеи, что этот народ был диким и неуправляемым, некоторые и вовсе относили их к нечисти. Другие же утверждали, что на Баглар напали при свете дня по одному лишь приказу. И тот приказ был дан нынешним царём и относился не к его проклятым дружинникам, а к Ордену. Есть и те, кто уверен, что война началась из-за несостоявшегося соглашения между государствами. Версий много, искать правдивую всё равно что пытаться найти иглу в стоге сена. Война длилась недолго, год или около того.

Военных сил у Баглара было немного, они значительно уступали армиям стражей. Что и говорить про силы... Баглар был захвачен, его территории стали землями Великомира, а берендеев уничтожили. До единого, даже детей. Таков был приказ.

В кадетском училище рассказывают лишь историю Ордена, как он появился, дают некоторые сведения и о его создателе. Но про войну с Багларом я слышу впервые. А уж тем более об уничтожении берендеев. Многие говорили, что этот народ вымер, а их природа так и осталась загадкой. Но правда оказалась хуже некуда.

Орден убил целый народ. И всем этим руководил царь, что управлял стражами, контролировал истребление народа, играл войной, словно всё происходящее было спектаклем, занятой пьесой, от которой удовольствие получал постановщик — Мечислав Ясноликий.

На что ещё способен царь? И зачем он только приказал стражам уничтожить целую страну и её народ? Какие цели он преследует и хочет достичь?

Или уже достиг?

***

Глядя на постоянный двор размером с мелкий погреб, Александр присвистывает, а вместе с тем с петли отваливается древняя калитка, сделанная из гнилых деревянных досок.

— В версте отсюда есть ещё один постоянный двор, — говорю я.

— Где комнаты дорогие настолько, что мы сможем позволить себе максимум место в конюшне среди сена и тарелку отвратной похлёбки на двоих. Нет уж, — мотает головой капитан. — Жалование давно не повышают, поэтому будем довольствоваться тем, что есть, — и с этими словами он уверенно растворяет калитку, которая окончательно спадает с петель.

— А здесь нам и похлёбки не видать, — бурчу я и иду следом. Александр уже скрылся за невысокой избушкой, явно ища хозяина или хотя бы вход.

Трава заросшая, сорняков много, что даже ноги в них путаются. Вывеска о том, что эта изба вообще является постоянным двором, тоже держится на соплях и последних молитвах. Стоит ветру хотя бы немного подуть, и она свалится, а вместе с тем запросто может упасть на чью-то голову. Я не дохожу дальше, чем до поломанной тележки, что заросла травой, как Александр быстрым шагом выходит ко мне, стремительно кидая:

— Уходим отсюда. В версте отсюда есть прекрасный постоянный двор.

— С чего это? А как же место в сене и отвратная похлёбка?

— По сравнению с этим, похлёбка и сено звучат более чем прекрасно. — Александр выходит за пределы калитки, подходя к Одуванчику. — Пойдём быстрее, у нас задание как никак.

— В чём дело, капитан? — я стою на месте, сложив руки на груди и ожидая, что Александр поясняет свою резкую смену мнения. Его синие глаза распахнуты так, точно во дворе он увидел нечисть или духа. Хотя подобное вряд ли способно напугать самого молодого капитана за всю историю Ордена.

Тут дело в другом. И оно становится понятно, стоит мне услышать позади себя хлопанье крыльев.

Александр, отведя взгляд, встаёт за Одуванчиком, глядя его гриву, то ли показывая, что какого-либо неудобства, а уж тем более страха, он не испытывает, то ли пытаюсь отвлечься как раз от того ужаса, что пробрал его с ног до головы.

Я же во весь голос смеюсь.

— Ты... — смахиваю выступившие слёзы и снова хохочу во весь голос. — Ты боишься гусей?

Гусь, стоящий рядом со мной и вытянувший белоснежную шею, гогочет при своём упоминании. Хлопает крыльями и подходит ближе. Александр же настороженно отступает назад, всё ещё держась за Одуванчиком.

— Вовсе нет! Здесь условия отвратительные, и уж лучше спать на стог сена, чем быть покусанным клопами!

Птица вновь хлопает крыльями, гогоча, и Александр, залезая на коня, падает, вздрогнув, от чего мой смех становится только громче.

— Это не смешно! — важно заявляет капитан, вставая с земли. — И если уж говорить честно, то гуси будут похуже любой нечисти! Сама погляди на них, — руками он показывает на гуся, который наклоняет шею к траве, пытаюсь найти среди этих зарослей сорняка что-то съедобное. — Рот полон зубов! А глаза, ты вообще видела их глаза? Бешеные, злые, кровожадные!

— Похоже... ой... — икаю я от смеха. — За тобой гонялись гуси, — наклоняю голову, широко улыбаясь. — Кто бы мог подумать, что храбрый капитан боится домашних птиц!

— Это не домашние птицы, это самая настоящая опасность в белых пёрышках! Если тебя не кусали гуси, это не повод так легкомысленно относиться к этим тварям!

Гусь, не найдя среди травы что-то удобное его вкусу, выходит за калитку, надвигаясь прямо на Александра, что опасно прячется на этот раз за моей лошадьёю. Рука капитана крепко сжимает крест, висящий на шее, точно в любой момент, когда гусь проявит свою агрессию, Александр готов поджарить бедную птицу, чьи янтарно-жёлтые глаза уставляются на стража.

— Учти, падла, я вооружён! — предупреждает Александр, когда гусь вытягивает шею вперёд, заклекотав. — Да чтоб тебя! — гусь срывается с места, маша крыльями, а капитан бросается в бегство и огибает лошадей несколько раз, только и мечтая оторваться от птицы, что принимает эту беготню либо за игру, либо за битву за территорию.

Улыбаюсь, смотря на всё это, и вспоминаю, как храбро капитан встретился с лихо, что было в несколько раз больше его самого. А сейчас Александр убегает от домашней птицы.

— У тебя явные проблемы с юмором, если тебе смешно! — замечает Александр, остановившись за Радой, когда гусь тоже замедляет шаг.

— Проблемы с юмором у тебя, если тебе не смешно, — парирую я.

— Как остроумно.

— Училась у лучших.

— То бишь у меня.

Александр, порывшись в моей сумки под мои же возмущения, достаёт сухари с изюмом и кидает все в сторону, за калитку, привлекая птицу. Внимание гуся себя ждать не заставляет, и тот бежит к сухарям, а вместе с тем в воздухе поднимается клёкот. Из стороны избушки выходят ещё несколько гусей, которые тоже не прочь перекусить моими сухарями.

— Бежим, — не раскрывая рта, велит Александр, запрыгивая на Одуванчика и ударяя по поводьям.

Меня в жизни тоже гуси кусали, но такого страха, как у Александра, у меня нет. Тем не менее я следую его примеру и, оседлав кобылу, догоняю капитана. Вслед нам доносится лишь гогот, явно означающий требование добавки.

Уже рассвело, на улице царит раннее утро. Людей не видно, все ещё спят или только-

только готовятся начать новый день. Обычно в деревнях так и происходит. Жители встают рано, когда петух запоёт. Конечно, пением назвать это кукареканье, от которого только башка трещит, язык не поворачивается, но есть в этом что-то особенное.

И родное для меня.

Подъезжаем к постоялому двору мы быстро. Выглядит он богаче предыдущего, но бедно по сравнению со всеми, что я встречала. Калитка, хвала всем святым, не разваливается. Изба серая и невзрачная, некоторые доски покрыты мелкими трещинками. Трава пострижена, гусей, к счастью Александра, не видно. А вот вывеска с интересным названием — «Гусёнок» — едва держится. Зато есть конюшня, куда мы первым делом и идём.

— Не так уж и плохо, — отмечает Александр, когда конюшня встречает нас не появлением конюха, а дерьмовым запахом, от которого аж в глазах щиплет и кружится голова.

Кто-то стучит по раскрытой двери, заставляя и меня, и Александра, и лошадей обернуться. На пороге конюшни стоит полная низкая женщина сорока лет. Волосы у неё убраны под повойник, пояс подвязан испачканным передником, а рубаха и вовсе выцвела. Нос у женщины с ярко выраженной горбинкой, а на правой щеке темнеет выпуклая родинка. Губы тонкие, поджатые, в трещинах. Под глазами мешки, точно хозяйка двора работает день и ночь не покладая рук. Оглядев нас, женщина упирает руки в бока.

— Стражи, — протягивает она так, точно лицезрит дерьмо, что, собственно, лежит в нескольких дюймах от неё. — Что, пришли ещё с честного люда деньги содрать?!

— Что ты, добрая хозяйка! — лучезарно улыбается Александр, проявив всё своё обаяние. — Наоборот, это мы должны тебе заплатить за твою доброту и милость, что приютишь нас и наших лошадей, накормишь вкусным завтраком с обедом и дашь дивную комнату в этих чудных стенах!

— Ты хвост мне тут не расфуфыривай, страж, — предупреждает хозяйка. — В дом свой я вас ещё не пустила, а все ваши выёживания я на зубок знаю! Хотя личико у тебя писаное, — цокает она языком, от чего Александр улыбается ещё очаровательней.

Аж тошно от него.

— Моё не сравнится с вашим, прелестная барышня.

Хозяйка краснеет и сменяет гнев на милость. Но стоит её глазам впереться в меня, как от былой смущённой и доброй улыбки не остаётся ни следа.

— Комната стоит пять трояков, за завтрак с обедом возьму семь клопов²⁶, а за содержание кобыл ваших — три.

— Комната, надеюсь, на двоих? — любезно интересуется капитан.

— Тогда одиннадцать трояков.

С этими словами женщина уходит. Я всё ещё держу Раду за поводья, не желая уводить её в грязную конюшню, к условиям которым лошадь явно не привыкла. Что уж говорить и про Одуванчика, который с тоской глядит на летнюю траву, сверкающую на солнце за пределами двора.

— У нас много работы, — сообщает капитан. — Во-первых, нужно завести лошадей. Во-вторых, уговорить хозяйку снизить цену.

— Это уже по твоей части.

— Точно. И в-третьих, нужно отдохнуть.

***

Уговорить хозяйку хоть немного снизить цену — хотя бы на два медяка — у Александра

не получается. Пока я уныло ковыряю жижу, что по словам повара является кашей, капитан мило беседует с женщиной, осыпая её всяческими комплиментами и изысканно шутя. От его шуток внушительная грудь хозяйки качается всякий раз, когда та заливается в хохоте. Но всё же женщина остаётся непреклонна, и Александру приходится вручить всю плату.

После чего он, сев за стол напротив меня, отодвигает свою порцию каши и коротко вводит меня в курс дела. Несколько дней назад пропали две молодые девушки — сёстры. Как уверяют родители, девицы шли к водоёму, что находится неподалёку отсюда, но так и не вернулись.

Выходим мы, когда уже садится солнце. До этого я спала на жёсткой койке, изредка просыпаясь от шума, что царил внизу.

Александр велит мне держать нити наготове, а сам держится за рукоять меча, не вынимая лезвие из ножен. Я иду позади, потому что так сказал капитан. Когда же я начала уверять, что смогу одолеть тварь, даже если та набросится на меня, Александр ответил, что не сомневается в моих способностях, но хладный труп ему не сдался, в отличие от вредной стражницы.

Водоём оказывается не так близко, как нам говорили живущие здесь. Приходится пробираться сквозь заросли леса, и пару раз я чуть не спотыкаюсь о корни и не ломаю себе всё. Мы молчим и идём так тихо, как только можем, ибо не хотим привлекать к себе ненужное внимание.

Наконец мы доходим до водоёма. Речка широкая, чистая. А вот тварей рядом с ней не видно и не слышно.

— Будь здесь, — говорит Александр. — Я осмотрюсь, а ты в случае чего кричи.

— Ты тоже.

Капитан усмехается и исчезает в тёмной лесной гуще. Я же подхожу к краю берега, всматриваясь в воду. Течение спокойное, а вокруг висит такая тишина, что мне становится не по себе. И нарушается она коротким всплеском со стороны. Верчу головой, но ничего не вижу. Второй всплеск — и тоже ничего. Дальше воздух пронзает писклявое хихиканье.

Крест сжат в руке, на его край уже намотана синяя нить. Смех усиливается, и слышен он со всех сторон. Но источник его возникновения всё так же неясен.

— Ой, до чего ночь красива, девочки, — нараспев произносит девичий голос позади меня. Разворачиваюсь и вижу, как на соседнем берегу уселись три девушки, две из которых выглядят крайне молодо, максимум на семнадцать, а третьей не дашь больше двадцати пяти. Их ноги опущены в воду, а сами девицы расчёсывают длинные волосы.

— Такая красивая, что только с любимым её надо проводить, — вздыхает вторая и обращает внимание на меня, прекратив расчёсывать волосы. Её прекрасное юное лицо озаряется светлой и приветливой улыбкой. — Вы только гляньте, кого к нам принесло! Лияна, ты только посмотри!

Старшая оборачивается в мою сторону, тоже прекратив расчёсывать гладкие локоны.

— Иди к нам, — зовёт она, прихлопывая на месте рядом с собой. — Не бойся, мы тебя не тронем, милая.

Последнее слово ударяет под дых в тот же момент, когда я чуть не вхожу в воду. Вспоминаю, зачем я здесь. Девицы тем временем начинают петь так красиво и сладко, что хочется слушать их дивные голоса целую вечность. Мысль о том, что я на задании, постепенно мутнеет, но я пытаюсь закрепить её в сознании и опускаю глаза вниз, смотря на землю. И песня уже не кажется такой сказочной, голоса девушек больше похожи на

карканье. Отхожу подальше от воды, и в эту секунду из реки выбирается костлявая рука, что чуть не хватает меня за ногу.

— Ну-ну, дорогая, — из воды показывается голова старшей. Выглядит она так же прекрасно, но стоит мне приглядеться, как вместо неотразимой девушки вижу существо с бледной кожей, зелёными космами и мутными глазами навывкат.

Русалка²⁷ хищно ухмыляется, показав ряд острых зубов, и подплывает ближе.

— Тебе нечего бояться. Мы — русалки — девиц не трогаем, особенно таких красивых и юных, — сладкий шёпот вновь возвращается в тон твари, но я продолжаю смотреть вниз, пытаюсь справиться с чарами, из-за которых голову заполнил туман, не давая обратиться ни к одному святому. — Таких красных девиц мы любим. Поболтать, знаешь ли, — хихикает русалка.

— Нам не о чем говорить, — твёрдо заявляю я, удерживая крест в дрожащих руках. — И ты лжёшь. Вы убили двух сестёр недавно.

— Убили? — искренне удивляется смертница. — Нет, что ты, дорогая! Мы никогда девиц не убиваем, не трогаем и не обижаем! Караем мы мужчин, но не барышень милых! А сёстры, про которых ты молвишь... — русалка делает паузу. — Они сами пожелали этого.

— Пожелали чего?

— Недружны были сёстры. Ссорились из-за красавца местного. Но обманул он их обеих да на другой конец земли ускакал. А сердечки сестёр разбиты, сердечки сестёр никто не излечит, кроме нас.

— Вы... — во рту пересыхает. — Вы уговорили их убить себя.

— Уговаривать долго не пришлось, сами к нам пошли быстро. И ты, дорогая и храбрая стражница, можешь, — русалка вновь подплывает ближе, высунувшись на сушу наполовину. Чары её оказываются настолько сильными, что сопротивляюсь я из последних сил, смотря на потрескавшуюся землю. Но желание поднять глаза и взглянуть на русалку, чьи слова звучат так сладко и маняще, берёт верх.

Её лицо вновь прекрасно. Волосы на этот раз светлые, улыбка чистая и добродушная. Она протягивает мне руку, зовя с собой. Делаю неуверенный шаг вперёд.

— Я знаю, каково это, дитя, когда разбивают сердце, — томно вздыхает русалка, пока я делаю ещё один шаг. — Это больно. И я вижу твои страдания. Поступил он с тобой жестоко, очень жестоко! И обвинил ещё во всём. Мужчины постоянно так поступают. Мы — девушки — игрушки для них, которые они выкидывают, стоит им доломать нас. А потом ищут новую невинную душу и кромсают её так же бессердечно, как и первую жертву. Для них мы услада для глаз, — два шага вперёд. — Для них мы украшение, мы товар, который продают родные родители, — ещё один. — Ох, дорогая, как мне жаль тебя, как хочется обнять, приласкать и пожалеть! Иди же сюда, милая!

Слово, что вызывает лишь дрожь, вновь ударяет в самое сердце. Останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки от русалки, чьи слова звучат заботливо и тепло, но...

Но это русалка. Тварь, нечисть, смертница. Она лишь использует чары, заманивает меня, чтобы утопить и сделать такой же!

Вызываю огонь, кинув его в русалку, но та с криком ныряет в воду, создавая брызги тёмно-зелёным чешуйчатым хвостом.

— Боль разбитого сердца не спрячешь, стражница! — шипит русалка, выныривая. — Вижу я её, не обманешь ни меня, ни себя ты! Как там его звали? Таислав, верно?

— Замолчи! — обращаюсь к Санкт-Волибору, ударяю ногой по земле, призвав

небольшой камень. После чего с помощью воздуха, помолившись Санкт-Ангелии²⁸, отправляю его прямо в русалку, но та уворачивается, и камень с всплеском уходит под воду.

— Думаешь, забыла его? Рана свежа, дитя, это видно по твоему страху. Но мужчина в твоей жизни появился. Новый, он кажется не таким как тот. Храбрый, вежливый, благородный. Думаешь, он другой, верно? — всполох огня ярости летит в русалку, что уворачивается, звонко смеясь. — Мужчины все одинаковые, стражница. Им всем нужно одно от нас. Ты уверена, что он не поступит так же?

— Я вовсе не люблю его! — выкрикиваю я, подумывая призвать молнию и поджарить русалку и других тварей, что обитают в реке, до хрустящей корочки.

— А того — первого — любила? И как оно? — подойти ближе к воде я не могу, иначе меня утянут другие русалки, плавающие под водой. Но с расстояния, на котором стою я, сложно прикончить надоедливую тварь. — Больно, верно? О, дитя, ты не должна мучиться! Решение есть, только зайди в воду, и твоя боль уйдёт!

«Как и жизнь», — мрачно добавляю я про себя и решаю рискнуть, ринувшись вперёд и достав из кожных ножен острый кинжал.

Молюсь Санкт-Варваре²⁹ и кидаю нож вперёд, тут же почувствовав его в воздухе и захватив, дабы управлять одной лишь силой мысли благодаря обращению к святой. Направляю кинжал на русалку, который, крутясь вокруг своей оси, летит прямо в её голову. Тварь уходит под воду, и кинжал возвращается ко мне так и не достигнув цели. Я же всё это время стою у кромки воды, чтобы лучше управлять лезвием в темноте.

Водная гладь идёт рябью, но отпрыгиваю я слишком поздно: за ногу меня хватает тонкая когтистая рука, утаскивая за собой. Отбиваюсь второй ногой, но тщетно. Цепляюсь ногтями за землю, оставляя грязные полосы, пытаюсь полоснуть руку кинжалом и делаю всё возможное, лишь бы не пойти ко дну, но ничего не выходит.

— Не дёргайся, дорогая, — старшая русалка вновь выныривает. — Всё произойдёт быстро.

Уже подумываю её послать, продолжая бороться со схватившей меня русалкой. Хватка неожиданно усиливается, и я с ужасом поворачиваюсь назад: теперь мою ногу сжимают две русалки, резко дёргая к себе. Подбородок содран в кровь, руки наливаются свинцом, кинжал выпадает из ладони, когти русалок до боли вонзаются в плоть.

— Аня! — в темноте яркой вспышкой света пролетает нож, кружась над рекой. Русалки, что удерживали меня, почувствовав железо, с шипением бросаются под воду, как и старшая.

Александр, подбежав ко мне, опускается рядом и помогает встать. Стоит ему коснуться меня, как он слегка вздрагивает, словно от разряда молнии, но руки не убирает.

— Я же велел тебе кричать, если что-то случится!

— Времени не было на крики, — огрызаюсь я, убирая свои ладони от его и стирая грязь с лица.

Кинжал возвращается к своему владельцу, и капитан с лёгкостью его ловит, повесив на пояс.

— Нужно выманить русалок, — произносит он, глядя на воду, что снова идёт рябью. — Держись за мной и подальше от...

Его приказ обрывается на полуслове, ибо в лицо капитана ударяет мощная струя воды. Александр, захлёбываясь, падает на землю, а из реки тем временем появляются ровно семь русалок. Ближе к берегу находится старшая, чьи мутные глаза выражают лишь ярость и злобу.

— Разберитесь с девицей, сёстры, — шипит она. — Я же займусь нашим красавцем. Уж эту кровь я узнаю везде.

Глава двенадцатая. Последние и единственные удары перед смертью

Александр

Пока я оплёвываюсь от воды, старшая из русалок отдаёт приказ своим сородичам. Аню вновь хватают костлявые руки, резко дёргая, и стражница со всплеском падает в реку, изо всех сил сражаясь с нечистью, что её окружила.

— Говорил же, кричи... — бормочу я, сплёвывая противную на вкус воду.

— Алекса...брл-бул... — выдавливают Аня, уходя под воду. Уже было бросаюсь к ней, как меня сшибает очередная речная волна. Откатываюсь к дереву, больно ударив бок и выронив подготовленные серебристые нити.

Из воды, плотоядно улыбаясь, точно я загнанный в угол раненый оленёнок, а не вооружённый страж, выходит старшая русалка. Волосы длинные, тянутся до самых колен, прикрывая обнажённую грудь и не только. Вместо привычного рыбьего хвоста у неё длинные стройные ноги. Русалка облизывает мертвецки-бледные губы зелёным языком с острым кончиком, надвигаясь на меня и шевеля бёдрами.

Встаю, откашливаюсь от воды и поднимаю крест прямо перед тварью, которая, почувствовав вблизи опасное для себя железо, останавливается. Но страха не показывает.

— Не знала, что царевичи на службу отправляются, — нараспев произносит она. Вспоминаю про чары и потупляю взгляд вниз. — Неужто приказ батюшки родного?

— Нюх тебя подвёл. Никакой я не царевич.

— Его кровь я не спутаю ни с чем, а в тебе она есть, страж.

Брызги воды летят во все стороны, макушка головы Ани то появляется, то исчезает. Ясно одно: она тонет. И если я буду болтать с этой малоприятной тварью, то стражнице осталось недолго. Не знаю, выживет ли Аня на этот раз, но проверять не хочу. Обнажаю меч, убрав руки от креста, и подзываю русалку пальцем, держа клинок наготове.

— Маленький царевич хочет поиграть. Будь по-твоему. И не отводи взгляда, царский сын.

— Повторяю ещё раз: я не царевич, а уж тем более не сын царя! — бросаюсь на русалку, которая уходит в сторону, и меч рассекает лишь воздух.

Тварь поёт, только её пение больше похоже на предсмертный козлиный крик. Космы русалки взлетают вверх, превращаясь в зелёные щупальца, что тянутся ко мне и окутывают мою правую руку, выдёргивая меч. Молюсь Санкт-Владимиру, нагревая крест, и прижимаю его к держащим меня волосам, что шипят от одного прикосновения с раскалённым железом. Русалка визжит и отпрыгивает к воде, злобно скалясь.

— Похож на папашу. Боль причиняешь, — она с обиженным видом ласкает волосы. — Раз не могу поквитаться со старшим, убью его драгоценного сынка.

«И только окажешь ему услугу», — мелькает у меня в голове.

Русалка набирает в лёгкие побольше воздуха и оглушительно орёт. Да так сильно, что я не слышу собственные мысли. Затыкаю уши, но вой русалки всё равно поражает. Я даже двинуться с места не могу. Или хотя бы посмотреть на воду, чтобы выяснить: держится ли ещё Аня или уже поздно.

Ну уж нет. Больше я не потеряю члена команды.

Отрываю руки от ушей и вынимаю из пояса кинжал. Больно. Невыносимо больно. Перед глазами играют чёрные звёздочки, мир вокруг покачивается, а голова разрывается от крика.

Кажется, ещё немного, и череп попросту треснет. Еле-еле вспоминаю нужную святую, обращаюсь к ней и бросаю нож, хорошенько размахнувшись. Направляю его в правую сторону, где и стоит орущая русалка. Кинжал врезается ровно ей в шею, и вой прерывается коротким хрипом.

— Ты... Как ты посмел?! — ревет русалка, вынимания лезвие из шеи, покрывшейся ярко-алыми ожогами. Её кожа на плотке и пальцах шипит, тварь швыряет мой кинжал прямо в воду.

Меч лежит в трёх аршинах от меня, но русалка стоит с нему гораздо ближе, поэтому мне попросту не подобраться к оружию. А тем временем нечисть угрожающе наступает на меня. Её космы вновь вметаются ввысь, становясь похожими на извилистых змей.

— Первым делом вырву глаза, — приговаривает русалка, облизываясь. — Такие синие и красивые, как у папаши.

— Он не мой отец.

— Лжешь так же, как и он. Он обещал сделать меня царицей, — горько усмехается она. — И сделал. А после променял на твою шлюху-мать — Дородею! И приказал убираться из Великомира, объявил мёртвой, когда я ушла!

— Дородея не моя мать, — пытаюсь я вразумить русалку. — Насколько я знаю, Дородея — вторая царица, мать царевича Радима. Она погибла при родах.

— Туда и дорога этой мрази! А от какой суки ты — мне плевать! Главное, что в тебе кровь того, кто и сделал меня такой!

Её когти оказываются в нескольких дюймах от моего лица, когда я хватаю её за руку, выкручивая до мокрого хруста и опустив её голову с косматыми волосами к земле.

— Можешь называть меня как угодно, — шиплю я ей на ухо, ломая пальцы один за другим. — Хоть сыном этого мерзавца, что сидит сейчас на троне. Но не смей говорить плохо о моей матери!

Дёргаю русалку за длинные волосы и припечатываю её лицо к земле, разбив нос.

— Простите за мою грубость, царица Лияна! — вспоминаю я имя первой жены царя, ещё раз окуная лицо той в землю.

— Вы, Зареславские, все как один!

Волочу упирающуюся русалку за собой и подхожу к мечу, поднимая его и покрывая огнём с помощью молитвы. Тварь шипит и дёргается, проклинает меня, мою маму и царя. Обещает, что мои кости будут украшать её грудь. Я же, устав слушать её вопли, отсекаю ей голову. Русалка корчится в предсмертной боли, а её тело распадается на пепел.

Тушу огонь на лезвии, отбрасываю его в сторону и кидаюсь в воду, веря, что Аню ещё можно спасти.

Семь русалок столпились вокруг Ани, чьи глаза плотно закрыты, а руки обмотаны водорослями. Плыву к стражнице, держа крест перед собой. Завидев меня, две русалки выбиваются из общей кучи и с шипением летят на меня, выставив костлявые руки. Одна из них вцепляется мне прямо в горло, вонзая когти в плоть. Ударяю ногой её в живот, подношу крест к тонкой шеи, и русалка верещит от боли, превращаясь в пепел. То же самое я проделываю и со второй, но уже быстрее.

Остальные твари, решив, что я из себя представляю серьёзную угрозу, выбиваются вперёд, нацелившись утопить меня. А времени у Ани всё меньше. Отбиваюсь от русалок, но те действуют очень упорно: таскают за волосы, хватают за ноги и руки, не давая коснуться креста и поднести его к коже смертниц. Силы уже на исходе, и скоро я и впрямь пойду ко

дну, погибнув в очередной раз. Но я вернусь, а в случае с Аней у меня такой уверенности нет.

Вырываю левую руку из крепкой хватки русалки, и когти тварюги рассекают мне руку до крови: глубокие царапины идут до самого предплечья. Но это меня не волнует. Сжимаю крест, прикладывая его к шее ближайшей русалки, и вместе с этим отбиваюсь от других. Нечисть оттаскивает меня, но поздно: от их сестры остаётся лишь пепел. Немедля, касаюсь крестом ладони русалки, и та с визгом отплывает назад, прижимая раненую и шипящую руку к себе.

В ушах поднимается шум, воздуха уже не хватает, поэтому я убиваю русалок с особым рвением. Теперь они пытаются держаться от меня подальше, поняв, что утопить уже мёртвого не так уж и просто. Хватаю русалок, притягивая к себе и превращая их в пепел. И когда не остаётся ни одной, я подплываю к Ане.

Аккуратно обхватываю её за плечи, прижимая к себе одной рукой. Биение сердца не заставляет себя ждать. Оно колотится медленно и больно, каждый его удар сопровождается приливом глухой боли. Внутри становится невыносимо тяжело, и этот груз точно давит, унося и меня, и Аню на дно. Давит так сильно, что руки становятся неподъёмными, их словно сковывают ржавые цепи, которые тянут вниз. В глазах темнеет, воздуха окончательно не хватает, лёгкие каменеют, а сердцебиение усиливается, предчувствуя, что вернулось оно ко мне ненадолго.

Свободной рукой сжимаю крест и обращаюсь к Санкт-Некрасе³⁰, захватываю воду и образываю пузырь. Отпускаю Аню, чьи глаза до сих пор закрыты, в пузырь и толкаю его на поверхность. А сам падаю навстречу водорослям, что опутывают мои руки и ноги. Мир перед глазами меркнет, лёгкие леденеют, а сердце останавливается.

Тук. Тук.

Тук...

Глава тринадцатая. Ненадолго вернувшаяся жизнь

Александр

— Ещё, — кто-то хлёстко ударяет меня по щеке, — раз, — очередная пощёчина не заставляет себя ждать, — сделаешь, — щёки горят, — так, — вновь звонкий хлопок, — убью! — по моей щеке приходится яростный удар, содержащий и отчаяние, и ненависть, и надежду одновременно.

Хриплю и немного приоткрываю глаза. Мир вокруг плывёт размытыми пятнами, но, прищурившись, мне удаётся разглядеть опухшее и покрасневшее лицо Ани.

— Какого хрена ты меня бьёшь? — сипло мямлю я.

— Какого хрена ты творишь?! — накидывается она на меня, ударив по плечу. — Ты чуть не сдох, идиот! И это ты мне тут втирал не геройствовать, не переоценивать себя, не рваться в гущу боя, думать о своей жизни, а сам ни хрена о ней не думаешь! — гневно выкрикивает Аня, пока я в ответ лишь слегка приоткрываю рот, но не решаюсь что-либо сказать, дабы не наслать на себя ещё больший гнев. — Ты... Ты идиот, Александр! Просто невыносимый идиот! Как только можно так наплевательски относиться к собственной жизни и при этом петься о других! Ты просто...

— Ты спасла меня, — быстро выдыхаю я, осмелившись прервать её яростную тираду. Сажусь и повторяю: — Ты спасла меня.

— Спасла, чтобы собственными руками придушить за такой идиотский поступок! — выпаливает Аня и вытирает лицо мокрым рукавом кафтана. Она поднимается с колен и отходит к краю берега, отвернувшись от меня. — Ты... — всё же не сдерживается

стражница, но так и не поворачивается в мою сторону. — Как только можно так беспечно относиться к собственной жизни?! Точно она ничего не значит!

«А разве моя жизнь что-то значит?» — проскальзывает в мыслях, но этот вопрос я решаю не озвучивать.

Поднимается холодный ветер, взметая мокрые волосы Ани, похожие на ряд застывших сосулков. Стражница неуклюже шмыгает носом и вытирает его краем рукава. Она снимает с себя мокрый кафтан, бросив его на землю, и остаётся в одной лишь холщовой рубаше, что прилипла к телу. Её плечи дрожат от холода, но Аня изо всех сил пытается скрыть это. Выходит у неё крайне плохо. Изредка она поворачивается в мою сторону: её глаза покраснели и опухли, на щеках блестят мелкие слезинки, а уголки губ опущены вниз и немного подрагивают.

Какая же она красивая.

— Прости, что напугал, — едва слышно произношу я.

Она никак не отвечает, а только смотрит в тёмную воду.

— И спасибо тебе. Спасибо, что спасла меня.

— Я потеряла все нити, — сообщает она, никак не отреагировав на мои слова. — Русалки их забрали...

— Это неважно, — мягко уверяю я и убираю мокрые волосы назад.

Безо всякой на то причины касаюсь запястья, проверяя пульс. Тихо. Внутри такое же ощущение: холодное, безмолвное и пустое. Но совсем недавно всё было иначе: чувствовался ритм, билось тепло, а внутри что-то да точно было. Что-то забытое. Вот только что?

Встаю и тоже снимаю кафтан, аккуратно его сложив. После чего поднимаю кафтан Ани, что мятой кучей валяется на земле, и так же прилежно складываю, вешая одежду себе на локоть.

— Спасибо тебе, — вновь произношу.

Аня нервно усмехается:

— Благодарить во второй раз? Тебе вода в голову попала?

— Может быть, — тихо смеюсь я.

Мы молча стоим ещё несколько минут. Кажется, что нам нечего сказать друг другу, но при этом в мыслях крутится бесчисленное количество слов, и мне хочется, чтобы Аня слышала каждое. Чтобы все слова, уже готовые сорваться с моего языка, коснулись её слуха, и она ответила бы тем же. И при этом я не могу вымолвить ни слова. Безумно странное ощущение, но невероятно приятное. И оно бьётся внутри, подобно шторму, стоит мне снова взглянуть на Аню.

Что со мной происходит? Почему... Почему именно эта девушка вызывает во мне такое?

— Нам стоит вернуться, — между тем произносит она безучастным тоном.

— А ты хочешь? — я даже не успеваю обдумать вопрос, как он слетает с моих губ.

— Не знаю, — она неопределённо пожимает плечами. — Я... Я хочу убраться от этого места как можно дальше. Но и жёсткая койка тоже не особо привлекает.

Я зажигаю на указательном пальце янтарный огонёк, отпуская его в воздух. Небольшой шарик пламени подлетает к Ане, согревая лёгким жаром. Я же говорю:

— Есть у меня одна мысль.

***

— Я уже бывал здесь, — рассказываю я, пока мы идём по лесу. Благо, нечисти — даже

мелкой — нам не попадает. — Было как-то одно дело, вот я и наткнулся на это место. Вот увидишь, тебе понравится!

Аня ничего не говорит, а только шагает за мной без всяких возражений. Огонёк всё ещё следует за ней, одаривая своим теплом.

— Мы пришли, — сообщаю я, раздвигая древесные кроны и пропуская Аню вперёд.

Злость той, если не уходит полностью, точно немного спадает, сменяясь изумлением. Может, стражница и ахнула от восторга, но этот и любой другой звук утонули в шуме воды, что громадным потоком стекает вниз.

— Подойдём поближе? — спрашиваю я, говоря в самое ухо стражницы.

Та кивает, и не дожидаясь меня, вырывается вперёд.

Зрелище поистине поражает. Гремящая белоснежная пена воды стекает вниз, превращаясь уже в сине-зелёную водную гладь, по которой идут мелкие белые крапинки. Ночной лес отражается в зеркале воды расплывчатыми силуэтами. Достаточно лишь слегка дотронуться, и без того нечёткая картина пойдёт рябью. Стоит подойти ближе, как россыпь воды попадёт на кожу холодными, но игривыми каплями. Мостом на другой берег служат плоские камни, что при свете полумесяца, горящем в тёмно-синем небосводе, кажутся серебристыми.

— Нравится?

— Очень! — восторженно восклицает Аня, перекрикивая шум водопада. Она опускается на корточки и ласковыми, почти невесомыми прикосновениями дотрагивается до воды, и по глади пробегает мелкая, едва заметная рябь. — Надеюсь, русалок здесь нет?

— Нечисть здесь не водится. Я истребил её.

Ловлю себя на мысли, что мне нравится наблюдать за Аней. Видеть её улыбку, слышать её голос и смех, находится рядом с ней. И страшно как хочется, чтобы такие моменты не заканчивались, а длились вечно. Это желание горит внутри пульсирующим жжением, отравляющим изнутри, ибо мечта эта невозможна.

— С камней это ещё красивее.

— Да? Так давай посмотрим, — Аня встаёт и идёт к мосту, обгоняя меня.

— Я... — робко произношу я, заставляя Аню остановиться и обернуться. Она терпеливо ждёт, когда я закончу начатое предложение и последую за ней. Я же в это время спрашиваю себя, с каких пор не могу и двух слов связать? — Можно... — ну почему все слова улетучиваются из головы, стоит мне только взглянуть в эти тёмно-зелёные глаза, что выбивают весь воздух из лёгких?! — Можно я возьму тебя за руку?

Произнеся это, ощущаю небывалое облегчение. Но ненадолго.

— Зачем? — немного настороженно интересуется Аня.

Снова не знаю, что сказать. Если раньше я находил ответ на всё, то теперь мне остаётся только тупо стоять на месте, отчаянно перебирая хаотичные мысли в голове и понимая, что всё это не подходит и звучит крайне глупо.

— Можно я совру?

Аня отвечает лёгкой улыбкой.

— Мог и не спрашивать. Я всё равно пойму, солжёшь ты или нет.

Точно! Как можно быть таким идиотом, чтобы забыть о таком?! Но не могу же я ей прямо заявить, что чувствую себя живым только тогда, когда дотрагиваюсь до неё!

— Мне нравятся твои прикосновения, — пылко выпаливаю я, желая прыгнуть в водоём и утопиться в нём, чтобы хоть как-то спастись от охватившего меня стыда.

Аня заметно краснеет и опускает взгляд. Поняв, какую глупость я сморозил, уже собираюсь перед ней извиниться, как она мрачно произносит:

— Ну и несмешные у тебя шутки, капитан.

После чего берёт меня за руку.

И мы оба знаем, что сказал я чистую правду.

Камни оказываются скользкими, и Аня чуть не падает в воду, но я вовремя подхватываю её. Сердце бьётся настолько бешено, что вот-вот выпрыгнет из груди, разорвав рёбра. Я даже краснею, надеясь, что темнота ночи скрывает проступивший румянец на моих щеках.

Теперь мы идём аккуратно, мелкими шажками, всё ещё держа друг друга за руки. Ладонь Ани горячая, мягкая и хрупкая, словно нежный бутон ещё не распустившего цветка. Биение внутри окончательно превращается в сумасшедший ритм, что не желает стихать, он хочет только усиливаться и наслаждаться самим собой. Тишина уходит, её насильно сменяют тысячи звуков, оказывающиеся одним: стуком сердца. Холод умолкает, и его побеждает тепло, проходящее по мне волной горячих мурашек. Пустота исчезает, и вместо неё во мне проносится целый ураган чувств, не стихающий ни на мгновение.

Мы доходим до середины моста, и опускаемся на мокрые, холодные и скользкие камни. Аня устремляет взгляд на водопад, струящийся величием и красотой. Я же смотрю на стражницу, думая лишь о том, что она прекраснее любого водопада. Её волосы практически высохли и теперь смешно пушатся, а глаза горят детским восторгом. Рука сжимает мою так крепко и сильно, что моё сердце заходится в счастливом танце, а на губах самовольно выступает улыбка.

Рядом с ней мне поистине хорошо. И я ощущаю себя живым. Чувствую жизнь.

Эта девушка спасла меня. Спасла мёртвого. Аня не знает мою тайну и, очень надеюсь, не узнает никогда, потому что мне хочется, чтобы она считала меня живым: таким же, как она; чтобы хоть немного, но чувствовать себя ближе с ней. И Аня видит ценность в моей жизни. Видит то, чего не могу узреть я.

— Он хотел избавиться от меня, — говорю я настолько тихо, что шум воды полностью перекрывает мои слова, но Аня всё же поворачивается в мою сторону, когда я немигающим взглядом смотрю на водную гладь.

— Что?

— Он хотел избавиться от меня, — повторяю я жёстче и громче. — Ты спрашивала, зачем я вступил в Орден. Моей воли здесь не было.

Молчу несколько секунд, после чего продолжаю:

— Он не любил меня. Ненавидел, презирал, желал смерти. Участвовал в моей жизни лишь тем, что только портил её.

— Кто — он?

— Он является для меня тем, кем никогда не станет. Я же в свою очередь никогда не назову его отцом.

Аня вздрагивает от услышанного.

— Александр, прости, я не знала.

— Вот и узнаешь как раз, — грустно улыбаюсь. — У меня нет отца, Аня. Я рос с мамой — с той, благодаря которой и стал тем, кем стал. Не стражем какого-то Ордена. Человеком. И очень надеюсь, что таким, каким она могла бы гордиться, — к горлу подступает ком, а в голове чередой всплывают воспоминания, как я отчаянно кричу, разгребая завалы больницы, как обессиленно падаю перед трупом матери, как безнадежно пытаюсь вытащить её тело. —

Я был нежеланным ребёнком для него. Мальчиком, появившимся не вовремя. Он говорил, что меня не должно было быть. Назвал ошибкой. Оплотностью. Лишним в этом мире. Он хотел убить меня собственными руками, после чего придумал способ получше.

— Отправить в Орден, — догадывается Аня.

— Да. Сделал из ненавистного ребёнка стража, чтобы тот рисковал собой каждый грёбаный день. А такой риск быстро выливается в смерть. Только не в моём случае, — чуть тише добавляю я, и на этот раз гром воды действительно заглушает мой голос. — Знаешь, он показал мне, что моя жизнь ничего не стоит. Дал понять, что она не важна этому миру, да и в принципе никому. И вообще, не будь меня, этот мир был бы лучше.

— Но не это не так! — горячо говорит Аня. — Александр, твой... — она осекается, не быстро берёт себя в руки: — Этот человек не прав! Твоя жизнь имеет ценность, и в первую очередь она должна быть важна тебе! — Аня дотрагивается до моей груди — до того места, где бьётся сердце. — Не смей думать так, как тебе внушил он! Жизнь на то и даётся, чтобы мы осознали её важность и начали ценить её. А этот человек... Он и пальца ырки не стоит! Он бесчестный, подлый, гадкий мерзавец. Твоя жизнь важна многим людям. Мне, например, — в этот же миг она отводит глаза, пытаясь скрыть смущение. — Он...

— Мне никто, — мягко останавливаю я её. — Поверь, я подписываюсь под каждым твоим словом, но он всегда был для меня никем. И таким останется. Нас объединяет лишь кровь, ничего не значащая для меня.

Аня согласно кивает и вновь смотрит в сторону шумящей воды. Неожиданно она прижимается ко мне ближе, заставляя сердце пуститься в такой пляс, что я запросто могу потерять сознание и упасть головой назад в воду. Аня кладёт голову мне на плечо, заставляя окончательно впасть в странное и тягучее, но приятное чувство, похожее на пожар. Только не разрушительный и сокрушительный, а горячий и согревающий.

— Ну, а ты? — интересуюсь я. — Почему вступила в Орден?

— Видела, как умирают люди, — немного помедлив, отвечает она. — И мне не хочется, чтобы это повторялось вновь и вновь. Если я могу что-то сделать с этим, могу хоть как-то предотвратить это или же попытаться, то это мой долг.

— Думаешь, один страж способен остановить такое?

— Нет. Один может попытаться. А если один не попробует, то разве другие станут? К тому же стражи постоянно сражаются. И я когда-то вела бесконечную бойню. Но в отличие от меня, стражники были сильными. Они могли защитить себя. Тогда-то я и поняла одну важную вещь, — говорит Аня. — Защитниками людей могут быть только сами люди. Вот и получается, что я хотела защитить себя в первую очередь. Научиться это делать, потому что бессилие душило. И душило до сих пор.

Она отстраняется от меня и даже убирает руку. Сердце вновь замолкает, и внутри словно проносится крик отчаяния, молящий о том, чтобы биение возобновилось. Но я не властен над этим, поэтому смиренно падаю в объятия холода, тишины и пустоты.

— Аня, — зову я. — Ты не бессильна. Не всегда можно справиться с чем-то, будучи одним, и это нормально. Мы можем проходить все испытания в одиночку, но от того раны и будут больнее. Не держи всё в себе. Поделись с кем-то. Со мной. Поделись этой болью, передай раны, дай забрать шрамы. Не носи всё одна. Пожалуйста. Аня, ты... — во рту пересыхает, нужные слова вновь забываются, хотя мгновение назад я чётко знал, что говорить. — Я рад, что знаю тебя. И спасибо тебе.

Но это не то, что я хотел сказать.

Глава четырнадцатая. Бьётэ

Аня

В постоянный двор мы вернулись только к рассвету. Всё время, что мы шли по тропинкам леса, мы провели в тишине. Александр изредка приоткрывал рот, точно собираясь что-то сказать, но в этот же момент закрывал, так и продолжая молчать.

Проспав до полудня, я спускаюсь вниз, в обеденный зал, сладко потягиваясь и зевая. Мышцы болят, а горло чешется. Видимо, холодный ночной ветер не прошёл без следа. Волосы я связала в небрежный узел, а оделась в обычную рубашу и штаны, низ которых заправила в ботинки.

Александр уже сидит за столом. Перед ним тарелка серой жижи, выглядящая так, будто кого-то стошнило. Но капитана внешний вид еды не интересует. Он полностью увлечён своим собеседником, что сидит напротив него и активно жестикулирует руками, задорно смеясь.

— Ру! — увидев знакомую рыжую голову, я подбегаю к ним.

— Аня! — тот отвечает привычной широкой улыбкой. Он встаёт, со скрипом отодвинув стул, и кланяется, приложив правую руку к противоположной стороне шеи. — Так в Талоре благодарят, — поясняет он, заметив моё замешательство. — Я слышал, ты спасла Сашу.

— После того, как я её спас, — учтиво уточняет капитан.

— Спасибо тебе, — Ру ещё раз кланяется, проигнорировав Александра.

Я только пожимаю плечами и робко улыбаясь, мол, для меня это обычное дело — вытаскивать капитана из передраг и спасти его жизнь.

Усаживаюсь вместе с ними, и хозяйка, подойдя к нашему столу, ставит передо мной тарелку с таким же месивом, что и у Александра. Пахнет так, словно это действительно чья-то рвота.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь я у Ру.

— Саша позвал.

Перевожу взгляд на Александра, ожидая объяснений. Тот трёт переносицу, и я задумываюсь: спал ли он вообще?

— Неподалёку отсюда видели болотника³¹, — осведомляет Александр. — Я взял и это задание, а Ру попросил присоединиться позже, так как он и сам с тварями разбирался. Поэтому, если ты не будешь есть это варево, — он со скисшем лицом кивает на тарелку каши, — предлагаю двинуться сейчас.

Постоялый двор «Гусёнок» мы покидаем с огромной радостью. Лошади встречают нас недовольным ржанием, спрашивая, как только совести у нас хватило оставить их в этом сарае с дерьмом. Поглаживаю Раду по холке и обещаю купить ей яблок при первой же возможности.

Болтает всю дорогу только Ру, рассказывая мне о своей родине и приключениях, что выпали на его долю, когда он стал стражем. Страж с воодушевлением говорит о своём первом настоящем задании, когда он служил под руководством другого капитана, и его послали разобраться с букой³². Вернулся Ру в крепость с побитым глазом и вывихнутым пальцем, но от твари он избавился.

Оказывается, Ру знаком с Александром ещё с особого легиона, где оба учились под командованием главнокомандующего Тузова. Вместе с ними был ещё и Данияр, и, как говорит Ру, тот всегда был молчаливым и угрюмым юношей, предпочитающим уединение. Ру сетует над тем, что такого Луиза в нём нашла, а после мгновенно переходит к другой

теме, рассказывая, как на днях он познакомился с симпатичным стражем, получившим синий кафтан совсем недавно, как и я.

Ру во всех красках описывает то, как он, будучи неопытным юнцом, впервые напился в Великомире, перепробовав самые разные сорта кваса. После чего он, ничего не соображая, угнал осла у хозяина заведения, приняв животное за Александра, с которым и пришёл. Проснулся Ру в соседней деревне, с ужасной головной болью и желанием выплюнуть все внутренности вместе с рвотой прямо в колодец. Смеюсь, отмечая, что перепутать капитана с ослом не так уж и трудно. Александр отвечает мне едкой улыбкой, говоря, что в упрямстве я ушла недалеко от него.

Мы останавливаемся в большой деревне Зарянкино, вблизи которой и находится нужное нам болото. Местные встречают нас гостеприимными улыбками, а навстречу выходит старшина, опираясь на трость. Его сопровождает молодая девушка с косой тёмных волос, в которые вплетена белая лента. Похоже, внучка старика, едва младше меня самой.

— Для меня честь видеть перед собой воинов света, когда тьма добралась и до наших краёв, — скрипучим голосом произносит старшина. Девушка придерживает его за руку, смущённо поглядывая на Александра. Щёки девицы становятся пунцовыми, когда капитан проводит рукой по чёрным волосам.

— Поверьте, эта тварь здесь ненадолго, — уверенно заявляет капитан. — Кто-нибудь пропал?

— Нет, к счастью, такой беды не случилось. Моя внучка — Иста — недавно в лес ходила, травы собирала болотные, да и увидела эту нечистую силу. Побежала скорей к нам, всё рассказала. А в нашем лесу такая напасть редко случается, стражи очистили край наш, да видимо не помешало тьме ворваться вновь, — старик горько вздыхает. — Вот и обратились мы к вам, воинам света, чтоб вернуть свой покой.

— Ты была в лесу днём? — обращается Александр к Исте, которая от этого чуть в обморок не падает. Раздражённо закатываю глаза, пока Ру изо всех сил пытается сдержать смех.

— Д-да, — выдавливают внучка старшины.

— Убедитесь, что все жители сейчас в деревне. Передайте, что вход в лес запрещён, пока мы не вернёмся.

— Спасибо тебе, воин, — кланяется старшина. — Да придут с вами святые, стражи.

— И не покинет вас свет, — отвечаем мы хором.

Старшина и Иста, которая всё ещё кидает томные взгляды на Александра, уходят, уводя за собой наших лошадей. Капитан поворачивается к нам, собираясь рассказать свой план, но Ру говорит первым:

— А ты ей понравился.

— Я и тебе нравлюсь, — спокойным тоном отвечает он. — К нашему счастью, мы идём в не Нечистый лес. Этот меньше, тварями так не кишит, но начеку нужно быть. Ру дал тебе нити? — спрашивает он у меня.

— Да, но они чёрные.

— Тебе давно пора на них перейти, — пожимает плечами капитан. — С болотником я разберусь сам, вы же прикройте меня со всех сторон. Ру, как подам сигнал, нападай. Аня, сиди тихо там, где скажу, и посылай лишь атаки издалека.

— Но...

— Никаких «но», — отрезает Александр. — И стойте как можно дальше от болота и

цветов, если они там будут.

Лес встречает нас чириканьем птиц, которое никогда не услышишь в Нечистом лесу, что вечно покрыт пеленой смерти и тишины. Воздух свежий и чистый, и, если бы не зажатый в кулаке крест вместе с нитями, я бы подумала, что гуляю с друзьями, прямо как в детстве. Александр же такого приподнятого настроения не испытывает. Он полностью сосредоточен, идя впереди. Ру расслабленно шагает рядом со мной. Его кафтан расстёгнут, а руки убраны в карманы.

Даже интересно, как он, будучи родом из Талора, оказался в Великомире, да ещё и поступил на службу в Орден. Что-то мне подсказывает, что семья Ру далеко не заядлые путешественники, а стражем он стал не из любви к неродной стране. Думаю, это тёмная история, которую страж вряд ли мне поведаёт. Но она и неважна: Ру — хороший парень, и он первый из всего отряда проявил ко мне дружелюбие. Поэтому я могу ему доверять и относиться как к другу: каких-либо подозрений или страха он не вызывает.

С Александром же всё гораздо сложнее. Он холодный, но в редкие минуты одаривает таким теплом, что исходит лишь от родных и близких людей. Он язвителен и прямолинеен, бывает суровым и серьёзным. И вместе с тем существует иная сторона его души. Нежная, уязвимая, ранимая, хрупкая и иссечённая бесчисленными ранами. Именно её открыл мне Александр, когда рассказал о своём отце. Когда попросил взять его за руку. Когда привёл к водопаду...

Сегодняшней ночью он смотрел на меня иначе. Так не смотрят на подчинённых, не смотрят даже на друзей. Но кому такой взгляд предназначается — я не знаю, ибо до этого встречала его очень редко, и запомнился мне он лишь своей теплотой, а не тем, кому именно обещан.

Теперь же капитан изредка бросает на меня взгляд ледяных глаз. И привычная манера общения вернулась к нему.

— Будьте здесь, — вкрадчиво произносит Александр, резко остановившись. Он одаривает Ру долгим и серьёзным взглядом, точно молча велит присматривать за мной. Ну, или оставляет за главного. Отдав приказ, Александр идёт дальше, когда мы с Ру остаёмся на месте среди поваленных деревьев.

Похоже, местная тварь обладает сложным нравом.

Сажусь на ствол берёзы, уперев локти в колени и положив голову в ладони. Ру усаживается рядом.

— Нелегко быть стражем? — интересуется он, лукаво улыбаясь.

— Я знала, что это нелегко, — признаюсь я. — Но я хотела этого, Ру. Просто... Всё немного по-другому. Когда я думала о себе как о страже, я уж точно не предполагала, что нечисть станет сильнее настолько, что от неё и продыху не будет. И я не думала, что Орден... — запинаясь, не зная, дозволено ли Ру слышать то, что рассказал мне Александр. — Я восхищалась стражами, думая, что они герои. Но оказалось, Орден замешан в нечеловечном и ужасном.

— Ты про Баглар и беренда... беридер... — спотыкается Ру в попытке назвать вымерший народ их именем. Молча киваю, избавив стража от надобности мучить свой язык. — Не все стражи участвовали в этом. И мне кажется, их воли в этом не было.

— Был приказ, — тихо соглашаюсь я, вспомнив слова Александра. Стражи действовали так, как их всё время учили и учат до сих пор: они подчинились приказу. Как куклы. Марионетки. Солдатики, которых по своему желанию может направить в гущу боя лишь

один человек велением руки.

— В Талоре есть кое-какое слово: бьётэ, — произносит Ру быстро, точно его язык ударяется об зубы. — На вашем языке оно значит «монстр по неволе». Мне всегда казалось, что оно полностью описывает стражей. Да и многих людей в целом.

Ру попал точно в цель. Слово действительно подходит стражам. Забрать чью-то жизнь — чудовищный поступок. И чуть ли не каждый страж окрасил собственные руки чьей-либо кровью. В училище я слышала много случаев, когда страж после сражения с нечистью сам становился ею, был заражён укусом и раной от твари. Тогда товарищу приходилось убить его. Было ли это истинное желание напарника? Нет. Это был долг. Но крови на руках не было меньше. Стражи убивают заражённых — детей, женщин, мужчин, стариков. Это всё ещё остаётся долгом, от которого кровь такая же липкая, горячая и красная. Даже избавляя мир от смертников, мы убиваем тех, кто когда-то был человеком. Ходил по земле, как мы сейчас, радовался солнечным лучам и засыпал под покровом ночи.

Стражи отбирают жизни, чтобы спасти другие. Они убивают, потому что должны, а не потому что хотят. Для многих служащие Ордена герои, защитники, спасители. Но для себя они бьётэ. Монстры не по своей воли. Для них существуют приказы, а не собственные желания.

Из мрачных мыслей меня выводит короткий и пронзительный вскрик, от которого все птицы мигом вздрагивают и с испуганным чириканьем взлетают в небо:

— Твою мать! — повторный крик пронзает лес спустя две секунды. — Твою мать!

Из зарослей выбегает Александр. Его волосы всколочены, левый рукав кафтана разодран. Лес оглушает рокочущий рёв, от которого едва не валятся ещё несколько деревьев.

— Всё плохо, — обобщает Ру.

— Ты преуменьшаешь, — заявляет Александр. — Всё очень плохо. Буду откровенен, это...

— Что случилось? — обрываю я его.

— Я разбудил болотника.

— Он что, спал?!

— Нет, делал вид, лёжа на кувшинках и мечтая о хоре лягушек. Он спал, вот я решил его прикончить по-тихому!

— Видимо, не получилось.

— Ты как всегда излишне наблюдательна, Аня.

Рёв повторяется, а Александр тем временем энергично крутит головой, придумывая план за считанные секунды. Ру сжимает крест, на конце которого белеют нити. Я же следую его примеру, когда капитан оглашает свою идею:

— Аня, спрячься за теми деревьями и атакуй болотника со спины, но не подходи к нему! Сиди смирно и нападай только тогда, когда уверена. Ну, или когда я подам сигнал, — не дожидаясь моих возражений, он разворачивается к Ру. — Как обычно.

— Как обычно, — понимает страж, кивая.

Знать не знаю, что значит их «как обычно», но на вопросы нет времени. Болотник приближается тяжёлым, сотрясающим землю, но медленным бегом. Бросаюсь туда, куда указал Александр, и жду, прижимая крест к сердцу, которое колотится так, точно доживает последние минуты.

В нос ударяет болотный запах смрада. Осторожно выглядываю из укрытия и вздрагиваю от морозной волны мурашек. Болотник огромен. Руки мясистые и громадные, ноги здоровые,

а ступни при желании могут прихлопнуть меня на раз плюнуть. Кожа у твари серая, покрыта грязью и слизью. Глаз нет, поэтому болотник реагирует на запах, так как нюх у него острый. Втянув воздух в широкие ноздри, из одной которой спускается противная, густая, зеленоватая сопля, нечисть оскаливается, демонстрируя ряд гнилых зубов. Болотник раскрывает пасть, издавая булькающий звук, точно предвкушая, как отведаст троих стражей, наевшись до отвала свежим человеческим мясом. Тварь повернута ко мне лицом, поэтому я не смею атаковать, в отличие от своих товарищей.

Ру действует с удивительной ловкостью, прыгнув на болотника, схватившись за его мясистую руку, кувыркнувшись и оседлав тварь. Нечисти такое приходится не по вкусу, поэтому болотник размахивает ручищами, пытаюсь сбросить Ру, который со смехом уворачивается от неуклюжих, но мощных атак существа, изредка вонзая лезвие кинжала в голову твари. Но болотнику такие удары ни по чѐм, он лишь ревет и топает ногами, крутясь на месте. Поворачивается ко мне спиной, и я ударяю подготовленной молнией, целясь по ногам. Всё это время Александр бегал вокруг болотника, и сейчас я вижу, как что-то серебристое и тонкое поблёскивает на солнце. Нити лежат на земле, образуя круг вокруг болотника. А начало нитей привязано к древесному стволу.

Александр щёлкает пальцами, и круг вспыхивает алым пламенем, а затем дѐргает за нити, что горящим кольцом связывают болотника. Ру ловко спрыгивает со спины твари, кувыркнувшись назад. Я же выхожу из укрытия, решив, что дело сделано.

Но не тут-то было.

Болотник, заревев, вырывается из пламенного обруча, порвав нити, которые ошмѐтками падают на землю. Тварь с хрустом вырывает толстую ветвь дерева и размахивает ею, ударив Ру так, что страж с коротким стоном боли откатывается назад. Александр, разбежавшись, пытается броситься на существо и пронзить его тело мечом пополам, но болотник оказывается быстрее, врезав обломанной веткой капитану прямо в бок. Атакую тварь снопом огня, но, кажется, чудовищу всё нипочѐм. Он медленными грузными шагами приближается к Александру, что неподвижно лежит на земле.

— Ну уж нет, — произношу я и посылаю всё к хренам, наплевав на предостережения капитана.

Бросаюсь на болотника с криком, забираюсь на его спину и бью его тупой затылок так сильно, что на костяшках остаётся кровь. Тварь же считает меня назойливым насекомым, пытаюсь схватить огромными лапами. Я увѐртываюсь, как змея, а когда его руки всё же оказываются близко ко мне, прижимаю раскалённый крест к ладоням существа. Болотник шипит и вопит, топает ногами и рычит, кружится вокруг себя, задевая деревья и их ветки. Пару раз чуть не слетаю с его шеи и не ломаю собственную, но продолжаю усердно колотить тварь, а после, улетучив момент, обнажаю короткий меч, с влажным хрустом всаживая его в голову болотника, и спрыгиваю, больно ободрав колени и руки.

— Ты что делаешь?! — с глухим рыком накидывается на меня Александр, вставая на ноги и придерживаясь за бок, по которому пришѐлся удар.

— Тебя спасаю! — выкрикиваю я, пытаюсь придумать, что делать дальше. Но как на зло, все мысли превращаются в беспорядочный шум, в котором сложно поймать хотя бы одну идею.

Чудовище орѐт, пытаюсь вынуть клинок из собственной башки. Странно, что болотник ещё не рассыпался на пепел, потому как я ожидала именно этого. Но тот и не собирается умирать: почувствовав мой запах, тварь, злобно оскалившись, замахивается, собираясь

одним ударом проломить мне череп. Да и не только его.

Да он от меня и мокрого места не оставит!

Александр бросается на меня, прикрывая своим телом, и вместе мы падаем в сторону на пыльную землю, и удар твари приходится на несчастный древесный столб.

— Когда я говорю сидеть смирно, это значит не высовываться ни при каких обстоятельствах! — выкрикивает Александр, вставая с меня. Он поднимается на ноги и обнажает меч.

— Он мог убить тебя, пока ты валялся без сознания! — восклицаю я в своё оправдание и накручиваю на крест чёрную нить.

— Я был в сознании! А убить он мог лишь тебя!

— В сознании?! То есть неподвижно лежать на земле так, будто ты разбил голову — это значит пребывать в сознании?!

Крича друг на друга, мы не сразу замечаем, как болотник обрушивает очередной сокрушительный удар, и едва успеваем увильнуть в сторону. Александр отсекает лезвием твари мясистую руку, и та густой и отвратной жижой плюхается на землю. Вереща, болотник одним махом выбивает меч из рук капитана, и тогда я отправляю в голову твари сноп пламени, но и это моё действие вызывает у Александра лишь негодование:

— Уходи отсюда!

— И бросить тебя?! Размечтался!

— Следуй приказу!

Никак не реагирую, а только вновь пронзаю огнём болотника, что гремит ногами по земле, едва не лишая и меня, и капитана равновесия. Быстро бросаю взгляд на Ру: тот еле шевелится, приходя в себя, но болотника он точно не интересуется. Тварь полностью занята нами, когда я и Александр больше увлечены тем, что орём друг на друга.

Капитан вынимает их пояса короткий кинжал и, охватившись об склизкую и целую руку болотника, забирается к нему на спину.

— Если, — он всаживает лезвие болотнику в лицо — в то место, где должны находиться глаза, — я отдаю, — капитан с булькающим хрустом вынимает мой меч, что торчал из головы твари, — приказ, — размахнувшись, Александр проламывает голову нечисти насквозь, остриё меча выглядывает из толстой шеи болотника, — то выполняй его! — с этими словами, что вымочены в жгучей злости, он спрыгивает вниз, и огромное тело болотника шипит, медленно превращаясь в пепел. Чтобы ускорить этот процесс, я взмахиваю руками, и янтарные языки пламени окутывают громадную тушу чудовища, не оставляя тому и малейший шанс выжить.

Мгновенный взрыв — и пепел хлопьями оседает мне на плечи и волосы. Александр и вовсе покрыт им с головы до ног. Его рука крепко сжимает меч, лезвие которого покрыто болотной слизью, а из глаз капитана мечутся молнии. Бледные губы поджаты, на челюсти играют желваки, брови нахмурены, а ноздри опасно вздуваются.

— Что. Ты. Творишь? — выделяя каждую букву так, будто ударяет плетью по воздуху, спрашивает Александр, глядя на меня сверху вниз.

— Э... — не сразу понимаю его вопрос и причину ярость. — Я сражалась с нечистью.

— Сражалась с нечистью?! — повторяет он. — Сражалась с нечистью?! Нет, в первую очередь ты ослушалась моего приказа, кинувшись в бой и рискуя своей жизнью! — выкрикивает капитан мне в лицо.

— Я хотела спасти тебя! Спасти твою жизнь!

— А разве я нуждался в спасении?! — усмехается он, ещё больше меня пугая. — Мне ни к чему жизнь, что стоила чью-то другую! Если я не отдаю приказ, то значит, у меня всё под контролем!

— Под контролем?! Это ты называешь под контролем?! Что мне, по-твоему, оставалось делать? Смотреть, как болотник крошит твой череп?!

— Да, ырка тебя побери! Всё, что угодно, но только не лезть, жертвуя собой! Ты могла погибнуть!

— Как и ты! Я спасла тебя, а вместо благодарности ты смеешь на меня орать!

Капитан опрокидывает голову, истерично смеясь, точно услышал самую бредовую глупость из всех возможных. Тем временем на ноги поднимается Ру, с недоумением смотря, как мы орём друг на друга.

— Благодарность? — переспрашивает Александр, надвигаясь ко мне. — То есть по-твоему, я должен тебя поблагодарить? Поблагодарить за спасённую жизнь, которая могла стоять твою?!

— Да, мавка тебя утопи! — выкрикиваю я ему в лицо. — Если бы ты не был таким самодовольным индюком, ты бы поблагодарил меня за то, что дышишь сейчас!

— А может, я не хочу дышать? — на полном серьёзе произносит Александр, впереувзгляд тёмно-синих глаз в мои. Ру, услышав эти слова, медленно подходит к нам, хромя. — Ты не думала, что не все хотят жить?! Не все хотят дышать этим грёбаным воздухом, ходить по этой проклятой земле, встречать рассветы и провожать закаты, от которых уже рвать тянет! Ты не думала, что не все любят жизнь так, как ты? Не думала, что не все ею наслаждаются, не все ощущают её в полной мере? Не думала, что для меня моя жизнь ничего не значит, даже несмотря на твои прекрасные и воодушевляющие слова?! — вздрагиваю и отшатываюсь назад. — Не думала, что я хочу умереть?!

— Саша, — предостерегающе произносит Ру, пытаясь влезть в нашу ссору.

— Если ты хотел умереть, мог бы сказать это сразу, при первой же нашей встрече! — в сердцах выкрикиваю я, чувствуя, как по щекам катятся колючие слёзы. — Видимо, стоило тебя оставить на дне реки!

— Однозначно, — ядовито соглашается он. — А мне не стоило брать в отряд девчонку, от которой одни проблемы и которая ведёт себя как капризный ребёнок, не умеющий выполнять чужие приказы!

— Саша, — повторяет Ру умоляющим тоном.

Я же срываюсь:

— Не подходи ко мне больше! Никогда! Ты отвратителен! Если не хочешь видеть меня в своём отряде, то так тому и быть! Вернёмся в крепость, и я сразу же переведусь в другой отряд! Подальше от тебя!

— Славно!

— Чудно!

Капитан разворачивается и уходит. Слёзы душат так сильно, будто превратились в крепкую петлю. Всё внутри кричит и требует, чтобы я побежала за Александром, остановила его, но я остаюсь неподвижной. А после и вовсе разворачиваюсь, только в другую сторону, и ухожу в древесные заросли.

Ру за мной не идёт.

А Александр, видимо, даже не оглядывается.

Глава пятнадцатая. Очередная смерть

Александр

Иста даёт мне комнату в лучшем постоялом дворе деревни. Спрашивает, где мой рыжий напарник и девушка, но я отвечаю продолжительным молчанием, которым и даю понять, чтобы она убиралась. Внучка старшины смиренно уходит.

Опускаюсь на мягкую койку и закрываю глаза. Наверное, многие стражи на моём месте тут же погрузились бы в долгий и долгожданный сон. Но не я. Я попросту не могу уснуть, так как не нуждаюсь в этом.

И это невыносимо.

Хочется уйти, закрыться ото всех и в первую очередь от себя, исчезнуть хотя бы на несколько часов. И такое возможно только во сне, который недоступен мне.

«Если не хочешь видеть меня в своём отряде, то так тому и быть!»

Неужели она и впрямь уйдёт? Оставит меня? А я вновь потеряю близкого человека. И снова по своей же вине.

Впервые я потерял всё по одной лишь причине: из-за того, что я родился.

Это случилось летом, шесть лет назад. Тогда я работал помощником на пристани и задержался из-за завала на работе в тот проклятый день. Домой я вернулся поздно, ближе к ночи. И первое, что бросилось мне в глаза, это распахнутая дверь. Осознание почему так пришло ровно в тот момент, как меня ударили по голове чем-то тяжёлым, и я отключился на пару часов.

Проснулся я привязанным к стулу. Голова гудела, зрение долго не фокусировалось, а мозг отказывался понимать происходящее. Дошло лишь тогда, когда чья-то сильная рука ударила меня по лицу. А потом ещё раз. И ещё. До тех пор, пока у меня не загорели щёки, а во рту не появился металлический вкус.

Первым, что я услышал, оказалось знакомое, но почему-то молящее и отчаянное щебетание моей матери. Слов я так и не понял, слуха касался лишь её голос, в котором различался просящий тон. Чуть приоткрыв глаза, я наткнулся на мужчину средних лет с иссечённым кривыми рубцами лицом и мощными руками. Именно он приводил меня в чувства. Немного повертев головой, я увидел и маму. Та стояла на коленях, вцепившись в ногу второго незнакомца, чьё лицо скрывала тень, и билась в умоляющих рыданиях.

Заметив, что я открыл глаза, незнакомец с изрезанным шрамами лицом неприятно ухмыльнулся и заговорил:

— Мальчишка очнулся, Всемиловейший Государь, — жёсткий голос был полон благоговения перед тем, к кому мужчина обратился.

Кто-то недовольно цокнул языком.

— Богдан, — голос второго незнакомца походил на сладкий мёд и острое лезвие меча одновременно. Он лился, как мелодия, но пронзал точнее ножа. — Я же просил, не называть меня так при щенке. Прочь! — этот возглас предназначался маме, но та лишь вцепилась отчаянней, а её крик лился безысходностью:

— Прошу вас, никто не узнает! Он и сам не знает! Мечис...

— Замолчи! — хозяин холодного и бархатистого голоса грубо отпихнул мою мать, от чего я дёрнулся, собираясь кинуться на помощь, но связанные руки за спиной не дали мне этого сделать. Второй неизвестный же вышел на свет, и я поймал на себе холодный, колючий и хищный взгляд синих глаз — таких же, как и у меня самого. Аккуратно причёсанные волосы незнакомца вились, как и мои. Одет мужчина был в обычную льняную рубаху, но излучал при этом силу и могущество.

При его виде все мои внутренности сжались в один тугий комок. Если бы не Богдан с рубцами на лице, я бы в жизни не догадался, что передо мной сам царь — Мечислав Ясноликий.

Рядом с царём стояла высокая женщина с обсидиановыми глазами, персиковой кожей, светлыми, как солнечный свет, волосами и миниатюрной родинкой над верхней губой. Голову женщина немного подняла, точно хотела показать насколько я ничтожен перед ней.

В ней я узнал царицу Велину — третью жену царя.

— Эй, щеночек, — презренно бросил Мечислав. — Знаешь, кто я?

— Да, Всемилостивейший Государь, — пролепетал я, глядя в пол. Я не мог смотреть в синие глаза царя, не видя при этом свои.

— Милостив с тобой я не буду, — произнёс он и жестом велел Богдану отойти. Тот чуть ли к стене не приник, давая царю подойти ко мне.

Я не смел пошевелиться. Голова всё ещё гудела, шея затекла, к горлу подступила тошнота. Кровь отхлынула от лица, стоило Мечиславу взять меня за подбородок нежнейшими пальцами.

— Похож, — произнёс царь, вертя мою голову, и тут же пренебрежительно отбросил её. — Даже слишком.

Богдан протянул царю белый платок, и Мечислав, смиряя меня яростным взглядом, вытер руки. Внутри меня всё похолодело.

Похож? Чем похож и на кого похож? Ответ напросился сразу же, стоило мне вновь увидеть тёмно-синий блеск в глазах царя. Но разве подобное может быть правдой?

Своего отца я не знал и первую встречу с ним представлял не так. Я и подумать не мог, что моим отцом окажется царь Великомира. Любой мальчишка на моём месте загордился бы, обрадовался такой новости. Я же знал, что бастарды не выживают.

Бастарды опасны сами по себе. Одно их существование может привести к катастрофе. Во-первых, пойдут слухи о неверности царя своей избраннице. Конечно, Мечислав женат вот уже третий раз, но все его предыдущие жёны печальным образом погибли. Во-вторых, другие государства могут воспользоваться бастардом, желая получить власть над той или иной страной, усадив на трон послушную куклу. И этих двух пунктов достаточно, чтобы моя жизнь оборвалась в ту же секунду.

— Простите, — робко произнёс я. — Но я не совсем понимаю...

Царь резко схватил меня за волосы, подняв голову так, чтобы я смотрел только на него.

— Объясню простыми словами, щеночек. Ты помеха для всей страны. Одна твоя жалкая жизнь ставит под угрозу всё моё правление. Ты лишний в этом мире. А от всего лишнего необходимо избавляться как можно скорей. Ты, дрянной мальчишка, лишь ошибка в моей жизни. И раз я тебя породил, то кто, если не я, исправит такую оплошность?

— Я не оплошность, — на одном вдохе выпалил я.

— Не показывай зубы тем, кто может вырвать их, лишь шевельнув пальцем. Знаешь, Саня, — унижительное сокращение имени ударило прямо под дых, — я даже не знаю, что с тобой сделать. Или прикончить здесь, или бросить мавкам, или наблюдать, как твоё тощее тело рвут волколаки. Так много вариантов, все одинаково притягивают. Ты должен страдать за своё рождение. Более чем уверен, суджелицы³³ припасли для тебя именно такую участь.

Царь бросил мою голову, и я больно прикусил язык.

Обида заполнила сердце. Я всю жизнь мечтал увидеться с отцом, узнать, кто он такой, провести с ним время. Всегда представлял его защитником людей, который сражается

против нечисти. Но в тринадцать лет я узрел правду. Мой отец, который не заслуживает так зваться, оказался надменным индюком, о котором грезит каждый упырь.

Мечислав подошёл к столу, взяв полоторный меч. Он с нежностью провёл взглядом по лезвию, а затем посмотрел на меня. Ласка и обожание сменились на отвращение.

— Мечислав, пожалуйста, одумайся! — мама ухватила за запястье царя, и тот даже повернулся к ней лицом, обозначив, что слушает. — Александр никогда этого не знал, он никому не расскажет, я уж тем более буду молчать! Позволь ему жить, он ни в чём не повинен...

— Дара, — царь выделил её имя так, точно бич рассёк воздух. — Не вынуждай меня переходить к крайним мерам.

— Ты уже к ним перешёл, отвернувшись от своего сына! Я готова умереть ради него, а ты... — её тон с умоляющего сменился на яростный и презренный. — А тебе снова важен лишь ты сам.

Царь ответил холодной улыбкой и грубо отшвырнул мою маму от себя, и та с глухим стоном ударила об стену. Я снова дёрнулся и опять потерпел неудачу, ощутив всем телом давление бессилия. Оно душило, стремительно распространялось внутри и звенело подобно колоколу, напоминая, что я не могу ничем помочь своей маме. Та встала, покачиваясь, и уже была готова кинуться за царя, как к её горлу прижалось тонкое остриё серпа, что держала царица Велина.

— Мне избавиться от неё? — последовал короткий вопрос из алых губ царицы.

— Не сейчас, — сухо ответил царь, после чего обратился к Богдану: — Богдан, будь добр, раскали меч.

Богдан достал клубок золотистых нитей, и только тогда я заметил его одежду: тёмно-синий кафтан стража Святовита. И моё сердце, которое в то время ещё билось, вновь заныло разочарованием.

Каждый в Великомире слышал о стражниках Святовита, что защищают честь святых и обычных людей. И в первую очередь стражники должны служить именно им, а не царю. Я считал стражей великими людьми, которые рискуют жизнями ради благополучия других. Какое-то время я, как и другие мальчишки, мечтал вступить в Орден Святовита, хотя никогда не верил в святых.

В тот день я увидел истинное лицо стражей Святовита, которые позабыли о своём долге перед невинными людьми и святыми. Они полностью примкнули к царю, упивающемуся в собственной власти.

Богдан тем временем обмотал вокруг лезвия золотые нити, и спустя секунду меч покрылся ярким пламенем, чьи языки отразились в алчных глазах Мечислава.

Царь кивнул стражу, и тот подошёл ко мне сзади, разорвав руками рубаху. Я тут же поёжился от холода, который проник в самую глубь, и взглянул на мать, надеясь найти поддержку в её глазах, которые всегда были полны любви. Забота и желание помочь действительно плескались в её взгляде, но вместе с ними отчётливо читался самый настоящий ужас. Губы мамы безмолвно двигались, точно она пыталась сказать, что рядом со мной и ни за что не оставит.

— Человек — существо хрупкое, — между тем произнёс царь, подходя с пламенным мечом. — Достаточно одного удара в висок, — длинные пальцы Мечислава убрали волосы с моего лица, дотрагиваясь до виска, — и путь в другой мир будет открыт. Переносица может привести к тому же исходу. Что и говорить о солнечном сплетении... И о множестве других

точках, делающих наше существование жалким, а нас самих — слишком уязвимыми. Людей убить просто. Каждый дюйм нашей кожи — это наша слабость. Мы сами по себе слабы, в отличие от нечисти, духов, богов. Люди — слабость этого мира. Безусловно, мы можем стать сильнее, умней, хитрей, чтобы растянуть жизнь на лишней десяток. Для этого нужно работать, много изучать и узнавать. Тогда у человека появится шанс подняться на ступеньку повыше. Ты же, щенок, — голос царя сочился самым горьким ядом из всех, что существует, — ты на самом низшем уровне. Ты даже Нави не достоин.

— На низшем?! — хрипло повторил я, чувствуя отвращение к царю и его холодным прикосновениям. — Если это так, меня бы здесь не было. Признай, что боишься меня.

Богдан востепенулся, наверняка намереваясь выбить мне все внутренности за такие слова, однако Мечислав остановил стража велемием руки. Его глаза недобро сверкнули, и злость царя взбудоражила в моём сердце полыхающую ненависть.

— Даже цари кого-то боятся, — сказал Мечислав. — Но не того, чья жизнь ничего не стоит.

Всё ещё держа пламенный меч, от жара которого у меня на лбу выступил пот, Мечислав подошёл сзади. В первую очередь я подумал, что пламя коснётся кожи. Но огонь перетёк на пути, что удерживали меня. Жар слегка лизнул мои запястья, но эта боль оказалась щекоткой по сравнению с последующей.

Я не успел ничего сделать, как к центру между лопаток прижалась раскалённая сталь. Не выдержав, я закричал и свалился со стула на жёсткий пол. Царь же не отнимал меч от моей спины. По комнате разносился мой крик, он звенел у меня в ушах, не пропуская больше никакого звука, кроме себя самого. Я не видел маму, не видел ничего, ибо мир перед глазами резко поплыл. Запахло горелой плотью, а в воздухе повисло торжество Мечислава. Спустя время я ощутил, как лезвие заскользило по коже, рисуя на спине ровный круг, горящий чудовищной болью.

Муки закончились, когда ушей коснулся мелодичный голос:

— Мечислав, хватит.

Царь убрал меч, а я нашёл в себе силы поднять голову. Надо мной величаво стояла царица Велина, чей взгляд выражал сухое безразличие. Увидев в моих глазах слёзы, она скривила алые губы. Позади царицы на коленях стояла мама, чьё лицо блестело от непрекращающихся слёз. Она протянула ко мне руку, но большего сделать не могла, ибо Велина встала между нами.

— Слепи его, — холодно произнесла Велина.

— Нет, — неожиданно возразил царь. — Его глаза должны видеть меня. В них должна угаснуть жизнь.

— Тогда отруби ему пальцы, — тут же предложила Велина, и моё сердце пропустило удар.

Не желая валяться ничком перед этими гадюками, что именуют себя царской семьёй, я кое-как поднялся с пола, стоя на одном колене. Сил встать полностью не было. Бежать или кинуться в угол от горящего меча я тоже не мог. Спина пульсировала пламенем, стекающая кровь будто бы отсчитывала оставшиеся мне секунды.

Велина отошла, пропустив мужа. Улыбка того казалась чудовищной. Хотя, такой она и была, и остаётся до сих пор. Я не молил его, потому что царь не заслуживает этого. Он не относится к богам, в которых свято верят волхвы. Царь не святой, которому должны поклоняться стражники Святовита. Он человек, который властвует над такими же. Но

Мечислав Ясноликий — самый ничтожный человек из всех существующих, потому как он, подняв меч надо мной, ранил мою мать.

Я закричал, увидев, как мама, оттолкнув меня от царя, приняла удар на себя, встав на колени и сжав горящий клинок голыми руками, что мигом покрылись волдырями. Мечислав вырвал меч, и на пол вместе с кровью упало десять обрубков. Я хотел кинуться к матери, но Богдан схватил меня за плечи, крепко сжав.

— Глупо, Дара, — прошипел Мечислав, кидая быстрый взгляд на отрубленные пальцы. — Ты знала, на что идёшь. Твой щенок не должен жить.

— Александр и твой... твой сын, — прошептала она, прижимая окровавленные руки к груди. Мама повернулась в мою сторону, когда я усиленно вырывался из крепкой хватки стража. Спина всё ещё горела, но желание помочь матери было намного больше. Царь же не обратил внимание на мою злость.

— Я не хочу убивать тебя. Но раз ты пошла против воли своего царя, я не могу поступить иначе. Велина, прошу.

В руках царицы мелькнул острый серп. Я, тяжело дыша, прокричал:

— Умоляю, не надо! Она просто защитила меня! Убейте меня, бросьте лешему³⁴ на растерзание, утопите в любом болоте, но не трогайте её!

Рука Велины замерла, готовясь нанести удар, но царица ждала приказа. Царь же обернулся ко мне:

— Это будет на твоей совести.

Тогда я совершил безумие, из-за которого и попал в Орден Святовита.

Сила стражников заключается в кресте и нитях. И со всем этим стражей учат обращаться, ведь любая молитва к святому с крестом и нитями может привести к помутнению рассудка. Тем не менее, наплевав на все правила, я со всей силой ударил Богдана острым локтем, сорвал крест с шеи стражника и, позабыв про значимость нитей, кинулся на царя.

В то время я не знал ни одного святого. Все легенды, что рассказывала мать, надолго в голове не задерживались. Но почему-то в ту секунду мысль возникла мгновенно, я даже не задумывался об этом. Я обратился к Санкт-Святославу, выбросил руку вперёд, и с неё слетела искрящаяся молния.

Меня отбросило назад, и спина взвыла страшной болью при прикосновении с шершавой стеной. По телу пробежали мурашки, так как в следующее мгновение мою шею сжала Велина длинными и острыми пальцами.

— Стой, — произнёс Мечислав, глухо рыча.

Царь прижимал ладонь к левому глазу, вместо которого сияла кровавая дыра. Я с ужасом понял, что молния угодила именно в правителя Великомира. Безусловно, это меня порадовало. Но холодок всё равно прошёлся по телу, стоило мне осознать, что я натворил: я лишил глаза самого царя.

А ещё я воспользовался крестом, будучи необученным мальчишкой. И ладно, если бы у меня при этом были хотя бы красные нити, да даже золотые, что доверяют только сильнейшим стражникам, но был один лишь крест. Многие стражи могут обращаться к святым без нитей, ведь те только усиливают молитву. Но даже они с большой осторожностью делают это, потому что любое неправильное движение, каждая неверная молитва, всякие ненужные слова ведут к гибели стража, который использует только крест.

Я даже не почувствовал усталости, хотя обращения к святым отбирают много сил. Я

ощутил только... азарт. А ещё резкий скачок энергии, точно могу зарядить молнию царю не только в глаз, но и в другие открытые места.

— Отпусти его, Велина, — попросил Мечислав, и пальцы с острыми ногтями тут же разжались. Я жадно схватил блаженный воздух и словил на себе взгляд единственного глаза царя. Прямо вылитое лихо.

Царь схватил мою маму за волосы, развернув её лицом ко мне. Прижал огненное лезвие к её горлу, безмолвно веля мне не двигаться, иначе голова мамы тут же покатится по полу.

— Способности у тебя есть, пусть они и... весьма странные. Но занятные, — алчность блеснула во взгляде царя. — Ты ведь хочешь, чтобы она жила? — спросил Мечислав, слегка надавив на лезвие. Я быстро закивал. — Тогда используй свои силы должным образом. Вступи в Орден Святовита. Присягни ко мне на службу. И тогда я позволю и тебе, и твоей драгоценной матушке жить.

Я согласился, потому что не мог по-другому.

Спустя неделю я был уже в Воиносвете. Мама осталась в портовом городе и больше не могла заниматься шитьём из-за отсутствия пальцев. Царь пообещал, что определит её в больницу города, где о ней позаботятся. Я не верил ему. С того дня он стал для меня чудовищем, похуже любой нечисти.

Отбор я прошёл с лёгкостью, а после двух месяцев обучения меня взяли в особый легион, где проводится усиленная подготовка.

Когда об этом объявили, я решил, что мои заслуги кем-то замечены. Так и было: мои успехи привлекли внимание царя. Иначе как объяснить, что легионом, в который попал я, руководил Богдан Рылов? И ему понятно, что сделано это специально. Похоже, царь решил контролировать меня. Или проверить, так как первое задание я получил сразу же после того, как переступил порог особого легиона.

На нём же я и умер. На нём же моё сердце замерло навеки.

И в тот момент, когда я вбил последний кол в сердце упыря, когда упал в гнезде тварей, будучи полностью обессиленным, когда чувствовал, что жизнь стремительно покидает меня, я понял, что царь решил просто позабавиться. Решил сделать из меня стража, чтобы я вечно рисковал собой и когда-нибудь мучительно погиб, ведь чаще всего именно этим кончают последователи Ордена. Моё сердце, отсчитывая последние секунды, налилось гнетущей ненавистью, что со мной по сей день.

— Саша! — дверь раскрывается с протяжным скрипом, от которого я передёргиваюсь. На пороге стоит запыхавшейся Ру. — Ты немедленно мне объяснишь, что произошло! — он добавляет ещё парочку слов, но более свистящих, быстрых и гибких, которые явно принадлежат его родному языку и относятся к ругательствам.

— Объясню — что? — изгибаю бровь, не вставая с койки.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал?! Ты обидел её! Накричал ни за что! Да ты... Ты чуть не раскрыл себя!

Ру проходит в комнату и усаживается на соседней койке, сердито смотря на меня. Раздражённо цокнув языком, я поднимаюсь с кровати и сажусь.

— Она могла погибнуть, — коротко говорю я.

— Да она защищала тебя! — снова следует хлёсткое слово, больше напоминающее чих. — Аня знать не знает, что ты не можешь умереть! Она спасла тебя, а ты на неё накричал!

— Потому что она слушалась меня, Ру, — жёстко произношу я, снова начиная терять

терпение. — Я её капитан, а она стражница моего отряда. Она должна чётко следовать моим приказам, даже если те подразумевают, что я могу пострадать!

— Ты хоть понимаешь, что она чувствует сейчас?

— А что чувствовал бы я, потеряв её? — слова сами выскакивают из рта, царапают горло, отзываются горелым на кончике языка. Вздыхаю, после чего тихо произношу: — Я всё ещё не уверен, Ру, что она умерла, когда погибли кадеты. Точнее, не хочу в это верить, не хочу, чтобы это было так. Поэтому я и разозлился. Она могла легко пожертвовать собой ради того, кого даже живым нельзя назвать. А я... Я не могу потерять её. Я этого не вынесу.

Как бы мне не хотелось верить в то, что Аня отличается от меня, а смерть никогда не прикасалась к ней ледяными пальцами, пытаюсь утащить в свой мир, в глубине души я понимаю, что это не так. Аня точно отличается от меня, но немного в другом плане. Её сердце бьётся, она нуждается в человеческих потребностях. Но она умерла. И мы как-то связаны.

Иначе как объяснить то, что моё сердце бьётся лишь при её прикосновениях?

На самом деле внутри меня всё ещё теплится надежда, что Аня далеко не единственное решение моей проблемы. Мне не хочется привлекать во всё это стражницу, я не могу позволить себе использовать её ради достижения цели, которая покажется Ане аморальной, ужасной и недопустимой: моя смерть. Но с каждым днём мысль о том, что выход всего один и он у меня под носом, не покидает меня.

— Ты?.. — Ру смотрит на меня потрясённым взглядом.

— Нет! — миготом отвечаю я, будто обжигаясь об раскалённый металл. — Нет, нет и нет! Любовь придумана для живых, а я таким не являюсь.

— Фьюлэ арф шелу.

— Чего?

— В Талоре есть пословица: фьюлэ арф шелу. Переводится как: мёртвые живут любовью, — произносит Ру, глядя прямо в мои глаза, от чего мне становится не по себе. — Может, твоё сердце и не бьётся, Саша, но ты по-прежнему ходишь, дышишь и говоришь. До сих пор видишь, слышишь, смеёшься. И если после этого ты считаешь себя мёртвым, то знай: даже когда люди умирают и попадают на тот свет, живое в них остаётся, и это любовь.

— Дело не в любви, Ру. Я... — запинаюсь, ибо подходящие слова так и не пришли в голову за всё то время, что Ру делился талорской мудростью. — Я не знаю, что это. Не знаю и не понимаю. Но сейчас это неважно, — желания говорить на эту тему нет совершенно, поэтому я как можно скорей перевожу разговор в другое русло. — Ты прав, я погорячился, — признаюсь я и поднимаюсь с койки. — Где Аня? Она сняла другую комнату или решила вернуться в крепость?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Она повернула в другую сторону, подальше от деревни, когда ты ушёл.

Внутри что-то обрывается и каменным грузом летит вниз.

— Хочешь сказать, она до сих пор в лесу? Вот же... — кидаю взгляд на окно, за которым уже садится солнце. Ру прослеживает за моими глазами и всё понимает, схватившись за рыжие волосы. — За мной. Быстро! — стрелой вылетаю из комнаты и едва не сталкиваюсь с мирно идущей Истой, в чьих руках зажат поднос с двумя кружками горячего молока. Огибаю её и не обращаю внимания, как мне вдогонку летит неловкое бормотание, которое явно представляло собой предложение попить вместе молока.

Выбегаю на улицу, поздно осознавая, что меч оставлен в комнате, как и запасной клубок нитей. Ими я всё равно редко пользуюсь, но нити бы не помешали, учитывая, что в кармане у меня остались огрызки. Наплевав на всё, мчу в сторону леса, не посмотрев, пошёл за мной Ру или нет.

Учитывая его вывихнутую ногу, не думаю, что он галопом понесётся за мной.

Дорогу к болоту я помню хорошо, но не знаю наверняка, как далеко Аня ушла от него. Колючие ветви цепляются за кафтан и царапают ладони, под ногами ничего не видно, поэтому пару раз я чуть не падаю наземь. Сжимаю крест, молюсь Санкт-Илье³⁵ и настраиваюсь на знакомое сердцебиение и лёгкий аромат яблок. Инстинкты обостряются, теперь я бегу на запах, к которому вскоре добавляется не менее знакомый.

Кровь.

— Аня! — кричу я, надеясь услышать хотя бы слабый ответ.

Тошнотворный запах крови усиливается, заглушая яблочный аромат. Бегу так быстро, как только могу, проклиная себя, что не могу ускориться. На этот раз моё небьющееся сердце играет мне на руку, ибо усталости я не чувствую

— Аня!

Сталкиваюсь с бегущей стражницей чуть ли не лбом. Она останавливается в нескольких дюймах от меня, дыхание у неё сбившееся и учащённое. Аня прижимает ладонь к левому запястью, перекрывая рану.

— Упыри, — на одном выдохе выдаёт она. — Капитан, я...

— Потом, — обрываю я её, выходя вперёд и прикрывая Аню своим телом, и оглядываюсь по сторонам, ожидая нападений тварей в любой момент.

— Прости меня! — громко произносит Аня. — Ты прав, я должна была следовать приказу, должна была...

— Аня, мне приятны твои извинения, и я их принимаю, но ситуация сейчас не совсем подходящая, — киваю я на упырей, что толпой приближаются к нам. — На самом деле это ты прости меня. И спасибо за спасение. Только больше так не делай. А теперь беги.

— Но...

— Давай не будем снова начинать! Это приказ. Найди Ру, он поможет.

Аня, проклиная меня самыми бранными словами и спрашивая саму себя, как нам поможет хромающий стражник, наконец подчиняется, убегая. Я же с кривой ухмылкой и ярко-золотистым пламенем, полыхающем на ладонях, встречаю упырей, несущихся на меня.

Их много даже для целого гнезда. Увиливаю в сторону, когда когти одного чуть не рассекает моё плечо до самого мяса. Действуют упыри быстро: окружают со всех сторон и нападают подобно вихрям. Такая скорость этим тварям не свойственна, но сейчас меня это не должно волновать. Один упырь оставляет мне глубокий порез на плече в тот самый момент, как я пронзаю его сородича огненной плетью, разделяя тело твари поперёк. Серые тощие руки тянутся ко мне, и я в последний момент умудряюсь увернуться или присесть, но когти всё равно задевают меня, оставляя пустяковые раны.

Огонь пляшет на руках, перескакивая с упырей на землю. Твари действуют точно по продуманному плану: уходят от моих атак, мельтешат перед глазами, в один миг оказываются у меня за спиной, и я успеваю заметить это лишь тогда, когда гнилые клыки чуть не вгрызаются в открытую шею. Хватаю упыря за сухое запястье и перекидываю нечисть через себя, прикладывая к уродливей рожке заряд пламени. И это оказывается ошибкой, ибо в этот же момент мне в плечо вгрызается упырь.

Боль от их укуса чудовищная: проходит по всему телу пульсирующей волной и нарастает всякий раз, когда упырь заглатывает кровь. Играю огнём, превращая его в извилистую ленту, что с хлопком ударяет тварь, решившую вкусить кровь мёртвого. И то же самое проделываю ещё с несколькими упырями.

Пепел оседает вниз, а нечисти, кажется, не убавилось.

Атакую с новой силой, огонь перетанцовывает с рук, надвигаясь стрелой на упырей. Когти тех свистят передо мной и даже задевают, оставляя порезы, как глубокие, так и не значительные. Кровь льётся из меня из множества мест, что только делает меня желанной добычей для тварей, чья сила не убывает.

Взмах рукой — и пламя взметается вверх и с треском опускается, обрушиваясь на упырей. А вместе с тем я чуть ли не каждую секунду получаю новую рану. Когти с хрустом вонзаются мне в живот, грудь, руки, ноги и дерут их до кричащей боли. Кафтан уже пропитался кровью, как и земля вперемишку с пеплом. Перед глазами всё плывёт, серые отвратительные морды сливаются в единое пятно, руки кажутся неприподъёмным грузом.

Знакомое ощущение.

Я умираю.

Но если и так, то уничтожу перед этим грёбаных тварей!

Огонь разгорается ни на шутку. Столб пламени поднимается, превращаясь в кружащийся ветер, уносящий за собой шипящих упырей. Падаю на колени, руки утопают в рыхлом пепле. Кое-как встаю, но вновь заваливаюсь, больно ударяясь головой.

Мир чернеет. И последнее, что я успеваю сделать, это утихомирить разыгравшееся пламя, превратив его в тлеющие искры.

***

Чьи-то холодные пальцы игриво обводят контур моего лица. В воздухе застыли кровь, смрад и гниль. В области живота набухает невероятная боль, точно мне вырвали кишки. Грудь непрерывно пульсирует чудовищным ощущением, словно с меня сдирают кожу, одновременно с этим сжигая. Рот полон солёной крови, горло будто бы сдавили, воздух попросту не проходит внутрь. А если и проходит, то мелкими и острыми глотками.

— Тс-с-с, — звучит над ухом. Теперь ледяные пальцы очерчивают мои губы, размазывая горячую кровь по лицу. Кто-то ласкает мне шею, а затем перебирает волосы.

Вокруг тихо.

Вокруг холодно.

Вокруг пусто.

Слегка приоткрываю глаза. Надо мной склонилась незнакомая женщина с длинными чёрными, как воронье крыло, волосами, которые опускаются мне на грудь. Её губы изогнуты в хищной улыбке. Лицо у незнакомки красивое, белое, утончённое. А глаза...

Глаза полностью чёрные и пустые.

Пытаюсь спросить, кто она, но из горла вырывается лишь булькающий хрип вперемишку с кровью.

— Тише, Александр, тише, — произносит незнакомка сладким шёпотом, глядя меня по волосам. — Тебе нужно беречь силы, дорогой. Ты и так немного... Покалечился. Но не волнуйся, — от её ухмылки в груди как раз и вспыхивает волнение. Или новый заряд боли. — Раны уйдут намного быстрее, чем должны даже в твоём случае. Но впредь береги себя. Ты ещё мне нужен, дорогой Александр.

Её губы едва касаются моих, оставляя на них лишь холод. Незнакомка исчезает таким

же неизвестным образом, как и появилась.

Кажется, каждую мою кость дробят на мелкие части. Тело пронзает раздирающая боль, от которой горят и руки, и ноги, и торс, и шея, и лицо. Кусаю губы, чтобы не закричать, и сквозь тёмную пелену вижу, как дыра в животе зарастает, вместо обвисшей кровавой кожи на груди появляется новая — бледная и чистая. Горло шипит, я резко приподнимаюсь, выплёвывая оставшуюся кровь. Оглядываю руки: гладкие и белые, без единой раны, как и весь я. Прижимаю ладонь к сердцу — не бьётся. Тихо. Холодно. Пусто.

Больно.

Оглядываюсь по сторонам, морщась от непрерывной боли, что всё ещё звенит во всём теле. И взглядом натываюсь на Аню, позади которой безмолвно стоит Ру.

Но выглядит мой друг не так ошарашенно, как стражница, в чьей руке сжат крест, на конец которого накручены нити.

Глава шестнадцатая. Биение его сердца

Аня

И как только хромающий страж нам поможет?! Задавая себе этот вопрос и не найдя ответа, я бегу, не отрывая ладони от кровоточащей руки, которую я повредила в попытке увернуться от упырей. Вдогонку мне доносятся шипение тварей и огненный треск. Молюсь всем святым, чтобы Александр выжил. И одновременно с этой надеждой вспоминаю его недавние слова.

Он не хочет жить. Но, может, он сказал это на эмоциях? Ведь не может он...

Трясу головой, отбрасывая ненужные мысли. Сейчас нужно продолжить бежать, найти Ру и возвращаться к капитану. В голове звенит мысль, что нужно воротиться сейчас, не искать стражника с повреждённой ногой. Ведь чем дальше я бегу и выискиваю знакомую рыжую голову, тем меньше сил остаётся у Александра на борьбу с ордой упырей.

В прошлый раз я еле успела помолиться нужной святой, чтобы вытащить Александра из реки. Сейчас же времени так же мало, дорога каждая секунда.

Чуть не сталкиваюсь лбом с высоким стражником, идущим так быстро, как только позволяет его нога. Тяжело дыша и видя меня, Ру выдаёт:

— Да чтоб... Да чтоб я ещё раз... Этот грёбаный вывих... — пыхтит он, когда я вцепляюсь в его грудки, интенсивно встряхивая и приводя в себя.

— Александр в опасности! Нам нужно бежать! — не дожидаясь его согласия, вместо которого идёт быстрый ряд незнакомых мне слов, я бросаюсь туда, откуда и бежала. Громко чертыхнувшись на своём языке, Ру несётся за мной, сменив свой быстрый шаг на бег.

Трясущими руками накручиваю нити на крест, обращаясь к Санкт-Илье. Слух, зрение и обоняние обостряются, так я быстрее найду Александра. Вот только стук его сердца я не слышу. В воздухе витает моё сердцебиение, я различаю частые удары Ру, но не слышу те, которые и ищу.

Зато чувствую запах крови. Он становится сильнее с каждым моим шагом, как тут... В глазах темнеет, я резко валюсь на землю, скатившись с низкого склона, и хватаюсь за голову, которая, кажется, вот-вот разорвётся на части.

Снова то странное ощущение, что ударило во время отборочных. Кругом тишина, внутри разрастается пустота, что поглощает и давит. Кажется, всё замирает. Нет ни звуков, ни запахов, ни чего-либо ещё. Ничего не вижу, даже землю под собственными ногами.

Всё приходит в норму внезапным толчком, будто я выныриваю из воды из-за нехватки воздуха и с жадностью его глотаю. К запаху крови присоединяется ещё один шлейф, который

я чувствовала лишь единожды, но запомнила навечно.

Смерть.

Мне помогает встать подошедший Ру, выглядящий обеспокоенным, но вопросов он не задаёт. Возобновляю бег, как и страж, который, несмотря на вывихнутую ногу, продолжает следовать за мной.

Вдали от нас полыхает вихрь огня, чья высота доходит до вершук самых высоких деревьев. Но пламя тухнет точно по щелчку пальцев, превращаясь в жалкие искры. Мы же практически приближаемся к нужному месту, с неба сыпется серый пепел, падая на мои плечи и волосы. На земле алеют брызги тёмной крови, пахнет трупом, а под кронами деревьев беспомощно лежит, совершенно не шевелясь...

— Нет! — срываюсь я на крик. — Нет, нет, нет!

Голос дрожит, рук касаются ледяные мурашки, сердце падает вниз, разбиваясь вдребезги на мельчайшие кусочки, что покрываются толстой корой скорби, переходящей в злость. Кидаюсь к Александру, чьё тело представляет собой страшное кровавое месиво. Но меня останавливает сильная рука Ру.

— Не надо, — шепчет он.

— Пусти! — вырываюсь я, но страж держит крепко, точно не хочет подпускать меня к капитану, чья жизнь уже безвозвратно ушла. — Пусти!

Накручиваю нити на крест одной рукой, намереваясь атаковать Ру, чтобы тот отпустил меня. Он непреклонен, но крест не отбирает, а лишь тоскливо глядит мне в глаза. Пинаюсь и царапаюсь, но Ру никак не реагирует, продолжая меня удерживать. Гляжу на Александра, который... Шевелится.

Он дёргается в мелкой дрожи, а его раны затягиваются с небывалой скоростью. Вместо багряной дыры живот зарастает бледной кожей. Лицо возвращает себе прежнюю красоту и очарование, грудь становится чистой, без единой раны. Вскоре кровь остаётся лишь на земле и одежде Александра, который резко вскакивает, выплёвывая сгустки крови. Его рука ложится на грудь: туда, где бьётся сердце. А после он поворачивает голову в нашу сторону и встречается взглядом со мной.

— Александр... — едва слышно произношу я, прекратив вырываться. Но крест с навязанными нитями по-прежнему сжат у меня в руке.

Александр был мёртв. Он не мог выжить при таких ранах, смерть в его случае должна была наступить мгновенно. Тогда почему?.. Тогда почему он жив?

Если только... Если только Александр не стал новой нечистью, вид которой доселе был неизвестен.

А если это так, то мне, как стражу Ордена, остаётся только одно.

И я бы напала, если бы Ру не среагировал быстрее, надавив на шею, из-за чего мир вокруг расплывается, а я проваливаюсь во тьму.

***

Мне снится странный сон. Станный он потому, что в точности повторяет мои воспоминания. Давние, но свежие.

Мать решила взять мою судьбу в свои руки, когда в деревню приехал старый боярин — Люборад Заможный, решивший обосноваться в Лачуге на лето. Уж слишком его привлек пейзаж селения, слишком ему понравилась умиротворяющая тишина, что нарушалась только звуками природы, слишком приглянулись ему по вкусу местные обычаи и нравы. Заможный настолько проникся Лачугой, что в скором времени на территории деревни стоял терем

огромных размеров, где и жил боярин.

Мать называла появление такое влиятельного человека чудом:

— Возродится наша Лачужка, — приговаривала она. — Вот увидишь, Анька, господинушка Заможный возьмётся за нашу деревеньку, да засияет она.

Я же считала иначе. Единственное, на что был способен Заможный, так это лениво ходить по деревне в боярском тёмно-зелёном кафтане с длинными рукавами и с прищуренными глазами глядеть на природу, томно вздыхая.

Заможный походил на огромную жабу с четырьмя подбородками. У него даже шеи не было видно, настолько тело боярина заплыло жиром. Губы у него толстые, он постоянно противно причмокивал, особенно когда видел что-то, что ему очень нравилось. Лицо у него сморщенное, глаза мелкие, как у свиньи. Голос визгливый, походка медленная, ноги короткие. Волос у него было настолько мало, что если бы подул самый лёгкий ветерок, то в этот же миг башка боярина превратилась бы в сияющую лысину.

Благо, появлялся Заможный только летом. И в это жаркое время года мою мать было не узнать.

Она аж расцветала на глазах: каждый день надевала свой лучший сарафан, волосы укладывала в аккуратную косу, щёки тёрла до алого румянца. Даже улыбалась чаще. Я прекрасно понимала, почему она так делает. И всё это мне не нравилось. В душе поселилось странное ощущение неизбежной опасности, и эта тревога усиливалась с каждым днём, который Заможный проводил в деревне. Я старалась как можно реже пересекаться с этим мерзким типом, однако судьба сыграла со мной злую шутку.

Тогда праздновался Навий день³⁶, а мне исполнилось тринадцать, и уже летом я могла пройти отбор в училище для будущих стражей. Матери я ничего об этом не говорила, зная, как та отнесётся к моей мечте. Я хотела договориться с отцом Алёшки, чтобы тот отвёз и сына, и меня в столицу.

Тот день мог пройти тихо, безо всяких событий и происшествий, если бы расписные сани не остановились рядом с нашей избушкой. Это могло значить только одно: неожиданный приезд Заможного ничем хорошим не закончится.

Я подумывала спрятаться в подвале от старика, походившего на жабу. Но мать насильно заставила меня сидеть на кухне, распивая вместе с Заможным горький напиток из трав.

Мать кружила над гостем, точно пчела над пышным цветком.

— Ох, милый наш Люборадушка, — лепетала она, доставая с полок твёрдые сухари с изюмом. Представив, как боярин ломает оставшиеся зубы об эти булыжники, я мысленно улыбнулась. — Предупредили бы, чтоб я подготовилась. Кушайте-кушайте, пейте да побольше. Мы всегда рады таким прелестным гостям, как вы.

— Вы слишком любезны, Прасковья. — Заможный постоянно растягивал гласные, и его голос ещё больше походил на визг свиньи. — И дочурка ваша очень уж прелестная и милая.

Свинные глазки уставились на меня, а толстые губы противно причмокнули.

— Анютка-то? — немного удивлённо переспросила Прасковья, но тут же взяла в себя руки. — Да, моя девочка такая. Моя отрада и забота, — мать подлетела ко мне и с неожиданной нежностью погладила по волосам. — Вырастит, такой красавицей будет! В девках долго сидеть не будет, сразу кто-то да найдётся! Хотя женишка ей уже пора искать. Двенадцать скоро стукнет.

— Мне тринадцать, — резко возразила я, но мать не обратила внимание на замечание.

Мне не понравился не только фальшиво нежный голосок матери, но и упоминание о

замужестве. Я никогда не видела себя в роли примерной домохозяйки, хранительницы семейного очага, услужливой жёнушки, но всё это пророчила мне мать. Я считала себя бойцом, мечтала сражаться с нечистью, принося пользу людям. Но мало кто способен понять такие мечты, особенно если о них грезит девушка.

— Вы знаете, Прасковья, — протянул Заможный, и от его свиного вопля у меня уши заложило. — Мальчики всегда рождались редко, — мелкие кабаньи глаза упёрлись в меня, как в сочный кусок мяса. Меня же передёрнуло от его взгляда, и я опустила глаза в деревянный стол, смотря на тёмно-коричневую поверхность с занозами.

— И не говорите, — посетовала мать. — В нашей Лачуге один Алёшка годится, да дури в его башке так много, что я свою кровиночку ему не отдам! — неожиданно заявила она. — Да и семейка у мальчонки не из лучших.

— У него хорошая семья! — вмешалась я, возмущившись от оскорблений моего лучшего друга, но мама меня не слушала, а продолжила любезничать с боярином.

Я же продумывала, как мне поскорей уйти и не возвращаться домой до самой ночи. Заможный так и не притронулся ни к сухарям, ни к засохшей пастиле, которая по виду напоминала скукожившийся кусочек яблока, ни к прозрачному травяному напитку, чей вкус такой же, как и болотная вода. Всё это время боярин смотрел на меня, точно оценивал новую диковинку, которую желал приобрести и поставить на полочку к остальным украшениям, что радуют его мелкие глаза.

— Прасковья, я бы хотел переговорить с вами по поводу одного дельца, — важно произнёс Заможный.

Меня два раза уговаривать не надо, а намёк я поняла сразу, в отличие от дела, по которому боярин и переговаривался с моей мамой. Я побежала в спальню, оставляя взрослых одних, и хотела по-быстрому улизнуть к Алёшке, захватив перед этим карманный ножик, который мне подарил Деян — брат моего друга. Лезвие было надёжно спрятано в полу спальни между досками. Достав ножик, убрала его под сапог и уже собралась перелезть на улицу через окно, как с кухни меня окликнул мамин голос:

— Аня, немедленно иди сюда!

Чертыхнувшись так, что мне бы точно влетело, если бы это услышал кто-то из взрослых, я покорно вернулась на кухню, здраво поразмыслив, что меня наверняка ждёт избиение в случае побега. У двери стоял Люборад Заможный, уже одетый в меховой тулуп, пуговицы которого едва держались, чтобы не лопнуть на вздувшемся животе.

— Вот она, моя красавица! — сказала мать, резко дёрнув меня за руку, притягивая к себе. Пальцами она расчёсывала мне спутанные волосы, заплетая их в косу. И краем глаза я заметила красную, немного выцветавшую ленту, что вплеталась в мои волосы. — Вещей у неё немного, да и не понадобятся теперь! — с радостью в голосе произнесла мать, всё больше и больше вгоняя меня в замешательство.

Уже хотела спросить, какого лешего здесь творится, как слово взял Заможный:

— Не утруждайтесь, Прасковья, — он причмокнул губами. — Моя милая жена ни в чём не будет нуждаться. Да, деньги мой слуга занесёт к вечеру...

— Жена?! — не выдержала я, переводя глаза то на маму, то на противного боярина. Правда, точно меткая стрела, дошла быстро, до самой глубины сердца, но вот принять её — дело совершенно другое. Она точно яд, распространяющийся по телу медленно, но крайне болезненно, из-за чего сложно понять: бежит ли по телу отравы, то ли это просто резкий приступ головной боли.

Отшатнувшись от матери, которая ни секунды не мешкая продала меня старому боярину, я сморгнула слёзы. Морщинистая рука легла мне на плечо, крепко сжав, как соломенную куклу, но я грубо вырвалась.

— Аня! Прекрати немедля свои капризы! — потребовала мать. — Всё уже решено!

— Решено?! Уж не знаю кем решено, но точно не мной!

Рука матери взлетела вверх и отвесила мне хлёсткую пощёчину, от которой мигом загорела покрасневшейся щека.

— Ты должна быть благодарна мне, мелкая дрянь! — прошипела она. — Я всю свою жизнь убила на тебя, я всегда делала так, как лучше тебе! Господин Заможный богат и влиятелен, это лучшая партия для тебя!

Я никогда не хотела замуж. Но моё мнение так же никогда и не учитывалось. Поэтому, прижимая ладонь к горячей щеке и сдерживая обжигающие слёзы внутри, я, прибывая точно в забвении, села в боярские сани. Было холодно. И на улице, и внутри. Заможный даже не прикрыл меня звериной шкурой, что лежала в санях. Путь оказался недолгим — до красочного терема, но мне показалось, что это время длилось бесконечно. Время, что перерезало мою жизнь раз и навсегда. Отрезало мечту, лишило надежд, воплотило мой страх в реальность.

Уже в доме Заможный рассказал мне, что свадьба состоится ближе к апрелю, когда весь снег растает. Боярин описывал пышное празднество, на которое явятся самые влиятельные господа, даже сам царь. Я слушала вполуха, думая, как мне сбежать раз и навсегда: покинуть Лачугу, дойти до столицы и поступить в училище. Я была напугана, и если Заможный и заметил это, то мой страх ему нравился. Он гладил меня по щеке, говоря, что свадебное платье будет самым красивым. Проводил толстым и морщинистым пальцем по губам, тихо приговаривая, что ждать он не будет. Трогал за грудь, что ещё даже не выросла, противно хихикая и приговаривая, что всё ещё впереди. Говорил, что я неиспорченная, что я чистая, что ему это нравится, что ему повезло, что он счастлив, что я буду счастлива.

Называл глупой, когда я, злясь, отбрасывала его мясистые руки. Кричал и ударял, когда я проклинала его, пытаясь выбежать за дверь. Предупреждал, что любит послушных. Угрожал, что в случае неподчинения он заставит меня пожалеть об этом.

Когда уже стемнело, Заможный повёл меня в свои покои, пока я упиралась. Уже там он усадил меня перед зеркалом и примерял броские украшения, как на куклу, ожидая, что я сменю гнев на милость. Я молчала, когда он подносил очередную гривну к шее, и метала взглядом молнии. Боярин был уверен, что это мои капризы, рано или поздно я растаю под его давлением или же смирюсь. Или он меня заставит.

Худшее началось ближе к ночи.

Это было страшно. Это было мерзко. Это было больно.

Сначала он расплёл мои волосы, взбив их руками. Толкнул на кровать. После упал сам, едва не придавив меня. Его четыре подбородка нависли надо мной, мелкие глаза пробежались по ключицам, толстые пальцы занялись завязками на сарафане, а после Заможный сдёрнул одежду с меня, оставив в одной лишь тонкой рубахе. Внутри колотил страх такой силы, что я едва не упала в обморок, а моё сердце чуть не взорвалось от кошмара, что надвигался на меня в виде старика с похабной ухмылкой. Он сбросил охабень, завозился со штанами, и тогда я решила рискнуть.

Медленно согнула ногу в колени, пока Заможный ощупывал мои бёдра, сунув ладони под рубаху и касаясь голой кожи. Тяжело сглотнув, я нащупала в ноге мелкий ножик. Резко

дёрнула рукой, занесла её и...

— Мелкая шлюха, — сплюнул Заможный, сжав моё запястье так, что оно побелело. — Я тебе говорил, дрянная сука, ты принадлежишь мне!

Страх накрыл меня, от него закружилась голова и сжались лёгкие. Пересилив себя, я со всей силы ударила боярина коленом прямо в пах. Его лицо исказилось от боли и злости, и Заможный, вырвав мой нож, провёл лезвием по моей груди, и то глубоко врезалось в кожу.

Вскрикнув от агонии, что кольцом обхватила меня, я столкнула боярина с кровати. Старик лишь охнул, а я, истекая кровью, побежала к выходу. Мчась по лестнице вниз, я держалась за рану, пытаясь не упасть, и слышала вдогонку проклятия и приказы задержать меня. Но слуги отреагировали медленно, лишь тогда, когда я выбежала на тёмную улицу, несясь по сугробам, на которые капала кровь.

Остановилась я лишь в лесу. А точнее — упала замертво. В глазах меркло, сердце добивало последние удары, дышать становилось всё трудней и невозможней. В голове плакала лишь одна мысль о том, что смерть подобралась ко мне вплотную.

И коснулась меня, унося жизнь.

— Нет! — резко вскакиваю с кровати, тяжело дыша. Сердце колотится так, точно вот-вот выпрыгнет из груди. Лицо липкое от пота, а запястье левой руки бережно и тщательно перевязано чистой тканью.

Одета я в одну лишь рубаху, только длинную, а не ту, в которой была. Ткань жёсткая, напоминает одежду, в которой я и была в тот день. В его кровати. В его руках. В его власти...

Трясущимися от страха руками растягиваю ворот рубахи, глядя на грудь. А точнее — на длинную полосу шрама, что тянется от правой стороны груди до живота. Он остался на моём теле в ту ночь, когда я лишилась всего дважды: сначала меня продали боярину, а затем я смотрела, как огонь пожирает мою деревню вместе с уже мёртвыми людьми.

Что произошло в тот день — я не знаю. Я задаюсь этим вопросом постоянно, пытаюсь найти разумное объяснение, но всё равно теряюсь в догадках, путаюсь в предположениях. Кажется, верный вариант рядом, но он петляет, ускользает из рук, смеётся над моим бессилием.

Теперь же к этому вопросу добавился другой. Почему я выжила тогда?

Рана была смертельная, боль от ножа, что пронзил меня во сне и несколько лет назад, набухает внутри. Я не могла выжить. Помню, как я упала в снег лицом, но теперь в воспоминаниях эта белая перина окрашивается в кроваво-алый, а в груди зреет зверское жжение. Но одновременно в этом я помню, как очнулась. Открыла глаза, встала, дрожа от мороза, заметила дым в стороне, побежала к деревне, а снег хрустел под ногами.

Но рана... Она зажила, оставив шрам.

Почему?.. Почему я даже не обратила на это внимание? Неужели настолько была потрясена гибелью своей родины?

— Да чтоб меня, — едва раскрывая рот, шепчу я, понимая одну страшную вещь.

Я умирала пять лет назад. И точно такое же ощущение посетило меня совсем недавно: когда погибли кадеты.

Все, кроме меня.

Получается, тогда я умерла, но вернулась к жизни. А раз так, то наверняка моё тело было иссечено тем же кошмарным образом, что и остальные трупы. Но всё зажило, не оставив даже мелкой царапины. Взгляд натывается на забинтованную руку. Снимаю

повязки, искренне надеясь увидеть тёмно-красные полосы, покрывшееся жёсткой коркой.

Но кожа чистая. Гладкая. Будто я никогда и не получала никаких ранений.

Раны и раньше быстро заживали, просто меня постоянно что-то отвлекало. Жердяй оставил мне рваные полосы на шее, но я и думать о них забыла, когда узнала про следующее задание. Ырка вгрызлась мне в ногу, однако этот факт вылетел из головы, стоило мне услышать о полученном штрафе из-за сожжённого поля.

Всё это время так много вопросов были у меня прямо под носом. Вот только ответы явно зарыты гораздо глубже.

Стук в дверь пробуждает меня от горьких мыслей. Дверь со скрипом растворяется, и на пороге стоит Александр, держа поднос с кружкой и тарелкой нарезанного хлеба.

— Рад, что ты очнулась, — говорит он, проходя в комнату и ставя поднос на узкий столик, а сам садится на соседнюю койку.

— Ты жив, — мрачно произношу я, оглядывая капитана, который выглядит так, точно провёл всю ночь в сладких сновидениях, а не в лесу, сражаясь с упырями.

— Как видишь.

— Кто ты?

— Александр Демидов, капитан Ордена Святовита, — невозмутимым тоном произносит он.

— Я не об этом. Кто ты есть? Кем или чем ты являешься? — я опасливо держусь от него на расстоянии, да и сам Александр не подходит ближе. Взглядом оббегаю комнату, ища что-нибудь, чем можно защититься. И на столике, куда Александр и поставил поднос с кружкой горячего молока и ломтиками свежего хлеба, лежит мой крест.

— Можешь взять, — неожиданно говорит он, заставив меня посмотреть в его глубокие синие глаза. — Я про крест. Конечно, можешь взять и хлеб с молоком, чтобы набраться сил.

— Где Ру?

— Внизу, хохочет со старшиной, рассказывая тому анекдоты из Талора, — Александр говорит правду.

— Кто ты? — повторяю я свой первый вопрос. Капитан вздыхает и запрокидывает одну ногу на другую. Я же тем временем беру со стола крест, чьи концы впиваются в ладонь. — Ты был мёртв, Александр, — говорю я, нарушив затянувшееся молчание. Александр всё ещё не отвечает, поэтому я продолжаю: — Я чувствовала твою смерть. Я видела её. Люди не выживают после такого. Твоё сердце не билось...

— Оно никогда не бьётся, — внезапно прерывает он. — Точнее, билось раньше. Шесть лет назад.

— Почему?

— Я не знаю, — я бы возразила, начала давить на него, требуя правды. Но именно правду я и чувствую. Именно её Александр и произнёс: — Я не знаю, почему так. Умирал я часто. Пытался утопиться, сжечь себя заживо, сброситься с громадной высоты, перерезать себе горло, вены, живот, всё, что угодно. И несмотря на все попытки сдохнуть, я всё ещё хожу по этой грёбаной земле, разговариваю сейчас с тобой, хотя уже должен был отправиться на перерождение, переродиться и прожить первые года.

В его словах меня многое пугает и вызывает массу вопросов, но среди всего этого есть то, что заставляет меня замереть в ступоре, проникнуться непониманием и испытать самый настоящий ужас.

— Ты убивал себя? — пересохшим голосом спрашиваю я, не в силах поверить, что такой

человек, как Александр, способен раз за разом лишать себя жизни по собственной же воле. Это всё равно как представить, что Луиза разводит пушистых кроликов на ферме, Данияр смеётся над глупой шуткой про улитку, Ру отбирает пастилу у ребёнка, а Есений нормально говорит. Это попросту не укладывается в голове.

— Раз за разом, — подтверждает Александр. — Впервые моя смерть случилась в гнезде упырей, когда я расправился с тварями. Тогда моё сердце прекратило биться. Затем я погиб, утонув в озере, где был водяной³⁷. И снова выжил. Впервые я убил себя сам полгода спустя. Вонзил нож в горло. Меня нашёл Тузов, который обо всём знал. И попытки я не прекратил.

— Но почему? Почему ты так хочешь умереть?

— А разве я жив? — он грустно усмехается. — Я не нуждаюсь во сне, еде, других человеческих потребностей. Я даже не уверен, чувствую ли я что-либо или только внушаю, не желая забывать. Моё сердце не бьётся, внутри холодно, тихо и пусто. Это нельзя назвать жизнью.

— Тогда почему ты хочешь именно умереть? — не унимаюсь я. — Ты ищешь способы как покончить с собой, но почему ты не пытаешься найти способы как эту жизнь вернуть?!

— Мёртвое должно оставаться мёртвым. Кому, как не стражу, знать эти законы.

Здесь я полностью согласна с Александром. Мёртвое действительно должно оставаться мёртвым, но в некоторых случаях не остаётся. И такими случаями является вся нечисть, что некогда была людьми. Является ли нечистью Александр? Наверяд ли, потому как от нечисти можно избавиться, её можно превратить в пепел, а душу отправить в Навь, где она и должна быть с момента своей смерти. Александр же множество раз убивал себя, но остаётся в мире Яви³⁸ до сих пор.

Я тоже умирала, целых два раза. Но почему-то первая моя смерть выскочила из головы, лежала где-то в глубине сознания, не желая становится чётким воспоминанием. Теперь же этот отрывок прошлого вломился в мысли, сорвав все цепи и двери, что удерживали его.

Неужели таким же отрывком является и то, что убило кадетов несколько недель назад? Я была там, я точно всё видела, но не помню.

Почему я так многого не помню?

— Но твоё сердце билось! — резко вспоминаю я. — Когда я вытащила тебя со дна реки, я проверяла пульс, и оно точно билось!

— Оно бьётся, — не отрицает Александр. — Но это случается редко. В те моменты, когда ко мне прикасаешься ты.

Он не шевелится, не подходит ближе, как сделал бы любой мужчина на его месте. Лишь спокойно сидит, ожидая моего ответа. Возможно, разрешения. Возможно, просто выжидает из вежливости, что иссякнет со временем. Я же не знаю, что и сказать, потому что всё это похоже на обман. Все слова звучат так, будто их выдумывали на ходу, добавляя детали, стараясь следовать логике, построенной наспех. Но лжи — того самого горького вранья — я не ощущаю, как бы не хотела и не искала. Её попросту нет, потому как слова полны чистой истины, которая пеплом ощущается на языке.

— Можешь сама проверить, — Александр кивает на крест, восприняв моё молчание как отрицание того, что очевидно и мне, и ему.

Прислушиваюсь к его совету и обращаюсь к Санкт-Илье, обостряя слух. Внизу царят хохот и весёлые разговоры, в других комнатах тихо, а в этой лишь слышно моё сердцебиение и наше с Александром дыхание. Но вот его сердце молчит.

Вытягиваю руку вперёд, молча подзывая капитана к себе. Тот подходит не сразу,

сначала удивляется и мешкает, но потом встаёт и осторожно касается моей руки, точно ждёт, что я тотчас её вырву. Его глаза смотрят лишь на меня, лицо ничего не выражает, а мою ладонь он по-прежнему держит с несвойственной ему неуверенностью.

Мягко прикасаюсь к взбухшей тёмно-синей вене, проверяя пульс. Он редкий, но сильный, как будто сердце Александра хочет насытиться своим биением, но вместе с этим и растянуть его как можно дольше. Губы капитана поджаты, он ничего не говорит, а я тем временем зачем-то считаю удары.

Раз.

Два.

Три.

Почему-то не убираю руку, когда счёт переваливается за десять. К ним добавляется столько же ударов, а спустя недолгое время ещё. Не отпускаю руку Александра, точно не до конца убедилась, что это правда, что его сердце бьётся лишь при таких странных обстоятельствах. Александр же сидит неподвижно, словно боясь, что при малейшем движении я отпряну от него.

— Но почему? — наконец нарушаю молчание, повисшее в воздухе.

— Мне и самому интересно, — без какого-либо веселья усмехается он, самостоятельно убирая руку. Его лицо мгновенно бледнеет, как и вся кожа, становясь белой, почти как свежесвыпавший снег. — Прости меня, — неожиданно произносит он, поправляя рукав кафтана.

Я недоумённо смотрю на него, даже не предполагая, за что он извиняется.

— Мне казалось, что ты решение моей проблемы, — признаётся Александр, отведя взгляд. — Я думал, ты можешь помочь мне...

— Убить себя? — догадываюсь я.

— Да. Прости, что думал так. Я не могу и не хочу просить тебя об этом, потому что знаю...

— Что я буду против? — вновь договариваю я со слабой улыбкой.

— Почти. Ты думаешь, что я хотел тебя использовать? — он говорит так, точно одновременно спрашивает и утверждает.

— Я... У меня и в мыслях такого не было! — заверяю я, понимая, что подобное только что всплыло в голове.

Александр абсолютно прав. Если бы он заявил об этом раньше и при других обстоятельствах, я была бы против. Эта идея мне не нравится и сейчас, но сомнения всё же есть. В конце концов мёртвое действительно должно оставаться мёртвым. А раз так, то мне тоже следует найти способ убить себя.

Но смерть пугает. Пугает так, что желудок скручивается в тугий узел, в голове и ушах звенит, сознание сужается, в глазах играет тёмная рябь, пальцы холодеют, а все мышцы наливаются свинцом. Смерть прикасалась ко мне, она была рядом со мной, утягивала мою душу туда, где ей, как оказалось, место. Тогда я цеплялась за жизнь, удерживала, не желая отдавать, сдаваться, проиграть в этой борьбе, в которой все терпят поражение.

Я не хочу умирать. Не хочу убивать себя лишь из-за того, что мёртвое должно быть таким. Моё сердце бьётся, я дышу, нуждаюсь в пище, сне и многом другом. Я живу так же, как жила до этого, как жила до рокового дня, когда моя деревня сгорела дотла. С Александром же всё иначе. Он не ощущает жизнь так, как другие, как я. Но разве можно назвать его мёртвым?

Всё это настолько сложно и запутанно, что у меня закипает голова.

— Я умирала до этого, — сама того не ожидая, открываю я правду, которую сама узнала совсем недавно. — Мне было тринадцать. Я не помнила этого до сегодняшнего дня. И во время смерти кадетов я тоже умирала. А ещё мои раны восстанавливаются. Не знаю, насколько быстро, но они заживают, несмотря на степень серьёзности.

— Ты не вспомнила, кто или что убило кадетов?

Мотаю головой.

— Как ты погибла в первый раз?

— Один человек... — голос дрожит при малейшем воспоминании о боярине и его проступке. — Он вонзил мне нож в грудь. Рана была серьёзная. Я как-то умудрилась добежать с ней до леса, а уже там рухнула и... Получается, умерла. Очнулась от запаха дыма.

— Дыма?

— Моя деревня сгорела, — поясняю я.

— В тот же день? Полностью?

— Я единственная, кто выжил.

Александр резко встаёт и подходит к окну, обдумывая мои слова. Он, стоя ко мне спиной, спрашивает стальным голосом:

— Как это произошло? Как случился пожар?

— Я не знаю. Очнулась, когда уже всё горело. Побежала к деревне, все дома были в огне, на земле лежали тела, которые... — сглатываю подступивший ком, — тоже горели. Моя мать умерла, её тело лежало в обломках.

— Но кто устроил пожар? Или что?

— Не знаю. Или не помню, — сокрушённо говорю я.

Капитан молчит, как и я. Пока он находится в раздумьях, я отламываю кусочек мякоти уже остывшего хлеба и отправляю в рот. Молоко стало тёплым, но по-прежнему приятным по вкусу. Александр поворачивается ко мне спустя лишь пару минут.

— Как называется твоя деревня?

— Лачуга. Её уже нет на картах, да и не было никогда.

— Разберусь, — коротко кидает он, идя к двери.

— Что?.. — не дослушав меня, Александр выходит из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Возмутившись от такой наглости, я вскакиваю с кровати и тут же хватаюсь за голову, которую пронзает резкая боль. Мыча бранное выражение, отворяю дверь, выходя в длинный коридор. Александра уже нет, поэтому иду к лестнице, шлёпая по деревянному полу босиком.

Спускаюсь вниз, откуда доносится громкий хохот. За столом сидит Ру со старшиной.

— Где Александр? — спрашиваю я у стража, когда он что-то шепелявит на своём родном языке.

— Аня! Как твоё самочувствие?

— Где Александр? — проигнорировав вопрос Ру, я повторяю свой.

— Он пошёл к конюшням. Сказал, срочное одиночное дело, не требующее отлагательств.

— Одиночное, значит?! — вскипаю я и направляюсь к выходу, наплевав, что одета лишь в рубаху.

Выхожу на улицу и оглядываюсь, ища нужную мне конюшню. Изба большая и крепкая, стойла для лошадей наверняка находятся с задней стороны.

Конюшню я нахожу вовремя: в тот самый момент, как Александр выводит коня на улицу.

— Куда-то собрался, капитан? — интересуюсь я, сложив руки на груди.

— Срочное дело, — размыто объясняет он, поправляя сумку на седле. Заметив мой хмурый взгляд, Александр вздыхает и с раздражением протягивает: — Ты всё равно узнаешь правду.

— Именно.

— Мне нужно своими глазами увидеть твою деревню. Точнее, то, что от неё осталось.

— Я с тобой.

— Нет.

— Да. Это моя деревня, я в ней и родилась, и жила, и умерла там впервые! К тому же я знаю дорогу.

— Второй аргумент гораздо весомей первого, — замечает капитан. — Но ты не поедешь. Ты ранена, — увидев мою вскинутую бровь, он тут же исправляется: — Может, раны у тебя и заживают, но у тебя точно был шок.

— Сказал тот, кто был мёртв.

— Не распространяйся об этом, — просит он, садясь на Одуванчика. — И не стой босиком.

Он дёргает за поводья, и Одуванчик уже было пускается в бег, как я хватаюсь за край кафтана Александра, потянув на себе. Заржав, конь встаёт на дыбы от испуга, а капитан, не успев покрепче ухватиться, кубарем летит вниз, падая на спину.

— Сдурела?! Когда я говорил, что хочу умереть, я не думал, что ты тотчас попытаешься меня убить! А если бы я что-нибудь себе сломал?!

— На тебе всё заживает быстро.

Капитан встаёт, тихо матерясь, и стряхивает пыль с кафтана. Мрачно оглядывает меня, нахмутив брови, будто уже готовится высказать гневную тираду о том, что я должна беспрекословно подчиняться его приказам. Но, видимо, он решает, что это лишнее и всё равно не подействует на меня, потому как произносит он следующее:

— Долго я тебя ждать не буду.

Довольно улыбаясь, возвращаюсь в постоянный двор и коротко ввожу в курс дела Ру, которому предстоит вернуться в крепость без нас. Тот не расстраивается, а лишь даёт некоторое лекарственные травы на всякий случай, рассказав, какую использовать при определённых ранах. К конюшне возвращаюсь, когда Александр уже собирается трогаться.

***

К Лачуге мы подходим вечером того же дня. Узнаю тропинки, по которым вместе с матерью ездила в соседний город к капищам. Они такие же неровные, телега постоянно подсакивала на кочках и ямках, когда мы ехали, а мать рассказывала мне о богах, превознося их. Я слушала вполуха, гадая, когда же всё это закончится и я наконец вырвусь на свободу.

На свободу я действительно вырвалась. Но далеко не так, как мечтала.

— Это здесь, — говорю я, когда под копытами лошадей появляется чёрная земля. Сглатываю подступивший ком, который отзывается на языке привкусом гари.

Александр спрыгивает с коня, ведя его дальше за поводья. Следую примеру капитана.

Земля полностью чёрная, выжженная. Кое-где всё ещё остались старые обломки разрушенных домов. Но их мало, выглядят они на голой земле жалкими и ничтожными

щепками. Вокруг тихо, только слышны стук копыт и наши собственные шаги. Кидаю взгляд в правую сторону, узнавая место, где раньше стояла изба, в которой я прожила с рождения и до тринадцати лет. Чуть подалее видна самая высокая груда обломков из всех. И эти обуглившиеся доски я тоже узнаю: терем Заможного.

Капитан опускается на колени, прощупывая сгоревшую землю, точно пытаюсь что-то найти. В его второй руке зажат крест. Я же стою поодаль, не решаясь подойти ближе. Ёжусь от прохладного ветра.

— Земля не восстанавливается, — наконец произносит Александр, выпрямляясь в полный рост. — Конечно, пожарище был знатный, но земля точно сгорела вчера, а не пять лет назад.

— И что это значит? — не понимаю я.

— Огонь другой. То есть не такой, который уничтожает леса и дома. Не такой, который призываем мы, молясь Санкт-Владимиру. Он другой. Такой же сокрушительный и губительный, но более сильный.

— Более сильный? — ошеломлённо переспрашиваю я, не понимая, какая стихия может быть сильнее огня, что беспощадно пожирает всё на своём пути. Огонь — это смертоносная и опасная сила. Даже вода не всегда помогает против него. А восстановить что-либо после касаний пламени в большинстве случаев невозможно.

Так что может быть сильнее огня? Ещё один огонь? Но почему он отличается?

— Дух, — произносим мы одновременно с Александром.

— Вполне возможно, в этом замешан дух, — продолжает капитан. — А если так, то этот дух до сих пор жив и бродит по Великомиру.

— Но тогда были бы другие подобные случаи, — разумно замечаю я, и Александр соглашается со мной кивком.

— Духи — твари своевольные. Они преследуют лишь собственную выгоду, поэтому не думаю, что дух действовал один.

— Хочешь сказать, дух мог выполнять чей-то приказ?

— Поручение, — поправляет Александр. — За определённую плату. И выяснить это можно одним способом.

— Каким же?

— Спросить у самого духа, конечно же.

Глава семнадцатая. Очень вредный дух

Александр

Аня смотрит на меня, как на идиота, и её взгляд мне более чем понятен. Никто в здравом уме не приблизится ни к одному духу даже за сотню вёрст, а я бодро предлагаю переговорить с одним из таких. Пока Аня думает, смириться ли ей с моим предложением или на всякий случай узнать, всё ли в порядке у меня с головой, я привязываю лошадей к близкостоящим деревьям, зная, что нам придётся ненадолго отлучиться. После достаю клубок толстых красных нитей и бросаю его на землю.

— У тебя с головой всё в порядке? — интересуется Аня, глядя на то, как клубок накручивает круги вокруг себя.

— Ты не первая, кто задаётся этим вопросом.

— И всё же, что ты делаешь? И откуда у тебя этот клубок?

— Увидишь.

Клубок резко останавливается посреди сожжённой земли, точно впад в замешательство

и не зная, что делать дальше. Подумываю пнуть его от всей души, чтобы расшевелить не только клубок, но и его хозяина, который наверняка сейчас сладко дрыхнет. Тот, если и понял, что я использовал клубок, проснулся на долю секунды, решил, что это ему снится, и снова улёгся спать. Шар ниток, словно почувствовав моё дурное настроение, оживает, быстро катясь в сторону леса.

— За ним, — командуя я и бегу за клубком. Аня идёт за мной, и я спиной ощущаю, как терпение стражницы истекает с каждой секундой, а значит, бесчисленные вопросы не заставят себя ждать.

Уже в лесу, когда мы выходим на просторную опушку, клубок вновь замедляется, но продолжает катиться, уводя нас всё дальше и дальше в лес, точно заманивая в ловушку. Такое предчувствие явно появляется у Ани, так как та достаёт крест из кармана, крепко его сжав и держа наготове. Стражница оглядывается по сторонам, выскивая затаившийся тварей, что только и ждут, чтобы наброситься на неосторожных путников, растерзать их тела и наесться их внутренностями.

— Александр, мне это не нравится.

— Мне тоже, — соглашаюсь я. — Поверь, этому духу я тоже не нравлюсь.

— Я говорю не только про духа, — произносит Аня, наступая на тонкий сук, что с хрустом ломается под её ногой. — Мне кажется, за нами следят.

— Неужели? — оглядываю местность, отметив, что деревья высокие и крепкие, а ветви толстые и упругие.

Поднимаю клубок, и тот изо всех сил вырывается, желая вновь попасть на свободу, хотя до этого еле-еле катился. Вновь осматриваю каждое дерево. И где-то вдали мигают два ярко-жёлтых огонька, что изредка моргают, а спустя секунду оказываются в другом месте.

— Ну всё, усатый, — шепчу я и со злостью впечатываю клубок в ближайший древесный ствол. — Я тебе усы повывёртываю, если не покажешься! — выкрикиваю я, смотря в сторону, где только что мигали огоньки. — И хвост затолкаю в зад, если не явишься сейчас же!

К моему крику присоединяется шорох в кустах. Засунув клубок, который всё ещё норовит выпрыгнуть, в карман, подхожу к кустам, раздвигая колючие заросли и озираясь.

— Это уже несмешно, котяра... — стоит мне это произнести, как на меня прыгает, громко и яростно шипя, чёрный комок шерсти, направив когти прямо в лицо. — Да чтоб тебя!

Хватаю кота за шкурку, когда тот размахивает пушистыми лапами во все стороны, пытаюсь дотянуться до меня, и шипит так, словно одаривает меня самыми бранными словами, что только существуют в языке Великомира.

— Р-р-р-мя-я-я-у-у-у-у! — вопит кот, не оставляя попыток разорвать меня в клочья мягкими лапами и острыми когтями.

— Поори мне тут! — трясую кота перед собой, вызывая у него очередной вопль. — Какого хрена раньше не появился, если всё это время тут был?! Я тебя предупреждал, моё терпение не вечное! А ты ещё вздумал на меня бросаться! Да ты и ранить меня не можешь, но всё равно пытаешься, бессовестный! Не стыдно тебе, блохастый?!

— Александр, — с осторожностью зовёт меня Аня, наблюдая, как я ругаю кота, чьи жёлтые глаза с открытой ненавистью смотрят на меня. — Ему же больно, — с жалостью произносит она, подходя ближе. Кот от её голоса успокаивается и уже не с таким рвением пытается меня прикончить, а только облизывается.

— Доброта не лучший друг для стража, — произношу я и отбрасываю кота в сторону. Пронзительно мякнув, тот приземляется на четвереньки, садится и вылизывает лапу, гордо отвернув морду в сторону, после чего важно говорит:

— Когда-нибудь я тебя пр-рикончу, Александр-р.

— Жду с нетерпением, Баюн³⁹.

Услышав имя кота, Аня отпрыгивает от него, как от раскалённой кочерги, хотя до этого хотела погладить котяру и приласкать его. Тот фыркает, облизывается и поднимает хвост трубой, распушив его. Медленной и грациозной походной Баюн скрывается за широким деревом и выходит из него уже в ином виде.

Он стал выше в семь раз, около двух метров, приняв свой истинный размер. По форме котяра напоминает распушившуюся шишку, только косматую и чёрную. Глаза у духа яркие и жёлтые, как два огня. Морда Баюна круглая, упитанная и приплюснутая, точно в далёком прошлом его впечатали лицом в стену примерно раз двести.

Баюн сладко потягивается, оттопырив зад с хвостом, после чего лениво произносит:

— Зачем пожаловал? И кого это ты пр-ривёл? — любопытствует он, плотоядно облизнувшись, глядя на Аню, которая уже выставила крест вперёд, намереваясь напасть при первом же приказе. — Неужели нашлись ушки для моих сказочек?

— Не смей совывать ей свои рассказы, — твёрдо произношу я и поворачиваюсь к Ане. — Он неопасен.

— Александр, он людоед! — разумно замечает стражница. — Он крайне опасен!

— Вовсе нет. Баюн уже четыре года людей не ест.

— А я хочу их есть! — вмещивается кот, гневно замахав хвостом в доказательство своих слов. — Я не домашний пушистик, котор-р-рый кур-р гоняет! Я свободный дух, я охотник, мне нужна свежая кр-ровушка, чтобы насытиться!

— Вот видишь! — Аня вплёскивает руками, указывая на огромного кота. — Он опасен, Александр! Он не милый котёнок, которому можно почесать под шейкой и дать молочка! И откуда ты вообще его знаешь?

— Я его хозяин. Поймал его четыре года назад, и с тех пор он не трогает людей, потому что так велю я.

— А я хочу их тр-рогать! — вновь вопит Баюн старую песню, которую я уже успел выучить за те годы, что слушаю его нытьё. Кот грозно топает лапой, будто надеется напугать меня. Аня же благоразумно отступает на один шаг.

С Баюном я познакомился четыре года назад. Тогда я закончил обучение в особом легионе, окончательно вступив в Орден. Задание мне дали простое — избавить один дом от злыдней. И по пути туда я наткнулся на железный столб, где и сидел дух, лениво прищуривая жёлтые глаза и махая хвостом из стороны в стороны.

— Мя-яу-у-у, кого я вижу? — замурлыкал кот, предчувствуя сытный обед. — Юный страж. Тяжела, видать, твоя р-работа. Не желаешь пер-редохнуть? Или поспать чуток?

— Боюсь, я не могу позволить себе сон во время службы, — с улыбкой ответил я, узнав духа, про которого слышал столько баек, сколько в голове кота сказок и легенд.

— Тогда остановись на миг, — попросил Баюн, спрыгивая с железного столба. От его упитанной туши затряслась земля, да и столб немного покосился, угрожая вот-вот упасть вниз. — Тоскливо мне, стр-раж. Составь компанию, поговор-ри со мной. Или послушай... — в мурчащем голосе кота зазвенели убаюкивающие нотки, которые вогнали бы в сон любого живого человека. Я наигранно потёр глаза, а дух, будто бы ощутив усталость, что витала

вокруг меня, начал свою песнь. — Жил да был...

— Почему «жил да был»? Он что, умер? Не люблю сказки, у которых уже начало грустное, — оживился я, демонстративно зевнув.

— Что? — опешил кот, изумившись, что его чары не подействовали должным образом. — Нет, не умер-р, то есть... Мне-то откуда знать? Сиди и слушай!

— Вообще-то я стою.

— Тогда стой и слушай! — его пышный хвост угрожающе заметался по земле. — Жил да был цар-ревич, хор-рош собой...

— Кто сказал, что хорош? — снова вмешался я. — Я его не видел, а внешнюю красоту все люди воспринимают по-разному, поэтому для меня этот царевич может быть уродом. Ты его не видел?

— Да не видел я его! — чёрные зрачки сузились. — Хор-рош собой был цар-ревич, все девицы кр-расные вздыхали по нему.

— А юнцы синие? Тоже вздыхали?

— Да все вздыхали по нему!

— Бедняга, это сколько вздохов он слышал?

— Если не заткнёшься, то не услышишь больше ни одного! — пообещал кот, начиная вскипать. — Все девицы кр-расные вздыхали по нему. И вот в один зимний день отправился цар-ревич в лес др-ремучий. Долго он ходил, ночами не спал, днями не отдыхал. А всё потому...

— Что он больной на голову, — продолжил я. — Это кто ж зимой ходит по лесам, да ещё и ночью? Да этот царевич должен был вздохнуть и стать юнцом синим.

— А всё потому, — повысил тон Баюн, не обратив внимание на моё замечание, когда я снова театрально потёр глаза и потянулся, — что искал он...

— Верную смерть, раз в лес зашёл.

— Нет! Заткнись и слушай, как было! Сказку я р-рассказываю, моя она! — истерично завопил Баюн, оскалившись, а его уши прижались к голове и повернулись назад.

— Сказку? А я думал, это руководство, как не надо себя вести зимой.

Больше Баюн не слушал и не терпел, а набросился на меня, зашипев и сверкнув в воздухе железными когтями. Я же отскочил в сторону, когда лапы духа чуть не вонзились мне в глотку, намереваясь раскромсать на куски, которыми кот бы с удовольствием перекусил. И как бы меня не привлекала идея смерти, быть съеденным жирным котярой мне не хотелось. Поэтому, когда на меня в очередной раз накинута огромная туша, я, кувыркнувшись вперёд, оказался позади Баюна и запрыгнул на его пушистую спину.

— А ну слезь с меня, пар-разит!

Кот упал на спину, прижав меня к земле и выбив весь воздух из лёгких. По телу — в зоне ребер — прошёлся звучный хруст, и я охнул, ничего не видя перед собой, кроме чёрной шерсти. Баюн придавил меня своим весом, и под ним я даже шевельнуться толком не мог. Я сжал шерсть кота так сильно, что тот яростно и протяжно заорал, чуть не оглушив меня. Дух встал на четвереньки, пытаясь стряхнуть меня, пока я повис на его шее, крепко обхватив ту руками.

Пусть кот и выглядит неповоротливым из-за внушительных размеров, бегают он быстро. И в этом я убедился в ту самую секунду, когда Баюн сорвался с места. Ветер хлестал в лицо, колючие ветви больно ударяли по щекам, не причиняя коту никакого вреда. Держаться становилось всё трудней, пальцы соскальзывали, пока Баюн нёсся по лесу, ловко прыгая из

стороны в сторону. Лес мелькал перед глазами вспышками, желудок сжался от скорости, а в рёбрах защипало. Пальцы одной руки разжались, и я, точно кукла, бился телом об спину Баюна на каждом повороте или прыжке.

— Сам напросился, — сквозь зубы процедил я, хватаясь за клочок шерсти второй рукой и подбираясь ближе к его морде. Кое-как мне удалось оседлать огромного кота, что совершенно не понравилось духу. Но завопил он отборным матом лишь тогда, когда я нащупал его длинные усы, резко дёрнув на себя.

Его лапы заскрежетали по земле, оставляя рваные борозды, и наконец, бранясь самыми витиеватыми выражениями, некоторые из которых я отложил у себя в голове, чтобы в дальнейшем использовать, Баюн остановился посреди лесной опушки. Я же скатился вниз, упав на землю и звонко смеясь.

— Р-ржёшь, стр-раж?! — грозно спросил Баюн, выдвинув когти. — В последнюю минуту жизни р-радуешься!

Удар его когтей я отбил мечом, что тотчас обнажил. Лезвия лязгнули и зазвенели в неравной схватке. Когтей у кота хоть отбавляй, а меч у меня всего один. Баюн размахивал передними лапами, целясь мне и в лицо, и грудь, и в глотку одновременно, мечтая задеть всё сразу. Суженные жёлтые глаза полыхали ненавистью и яростью, острые когти свистели в воздухе, пока я, орудуя клинком, отбивал их в последний момент. Сердце у меня не билось, усталость не захлёстывала волной, дыхание было стабильным, и моё бодрое состояние крайне удивило кота, который даже высунул розовый язык от усердия, с которым он пытался убить меня. И спустя некоторое время Баюн не выдержал. Отвлёкся, взял секундную передышку, замедлил атаки, не так активно орудовал лапами. И ответ не заставил себя ждать: наточенное остриё коснулось чёрной шубы кота, чьи глаза округлились от испуга и поражения.

Он мог вонзить в меня когти, но Баюн — умный дух, поэтому знал, чем это обернётся. Я мог лишь надавить сильнее и глубже, и сказочник отправился бы в Навь на долгое перерождение.

— Не убивай меня, стр-раж, — заскулил дух, приняв то самое выражение морды, из-за которого люди считают котов очаровательными, а не искусными манипуляторами. — Службу окажу. Буду вер-рен тебе и пр-редан. Лечить буду, исполнять всё, что только твоя душенька пожелает. Да хоть здесь клятву и пр-ринесу.

Я отодвинул клинок на дюйм.

— Клятву?

— Вер-рности и службы. Что моим хозяином ты, обалдуй, становишься, — я молча кивнул, а кот сжал клыки от злобы, но всё же произнёс: — Я Баюн, дух тр-рёх мир-ров, клянусь вер-рно служить ср-раному стр-ражу, что мне все нер-рвы измотал!

— Разве это клятва? — недоверчиво поинтересовался я.

— Ну, ты же не назвал своего имени, дубина ты этакая.

— Александр Демидов.

Кот что-то пробубнил про моё отвратное имя, после чего с недовольством произнёс:

— Я кот Баюн, дух тр-рёх мир-ров, клянусь вер-рно служить Александр-ру Демидову, что храбр-ро ср-ражался пр-ротив меня и одер-ржал честную победу.

Рискнув, я опустил меч и вовсе убрал его в ножны, ожидая, что Баюн меня обманул и больше церемониться не будет. Кот и впрямь замахнулся толстой лапой, но когти остановились в нескольких дюймах от меня, замерев в воздухе. Чертыхнувшись, Баюн убрал

лапу и плюхнулся на зад, обмотав лапы распушившимся хвостом, чей кончик бился об землю, выражая недовольство и злобу духа.

— Ненавижу тебя, — протянул он.

— Буду иметь в виду, — ответил я. — Вот моё первое поручение, котяра. Перестань жрать людей.

После моего приказа по лесу пронёсся такой крик, от которого вся нечисть превратилась в пепел или как минимум сбежала в более тихие края. Баюн возмутился, обещал разорвать меня в клочья, несмотря на свою клятву. Когда же он закончил жаловаться и говорить о том, что такими темпами он сдохнет от голода и будет похож на тощего оборванца, я вновь забрался на его спину, так как задание со злыднями никто не отменял.

Баюн по сей день проклиняет меня за тот приказ, жалуясь и умоляя хотя бы на миг его отменить, чтобы отведать людское мясо после долгих лет разлуки с ним. На все вопли я реагирую одинаково: игнорирую.

— У нас к тебе дело, усаый, — перехожу я к сути, когда Баюн обиженно отворачивает от меня косматую морду. — Помоги по старой дружбе.

— Стар-рой др-ружбе, говор-ришь?! Какая др-ружба, мавка тебя утопи, если ты лишил меня всех р-радостей жизни!

— Я просто попросил тебя не есть людей. Неужели радость твоей жизни в том, чтобы набить живот?

— Конечно, это р-радость моей жизни! Я кот, я нуждаюсь во вкусной пище! А из-за тебя я тепер-рь обречён на несчастье!

— Какая жалость, — протягиваю я, тяжело вздохнув. — А теперь после этого кошачьего лирического отступления перейдём к делу.

— Я не буду тебе помогать на пустой желудок!

— Захотел в Навь на перерождение?

— Мяу-у-у, ты невыносим!

Баюн скрещивает мощные лапы на груди и что-то недовольно бормочет про надоедливых костлявых мальчишек, которые на вкус как сухие листья. Кот машет пушистым хвостом, всем своим возмущённым видом выражая отношение ко мне. Аня смотрит на меня с недоумением, не зная, что и сказать на капризы духа. Я же, убедившись, что жалобы Баюна закончились, перехожу к делу:

— Здесь неподалёку стояла мелкая деревня — Лачуга. И пять лет назад она сгорела. Вот только огонь был не обычным, явно принадлежал духу. Ты что-то знаешь об этом?

— А ещё что-то более др-ревнее не мог спр-росить? — язвительно мяукает Баюн. — Откуда мне знать, что пр-роизошло с какой-то глухоманью? В те вр-ремена я был занят поеданием людишек и был самым счастливым духом, пока тебя на свою голову не встретил!

Капризы котяры меня не интересуют, как и его нелюбовь ко мне. У нас с ним вечные разногласия, но тем не менее Баюн крайне полезен. И сейчас я понимаю, что кот попросту выпендривается, не желая говорить то, что ему известно.

— Не шути со мной, котяра. Ты в мире духов всё знаешь и всё слышишь. А раз столько сказок знаешь, то и бед с памятью у тебя нет.

— Мяу-у-у-у, да без понятия я, что с этой глушью пр-роизошло! Сгор-рела и сгор-рела, хвост и усы с ней!

— Что насчёт духов, которым подвластен огонь? — уточняю я, решив, что хотя бы это

кот точно знает. — Они в Яви?

Баюн театрально задумывается, нахмурившись.

— Александр, — вмешивается Аня, пока кот всё ещё напрягает мозг, силясь вспомнить то, что он и не забывал. — В ту ночь, когда моя деревня сгорела... — она запинаясь, но быстро берёт себя в руки. — Я слышала рёв. Он доносился с неба.

— Думаешь, дух мог быть с крыльями?

В таком случае Вий⁴⁰ отпадает. Взглядом он способен сжигать целые поселения, поэтому я первую очередь я рассматривал именно его.

— А! — восклицает Баюн, будто что-то пришло ему в голову. — Помню-помню! Спал я тогда после сытного ужина, попались мне на моё счастье упитанные...

— Ближе к делу, — пресекаю я долгий рассказ кота.

— Пр-роснулся я от такого крика, что аж шёр-рстка встала! — округляет Баюн глаза, точно пытается произвести на нас впечатление. — Ну, понял я ср-разу, что твор-рится неладное, а сон ушёл, потом неделю точно бессонницей стр-радал. Пер-реместился куда подальше, есть захотелось от шока...

— Ты знаешь, кто это или нет?

— Догадываюсь. Так ор-рать только Чудо-Юдо⁴¹ может. Голов тьма тьмушая, тр-рендят все без умолку. Такой р-рёв может поднять, что тут хочешь не хочешь, а услышишь. И огнём дышит, зар-раза этакая, — бубнит Баюн и встаёт на четвереньки, поднимая хвост трубой. — Если это всё...

— Ещё нет. Скажи, Баюн, есть ли дух, выглядящий как молодая женщина?

— Женщина? — переспрашивает кот, словно он ожидал любой вопрос, кроме этого. — Молодой нет, есть стар-рая, и женщиной её не назовёшь, скор-рей вонючая кар-рга она.

— Абсолютно чёрные глаза, такие же волосы и белая кожа, — даю я более подробное описание. — Есть или нет?

При упоминании внешности незнакомки, что ускорила заживление моих ран, Баюн округляет и без того огромные, как два блюдца, глаза.

— Когда это ты, Александр-р-р, с богиней смер-рти встр-ретился?

Глава восемнадцатая. Страх, следующий за пламенным танцем

Аня

— Бред, — говорю я и забираюсь на кобылу. — У тебя из-за многочисленных смертей видения начались.

— По-твоему, я недостаточно хорош, чтобы встретиться с богиней?

— С Мораной⁴², Александр! — его самоуверенность вгоняет меня в раздражение. — С богиней смерти! Какого хрена ты мне не рассказал?

— Ты и не спрашивала, — справедливо ворчит он, несильно ударяя жеребца по бокам, и тот пускается в путь. Я же закатываю глаза, бормочу себе под нос, какой же капитан идиот, и скачу за ним следом.

От Баюна мы выяснили не много. Александр убеждён, что в гибели моей деревни замешан дух, связанный с огнём. В первую очередь в голову пришёл Вий, но голод этой твари не утолим, вряд ли этот дух ограничился бы одной деревней, да ещё и такой мелкой. К тому же Вий не ушёл бы бесследно. Он зависим от слуг, а скопление бесов или других тварей, что привыкли иметь покровителя, точно было бы замечено.

В тот день на улице властвовала метель, что стихла, когда я очнулась. Огонь растопил снег, а небо затянуло дымом. Да таким плотным, что дух мог скрыться в нём и темноте ночи.

И распространить огонь по всей территории деревни гораздо проще с воздуха.

Неужели это и впрямь было Чудо-Юдо? Голов двенадцать, пламени от них хватит, чтобы сжечь Воиносвет дотла. А догадки капитана, касаемые того, что дух действовал не один и руководил им кто-то более сильный и нам неизвестный, не покидают меня.

Целых пять лет я старалась не думать о том злосчастном дне, когда мой дом разваливался у меня на глазах, потому как не хотела ковырять рану, что покрылась тонкой коркой, которой хватило бы лишь одной слезы, чтобы лопнуть. Мне не хотелось разбираться с этим, я сознательно не делала этого.

Не хотела вспоминать ничего, что связывало меня с домом. Не хотела прокручивать это в голове, не хотела вспоминать ни мать, что никогда не любила меня, ни ветхую избу, в которой постоянно было холодно, ни Люборада Заможного, чьи губы противно прищмокивали, когда боярин впивал в меня взгляд.

Не хотела ворошить то, что когда-то ранило.

Я убегала от этого. Убегала от прошлого, а когда то стучалось в крепко запертые двери, я только ускоряла шаг и пряталась. Иногда прошлое пробивалось, мелькало в голове на долю секунды, но я реагировала быстро и, дрожа от страха и сжавшись внутри, прогоняла всякие воспоминания.

Может, поэтому я и не помнила, что умерла в тринадцать? Поэтому и не помню до сих пор, кто повинен в гибели моей деревне и кто так жестоко растерзал кадетов?

Не помню, потому что бегу...

— Мы не оставим это дело, — говорит Александр, заметив мой тоскливый вид. — Баюн обещал, что навестит известных ему духов.

— Разве ему можно верить?

Губы Александра дёргаются в слабой, но искренней улыбке.

— Я никогда не признаюсь в этом самому Баюну, но я ему доверяю.

— Всё дело в клятве?

— Не совсем, — мотает головой капитан. — Когда я познакомился с Баюном, я был уже мёртв. Поэтому он и не смог меня усыпить или вымотать. Когда я стал его хозяином, я продолжал убивать себя несколько раз за день.

— Разве клятва не должна была оборваться с твоей смертью? — спрашиваю я, понимая, что что-то здесь не сходится.

— Она и обрывалась, — подтверждает Александр. — Множество раз. А затем снова вступала в силу, так как я возвращался к жизни. Видишь ли, между смертью и воскрешением проходит кое-какое время. Оно всегда разное, зависит от способа самоубийства. Но Баюну хватило бы его, чтобы поохотиться за людьми, поймать кого-либо и съесть. Тем не менее он никогда этого не делал.

Похоже, Баюн оказался совсем не таким, каким предстал на первый взгляд. Я многое слышала о беспощадном огромном коте, что заманивает путников сладкими сказками, а после набрасывается и с хищным удовольствием раздирает внутренности жертвы, съедая их. Что же так изменило Баюна, раз он упускает возможности осуществить свою мечту — вновь вкусить человеческое мясо?

***

Лето заканчивается чередой проливных дождей, которые значительно осложняют работу стража. Земля становится скользкой, и любые резкие движения заканчиваются падением в склизкую грязь и злорадством нечисти. Дождевые капли мешают разжечь огонь,

что наиболее полезен против тварей всех видов. Да и лошади, вспомнив о том, какие гордые они животные, не всегда соглашаются выйти в путь в холодный ливень.

Первый день осени приходит в Великомир с грозой, которая гремит за окном с самого утра. Молния вновь рассекает небо, грохоча. Подперев голову ладонью, уныло смотрю, как Луиза уже в пятнадцатый раз выигрывает у Ру в борьбе на руках. Его локоть вновь сокрушительно падает на стол.

— Я поддался, — оправдывается Ру, потирая правую руку и шипя от боли.

— Пятнадцать раз? — выгибает бровь Луиза.

— Да. И вообще, у меня левая рука сильнее, — с этими словами он ставит локоть названной руки на стол, бросая Луизе очередной вызов. Та отвечает смешком и с удовольствием принимает его.

Вздыхаю и поворачиваю взгляд к Данияру:

— Он ведь проиграет? — лениво протягиваю я.

— Однозначно.

Пока Ру пыхтит, пытаюсь опустить локоть Луизы хотя бы на дюйм, а та не испытывает какого-либо неудобства и даже с театральным интересом рассматривает ногти второй руки. Ру стискивает зубы, глубоко и тяжело дышит, а его вытянутое лицо становится красным, как спелое яблоко, от усердия. Луиза зевает и резко припечатывает руку противника к столу.

— Опять поддался? — интересуется она, глядя как Ру поджимает губы, сдерживая невольный вскрик.

— Да с тобой играть невозможно! — заявляет он. — Вечно поддаюсь, чтобы тебя не обидеть.

— А может, чтобы не ранить свою гордость? — подсказываю я, хихикнув.

— Ты не помогаешь.

— Зато говорит правду, — подмигивает мне Луиза.

Единственный, кто стоит в стороне, пока мы всем отрядом ждём капитана, это Есений. На его лице, к моему удивлению, витает лёгкая улыбка, точно вот-вот она погаснет, а слёзы вновь подберутся к его глазам. Есений сжимает засохший цветок, отрывая от него сухие лепестки, и превращает их в пыль.

— Можно я попробую? — с распахнутыми и восторженными глазами спрашивает Милен, поднимаясь с лавки.

— А вот это уже интересно! — протягивает Луиза, со стуком ставя локоть на стол.

— Капитан же велел тебе не участвовать в подобном, — Данияр пытается остудить пыл самоуверенного кадета, но безуспешно.

— Ха! — отвечает Милен, садясь на место Ру. — Делать мне нечего, как слушать надменного индюка, именуемого себя капитаном!

Кулаки Милена и Луизы сцепляются лишь на долю секунды: в следующий миг Луиза одерживает верх над изумившимся Миленом, который только удивлённо хлопает глазами, не в силах смириться с тем, что его поражение наступило так быстро. Луиза же расслабленно потягивается, довольная победой.

— Я... Я был не готов!

— Безусловно, — ухмыляется Луиза, подобно хитрой лисе. — Все мужчины так говорят, когда не знают, как оправдать свой проигрыш.

— Давай по-новому!

— И это они тоже говорят, — Луиза согласно ставит локоть на стол, хрустнув

пальцами. — Можешь даже двумя руками, малыш.

Милен крепко хватается за её кулак, от натуги сжимает зубы и выпучивает глаза. Стражница же демонстративно зеваает, даже отводит взгляд к окну, точно говоря, что ей это неинтересно. Милен даже пользуется её советом и обхватывает руку Луизы обеими ладонями, приподнимаясь со стула, точно так он приложит больше силы. Но локоть Луизы не шевелится.

— Я... точно... смогу... — цедит Милен, пыхтя изо всех сил, но тщетно: обе его ладони с грохотом опускаются на стол, обозначая поражение кадета.

Луиза, мило улыбаясь, накручивает прядь волос на палец.

— Учитывая все твои проигрыши, малыш, ты мне должен двадцать тroyков, — говорит она, а после поворачивается к Ру: — А ты — сорок три фи́ги.

— Да это грабёж! — восклицает Ру, замахав руками. — Может, я тебе выпить куплю, когда на задание поедем?

— Ты и так мне должен покупать выпивку до конца жизни, — напоминает та, склонив голову. — Или ты забыл, как проиграл мне в ножички?

— А я вообще на мели! — подключается Милен к возмущениям Ру, опасливо отходя от Луизы подальше, точно только и ждёт, что она его в клочья порвёт за неуплаченный долг.

— Тогда я покрою все другие расходы! И ночлег, и припасы, и кузнеца... — перечисляет Ру.

— Это ты обещал, когда проиграл мне в горшочки⁴³.

— Почему я этого не помню?

— Потому что пить надо меньше и не играть с Луизой в подобное, — отвечает капитан, входя в кабинет и со скрипом закрывая за собой дверь. — Брысь отсюда, — вкрадчиво велит он Милену.

— Но Александр! — возмущается тот. — Я не буду мешать, честное слово! Можно я останусь?

— Нет.

— Но...

— Возражения не принимаются, — Александр встаёт за свой стол, кидая на него стопку писем. — Если у тебя закончились занятия, это не повод слоняться без дела и играть с Луизой на деньги, — он кидает хмурый взгляд на равнодушную стражницу, которая лишь усмехается. Капитан бесцветным тоном кидает ей: — Запиши мне его долг, я всё оплачу. А теперь вон с моих глаз, пока я не передумал.

— Я хотел поговорить... — осторожно начинает Милен, но Александр прерывает его быстрой тирадой:

— В крепости полно стражей, болтающихся просто так, можешь с ними поговорить.

Ничего больше не говоря, Милен сжимает кулаки от обиды и злости и разворачивается к выходу. У двери он задерживается на лишние секунды, явно надеясь, что капитан всё-таки окликнет его. Но тот даже не смотрит в сторону кадета, а только вчитывается в письма, что ранее бросил на стол. Милен уходит, громко хлопнув дверью.

— Ох уж эти дети, — цокает языком Луиза.

— У нас проблемы посерьёзнее, — объявляет Александр.

Мы оборачиваемся к капитану, готовясь внимательно слушать. Александр так и не просит Есения подойти ближе, да и вообще он никак не тревожит стража с причудами. Есений остаётся стоять в стороне, превратив весь свой засохший цветок в мелкую пыль.

Сейчас он обеспокоенно теревит шнурки мятой рубахи.

— Зыбин в Ордене? — первым предполагает Ру. — Если так, то меня отправь куда подальше и до тех пор, пока он не уедет! Я на всё согласен!

— Почему ты его так боишься? — удивляюсь я.

— А ты думала, он стал лысым по своей воле? — хмыкает Александр, перебирая письма и вчитываясь в отправителей.

Когда я поступала в училище, главнокомандующий действительно был с редкими седыми волосами на макушке. Они исчезли примерно к концу моего первого года обучения, и я думала, что старость сыграла с Зыбином злую шутку.

— Это вышло случайно, — шепеляво заверяет Ру. — Кто же знал, что волосы хорошо горят?

— Все это знают, Ру, — отзывается Луиза, подперев голову двумя ладонями.

— Я просто не рассчитал размах, — пожимает он плечами. — И с тех пор Зыбин клянётся сожрать меня заживо при следующей нашей встрече.

Теперь понятно, почему Ру стремился поскорее покинуть западный кадетский корпус. Прикрываю рот, сдерживая смех, а Данияр тем временем напоминает всем, зачем мы собрались:

— Так что за проблемы?

— На самом деле только проблемы в Ордене и бывают, — признаётся Александр. — На севере бешеные лешие, в Денницкой бук полно, — бормочет он, пробегаясь глазами по каждому письму и бросая бумаги на стол. — В полях полно ырок. Как можете заметить, нечисти всё больше и больше. И прежде чем я раздам вам указания, куда ехать, предлагаю вскрыть это, — из кармана кафтана он достаёт ещё одно письмо, небольшое, подвязанное серебряной лентой, что закреплена синей печатью.

Письмо от вышестоящего в Ордене. Довольно-таки странно, учитывая, что находимся мы в главной крепости.

— Нам точно достались патрули, — решительно заключает Луиза, со скрипом отодвинув стул. — Поставь меня на этот раз с Данияром или Аней. Рыжего я уже терпеть не могу, он даже выпивки мне не купит.

— Эй! — Ру обиженно скрещивает руки на груди. — Тогда я поеду с Есением! Обожаю его мудрые изречения!

— Грядёт то, что перед глазами, — неожиданно отзывается Есений, даже не смотря на нас.

— Вот! — Ру указывает на причудливого стража махом руки. — Кладезь знаний!

— Что это? — не понимаю я, когда у остальных членов отряда письмо не вызывает вопросов.

— Приглашение, — поясняет Александр. — Ну, или приказ о заданиях. Близится главный праздник Ордена — день святых. Каждый год устраивают пир в крепости.

— Вот только попадают на него не все, — перехватывает слово Данияр. — Заданий в этот день не убавляется, поэтому большинство стражей работают как обычно.

— И отряд нашего славного Александра вечно ставили в патрули, — завершает Луиза. — Даже капитана отправляли подальше из крепости в праздник. Поэтому под этой глупой лентой написано то, что вся пьянка с плясками пройдёт без нас, пока мы будем возиться с тварями в такую хреновую погоду.

— А может, нас пригласили? — предполагаю я, за что получаю смех всего отряда. Даже

суровый Данияр хохочет вместе с остальными стражами.

— Такого ещё никогда не было, — качает головой Ру и неожиданно произносит, подняв указательный палец вверх: — Ставлю трояк, что мы в патрулях!

Луиза мгновенно подключается:

— Ставлю шестнадцать трояков на то же самое! Данияр?

— Это без меня, — отказывается тот. — Ты же знаешь, я такое не люблю.

— Три трояка, что нас пригласили! — внезапно для всех выдвигаю я свою ставку.

Губы капитана изгибаются в азартной улыбке, когда он, сверкая синими глазами, произносит:

— Пятьдесят фигов, что мы все дружно уедем из крепости во время грёбаного праздника.

— Но это твоё жалованье! — напоминает Данияр, пытаясь дозваться до разума капитана, что проникся азартом.

Александр лишь отмахивается и вскрывает письмо, разворачивая его. Луиза расслаблено кладёт ноги на стол, подложив ладони под голову, спокойно ожидая. Ру тоже не волнуется, уж в этом выигрыше он уверен. Александр молчит слишком долго и, кажется, перечитывает письмо несколько раз, точно не может разобрать написанное.

— Кажется, Аня только что заработала целое состояние, — наконец произносит он, не отрывая расширенных глаз от письма.

— Чего?! — одновременно вскакивают Луиза и Ру, подходя к капитану. Луиза выхватывает приглашение, вытянув руки перед собой, и внимательно вглядывается в бумагу, ища подтверждения тому, что она поддельна.

Глядя на мою самодовольную улыбку, Луиза только пожимает плечами, словно один проигрыш после сотни побед для неё ничего не значит.

— Мой долг отдаст Ру, — невозмутимо говорит она, возвращая письмо Александру. — Всё равно он мне задолжал, так что часть перейдёт тебе.

— Эй! — восклицает Ру, возмущаясь о том, что его даже не спросили.

— В чём проблема? Просто отдашь меньше мне.

Слушать их разборки Александр не собирается, поэтому велит замолчать обоим велемием руки. Стражи затыкаются, но так и видно, как Луиза метает молнии взглядом в Ру, а тот в ответ еле сдерживается, чтобы не высказать едкую фразу, которая наверняка уже припасена у него в голове.

— Мы приглашены, — медленно и вполголоса, растягивая гласные, точно не в силах смириться с правдивостью этого утверждения, произносит Александр. — Все.

— Но целый отряд никогда не приглашали, — возражает Данияр. — Обычно приглашали капитанов, а уже тому разрешалось привести одного-двух стражей, но не всех.

— А отказаться никак нельзя? — интересуется Луиза, сморщив лицо.

— Как только выяснишь возможность этого, сразу сообщи мне. — Капитан бросает письмо на стол и раздражённо трёт переносицу, что-то приговаривая себе под нос. Его потемневший взгляд задерживается на шкафу с коллекцией выпивки.

И это движение глаз в миг раскрывает его: он волнуется. Александру страшно, так как всё произошло не так, как он предполагал, а значит, ситуацию под контролем он не держит. Мне не понятно, почему такое волнение и желание забыться в алкоголе, от которого, как оказалось, он даже не пьянеет, возникло из-за обычного приглашения на праздник. Капитан чешет подбородок, после чего берёт письмо одной рукой и сминает.

— Я разберусь с этим, — уклончиво говорит он и идёт к выходу.

— А что такого в этом приглашении? — вопрос, волнующий меня долгие минуты, сам вылетает из моего рта. — Это просто праздник.

— Это не просто праздник, — мотает головой Данияр. — Это день всех святых, день самого Ордена.

— Тогда тем более стоит порадоваться, что нас позвали! — разгорячённо убеждаю я, но лица всех мрачные и угрюмые. Особенно у капитана, чьи губы неприятно дёргаются, словно разговор касается не пышного празднества, а потрохов ырки.

— Радости здесь мало, — отрезает он и выходит из кабинета, так ничего толком и не объяснив.

Я с надеждой смотрю на товарищей по отряду, которые служат в Ордене гораздо дольше, чем я, и могут сказать, что же не так с главным праздником.

В кадетском училище день святых тоже отмечали. Правда, я никогда не принимала участие в подобных развлечениях. Кадеты то устраивали охоту на дичь, гоняясь за зверями лишь при свете дня, то откуда-то притаскивали несколько бочек с дешёвым мёдом и вытворяли то, о чём на утро не помнили из-за неистовой головной боли. Зыбин ободрял такое веселье, с усмешкой говоря, что другого он и не ожидал, а стражам — главным защитникам людей — необходим отдых больше, чем кому-либо ещё. Мне же в такие дни главнокомандующий велел вести себя тихо и покладисто и не отказывать, если кто-то из воспитанников попросит об одной услуге. Но когда один из моих однокашников решился на подобное в праздник, я сломала тому нос. Больше ко мне никто не лез, даже будучи пьяным.

— Саша не любит праздники, — вздыхает Ру. — Он считает их бесполезной тратой времени и сборищем лиц... леси... — запинается он, пытаюсь произнести нужное слово, что соскакивает у него с языка.

— Лицемеров, — подсказывает Луиза, подключаясь к разговору. — Он не переносит стражей, что бездельничают и всячески уходят от своего дела. А таких на праздники только и приглашают из-за их звания.

— Да он всех стражей терпеть не может, — чуть тише добавляет Данияр, словно говорит сам с собой, но всё же тихое бормотание долетает и до меня.

Уже хочу спросить, почему так, но вспоминаю, что причина мне и без того уже известна. Александр не хотел вступать в Орден. Его воли здесь не было, в отличие от желания его деспотичного отца, отправившего сына в первую очередь на смерть, а не на службу святым. И Орден ассоциируется у капитана именно с разочарованием, обидой и ненавистью. С этими гнилыми и отвратными чувствами, которые душат невидимой петлёй, что затягивается всё туже и туже с каждым новым порывом гнева.

— Тузов тоже не любит этот праздник, — зачем-то добавляет Луиза, потупив взгляд в одну точку. — В этот день земли Баглара перестали быть таковыми.

***

На следующий день Александр тучно сообщает, что отказаться от праздника никак нельзя, ибо на приглашении стоит главная печать Ордена, поэтому быть на торжестве мы обязаны, так как это считается приказом. Говорил капитан с главнокомандующим Рыловым, который единственный находится в главной крепости. Тузов, по словам Александра, уехал и вернётся только в день праздника.

Ко дню всех святых готовится не только Орден, но и весь Великомир, украшая города и деревни. Возвращаясь с последнего задания вместе с Луизой, я замечаю яркие флажки, развешанные на улицах, синие полотна с крестом, обереги, повешенные перед дверьми.

Кругом носятся дети слентами разных цветов, воображая их нитями, и горланят песни и считалки, в чьих строках упоминаются святые или стражи. Торговцы, везущие телеги на рынок, встречают стражников с улыбками, благодарят их за всё и дарят свежие фрукты.

— Вот увидишь, завтра от их дружелюбия и след простынет, — обещает Луиза, когда я с хрустом вгрызаюсь в красное яблоко.

— Может быть, — равнодушно пожимаю я плечами и откусываю ещё один приличный кусок, слизывая яблочный сок с пальцев. — Но восторг детей уж точно не пропадёт.

— Это почему же?

— Он искренен. Всё искреннее живёт намного дольше лжи.

К крепости мы подходим утром, за несколько часов до начала торжества. Конюх Ярик берёт наших лошадей на себя, поздравив с днём Ордена и поблагодарив за то, что мы делаем. И если я с доброй улыбкой говорю, что это наша работа, и взлохмачиваю волосы мальчугану, то Луиза только фыркает и удаляется в крепость, собираясь как можно скорее принять ванну и смыть с себя всю грязь до праздника.

Встречаемся мы в моей комнате, когда стражница входит без стука уже собранная. Её пепельные короткие волосы сияют, белый кафтан с золотистыми узорами облегает стройную фигуру, а алые губы в контрасте с белоснежной одеждой выглядят ещё ярче.

— Ты ещё не готова? — спрашивает она, по привычке выгнув бровь.

— Зато ты при параде, — язвительно ворчу я, расчёсывая волосы.

Стуча каблуками, Луиза подходит ко мне со спины, вырывая гребень из рук и принимаясь самостоятельно расчёсывать мои волосы. Делает она это плавно и аккуратно, когда я чуть не вырывала целые клоки.

— Ты волколак? — решаюсь спросить я, глядя в её бирюзовые глаза, что ярким светом отражаются в зеркале.

— Если бы я была тварью, я бы прибила тебя ещё в лесу, когда ты лежала в крови среди других мертвецов, сожрала твою тощую тушку и поковырялась в зубах твоими косточками. Как видишь, я этого не сделала, — она откладывает гребень и взбивает мои причёсанные волосы руками, решив оставить их распущенными, когда я собиралась сделать косу. — Не утруждайся, — говорит Луиза, заметив, как мои пальцы тянутся к кончикам волос. — Стражницы носят свои волосы так, как хотят того они сами, а не те, у кого между ног одно неудобство болтается.

— Поэтому ты отрезала свои волосы?

— Я отрезала их потому, что они мешали. Нечисть за косу часто цеплялась, а моё терпение не вечно.

В словах я слышу не ответ на свой вопрос, а быструю ложь, о которой даже не нужно задумываться, она сама слетает с языка и выглядит правдиво и непринуждённо. Об этом я ничего не говорю Луизе, оглядывая себе в зеркале.

Тёмно-зелёные глаза достались мне от отца. У матери они были впавшие и тёмные, постоянно блестели, а под ними темнели синие круги. Волосы у неё были мышинового цвета, хотя она часто говорила, что когда-то и её пряди были каштановыми и густыми, как у меня. В детстве она временами причёсывала меня, чуть не выдирая волосы, заплетала косу настолько туго, что под конец дня макушка головы горела ноющей болью.

Белый кафтан сидит несуразно и неправильно, особенно в худых плечах. Мать изо дня в день говорила, что я слишком тощая и такое плоское бревно ни один уважающий себя мужчина не возьмёт. Я молчала, с тоской слушая её претензии ко мне.

Я так и осталась плоской. Грудь, отличительной чертой которой является лишь извилистый шрам, практически не выросла, когда у моих сверстниц она красиво выпирает. Я помню, как *он* говорил, что для него это ничего не значит. Как *он* осыпал меня комплиментами, говоря, что я красивая. А после разбил эту веру, сказав, что я должна быть благодарна за содеянное со мной. Что всё равно никто не посмотрел бы на такое бревно.

— Почему мы не можем прийти в обычных кафтанах? — спрашиваю я, чувствуя в белом себя неуютно и слишком открыто.

— Так мы не на службе, — просто отвечает Луиза. — Праздник и все дела. Тем более раньше святых называли белыми, вот стражи и носят этот цвет во время торжеств.

Мы действительно не на службе, но всё же долг стража заставляет затянуть на талии пояс, на котором висят ножны с полуторным мечом. Вряд ли во время праздника на город обрушится бедствие в виде духа или нашествия нечисти, но Орден всегда должен быть наготове, поэтому я сую в карманы кафтана два клубка чёрных нитей и крест. К тому же меч нужен для традиционного танца Ордена — бойни⁴⁴.

Стены коридоров увешаны гобеленами с разными символами Ордена: и с крестом, и с восьмиконечной звездой, и с парящим соколом. У входа в главный зал, где и проходит торжество, меня и Луизу встречают юноши.

— Этот ворот меня задушит, — жалуется Ру, постоянно поправляя воротник кафтана. — Это не мой размер!

— А надо было приходиться на снятие мерок, а не вешать всё на меня, — замечает Данияр и сам расправляет складки кафтана. Выглядит он иначе. Не сурово, не угрюмо, а... Очень даже красиво. Белый цвет подчёркивает его слегка загорелое лицо, а воротник очерчивает благородный квадратный подбородок. Тёмные волосы зачёсаны назад, открывая лоб, от левого угла которого бежит широкая полоса шрама. Но если раньше рубец придавал Данияру грозности и мрачности, то теперь с раной он выглядит более мужественным и закалённым. При виде нас — точнее, при виде Луизы — Данияр замолкает, оборачиваясь к нам со слегка приоткрытым ртом, а взгляд серых глаз мечется из стороны в сторону, ища, за что можно зацепиться, кроме стражницы, которая действительно выглядит прекрасно.

Никогда не видела Данияра таким рассеянным. Обычно он собранный и серьёзный.

Волосы Ру теперь кажутся ещё более яркими и рыжими. Он даже не подумал их причесать или уложить: они всё так же включены и подняты вверх. Россыпь веснушек на носу стала ещё более заметнее, а золотая серьга блестит вместе с белоснежной улыбкой.

Есения нигде не видно. Как и капитана.

— А где Александр? — спрашиваю я, вертя головой.

— Не можешь меня дождаться? — шелестит над ухом мягкий шёпот, заставив меня вздрогнуть и чуть не вlepить говорящему хлёткую оплеуху. Но капитана я узнаю быстро и оборачиваюсь, застывая.

Вот кому белый цвет точно к лицу. Он подчёркивает и бледность Александра, и его чёрные, немного вьющиеся волосы, и цепкий взгляд синих глаз. Уголки его губ приподняты в такой улыбке, которую я ещё не видела на его очерченном лице. В поистине настоящей. От этой улыбки моё сердце подскакивает, во рту пересыхает, а кончики пальцев леденеют.

— У тебя... — пылко говорит Александр и неожиданно запинается, словно его мысль обрывается так же скоро, как и появляется. — У тебя красивые волосы.

— С-спасибо.

То ли кто-то хлопает в ладоши, то ли Луиза ударяет себя по лбу.

Капитан протягивает мне руку.

— Пойдём?

Робко киваю, принимая приглашение, и он берёт меня под руку. Двери распахиваются, открывая роскошный зал, который — если я бы не знала — я ни за что бы не приняла за зал крепости Ордена.

Кругом сияют золото и серебро. Полы начищены до блеска, я и не думала, что они могут быть такими чистыми! У стен стоят длинные столы, что ломаются от угощений. По залу быстрыми шагами ходят слуги, разнося вкусности и напитки стражам. Музыка, доносящаяся тихой мелодией, практически не слышно из-за смеха и шумных разговоров членов Ордена, каждый из которых среди этого богатства и роскоши выглядит белым пятном с кубком в руках. Один из слуг подбегает к нам, предлагая выпивку. Александр с благодарностью берёт кубок с квасом, делая небольшой глоток.

— На выпивку, как всегда, решили не тратить, — с вежливой улыбкой произносит он. — Всё равно результат один и тот же.

— Почему ты пьёшь, если не пьянеешь? — интересуюсь я. Луиза тем временем тащит Данияра к столам с угощениями, а Ру забалтывает слуг, жуя пастилу.

— Я пью ради вкуса. Он помогает... отвлечься. — Александр ставит недопитый квас на поднос мимо проходящего слуги, который ничего не замечает и предлагает выпивку другим стражам.

Александра останавливают стражники, на груди которых переливается серебряный дуб — генеральский символ. Капитан с вежливой улыбкой приветствует каждого так, точно знаком с тем или иным генералом всю жизнь, да и вообще они считают друг друга братьями. Александр также представляет и меня.

— А, это ты та самая девка, что выжила, когда дюжина кадетов полегла? — спрашивает генерал Кабанов, поглаживая светлую бороду.

Уже хочу ответить, как слово берёт Александр, чей тон спокоен и крайне деликатен:

— Не думаю, что в такой великий праздник стоит говорить о погибших. Они бы того не хотели, — добавляет он, вновь улыбнувшись. — Поэтому давайте просто насладимся этим дивным днём, а другие разговоры отложим на какое-то время.

— Эх, Демидов, за это ты мне и нравишься! — раскатисто произносит другой генерал, чьё имя я так и не узнала. Когда я шёпотом спросила Александра, кто этот страж с рыжим ёжиком волос и квадратной челюстью, капитан только пожал плечами, сославшись на то, что их много, а память у него одна — на всех не хватит. — Всегда найдёт нужные слова! Дружинником бы тебе быть, Саня, те языком только и чешут!

— Я Александр, — холодно поправляет тот, после чего учтиво кивает обоим стражам. — Прошу нас извинить.

Он оставляет генералов наедине, уводя меня с собой. К стражам присоединяются и другие, и вскоре те даже не вспоминают об уходе капитана. Александр же отхлёбывает из очередного кубка, морщась от вкуса.

— Они собрали самые отвратительные сорта? — жалуется он, внимательно оглядывая тёмную жидкость в кубке. — Могли бы посоветоваться с тем, кто хоть что-то смыслит в квасе.

— Например, с тобой?

— Именно!

Главная часть праздника должна начаться ближе к вечеру, когда стемнеет. Тогда

стражи собираются у главного алтаря — священного круга, символы которого мерцают золотом в конце зала, — зажигают кончики своих крестов, вставая на колени, и молятся святым, благодаря их за силы, что выручают Орден в трудное время. Когда встать и закончить свою молитву, каждый страж решает сам, но, когда тот встаёт, он должен опустить горящий крест на алтарь. Если пламя не тронет круг, то стража ждёт хороший год службы, а святые будут благосклонны к нему. Но если огонь коснётся алтаря, то впереди страж встретит непосильные трудности, и сил святых будет недостаточно. Крест нужно опустить в центр круга и продержат не меньше минуты, ещё раз помолившись святым и сознавшись им в своих деяниях, что тревожат душу.

В училище такого кадеты никогда не делали. Зыбин отказывался ставить алтарь, а уж тем более проводить церемонию.

— Скучно, — говорит Александр, пробуя ещё один сорт кваса и снова кривясь. — А ещё невкусно и тухло. Потанцуем? — он поворачивается ко мне.

— Всё-таки квас на тебя действует.

— Я серьёзно.

Он протягивает руку, и, точно по его желанию, музыка играет громче, словно возмущившись, что её перекрывают многочисленные разговоры. Александр терпеливо ждёт ответа.

— Я не умею танцевать.

— А я перенял твой дар распознавать ложь, — он игриво наклоняет голову.

— Я плохо танцую, — тут же исправляюсь я. — Мы опозоримся.

— Со мной невозможно опозориться.

Его настойчивость и раздражает, и привлекает одновременно. Музыка усиливается, некоторые стражи приглашают подруг по службе, выходя с ними вперёд и отплясывая. Рука Александра всё ещё протянута, она даже не шевелится.

— Если ты так не хочешь, — он теряет своё упорство, медленно опуская руку, словно только и ждёт, что я соглашусь, — я не буду настаивать.

— И пригласишь другую?

— Например? Луизу?

— Ну почему же, ты и с Тузовым неплохо смотришься, — язвлю я, мельком глядя на главнокомандующего, что сидит на лавке, притоптывая ногой в такт музыки. Александр глядит на него вместе со мной, и, заметив наши взгляды, Тузов расплывается в улыбке, подмигивает обоим и головой указывает на центр зала, посылая нас туда различными жестами.

— Знаешь, я-то не буду настаивать, но за Тузова не ручаюсь.

— Только из уважения к главнокомандующему, — сдаюсь я.

Пока я всячески уходила от приглашения, первый танец закончился, но музыканты снова берутся за инструменты, увидев новую пару — меня и Александра. Стражи, что уже станцевали, тоже присоединяются, несмотря на сбитое дыхание и потные лица.

Александр встаёт позади меня, положив левую руку на талию, а правой взяв мою и вытянув ту в сторону. Его бархатный голос касается моего уха:

— Расслабься.

Музыка начинается с тихого воя гуслей и слабых стуков. Всё это время позади себя я слышу не только мерное дыхание Александра, но и биение его сердца — быстрое, резкое, острое. По залу разносятся игривый звук струн, и моя правая рука летит вниз, ударившись о

бок, но ладонь тут же ложится на рукоять меча. Сзади Александр отступает на один шаг и обходит меня по кругу, немного наклонившись и держа правую ладонь у сердца, а другую — за спиной. Я же, как и другие девушки, стою на месте, гордо выпрямив спину и высоко подняв голову. Ладонь всё это время покоится на эфесе клинка. Мужчины, совершив третий круг, останавливаются за спинами девушек, которые, словно по команде, обнажают мечи, подняв лезвие на уровне лица, и разворачиваются к своим партнёрам, гордо посмотрев тем в глаза.

Если взгляд девушек горд и надменен, то глаза юношей смеются вместе с лукавой улыбкой. Но каждый смотрит именно на своего партнёра, не отводя взгляда и практически не моргая, словно танцующие пытаются добраться до сути друг друга и используют самую открытую часть человеческой души — глаза.

Музыка, звенящая жизнью и движениями, обволакивает зал. Покрутив меч, направляю остриё в пол, сжав рукоять двумя ладонями. Александр отплясывает, прыгая и стуча сапогами по полу, играет руками, звонко хлопая ими по ногам, и смотрит лишь на меня, широко улыбаясь. И если некоторые стражи уже выдыхаются, то дыхание Александра ровное, его тело двигается ловко и изящно, а чёрные волосы падают на глаза, когда он отбивает ногами ритм.

Крутанувшись вокруг себя, капитан вскидывает голову, убирая волосы со лба, и вырывает меч из ножен, повернув ребро лезвия к себе лицом. Поднимаю клинок, крутанув его в воздухе со свистом, и делаю то же самое. Мы шагаем навстречу друг к другу, всё ещё не отводя взгляда. Останавливаемся, когда наши плечи почти соприкасаются. Длинный и размашистый шаг, быстрый выпад, что пронзает лишь воздух со свистом. Музыка гремит и стучит, когда мы возвращаемся в исходное положение. Круто разворачиваемся лицом друг к другу, и я повторяю выпад, на этот раз рассекая воздух позади Александра. Он делает то же самое одновременно со мной.

Выпады повторяются, после чего концы клинков смотрят в пол, а наши ладони с Александром соприкасаются, но ненадолго: в следующий миг клинки вновь играют в воздухе, поражая невидимого врага за спиной партнёра. Снова сближение, что длится ровно секунду, и очередные выпады следуют звонким свистом, поющим вместе со звучными гусями и громкими ложками.

Шаг вперёд, стук сапог сливается с ударяющимися друг о дружку ложками, лезвия сверкают бесчисленными искрами. Мы ходим по кругу, изредка останавливаясь, чтобы совершить очередной выпад, предназначенный затаившемуся чудищу за спиной партнёра. Теперь выпады единичные, следуют в порядке очереди. Атакую я, снова идём по кругу, и уже черёд Александра отправлять лезвие вперёд, пока я неподвижно стою, направив клинок в пол.

Мелодия гуслей струится в тот самый момент, когда мы с Александром становимся слишком близко друг к другу. Моя свободная ладонь ложится ему на грудь — на то место, где стучит сердце. Меня внезапно обволакивает жаром, щёки наверняка пунцовые, и Александр точно замечает это, ибо его синие глаза направлены лишь в мои. Биение его сердца ощущается пожаром тепла и ураганом необычайной нежности. Я уже не слышу музыку, я хочу чувствовать и слышать только стук сердца Александра.

Неохотно убираю руку с груди Александра, шагая назад, а меч отвожу к полу. Я и Александр обходим друг друга, точно пара хищников, решившая вгрызться друг другу в глотки за кусок мяса. И если капитан двигается играючи, расслабленно, уверенно,

решительно и легко, то я гляжу на него рассерженно и обиженно. Губы Александра дёргаются в открытой усмешке, а глаза смеются над моим напускным гневом, не скрывая того.

Руки поднимаются в локте, а раскрытые ладони находятся в нескольких дюймах от того, что соприкоснуться и ощутить тепло друг друга. Но мы плавно обходим друг друга, совершая три круга и всё ещё не прикасаясь. Я слышу дыхание Александра, чувствую его уверенность, чьи искры неожиданно загораются и во мне.

Мы меняем направление, подняв клинки вверх. Лезвия с лязгом скрещаются, но быстро отводятся друг от друга на короткое расстояние, точно в любой миг они сойдутся вновь. Мелодия замедляется, гусли, ложки и свирель звучат тише и не так живо. Я и Александр останавливаемся в одном мелком шаге друг от друга. Одновременно убираем мечи обратно в ножны. Быстрый и резкий шаг вперёд, и наши ладони наконец сцепляются.

Александр притягивает меня в себе, кружа по залу, и я чуть не врезаюсь в его грудь. Синие глаза мерцают, губы подняты в очаровательной улыбке, чёрные волосы растрёпаны, и почему-то я ловлю себя на мысли, что мне хочется запустить руку в шевелюру капитана. Одна его ладонь опускается мне на талию. Другая же вытягивает мою руку. Мы кружимся подобно пламенному вихрю, ибо внутри меня всё сгорает. Короткая остановка, и Александр хватает меня, поднимая и кружа. Опускает на пол, и вновь берёт за руки, уверенно и решительно ведя в танце.

Музыка останавливается, когда я и Александр стоим вплотную друг к другу. Я слышу его дыхание, слышу его сердце, ощущаю его запах, чувствую его всего. И не хочу отпускать.

Александр откидывает голову назад, поправляя волосы, упавшие на лоб. Стражи, что не танцевали, а лишь наблюдали, хлопают и свистят. Громче всех улюлюкает главнокомандующий Тузов, хлопая в ладоши и требуя, чтобы мы станцевали ещё раз. Александр отвечает ему закатыванием глаз и насмешливой улыбкой.

— А говорила, что танцевать не умеешь, — по-доброму упрекает меня Александр, убирая прядь моих волос мне за спину. — Спасибо тебе, — шепчет он над моим ухом, отпуская.

Я глупо приоткрываю рот после его слов. За что он меня благодарил? За обычную бойню? За простецкий танец? Или...

За что-то большее?

И почему сердце ноет от одной лишь мысли, что наши пальцы больше не касаются друг друга?

Вместе с Александром иду к столу с угощениями, ибо мой желудок предательски урчит. Праздник же тем временем в самом разгаре. Кто-то уже клюёт носом, чуть не ложась на лавки, другие пляшут не уставая, утягивая за собой и других. К нам подходит главнокомандующий Тузов с кубком в руках.

— Ну вы, ребята, даёте, — хмыкает он и отхлёбывает глоток, тут же морщась. — Кислятина. Разве не ты отвечал за напитки? — спрашивает он, обращаясь к Александру.

— Меня никто не спрашивал, — следуя примеру главнокомандующего, капитан тоже делает глоток. — И впрямь кислятина.

— Ещё никогда не видел такой бойни, — признаётся Тузов с искренней гордостью, точно он лично обучал нас танцу. — Я уж думал, ещё чуть-чуть, и вы...

— Велимир! — осекает его Александр, вызывая и у Тузова, и у меня смех.

Главнокомандующий спрашивает, как мне живётся в Ордене и влилась ли я в отряд

Александра, а после интересуется ещё многими другими вещами, иногда вбрасывая добрые и задорные шутки. Вся беседа с Тузовым ощущается не как разговор с начальником, а как болтовня с любимым дедушкой, который видит маленьких внуков даже в тех, кто рискует жизнями, сражаясь. Он по-доброму поучает Александра, чтобы берёг меня, когда капитан закатывает глаза и бурчит, что я сама себя не берегу. Мне же Тузов рассказывает о юном Александре и его самоуверенном поведении. Александр в свою защиту пытается оправдаться, но всё же с добродушием слушает главнокомандующего.

— Таислав, а станцуешь теперь со мной? — слышу ласковый щебет позади себя.

— Разве я могу отказать?

Замираю, а моё сознание переворачивается раз десять от одного этого голоса.

Руки покрываются дрожью. В голове поднимается густой туман. По всему телу проходит морозящая волна холода. Воздух... Его не хватает, будто его насильно выбили из моих лёгких, в которые впиваются ледяные иглы. Все голоса смешиваются в один неразборчивый шум, оставляя лишь мелодичный тон, который нежно растягивает гласные и который я надеялась больше не услышать.

Смотрю себе под ноги, не смея пошевелиться, потому что знаю: одно движение — и я свалюсь замёртво. Пытаюсь схватить ртом грёбаный воздух, который, кажется, исчез для меня навеки, оставив мучительно умирать от собственного страха.

Чтобы не упасть, вцепляюсь в рукав кафтана Александра, что-то беспомощно хрипя. Не знаю, повернулся ли ко мне капитан, ибо перед глазами вспыхивают алые круги, вызывая неистовое желание закричать от всего: от боли, от страха, от ненавистного голоса. Если Александр или главнокомандующий Тузов что-то и говорят, это попросту не доходит до меня, а смешивается вместе с другими звуками в одну неразбериху, что давит на голову, вызывая очередной приступ боли и неприятный звон в ушах.

— В... В-воздух, — сдавленно хриплю я, надеясь, что слово вышло из моего рта, а не осталось сидеть в голове, тревожно звеня.

Мой локоть обхватывает чья-то сильная рука, а мои ноги, похожие на хлипкие сучья, сами идут, шатаясь. Шум то усиливается, то становится заметней тише. Сквозь него проступает чей-то успокаивающий и умиротворяющий голос:

— Ещё чуть-чуть. Скоро мы уйдём отсюда.

Несмотря на его мягкие и бережные интонации, я сжимаюсь, словно от удушья. Холод, страх, дрожь никуда не уходят, а только набухают внутри и крепнут, стоит в моей голове пронестись другому голосу. Страшному. Красивому. До боли ненавистному.

В лицо ударяет ветер, но воздуха по-прежнему нет. Кто-то держит меня за руки, повторяя моё имя как молитву и говоря что-то ещё, но оно теряется в когтистых лапах ужаса. Пытаюсь найти заветную каплю воздуха, но получается лишь хрип, обдирающий горло. Крупные капли слёз обжигают щёки, в груди так больно, что там полыхает пожар, не падающий ничего на своём пути: ни моё сердце, ни мои чувства, ни меня саму. Пламя сжигает покой, оставляя лишь горький привкус пепла и боль, от которой я сгибаюсь, чуть не припадая к земле.

— Аня! Смотри на меня, слышишь?! Смотри на меня! — кто-то, кто мне знаком, близок и дорог, но одновременно с этим далёк от меня, опускается рядом, обхватив меня за плечи и хорошенько встряхнув. — Дыши, Аня! Слышишь? Дыши, умоляю, просто дыши! Смотри только на меня!

Смотри только на меня...

— Здесь только ты и я!

Здесь только ты и я...

— Я рядом с тобой!

Я рядом с тобой...

— Тебе нечего бояться!

Тебе нечего бояться...

Это не больно...

Ты сама виновата...

Вскрикиваю, махая руками и отталкивая сильные мужские руки, сжимающие мои плечи. Нет, я не позволю этому случиться опять! Я не позволю ему, только не теперь...

— Аня!

— Не подходи! — сдавленно кричу я, не узнавая свой голос. Слезы заливают глаза, я практически ничего не вижу, но осмеливаюсь поднять взгляд на стоящего передо мной, чей взгляд выражает смятение, непонимание и...

Желание помочь.

Чёрные волосы, острые черты лица, точёные скулы. В глазах — в тёмно-серых глазах, что напоминают грозное небо — затаилась капля хитрости.

Или глаза всё-таки синие? А вместо хитрости в них застывшие боль и печаль?

— Прости, если обидел, — осторожно произносит он, вытянув руки перед собой и стоя на согнутых коленях. — Я только хочу помочь. Клянусь, я тебя не трону.

Таислав... Нет, Александр.

Александр Демидов.

Мой капитан.

Дышать становится легче, воздух поступает мелкими глотками. Горло деревянное и сухое, слова застревают в нём. Подпираю к себе колени, утыкаясь в них лицом, и безмолвно плачу.

— Аня, — холодные руки Александра неуверенно касаются кончиков моих пальцев. — Пожалуйста, посмотри на меня. Слушай мой голос и не думай больше ни о чём. Сосредоточься на моём голосе и моих словах. Смотри на меня и дыши. Давай, ты сможешь. Я верю в тебя. В конце концов, сильнее кого-то духом я попросту не встречал... Да и более упрямых тоже, — в его тоне проскальзывает улыбка.

Он отнимает мои ладони от колен, медленно массируя их. Слушаю его голос и повторяю его слова у себя в голове. Смотрю лишь на него, когда синие глаза одаривают заботой и лаской мои дрожащие руки.

Воздух возвращается. Он разжигает лёгкие и горло, а от слёз остаются лишь мокрые дорожки и режущая боль в глазах. Холод отступает, на его место приходит тепло, что нерешительно обволакивает меня. Но страх и дрожь так просто сдаваться не собираются.

— Почему ты такой? — сиплым шёпотом спрашиваю я, не до конца веря, что произнесла слова вслух, а не у себя в голове.

— Мама хорошо воспитала, — в своей привычной манере отшучивается он.

— Я серьёзно.

— Я тоже, — в синих глазах застывают осколки боли. Александр молчит несколько секунд, мягко водя пальцами по костяшкам моих рук, и продолжает сухим тоном: — Я родился в Соколинске. Чудесный город. Рядом море, постоянно приезжают торговцы со всех уголков мира, привозят какие-то диковинки, ярмарки часты. Летом там в особенности

красиво. Всё цветёт, тепло, ночи короткие, повсюду музыка и пляски. Рыбой только воняет, и комары кусают, — по-тёплому усмехается он. — Думаю, ты слышала о трагедии. Это случилось два года назад. В тот день я был там. И в тот день я не только убил весь свой отряд под контролем Сирина, — боль в его взгляде крепнет с каждым словом, но говорить Александр не прекращает. — Я потерял маму.

Он берёт паузу, то ли подбирая слова, то ли ждёт от меня хоть какой-то реакции, то ли переваривает сказанное, прокручивая случившееся два года назад у себя в голове раз за разом. Уверена, его воспоминания свежи. Подобное никогда не забывается.

— Один человек лишил её пальцев. Она была швейей до этого. Талантливой мастерицей, к ней обращались богатые господа города. Тем человеком... — Александр сплывает. — Это чудовище, с которым у меня общая кровь... Которое...

— Ты никогда не назовёшь отцом, — понимаю я.

Капитан кивает.

— Я не смог защитить её.

Снова пауза, снова молчание. Теперь синие глаза ничего не выражают, они опущены, точно Александр не хочет, чтобы его взгляд кто-либо видел.

— Она погибла два года назад под разваленной больницей. Её придавило, ноги были сломаны, а череп расколот. Я вытащил её из завала, — его пальцы дёргаются. — Мама действительно хорошо меня воспитала, и я ей благодарен за это и ещё за тысячу вещей. Моя мама учила меня, что девушек нужно защищать. Не потому, что я считаю вас слабыми. Как раз наоборот. Сила девушек огромна и удивительна. Но её подавляют те, кто боится вас. И это многие мужчины. Мама всегда говорила мне, что девушек нужно защищать от тех, кто заглушает их силу. Кто ломает их. Кто сравнивает их с грязью. Кто не считает их за людей, а видит в них лишь красивую вещицу или трофей. Такие люди не достойны зваться мужчинами и людьми. Это монстры. Мама научила меня этому. И после её смерти... После того, как я не смог защитить её... — его руки останавливаются лишь на миг, но спустя мгновение Александр ласково разминает мои пальцы. — Это мой долг перед вами. Перед ней. Она бы не хотела, чтобы я забывал это. Наверное, я чувствую, что обязан женщинам. Что я должен помогать вам и оберегать, потому что не смог спасти самую дорогую женщину в своей жизни... Мама бы гордилась таким сыном. Во всяком случае, я так надеюсь.

— Александр, я... — внутри что-то щемит, становится не по себе от того, что я своими расспросами расковыряла столько ран в нём. И сомневаюсь, что эти раны когда-то зажили, а не продолжили кровоточить.

— Ты не виновата. Ты же не знала. И это неважно. Главное, что тебе стало легче.

Он вытирает слёзы с моего заплаканного лица, глядя на него с особой нежностью, точно смотрит на самое дорогое и ценное в своей жизни. В глубоких глазах мелькает необычайная теплота, будто перед ним не я — обычная стражница из его отряда — а то, что он боится потерять и что готов удерживать рядом с собой, не желая отпустить.

Прижимаюсь к нему, уткнув голову в его плечо и сжав руки у груди. Александр обнимает меня за плечи, поглаживая по волосам и спине. От него пахнет лесом, квасом, чей хмельной аромат не вызывает во мне отвращения, холодом, свежее испечёнными баранками и дождём.

— Что тебя так напугало? — его мягкий тембр голоса обволакивает меня одеялом тепла и спокойствия, и я наконец перестаю дрожать.

— Это сложно.

— Я пойму. Расскажи, я помогу тебе.

— Я не смогу...

— Сможешь, если попробуешь.

Дрожь возвращается, и, будто ощутив это, Александр баюкает меня, как ребёнка, которому приснился кошмар; как котёнка, который еле убежал от своры собак; как близкого и родного человека, которому нужна помощь.

Не знаю, сколько мы сидим так: в обнимку, на земле, рядом с безлюдным полигоном. К белым краям кафтана прилипают трава и кусочки земли, но ни меня, ни Александра это не волнует. Кажется, есть только мы с ним. Только этот момент, который мы, прижавшись друг к другу, делим с собой.

— Моя мама продала меня, — начинаю я едва слышным шёпотом. — Продала старому и богатому боярину. Продала, как вещь, в мой же день рождения. Я должна была стать его женой, мне тогда было тринадцать. Возраст не остановил его. Он... Чуть не надругался надо мной, — голос соскальзывает, превращаясь в жалкий и ничтожный писк. — Всё это случилось перед пожаром. Он же и убил меня. Оставил шрам на груди. Было больно, — зачем-то перехожу на гневный шёпот, до боли сжимая кулаки и впиваясь ногтями в кожу. — Я сбежала. Так я и попала в училище, а уже там встретила его. Его звали... Его зовут...

Новая волна слёз подбирается ко мне быстрыми шагами, и в ней собираются все ночные кошмары и каждое болезненное воспоминание прошлого, чьи страницы давно пора отпустить, а лучше — сжечь. Но пока они сжигают лишь меня очередным приступом, от которого сердце боязливо скукоживается в комок, а клыки и когти тревоги кромсают горло и грудь.

— Его зовут Таислав Черменский, — выдыхаю я ненавистное имя, после которого на языке остаётся привкус желчи. — Мы учились вместе, но на третьем году он перевёлся в особый легион, — громко всхлипываю. — Я была единственной девушкой в училище. А он — генеральский сын — был красив. Сначала мы дружили. А потом... Это переросло в нечто большее, — шмыгаю носом. — Во всяком случае, так думала я, но не он. Таислав просил близости. Просил ему отдаться. Мне было пятнадцать, и я... Наверное, я всё же любила его. Или испытывала что-то похожее. Или хотела испытывать — не знаю. Он говорил, что я особенная, что я не такая, как другие девушки. То была ложь, я её чувствовала, но не верила. Не хотела верить, потому что хотела думать, что меня любят, — слёзы катятся по щекам, ударяясь об сильные плечи Александра, который внимательно слушает меня, не перебивая и давая выговориться. — Я отказывала ему. Он обижался, говорил, что я не люблю его, раз не делаю так, как хочет он. Он мог не разговаривать со мной, мог кричать, когда я снова отказывала. Я думала... Думала, что виновата. Что должна сделать это, должна доказать свою любовь, должна переступить через себя ради него... Он долго упрашивал, говоря, что я обязана это сделать, — сглатываю ком, чувствуя внутри горечь. — Это случилось ночью. Мы встретились, я не думала, что это случится... Он... Он просто взял то, что хотел. Когда я кричала, он заткнул мне рот. Мы были не одни.

— Он не мог... — Александр впервые что-либо говорит за это долгое время, и в его интонации прослеживается искрящаяся злость.

— Мог. Он рассказал другим кадетам. Они пришли... посмотреть. Кричали, смотрели, смеялись, вставали в очередь, просились быть следующими, держали меня, когда я вырывалась, пока он делал то, что хотел. Мне было больно. И страшно. Это прекратилось, когда на мои крики прибежала повариха — тётушка Оливена. Добрейшей души женщина.

Она помогла мне, разогнала юношей, а после повела меня к Зыбину, которому и рассказала, что со мной сотворили. Тот ничего не сделал. Сказал лишь, что это естественно для мужчин. Что я не должна была сопротивляться. Что я сама виновата, раз вызвала у Таислава такое желание. На следующий день Таислав сказал то же самое. Попросил повторить. Неужели... — плечи трясутся. — Неужели я впрямь виновата в этом?

— Нет, — твёрдо произносит Александра. — Ты не виновата, и никогда — слышишь? — никогда так не думай. Мне жаль, что тебе пришлось это вынести, — отстраняюсь от него, неуклюже размазывая слёзы по щекам и убирая сопли. Руки капитана крепко сжимают мои плечи, а его лицо выражает лишь одно: злость. Несокрушимую и разрушительную ярость, что способна раздробить горы на части, сжечь весь мир горящими цепями своей силы, осушить моря одним лишь дыханием, убить каждого, кого коснётся её пламенная и чудовищная рука, заставить врагов бесконечно истекать кровью велением мысли.

Никогда не видела его таким. Даже когда Александр накричал на меня, он не был таким злым и готовым рвать и метать всё на своём пути. Сейчас же он выглядит именно так, если не страшнее.

Но почему-то я не вздрагиваю, не пытаюсь отпрянуть или вырваться из его рук. Эта ярость не направлена на меня. Её сила держится на цепи, чьи звенья лопнут тогда, когда Александр позволит. Он сдерживает её и делает это намеренно, зная, что позволит оковам порваться в нужный момент.

— Он заслуживает наказания, — его тон полон этой силы, но звучит так же, как и обычно: умеренно, спокойно и решительно.

— Александр, я не уверена...

— Скажи, ты бы хотела, чтобы он поплатился? Чтобы он страдал за ту боль, что причинил тебе и, возможно, не только тебе?

— Святые учат не такому.

— Аня, пожалуйста, хотя бы на миг перестань думать о святых. Отступишь ненадолго от своей веры ради себя самой. Я не спорю, вера — это прекрасно, но почему она должна вредить тебе, почему она должна останавливать тебя и оставлять внутри страх, с которым ты борешься в одиночку? Позволь мне присоединиться к этому бою. Позволь помочь тебе. Святые тебя ничему не научат, они мертвы. А ты жива.

— Я...

— Ты хочешь этого? Просто ответь.

Слабо киваю, понимая, что это то решение, которое я хочу.

Александр целует мою руку, едва прикасаясь к ней удивительно холодными губами. А после встаёт, помогая подняться и мне.

Глава девятнадцатая. Вершение правосудия

Александр

Глаза Ани покраснели и опухли. Волосы разлохматились, щёки алые и мокрые. Вглядываясь в её заплаканное лицо, смотря, как она шмыгает носом, наблюдая, как она пятернёй поправляет волосы, я только убеждаюсь в том, какая же она красивая.

— У всех будут вопросы, — она разглаживает низ кафтана, отряхивая его от прилипших кусочков земли, когда мы возвращаемся на праздник.

— Плевать. Мы не виноваты, что наша жизнь интересней их, — я беру её под руку. — Не пытайся понравиться другим, иначе быстро потеряешь себя.

— Ты и впрямь это сделаешь? — на одном вдохе спрашивает Аня. — И что ты сделаешь?

— Доверься мне.

В зале никто нашего исчезновения не заметил, кроме Велимира и стражей моего отряда. Они как раз стоят вместе и одновременно оборачиваются в нашу сторону, стоит нам вернуться на торжество. Тузов при виде заплаканной Ани тут же подлетает к нам:

— Аня, что случилось? — заботливо спрашивает он, глядя то на стражницу, то на меня, надеясь, что кто-то ему ответит. — Ты начала задыхаться, что я уж подумал, нужна помощь лекаря...

— Позаботься о ней, — прошу я и отпускаю Аню. Плечи той немного дрожат с самого того момента, как мы воротились в зал, будто страх снова подберётся к ней, сожмёт в своих тисках и придавит тревогой и бессилием. Заметив это в её опущенном взгляде, я говорю напоследок: — Не волнуйся и не бойся. Я всё сделаю сам. И спасибо тебе.

— За что ты меня вечно благодаришь?

— За это, — касаюсь того места, где бьётся сердце. Только стоило мне отпустить Аню, как оно прекратило свой и без того редкий ритм. Откланиваюсь, идя в гущу толпы смеющихся стражников. К Велимиру и Ане подходят Луиза и Ру, но их разговор я уже не слышу.

С Черменским я знаком. Он обычный страж, служащий под командованием капитана Воднева. Как тот говорит, Черменского в Орден и особый легион пропихнул его папаша, который некогда был генералом, но некоторое время назад ушёл в отставку из-за потерянных ноги и руки в бою с нечистью. Черменский-старший показался мне строгим человеком, но, видимо, отец из него мягкий и крайне любящий, ибо его сыну многое сходит с рук.

То, что он сделал с Аней, я не прошу. И заставлю его пожалеть.

— Таислав, — вежливо приветствую я, слегка улыбаясь, когда внутри торжествует гнев, радуясь, что совсем скоро он вырвется на свободу, где с лихвой разгуляется. — Могу ли я переговорить с тобой?

Тот задористо хохочет с тремя девушками, открыто флиртуя с каждой. Увидев меня, стражницы игриво хлопают глазами, а Черменский уверенно кивает:

— Милые девушки, не оставите нас? Видимо, у капитана Демидова ко мне срочное и неотложное дело, — девушки немного жалуются, говоря, что нам они точно не помешают, но всё же уходят, пообещав вернуться через пару минут. — Выпьём? — предлагает мне Черменский и протягивает кубок.

— Не откажусь, — принимаю выпивку, но даже не притрагиваюсь к ней, переходя сразу к делу: — До меня дошли некоторые слухи, Таислав. Слухи о тебе, — я внимательно наблюдаю за ним, но Черменский лишь спокойно пьёт квас мелкими глотками, никак не реагируя на мои слова. Возможно, он уже выпил достаточно, поэтому смысл не сразу до него доходит. — Говорят, ты завалил одну девушку в прошлом. Да ещё и на глазах других. И каково оно? — на моём лице витает кривая и хитрая ухмылка.

Осушив кубок, Таислав запрокидывает голову в звонком смехе. В зале подобный хохот доносится из каждого угла, поэтому никто и головы не поворачивает в нашу сторону. Черменский вытирает губы, убирая остатки пены и выдаёт:

— Про кого именно ты говоришь? Много таких было, всех и не упомнишь. К тому же, Демидов, что только не выдумают эти суки, которым я отказал. Сам знаешь, какие бабы нынче обидчивые.

— Неужели? — даже облегчённо выдыхаю внутри, ибо на секунду я задумался, что Черменский искренне признается и раскается во всём. В таком случае моя ярость так и осталась бы на цепи.

Но цепь рвётся. И я безумно счастлив этому.

Хватаю мерзавца за грудки, с размаху бросив в столы, набитые угощениями. Те с треском валятся вниз, осколки сверкают на полу, а Таислав, в чьих глазах застыл ужас, пятится, не вставая и натываясь ладонями на битые куски посуды.

Музыка прекращается. Внимание каждой пары глаз направляется на меня и Черменского, который что-то невнятно мямлит, то ли моля о пощаде, то ли спрашивая, что он такого сделал. Но мало кто решается что-либо предпринять, разум многих затуманен хмелем, поэтому в их глазах это выглядит как обычная драка, что частенько случается на праздниках среди молодых людей. Но всё же алкоголь повлиял не на всех.

— Демидов! — рокот главнокомандующего Рылого я узнаю среди тысячи голосов. — Какого лешего ты творишь?!

— Да! — пискляво восклицает Таислав, посмелев после появления поддержки. — Какого лешего ты творишь?!

— Это личное, — бросаю я, глухо рыча. Пальцы нащупывают ледяной крест, а в голове зреет молитва.

Рылого моё объяснение не устраивает, и он уже проталкивается через замерших стражей, которые наверняка выдыхают, что вмешался старший по званию, но главнокомандующий ничего не успевает сделать, и с моей руки слетает яркий сноп искр, что прожигают пол до обугленной древесины прямо под промежностью Таислава, чей взгляд наполнен самым чистым испугом из всех, что я только видел.

— Демидов!

— Не лезьте! — отпихиваюсь я от крепких рук, что сжимают плечи так же сильно, как и шесть лет назад.

— Александр, я думаю, тебе лучше объяснить, почему ты... — вмешивается Велимир, переводя взгляд то на меня, то на Таислава. Тузов вздыхает, и по одному лишь короткому вздоху становится ясно, что главнокомандующий всё понял, поэтому он замолкает, поджав губы. Черменский же тем временем нерешительно поднимается на ноги, точно думает, что в следующий миг снова окажется среди осколков, лёжа ничком на полу.

Правильно думает.

Нахожу глаза Ани среди притихших стражей, молча спрашивая разрешения. Я догадывался, что придётся озвучить перед всеми то, что совершил Таислав, но не говорил об этом стражнице, ибо не хотел её пугать. Но она и сама всё понимает. Аня кивает, опуская взгляд.

— Он обесчестил девушку, — объявляю я, окончательно вырывая руку из цепкой ладони Рылого, который, услышав сказанное, ослабляет хватку. — И, судя во всему, не одну.

Кругом проносится шёпот. Кто-то не верит, другие просто качают головой, третьи ждут продолжения представления, что разбавило тухлый праздник.

— Это о-ошибка, — лепечет Таислав. — Я-я н-ничего такого н-не не делал. Это клевета какой-то обиженной шлюхи, клянусь!

Хорошо, что он встал, ибо даже нагибаться не нужно. Мой кулак летит в его испуганное лицо, с хрустом впечатываясь прямо в нос. Черменский охает, пошатнувшись, выступившая кровь стекает на его кафтан, пачкая белоснежный цвет. Я же хватаю его за ворот кафтана,

потянув так, что из горла стража вырывается короткий и жалкий хрип, и вновь бросаю на почерневший от искр пол, где всё ещё мелкими и крупными кусками валяются осколки.

— Не смей. Мне. Лгать, — произношу я, нависая над ним. Черменский скулит, точно побитый щенок. Никто больше ничего не говорит и даже не пытается остановить меня. Опускаюсь рядом с Таиславом, что боязливо ползёт назад, но я хватаю его за волосы, сжав их так, что на округлённых глазах выступают мелкие слёзы.

Улыбаюсь краями губ и наклоняю голову. Шепчу ему на ухо, чтобы мои слова слышал лишь Черменский.

— Знаешь, что я прямо сейчас вижу перед собой? Ничтожество, недостойное ходить по одной земле с той, с кем ты сотворил это, — каждое слово наполняю ядом ненависти, злобы и искрящих угроз. — Будь моя воля, я бы прикончил тебя на месте. Сначала я бы переломал каждую кость в твоих пальцах, — и точно подтверждая серьёзность своих слов, поворачиваю его большой палец до заветного хруста, чей звук ощущается сладкой музыкой, как и вскрик боли Таислава. Безусловно, эта боль не сравнится с той, что причинил он. — Содрал бы кожу живьём. Оторвал бы руки. Затем ноги. Затолкал бы их тебе туда, куда только можно. Твоё достоинство, хотя сомневаюсь, что тебе есть чем гордиться, я бы сжёг и заставил тебя смотреть на это. Выдернул бы зубы. Потом перешёл бы к глазам. Не думаю, конечно, что ты не умер бы от боли до этого момента, но будем считать, что ты вынослив и терпелив, как и любой гребаный страж. И отрубил бы твою башку, кинув её в дерьмо, ибо лежать в чём-то другом она не достойна. У меня даже рука не поднимется бросить твои кости псам, всё-таки животных я люблю.

— Это б-был не я-я, — бормочет Черменский, дрожа после услышанного. — Т-ты ошибся, Демидов, — он даже умудряется выдавить улыбку. — Какая-то сука просто надурила тебя.

На этот раз кулак попадает точно в глаз. Встаю, вытирая руки будто от грязи, и смиряю Черменского уничтожающим взглядом.

— Не смей. Так. Её. Называть, — от каждого слова Таислав только сильнее сжимается, точно мой голос подобен удару плети. — И не ты ли сам недавно мне сказал, что таких было много?

На это Черменский отвечает жалким всхлипом, точно надеется вызвать сочувствие.

— Законы Великомира гласят, что изнасилование девушки карается штрафом либо казнью — в зависимости от её статуса и происхождения. Но поверь, обычным штрафом ты не отделаешься, уж я позабочусь об этом.

— Капитан, позволь тебя прервать, — слуха касается знакомый голос, чью сладкую мелодию не спутаешь ни с чем, как и кровоточащие раны, что он оставляет одними лишь словами, являющиеся для него смертоносным оружием. — Признаться, я был неприятно удивлён, когда прибыл в крепость вместе со своей семьёй, а вместо гостеприимного приветствия получил... это. Мне горько от того, что в столь дивный день — в день святых — происходит подобное. И причины этого мне неизвестны. К тому же были упомянуты законы Великомира, а в них я более чем смыслю. Поэтому кто-то объяснит мне, что здесь творится? — последнюю фразу царь произносит с несвойственным для него нетерпением, но в интонации прослеживается привычная требовательность.

Я ждал его. Знал, что он придёт, потому как приглашение не могло прийти просто так. Но почему... Почему я, несмотря на то, что догадывался об этом, всё равно замираю, не смея ни пошевелиться, ни что-либо сказать, ни моргнуть, ни даже захватить побольше воздуха,

которого резко начинает не хватать?

Таислав, в отличие от меня, не мешкает:

— Всемиловейший государь! — он чуть не вцепляется в платно царя, всё ещё ползая по полу, как червяк. — П-произошла какая-то ошибка! Этот сумасшедший обвиняет меня в том, чего я не делал! Прошу вас, Всемиловейший государь, совершите правосудие над его клеветой!

— У тебя со слухом проблемы, и одна из моих угроз проскочила мимо? — наконец возвращаю контроль над собой и эмоциями. — Могу повторить и ещё парочку добавить.

— Вот видите!

— Смею вас заверить, Всемиловейший государь, — обращение даётся мне с трудом, я выжимаю его вместе с ноющей болью, что пронзает мою спину, — этот... — неожиданно запинаясь, пытаюсь подобрать подходящее слово. Но как назло, все оскорбления, которыми я владею, вылетают из головы. Видимо, это ещё одно подтверждение тому, что присутствия царя на меня плохо влияет. — Боюсь, моё воспитание не позволяет мне произнести слова, касающиеся его, перед вами. А каких-либо милых зверушек мне оскорблять не хочется, приравнивая их... К этому, — неопределённо указываю на Черменского рукой. — Но сообщить вам о его преступлении обязывает мой долг. Он надругался над девушкой. Сделано это было против её воли и на глазах многих кадетов, которые даже не посмели остановить его. Если мне не изменяет память, а у меня она отличная на такие вещи, в законах Великомира значится, что подобное карается казнью. Ну, или крупным штрафом, но первый вариант более подходящий и привлекательный.

Царь молчит, стоя рядом со мной так близко, что я слышу его задумчивое дыхание. Если бы моё сердце билось, оно бы колотилось как бешеное, ибо угроза, что Черменского оправдают, а меня упекут в темницу за необоснованное нападение, нависает прямо над головой. Я же ничего больше не говорю, ожидая решения царя. И зная его ненависть ко мне, я догадываюсь, что он скажет.

И готовлюсь к этому.

— Этот закон появился благодаря моему деду, — начинает Мечислав. — Благодаря нему девушки по сей день вступают в Орден и честно служат в нём. А своего предка я уважаю, как и его решения. Но всё же, капитан, это слишком серьёзное обвинение. Есть ли доказательства?

— Будут. Я лично могу выбить признание из Черменского. Каким способом — он уже знает. Конечно, о многом я умолчал, чтобы не портить интригу.

Таислав бледнеет так, что тон его лица может сравниться лишь с моим.

— Признания не достаточно, — говорит царь. — Ты упоминал, что Таислав Черменский сделал это на глазах других. Есть ли их имена? Они смогут это подтвердить?

— Смогут, Всемиловейший государь, — вперёд выходит Аня, боязливо обхватив себя за руки, точно ей холодно. Её губы дрожат, когда она говорит, но голос полон стальной уверенностью. В тёмно-зелёных глазах я не могу ничего прочитать, но смотрят они лишь на Черменского, что жалобно стоит на коленях передо мной, царём и теперь перед Аней. В глазах Таислава проступает узнавание, которое быстро сменяется страхом. — Я помню имя каждого. Думаю, вам, Всемиловейший государь, они точно всё расскажут.

— Здесь есть и тот, кто знал об этом всё это время, — вспоминаю я и, дождавшись слабого кивка Ани, продолжаю: — Главнокомандующий Зыбин. Он был наставником западного кадетского училища, где всё и случилось.

Царь перемещает взгляд единственного глаза на упомянутого главнокомандующего, которому хмель ударил в голову. Зыбин сидит на лавке, кляня носом и похрапывая, но, услышав своё имя, вздрагивает, пробудившись.

— Всеволод, — с нажимом произносит царь, — до меня дошли сведения, что этот молодой человек совершил преступление над девушкой, обесчестив её против воли. И произошло это в стенах кадетского училища, которое учил ты. И всё это время ты знал об этом.

Зыбин тупо моргает, точно смысл слов доходит до него со скоростью улитки, что пришла в трактир после того, как её выкинули. В его взгляде проступает понимание, пусть и слабое.

— Это правда, что страж Таислав Черменский повинен в этом? — вопрошает царь.

— Э... — протягивает Зыбин, почёсывая макушку. — Да, было дело, вроде...

— Он пьян, — раздражённо качает головой Тузов, ударяя себя по лбу в знак разочарования. — Большого он вам не скажет.

— Верно. Но хмель пробуждает в людях удивительное свойство: говорить лишь правду.

Поняв, что его раскрыли, Таислав срывается на умоляющий крик:

— Пожалуйста, Всемилостивейший государь! Поверьте, эта девка сама виновата, она...

Договорить он не успевает: мой ботинок прилетает прямо ему в лицо. Его зубы щёлкают, а сам Черменский вытирает слюну, перемешанную с кровью, чьи брызги окрасили почерневший пол. Молюсь Санкт-Владимиру, быстрым движением выпуская ленту огня прямо на грудь Таислава. Тот вьётся подобно змее, пытаясь сбить пламя, которое зигзагами приближается к его шее.

— Александр... — тёплые пальцы чуть касаются моих, вызывая стремительный стук в груди, от которого я едва шатаюсь.

Щёлкаю пальцами, убирая огонь.

— Я ведь могу и вернуть, — предупреждаю я, заметив, как рот стража открывается в жалостливой мольбе царю.

— Хорошо! Хорошо, сделал я это, признаюсь! Но, Всемилостивейший государь, много времени прошло, та девица и не вспоминает небось...

— Вспоминает, — перебиваю я, и Таислав шарахается от моего голоса, точно ожидая, что на этот раз в него прилетит молния. — А время не отменяет проступок.

— Раз так, то почему ты всё ещё носишь этот знак?! — гневно выплёвывает Черменский, указывая на мой капитанский символ, что приколот к груди. — Помнится, убийство наказывается тоже казнью. А уж убийство своих товарищей по отряду...

Он замолкает, когда я опускаюсь рядом с ним. Теперь наши лица на одном уровне. Его — побитое, в крови, со сломанным носом, и моё — бледное, сухое и мёртвое.

Кто-то тихо произносит моё имя, прося остановиться и перестать. Голос скрипит, звучит встревоженно, как отчаянная мольба. Велимир не изменяет себе. Он видит черту, через которую я вот-вот переступлю, и пытается спасти от чего-то ужасного и непоправимого. Но это спасение ни к чему.

Царь прерывает Велимира одним коротким приказом не вмешиваться. Кажется, само время замирает, ожидая разрешения возобновить свой ход. В горле пересыхает, короткое сердцебиение, что подарила мне Аня, прекращается, и внутри снова холодно. Снова тихо. Снова пусто.

Снова больно.

— Их было четыре, — говорю я безучастным шёпотом, не моргая. — Четыре стража моего отряда. Я помню их имена, они никогда не уйдут из памяти. Я им не позволю. И кровь на моих руках не позволит этого сделать. Вацлав Торхов был самым старшим среди нас. Даже старше меня — капитана. Он был сильным, как несколько крупных мужиков, громким и добрым. В тот день он не думал о себе. Не думал, погибнет или нет, что случится с его жизнью, оборвётся ли она или срок ещё не подошёл. Он думал о других. О жителях города. О своих товарищах. Обо мне. Когда я занёс над ним меч, он не боялся. Он не был зол, обижен. Он не ненавидел меня. Он желал помочь. Но не смог. И я убил его, потому что был под контролем Сирина, — из-за моего бесцветного тона Таислав отвлекается и не сразу чувствует мои прикосновения. Ощущает он их лишь тогда, когда я выкручиваю его указательный палец, ломая кость, и вскрикивает. — Истислав Кучаев любил шутить и трепать языком. В этом мы с ним похожи, — губы самовольно растягиваются в слабой и печальной улыбке. — Могло показаться, что он относился ко всему несерьёзно, но это было не так. Он пёкся о каждой жизни, оберегал всех. Кроме себя. Он защищал меня, пытаясь дозваться, пытаясь остановить. Осуждал ли он меня, когда умер? Нет. Ему было жаль, что он не смог помочь. Что оставил меня под контролем Сирина. Его я убил первым, — ломаю ещё один палец, и снова вскрик, который не трогает во мне ничего. — Ратмир Сенин был практически мальчишкой. Только закончил училище, да он и жизни не видел. На самом деле мы были почти ровесниками. Но в нём я видел ребёнка. По-своему глупого, но близкого. Который удивляет мышлением, поражает восторгом, помогает поверить в лучшее. Он считал, что мы живём ради того, чтобы помогать другим. Чтобы дарить любовь, помощь и заботу, оберегать тех, кто рядом. Он считал, что так люди будут непобедимы. Он улыбался, когда я его убил. Не кричал, потому что не хотел, чтобы я чувствовал себя виноватым. Наивно, правда? Я виновен, и это неоспоримо, — опять хруст и крик. — Злата Соломина. Умнее людей я не встречал. Она была удивительной девушкой, чья сила заставляла меня задуматься, какого хрена в этом отряде капитан я, а не она? Она выручала меня и других раз за разом. Если бы не её идеи, я не знаю, что сейчас было бы со всем Орденом. Наверное, его ряды бы точно поредели. У неё всегда были решения, она всегда знала, что сказать и что сделать. Она искала решение, как вернуть мне контроль над моим разумом, пока я сражался с ней, пытаясь убить. Я убил её последней, — четвёртый хруст. — Потом я разорвал Сирина в клочья. Вытащил свою мать из завала, — на этом мой голос трещит, но я вовремя возобновляю сухой тон. — Похоронил друзей. После этого я отправился к их семьям. Рассказал всё так, как оно было. Они глядели на убийцу своих детей, который даже не молил их о прощении, прекрасно зная, что он его не заслуживает! — хруст. — Этот убийца ненавидит себя по сей день за содеянное, посылает деньги в семьи своих друзей, презирая себя за то, что большее он сделать не может! Не может вернуть их к жизни, не может изменить прошлое, не может залечить те раны, что оставил их близким! Но, как ни странно, с тобой я согласен, — хруст. — Смерти я заслуживаю. Как и наказания. Поэтому если меня уведут вместе с тобой, закуют в цепи, лишат этого херого значка — я не буду сопротивляться. Я буду только рад. А ты, кусок дерьма, смеешь обвинять девушку в своём скотском поведении, хотя даже скот себя так не ведёт, как ты, сволочь! — ломаю ещё один палец и выпрямляюсь в полный рост. Пусть я говорил слабым шёпотом, кажется, мои слова слышали все присутствующие. В воздухе повисает мёртвое молчание, никто не смеет даже громко дышать.

Царь делает неопределённый жест рукой двум стражам.

— Уведите его, — он указывает на Черменского. — У вас, в Ордене, должна быть темница. Пусть посидит там до решающего суда.

Жду те же слова в свой адрес, пока два стража подхватывают избитого Черменского под руки, уводя из зала. Но царь лишь молча наблюдает, как и все остальные. Я бы удивился, если бы не вкус горелого на языке и ощущение, словно с моих рук вновь стекает липкая горячая кровь.

Шок из-за произошедшей ситуации накрывает каждого с головой, поэтому никто не смеет ни слова сказать, ни шевельнуться, ни что-либо сделать. Все замирают в ожидании смельчака, который либо предложит продолжить праздник, либо скажет, что торжество следует прекратить, либо сморозит глупость, что затмит закончившееся представление.

Наверное, впервые за шесть лет я чувствую себя уставшим. Точно всё, что копилось годами, свалилось на меня разом, одним огромным снежным комом, придавив меня. Убираю волосы с лица, невидящим взглядом глядя на битые куски посуды, валяющиеся на обуглившемся полу сласти, темнеющую кровь.

— Безусловно, произошедшее печально, — неудивительно, что смельчаком, взявшим слово в нависшей тишине, оказывается царь. — Но вершить справедливость необходимо каждый день, даже во время торжеств, иначе наш мир давно бы погряз в жестокости, — едва заметно хмыкаю на этих словах. — Давайте же поблагодарим мучеников, силы которых помогают Ордену защищать весь Великомир! — он берёт с нетронутых столов кубок с мёдом и поднимает верх. Многие следуют его примеру, поддерживая слова правителя. — За святых!

Его тост подхватывают и другие, дружно повторив его слова. Решив, что мне нужно запить неприятный привкус во рту, хватаю ближайший кубок и залпом его выпиваю, в очередной раз проклиная того, кто отвечал за напитки.

— Нам нужно поговорить, — в лоб объявляет Аня, озираясь по сторонам, точно расшумевшиеся стражи захотят подойти к тем, кто и разжёл весь конфликт с Черменским. А внимание сейчас — это последнее, что и Аня, и я хотим получить. — Наедине.

— Конечно, — киваю, пожалев о выпитом гадком алкоголе, от которого горечь на языке стала ещё противнее.

Оставляю пустой кубок в сторону и уже хочу улизнуть с торжества вместе с Аней, как вся моя затея обрывается одним лишь бархатным голосом, чей хозяин подходит к нам:

— Капитан Демидов, — я даже шагу не успеваю сделать, как меня останавливает царь. Аня же тоже стоит неподвижно, хотя, будь возможность что-либо сказать ей, я бы велел стражнице уйти как можно скорее. — Твой поступок поразил меня до глубины души. Меня радует мысль, что страна полна таких благородных людей, как ты. И прими мои соболезнования насчёт предыдущего отряда и твоей матери. Уверен, она была прекрасной женщиной, раз воспитала такого сына, которым может гордиться не только она, но и весь Великомир.

От его слов моё небьющееся сердце рассыпается в пыль, что возгорается янтарным пламенем ненависти, внутри которого пульсирует лишь одно желание: наброситься на царя и осуществить с ним все те угрозы, что я шептал Черменскому.

Царь меня проверяет. Я понимаю это, но гнева меньше не становится.

— Благодарю, Всемилостивейший государь, — будто чужим голосом произношу я. Кажется, будто время замедляется, растягивая каждую секунду, а вместе с этим пустота внутри меня расширяется, поглощая всё, холод воет морозным ветром, чьи ледяные иглы впиваются в каждую внутренность, а тишина накрывает всего меня, укутывая тьмой.

— Ты ведь Аня? — царь неожиданно переключается на Аню, что тихо стоит рядом со мной. Она вздрагивает, услышав своё имя из уст правителя Великомира, но берёт себя в руки:

— Да, Всемиловейший государь. Анна Алконостова.

Почему-то мне хочется загородить её собой, точно одним лишь своим голосом царь способен нанести стражнице непоправимый вред.

— Мне жаль, что подобное произошло с тобой и происходит по сей день с другими людьми. К собственному сожалению, я не могу сказать, какое наказание ждёт Таислава Черменского. В силу своего происхождения он или кто-либо поддерживающий его может найти способ смягчить кару. Но я лично сообщу о случившемся его отцу. Возможно, он позволит свершиться справедливости над собственным сыном.

— Спасибо, Всемиловейший государь. Однако... Я бы не хотела, чтобы Таислава казнили. Никто не заслуживает смерти.

Губы царя трогает улыбка, с которой он собирался лишить меня жизни.

— Ты слишком добра, Аня. Но я прислушаюсь к этому в знак уважения к тебе и твоему капитану. Я не удивлён, что такая светлая девушка служит в твоём отряде, Александр, — его единственный глаз вновь перемещается в мою сторону. — Мне нужно переговорить с тобой. Уверяю, много времени это не займёт.

— Почту за честь, Всемиловейший государь, — благодарно киваю я и шиплю Ане, не раскрывая рта: — Если я не вернусь через десять минут, беги.

Оставив стражницу в недоумении, иду вровень с царём. Перед нами останавливаются стражи, что желают завести беседу либо со мной, либо с царём, либо с обоими, но Мечислав Ясноликий мягко отказывает всем, пообещав обязательно уделить каждому своё драгоценное время.

— Сколько ты сказал лжи за это время? — тихо интересуюсь я.

— Чуть больше, чем ты, — кидает царь так же тихо, не оборачиваясь. — Но ты действительно поразил меня, щенок, — старое прозвище ударяет прямо под дых. — Мне казалось, ты умнее.

— То же самое я думал и про тебя, — парирую я и перехватываю бокал у мимо проходящего слуги, осушив содержимое в пару глотков. — Ты ведь пришёл не просто на праздник? И я здесь оказался не случайно, как и весь мой отряд.

— К делу мы перейдём немного позже, когда уйдём от посторонних ушей и глаз. А из крепости твою стражницу никто не выпустит, как бы она не пыталась прислушаться к твоим прощальным словам, — говорит он как бы невзначай. Я же оборачиваюсь, ища глазами Аню и готовясь в любой момент кинуться к ней и увести из этого проклятого Ордена. Стражница стоит рядом с каким-то русоволосым типом, что богато и роскошно одет, и мило щебечет с ним, смеясь и улыбаясь. Сам юноша не вызывает никакого доверия. За руку он держит тринадцатилетнюю девочку с золотистыми кудрями, что изо всех сил пытается получить внимание и Ани, и неприятного типа.

— Что ты задумал? — сквозь зубы цежу я, вновь повернувшись к царю. — Если с ней хоть что-то сделает этот хмырь...

— Это царевич Радим, — перебивает меня Мечислав. — У него и ума не хватит, чтобы причинить твоей стражнице хоть малейший вред. Поэтому она в безопасности. Пока, — с нажимом уточняет он. — Рядом с ними моя дочь — царевна Дара.

Мы останавливаемся у проёма, ведущего в коридор, но я не делаю дальше ни шага. Ноги

подкашиваются, сердце — проклятое сердце, что не бьётся, — по ощущениям превращается в ветхий и рассыпчатый цветок, что с треском становится перетёртой пылью от одного имени и осознания, что у меня есть сестра.

Мою сестру зовут так же, как и мою маму.

— Ты... — севшим голосом начинаю я, но меня перебивают грохот распахивающихся главных дверей и забегающий внутрь страж, что ранее увёл Черменского. Служащий часто и тяжело дышит, точно пробежал сотню вёрст, не останавливаясь.

Все удивлённо воцаряются на него, пока страж, высунув язык и согнувшись, пытается отдышаться и выдать хоть слово.

— На город... На город напала... Юстрица⁴⁵!

Произнеся это, он падает замертво, а его руки покрываются чёрной коркой, что стремительно разрастается по всему телу, добираясь до лица. Когда вся кожа стража чернеет, а корка покрывается трещинами, из которых сочится гной вперемешку с кровью, его глаза окончательно тухнут.

— Не приближаться! — велит Тузов, заметив, как один из стражей хочет подойти к бедняге. — Мор может перейти при одном лишь касании! — главнокомандующий хочет ещё что-то сказать, но его сбивает грохотанье, доносящейся сверху и чудовищный рёв.

С потолка сыпется пыль, крик повторяется, и к нему присоединяются уже другие вопли — на этот раз человеческие.

— Стражи! Обезопасьте жителей и уведите их как можно дальше от опасности! — раздаёт указания Велимир, и следуя им, обычные стражи срываются с места, стрелой выметаясь их крепости. — Капитаны и генералы, займитесь тварью и обеспечьте защиту стражам, что спасают людей! Живо!

Тузов сам покидает крепость быстрым шагом, который в его возрасте мало кому под силу. Криво улыбнувшись, я бросаю царю, отсалютовав тому:

— Прошу прощения, Всемилостивейший государь! Долг зовёт!

— Демидов! — гаркает главнокомандующий Рылов. — Займись безопасностью царской семьи!

— Что?! Но я гораздо полезней в бою, тем более был дан приказ...

— Это такой же приказ! — сплёвывает он, покидая стены крепости последним. — Уведи царя и его семью в безопасное место.

«Сам бы и занялся их защитой», — проносится у меня в голове. Мысленно чертыхнувшись, я поворачиваюсь в сторону застывшей от страха царевны и царевича, что храбро заслоняет сестру собой, точно дух в стенах Ордена.

Рука нащупывает рукоять меча, я оглядываюсь, надеясь найти безопасное место как можно ближе к главному залу, и первым делом плотно закрываю широкие двери. По ушам вновь бьёт ревущий вой, потолок снова осыпается.

— В погребах эта тварь вас не достанет, — сухо произношу я. — Идти до них недолго, — киваю в сторону левого прохода.

— Капитан, я и сам способен защитить свою семью, — говорит царевич так, словно он не до конца уверен, что кто-то позволял ему что-либо говорить.

— В следующий раз предупредите об этом заранее, царевич, — огрызаюсь я. — Будьте рядом со своей сестрой. Всемилостивейший государь, постарайтесь не отставать.

Глаза двадцатая. Последний святой

Александр

Мы выходим в коридоры первого этажа. Я иду впереди, не отнимая правую руку от эфеса меча и готовясь в любой момент воззвать к святому. Позади идёт царь, держа за руку Дару, которая если и испытывает страх, то умело скрывает его за восхищением, что возникло, стоило мне раскрыть перед ней рот. Замыкает наш ряд Радим, который предусмотрительно обнажил меч.

Каждый звук, что пронзает воздух снаружи, слышен так же чётко и ясно, как если бы мы были в гуще событий. Хлопанье крыльев твари заставляет меня поторопиться и ускорить шаг, а беспокойство растёт с каждым новым людским вскриком. Сверху раздаются тяжёлые шаги твари, точно та пытается учуять новую жертву на крыше.

— Царевич! В сторону! — веляю я, молясь Санкт-Ангелии. Потолок над Радимом обваливается, чуть не прибив царевича крупными каменными кусками, которые я останавливаю с помощью воздуха. Радим вовремя отскакивает, отходя подальше, а я, не выдержав, теряю контроль, и громады камня с грохотом обрушиваются на пол, обрывая нам путь назад.

Шумно выдыхаю:

— Предлагаю ускориться, если кто-то дорожит своей жизнью.

Если моё предложение и воспринимается с энтузиазмом, то его никто не высказывает, особенно Юстрица, которой мало одной дыры в начальных коридорах. Снова грохот, и на этот раз спереди. Дара вскрикивает, Радим выбегает вперёд, прикрывая сестру, я выставляю руку вперёд, останавливая царевича на пути верной смерти. Потолок над нами дрожит, но бежать некуда, разве что в проход, который ведёт на нижние открытые патрули. Так мы станем открытой добычей, но будет шанс вернуться в стены крепости и поискать другое убежище, помимо погреба.

По потолку проходит широкая паутина трещин, и в следующий миг вниз обрушиваются каменные обломки, поднимая пыль. Кашляя и моргая, я едва успеваю отпрыгнуть назад, как змеиная скользкая голова чуть не откусывает мне лицо, шипя и извиваясь. Змея шипит, а за ней высовываются и другие чёрные чешуйчатые головы. Глаза у всех одинаковые: жёлтые и полные ярости. Зрачки сужаются до узких щёлок, что схожи с тонкими заточенными остриями, способными одним лишь взмахом перерезать человеческое горло. Обнажаю меч, угрожающе выставив перед собой. Юстрица пустила в ход не все головы: всего четыре. Остальные пять, видимо, наблюдают за происходящим снаружи.

Тварь почему-то не атакует, хотя секунду назад одна из её голов чуть не закусилась моей. И если меня такое поведение Юстрицы настораживает, то Радима, скорей, волнуют мои дальнейшие действия:

— Почему ты медлишь? — тихо спрашивает он, с лязгом вытаскивая лезвие из ножен.

— А почему вы шепчитесь? — не остаюсь я в долгу, говоря таким же тихим шёпотом, едва открывая рот, точно при малейшем движении Юстрица сменит интерес на бесконечный гнев и набросится на меня и царевича.

— А может, кто-нибудь из вас отрубил ей голову? — неожиданно к нашему перешёптыванию присоединяется Дара.

— Отрубим одну — вырастит две, — коротко поясняю я. — Нужно рубить сразу все девять. И не прикасайтесь к её коже, крыльям или чему-либо ещё. Иначе закончите, как тот страж.

Юстрица глазееет на меня, словно ждёт, что я начну её удивлять. Я же ступаю назад на один шаг, медленно и плавно, не отводя взгляда от духа и не моргая. Меч держу наготове.

Царевич отходит вместе со мной, быстро уловив, что если он хочет выжить, то лучше действовать согласно моим указаниям.

— Почему она не нападает? — всё же не сдерживается Радим.

— Не смогла устоять перед моей красотой.

Быстро оглядываюсь назад, понимая, что путь через патрули — наш единственный выход.

— На лестницу. Живо, — командую я. — Пойдём через место патруля.

— Слишком рискованно, — тут же оспаривает моё решение царь. — Мы будем открытой мишенью для духа, Юстрице будет достаточно приблизиться, чтобы коснуться нас и заразить мором.

— Можем стоять здесь и ждать, пока Юстрице надоест сверлить меня взглядом, — пожимаю я плечами, всё ещё наблюдая за духом. Это напоминает игру в гляделки, вот только ставки гораздо серьёзней, чем щелбан. — Как стражу, мне известны все риски, даже больше, Всемилостивейший государь. Поэтому не мешайте мне делать свою работу и спасти вас и делайте так, как говорю я, а не как велит ваша гордость. Риск я постараюсь свести к минимуму. А теперь идите. Я сразу за вами, но из стен крепости не выходите, пока не подойду я.

Если царю и есть, что сказать, он сдерживает это в себе, и берёт дочь за руку, уводя за собой. Я киваю Радиму, и тот идёт следом за отцом и сестрой. Головы Юстрицы качаются, из пастей выходит тонкие тёмно-фиолетовые язычки, что раздвоены посередине. Кажется, духу совсем плевать, что из его поля зрения только что ушли три потенциальные жертвы. Я же отхожу, двигаясь спиной к лестнице. Юстрица не шевелится и не пытается меня остановить.

Бегу по лестнице, перепрыгивая несколько ступеней разом. Странное поведение духа вызывает тысячу вопросов. Нападая, Юстрица отравляет беднягу, что оказался рядом, и тем самым накапливает силы, становясь мощнее и смертоноснее. Меня же тварь не тронула, лишь лязгнула зубами перед носом, а после даже не предпринимала никаких попыток, словно расстроившись первой неудачей.

А может, дело намного серьёзней. Могла ли Юстрица остановиться потому?.. Потому что ей приказали?

Духи преследуют выгоду. Тогда ради чего Юстрица напала не просто на Воиносвет, а на Орден?

— Я наведу морок, — говорю я, подойдя к царской семье. Ветер ударяет в лицо, крики с улицы становится громче и пронзительней. — Скрою вас, но идти придётся быстро. Ждите меня там.

Сначала я думал образовать вокруг патруля туман, но быстро понял, что серая пелена помешает нам самим добраться до безопасного места. Выглядываю наружу, оценивая обстановку. Юстрица вытаскивает головы из проделанной дыры, девять голов смотрят в разные стороны, кожистые крылья распахиваются, и огромное чёрное тело взмывает в воздух. Но морок я всё равно ставлю, обратившись к Санкт-Мстиславе⁴⁶. Первым идёт царь вместе с царевной, поэтому я напускаю образовавшийся дым на них, делая невидимыми. Царевич остаётся стоять рядом со мной, тревожно поглядывая назад.

— Александр... — он запинается. — А мор Юстрицы делает из людей нечисть?

— Ну, здесь нужно учитывать срок, у каждого он свой, — стискивая зубы от сложности морока, произношу я. — А что?

— У нас... Небольшие трудности.

Разворачиваюсь, теряя концентрацию. Но царь с дочерью уже дошли до конца.

— Беги, — только и говорю я, пока Радим с выпученными глазами глядит на мертвяка в белом кафтане, что приближается к нам, несвязно мыча.

Как он только попал сюда, если выход к главному залу перекрыт? Ведь именно там страж, объявивший о нападении, и упал замертво, покрывшись трещинами и чёрной сухой коркой.

Сейчас же его кожа серая, гноящаяся. Глаза закатились, рот криво раскрыт, а ноги едва передвигаются.

Щёлкаю пальцами, обращаясь к Санкт-Владимиру. Лента огня слетает с рук, ударяя по плотке твари. Его кожа пузырится, мертвяк агрессивно ревёт от боли, даже останавливается на ступенях, покачнувшись. Толкаю бывшего стража ногой, и тварь валится вниз, бормоча и визжа. Огонь перейдёт на всё тело мертвяка, сожрав его, поэтому отвлекаться на такое нет смысла.

— Через верхние этажи можно попасть в оружейную, — говорю я, добравшись до царской семьи, всё ещё не отойдя от неожиданного появления мертвяка. Видимо, срок того бедняги ещё не подошёл. Не думал, что смертниками становятся так быстро. — Там можно укрыться на долгое время. И... Царевич, не считите за грубость, но мне не нравится, когда вы на меня так смотрите.

— Он смотрит не на вас, капитан, — пищит Дара, прижавшись к отцу, и показывая пальцем мне за спину.

На патрульный мост быстрым шагом, едва не переходя на бег, надвигается целое сборище мертвяков, взявшихся не пойми откуда. Такая скорость несвойственна им. Как и неожиданное появление. Вот только...

Выглядят мертвяки свежими — только-только почившими. И на каждый из них белеет праздничный кафтан.

Огонь срывается с рук, как только я договариваю обращение. Пламя охватывает несколько мертвяков сразу, но не причиняет им какой-либо вред. Выпускаю ещё один заряд жара, но результат тот же. То же самое повторяется и с третьим ударом, и с четвёртым, и с применением молний. Когда мертвяки уже находятся вблизи, мне ничего не остаётся сделать, как обратиться к Санкт-Марье⁴⁷ и обрушить удар кулака на мост, что идёт рябью, разваливаясь спустя миг.

— Бежим!

Мертвякам, что выбились вперёд, удаётся допрыгнуть до конца моста, и это подвергает сомнению всё, что я только знал об этих неповоротливых тварях. Гнилые руки вцепляются в подол моего кафтана, утаскивая за собой. Радим, подоспев на помощь, отсекает руки нечисти, но серые пальцы по-прежнему сжимают мою одежду, пока я пытаюсь отлепить эту мерзость от себя. Мост же летит вниз крупными кусками вместе с оставшимися на нём тварями.

Отбиваясь от тварей, которым повезло больше, я впиваюсь спиной в каменную стену. Когти подбираются ко мне вплотную, и в этот же миг ладонь, из трещин которой стекает гной, падает наземь, а в открытое горло мертвяка впивается кинжал.

— Вы должны уходить! — рявкаю я, когда царь с влажным хрустом вынимает лезвие и ногой пинает мертвяка, который падает на своих собратьев, сбив тех с ног. Куча из тварей, что медленно болтают конечностями, пытаюсь выбраться, и глухо мычат, выглядит довольноно-

таки жутко.

— Я ожидал благодарности, — усмехается царь, и от его ухмылки у меня сводит зубы. — За спасённую жизнь.

Под давлением гнева чуть не выпаливаю, что и спасать здесь нечего. Прикусываю язык, с которого едва не соскочила глупость, и снова выпускаю плеть огня, мощную и разрушительную, направив весь её жар на лежащих тварей. По их гниющим телам бегают пламенные языки, сжигая белоснежные одежды, но не сами тела.

— Дело дрянь, — быстро и чётко констатирую я, когда рука мертвяка хватает меня за ногу. Отбрасывая мерзкую ладонь, я морщусь, пытаюсь понять, как избавиться от дюжины тварей. Так просто их оставлять нельзя, могут пострадать люди. Но я не могу бросить царскую семью. Во всяком случае Радима и Дару, им смерти я уж точно не желаю.

Оглядываю каменные стены, вспоминая, как одним зимним вечером Велимир сидел со мной у печи и упрекал в излишнем риске. Тогда мы были в штабе одного из городов, я только-только вступил в особый легион Тузова. Главнокомандующий рассказывал мне об устройстве главной крепости, упомянув тайные ходы.

Пусть я и считаю это глупостью и обычным слухом, но я ощупываю шершавые стены под удивлённые взгляды царя и царевича. Дара же, полностью мне доверившись, лишь испуганно поглядывает на поднимающихся мертвяков. Тут я нахожу небольшой каменный выступ и со всей силы нажимаю на него. Стена расступается, открыв тёмный проход.

— Сюда, — велю я. — Это единственный выход.

Пропускаю царскую семью вперёд, а сам бросаюсь на оживившихся мертвяков, которым явно не по вкусу, что добыча скрывается в тайном проходе и неизвестном для них направлении. Лезвие меча врежется в череп одной из тварей, ловко перерубает тела мертвяков пополам. Руки движутся быстро, меч крутится из стороны в сторону, поражая тварей и то, что от них осталось. Проход уже закрывается, и через пару секунд царская семья будет в безопасности. Мне же останется избавиться от неубиваемых мертвяков и помочь остальным стражникам с Юстрицей.

Лезвие свистит, кто-то дёргает меня за ворот кафтана, утаскивая за собой, и клинок пронзает лишь воздух вместо мертвяка, чьи руки тянутся ко мне. Проход закрывается прямо перед моим носом, давая тьме укрыть нас полностью.

Зажигаю кончик креста, наткнувшись при слабом свете на виноватое лицо царевича.

— Они могли убить тебя, — оправдывается он.

Знал бы он, как ошибается!

Я ничего не говорю, оглядываясь кругом. Проход узкий, вниз ведёт древняя крутая лестница, на которой из-за темноты можно запросто сломать шею и другие кости. Разжигаю пламя сильнее.

— Царевна, если вы не против, то мы с вами пойдём первыми.

Дара послушно и даже с нескрываемой радостью вцепляется в мою руку, спускаясь вместе со мной. Она аккуратно ступает на каждую ступеньку, пока я освещаю весь путь. Чуть подалее идут царь и его сын.

— Так значит, в Ордене есть тайные ходы? — спрашивает царь, оглядывая стены, покрытые мелкие трещинами.

— Ходили слухи, — пожимаю я плечами. — Я не был уверен, но как оказалось, некоторые сплетни правдивы.

— Но для чего они?

— Возможно, для отступления. Или выведения жителей в безопасное место, — делится догадками Радим. — Тайных ходов может быть много, и все они могут вести в разные места.

Заинтересованность царя в тайных ходах крепости мне совершенно не нравится. Как и то, что Радим не думая говорит свои предположения, которые вполне могут оказаться верными. На Великомир могут напасть соседние страны, и в таком случае должен быть предусмотрен план отступления и спасения людей. Вот только куда ведут тайные лестницы и коридоры — неизвестно. Возможно, они не уходят дальше территории Ордена.

Царь разглядывает каждую трещинку, точно уже продумывает, как можно использовать тайные ходы. Мы же доходим до конца лестницы, и перед нами возникает старая трухлявая дверь. Отпускаю руку царевны и выламываю дверь ногой, чьи щепки летят вперёд — в небольшое помещение.

— Мы под землёй, — восхищённо выдыхает Дара, когда мы ступаем на пыльную и сухую землю. Я же окончательно доламываю дверь, отставляя деревянные куски у лестницы.

Когда мы входим, моё внимание и интерес царя цепляется за одно и то же.

А именно за книжный шкаф и стоящий поодаль него письменный ветхий стол со старым стулом. На деревянной поверхности разбросана пожелтевшая и исписанная каракулями бумага, в некоторых местах чернеют кляксы от чернил. Книги в шкафу перевернуты, некоторые и вовсе валяются на полу.

— Ты знал об этом месте, капитан? — спрашивает царь, подходя ближе к столу и хватая ближайший листок, вчитываясь в неразборчивый почерк.

— Нет, — честно признаюсь я.

— Что же, нам повезло, что стражи настолько предусмотрительны, что даже подумали о подземных ходах, — царь усаживается за покосившийся стол, проявляя всё больший интерес к неизвестным и старым бумагам. — Думаю, Юстрица или нечисть нас здесь не достанет. Можно переждать здесь.

Радим даже не заходит в подземное помещение, а лишь усаживается на ступеньки вместе с сестрой, прижимая ту к себе. Я же вытаскиваю из шкафа маленькую потрёпанную книжку, чьи страницы вздулись, точно от влаги. Рядом с ней лежит множество древних фолиантов, до которых я не решаюсь прикоснуться, боясь, что ветхие страницы от одного лишь прикосновения превратятся в пыль.

На заплесневевшей обложке нет какого-либо названия. Я же открываю на случайной странице, вчитываясь в корявые буквы:

«В последнее время тучи, застывшие в небе, становятся всё угрюмей и угрюмей. Междоусобицы князей продолжают, с каждым днём правители всё больше и больше переходят черту. Бессмысленным бойням нет конца. А теперь ещё и земля волнуется: что-то происходит в двух соседних мирах, что-то Яви не нравится настроение Прави⁴⁸ и Нави. Даров становится всё больше и больше. Парочку таких ребят я приютил, но надолго оставаться они отказываются, оправдываясь, что не хотят тревожить меня. Гонятся за ними, бедными, да они не сделали ничего плохого. Лишь силой стали обладать. Почему так — я не знаю. Найти этому объяснение так же трудно, как и донести до князей, что войны нужно прекратить. Иначе некем будет уже править...»

Недоумённо смотрю на текст. Последние князья в Великомире были больше сотни лет назад, на смену им пришёл род Зареславских, что по-прежнему правит Великомиром. Сколько же лет этим записям? И что они забыли под крепостью Ордена, если в те времена стражей попросту не было?

Переворачиваю несколько страниц вперёд:

«Драговиту не здоровится. Жар не спадает, постоянно что-то бормочет и плачет, точно видит кошмары наяву.

Боги развязали войну между своими мирами, но Явь всё равно будет затронута, это ясно, как день. Земли Великомира и так пропитались кровью, теперь же прольётся ещё больше.

Недавно вернулся из Баглара, говорил с берендеями, пытался уговорить помочь тем, в ком проснулись необъяснимые дары. Они согласились. Я всегда считал этот народ мудрым. Осталось лишь незаметно провести дюжину людей — если не больше — в Морозные горы. Но вместе с тем я не могу оставить брата».

Переворачиваю страницу.

«С каждым днём ему всё хуже и хуже. Кое-как мне удалось разобрать его слова, но в них нет никакого смысла. Они никак не связаны и больше напоминают бред сумасшедшего. Драговит говорит о крике златого лика. Бормочет об уходе владык-зверей. Мямлит про колыбельную тьмы мертвецов».

В голову врезаются слова Есения: «По миру запоёт колыбельная тьмы мертвецов».

«Наверное, это единственное, что я понял из его слов. Я слышал про колыбельную от Алконост⁴⁹, но не воспринял её слова всерьёз, когда птица говорила о мощи тёмных богов. Теперь же я понимаю, что обязан овладеть этой колыбельной. Она даёт власть над нечистью: над лихо, над бесами, над жердяями, надо всеми! Её слова усиливают тварей, даже позволяют находиться под солнцем».

Вот оно... То, что я искал эти месяцы. Объяснения всему, что творится в Великомире с лета. Всё дело в колыбельной тьмы мертвецов. Тогда всё складывается в голове, и на ум приходит лишь один вывод. Страшный, которой меняет всё в этом мире, ставя под угрозу жизнь каждого в стране.

Нечистью кто-то управляет.

Несколько страниц грубо вырваны, и запись начинается с середины:

«Драговит постоянно твердит о соловье, точно у него припадок. Не спорю, певец садов — занятная птичка, но, боюсь, говорит мой брат далеко не о нём. А говорит он много, так много, что всего не упомянуть. Тараторит, да так быстро, что и половины не разобрать. Но всё же кое-что я запомнит:

«Грядёт Соловей. Не единственный, но последний. Родится во тьме Велеса. Не принял Правью. Отвергнут Навью. Гоним Явью. Ускользнул от костлявых рук, а зимние пальцы захватили и держат, не хотят отпускать. Душа замерла, остановилась, в смерти застыл он. Соловей пением границы развеет. Установит свободу, уберёт концы трёх миров. И не уйдут от него белые».

Он твердит что-то ещё, но слов не разобрать. Драговит несколько недель не спит и ничего не ест. Всё говорит и говорит, словно молитву читает. Хотя, учитывая происходящее, скоро я начну лезть на стенку и просить богов прекратить это безумие: сегодня пало ещё одно войско вместе с храбрым воеводой, моим другом. Подумываю перебраться в Морозные горы, к берендеям. До них битва не доходит. Но как быть с моим братом, который и с места ни двигается, ни отзывается на своё имя, ни смотрит на меня, — понятия не имею.

Помимо Соловья он говорит о...»

Дальше страницы вырваны. Листаю в самый конец, натываясь на короткую запись:

«Ничего другого, уходя из Ордена, ожидать не следовало. Но я ожидал. Верил, что мои труды были не напрасны. Но Великомир изменился. Изменились и принципы этой теперь прогнившей страны. Кровопролития не прекратились. Берендеи уничтожены. Всё, как и говорил мой брат. И это моя вина».

На этом дневник заканчивается. Я же едва не роняю книжку, вспомнив, что война с Багларом закончилась двадцать семь лет назад. События, упомянутые до этого в дневнике, судя по всему, происходили во времена Святочной эры. А это более сотни лет назад. Но почерк записей не отличается, одинаково размашистый и корявый, будто каждое слово автор писал второпях, но считал своим долгом вылить все свои мысли на бумагу. Кто же тогда автор дневника? Сколько он прожил в этом мире? И жив ли до сих пор?

Надпись «Всё, как и говорил мой брат» обведена в кружок, под которым мелкими буквами подписано: «И в землю погрузятся владыки-звери». Чернила этих слов выглядят совсем недавними, во всяком случае они намного ярче тех, которыми исписан весь дневник. И почерк другой: мелкий, аккуратный, тонкий.

«И в землю погрузятся владыки-звери» ...

«Бормочет об уходе владык-зверей» ...

«Всё, как и говорил мой брат» ...

«Берендеи уничтожены» ...

Брат хозяина дневника предсказал истребление берендеев, которые могли оборачиваться зверями — грозными медведями. Неужели всё, что говорил Драговит, сбылось? Или сбудется в будущем? Если так, то в каком будущем — в ближайшем или далёком, как солнце? И что значат все его слова? Кто такой Соловей?

Перечитываю слова о Соловье, быстро запоминая их наизусть. Листаю весь дневник, постоянно натываясь на упоминания брата автора, благодаря которым во мне крепнет уверенность, что Драговит — это последний святой. Обращения к Санкт-Драговиту⁵⁰ запрещены, ибо сводят стража с ума, тот попросту не выдерживает открывшееся для него будущее и кончает с собой. Все предсказания святого были утеряны или уничтожены. И прямо сейчас я держу книгу, где большинство из них записаны.

Драговит предсказал восшествие рода Зареславских на престол. Предсказал появление Ордена и их обращения к святым. Записано это такими же запутанными словами, как и всё, что он говорил. Но то, что уже произошло, разобрать и понять гораздо проще, чем то, что, видимо, произойдёт. Возможно, это потому, что случившееся обведено в кружок яркими чернилами.

Глупо надеяться, что свою лепту в дневник внёс не тот, о ком я подумал сразу же, как прочитал предсказания Драговита.

Мне срочно нужно найти Есения.

Глава двадцать первая. Бой с духом, несущим гибель

Аня

— Бегите! — выкрикиваю я, мчась со всех ног на помощь замершим от ужаса жителям, наблюдающим за летящей Юстрицей.

Дух приземляется на крышу крепости. Вроде как, над начальным коридором. Даже думать не хочу, есть ли там кто-то из Ордена, потому как не хочу представлять мёртвые тела стражей, что могли попасть под завал.

— Здесь небезопасно, вам нужно уходить, — говорю я тощей женщине, рядом с которой стоит мальчик трёх лет, крепко держась за мамин передник.

Хватаю малыша на руки и тяну женщину за собой, уводя семью подальше от твари, чьи несколько голов спрятались в проделанной в крыше дыре.

— Сюда! — машет мне Данияр. За его спиной стоит богатый и огромный терем, явно принадлежащая влиятельному боярину. — Здесь огромный винный погреб, людям должно хватить места.

Передаю мальчика его матери, а та спешно вбегает в терем вместе с другими людьми, которым не повезло оказаться на Площади Чести. Оглядываюсь в поисках людей. Большинство забились в ближайšie дома или спрятались под обломками тех, что успела разрушить Юстрица крыльями. Та тем временем истошно ревет, высунув все головы наружу. Их шипение настолько громкое, что кажется, будто змеиные языки поблизости, достаточно обернуться, чтобы встретиться с жёлтыми щёлками и принять смерть от ядовитых клыков.

Вокруг крыши, на которой засел дух, собрались стражи — капитаны и генералы. Те атакуют одновременно: кто-то использует огонь, другие пытаются ослепить птицу, а третьи с помощью обращения к Санкт-Варваре руководят мечами, намереваясь разом отсечь все девять чешуйчатых голов.

Юстрица взмахивает кожистыми крыльями, и половина стражей теряет концентрацию: их точно сбивает с ног сильный порыв ветра. Дух шипит, взмывает в воздух и проносится над атакующими стражниками. Те ничего не успевают сделать, как оказываются на коленях, прижимая чернеющие руки к горлу и задыхаясь. Долго это не длится: тела мёртвой грудой валятся за землю, больше не смея шевелиться.

Сглатываю, но продолжаю бежать, завидев крохотную девочку, пытающуюся слабыми руками поднять деревянную балку.

— Не волнуйся, — сдавленно говорю я, подоспев на помощь. — Всё будет хорошо, скоро ты будешь в безо...

Осекаюсь, стоит мне поднять балку. Я думала, что под ней мать или отец девочки, или кто-то из её близких. Так и оказалось: под деревянным брусом лежит юноша лет пятнадцати. Глаза его плотно закрыты, а из виска вытекает кровь, что уже образовала под худым телом тёмную лужу.

— Б-блатик... — нижняя губа малышки дрожит, а мои руки при виде мёртвого подростка тут же становятся немощными и слабыми.

Отбрасываю балку в сторону, тяжело дыша. Хрупкие и бледные руки девочки тянутся к телу брата, точно малышка хочет обнять его, лечь рядом с ним и закрыть глаза так же, как и он. Не знаю, понимает ли она, что её брат мёртв, или считает, что он спит, но думать об этом нет никакого желания, поэтому я резко подхватываю девочку на руки, и та отвечает вполне ожидаемым сопротивлением.

— Там блатик! — вопит она, вырываясь и громко плача.

— Знаю, — на глазах выступают слёзы, хотя я не знаю даже имени юноши. — Мы ничем не можем ему помочь, — неприятная горечь обжигает язык.

Девочка колотит маленькими кулаками мою спину, а потом её гнев переходит на другого стража, которому я передаю зарёванную малышку, не смея посмотреть ребёнку в покрасневшие глаза.

Юстрицы не видно. Во всяком случае на крышах и башнях крепости её точно нет. Да и у царского дворца духа не видно. Зато скользкое шипение доносится за моей спиной.

— Дерьмо... — на одном выдохе шепчу я, отпрыгивая вперёд от змеиных голов и падая лицом вниз, содрав кожу на руках в кровь.

Сдуваю волосы с лица, переворачиваясь на спину. На меня надвигается чёрное нечто с тёмными крыльями, один взмах которых может меня прикончить, и змеиными головами, чьи чешуйки недобро сверкают, переливаясь. Глаза жёлтые и зверские, языки у голов тонкие и фиолетовые, напитанные ядом. На чёрных, как ночная тень, лапах видны острые когти, похожие на смертоносные лезвия.

И сейчас всю свою мощь — и яд, и удар змеиных голов, и длинные когти, и острые клыки, и могучие крылья — Юстрица собирается вылить на меня. Я же встаю, доставая чёрные нити и накручивая их на кончик креста, мысленно матерясь и проклиная всё, на чём только свет стоит.

Девять шей Юстриц выгибаются, готовясь нанести резкий и сокрушительный удар. Я же взмахами посылаю всполохи огня, парочка из которых попадают в глаза твари, ослепляя ту ненадолго. Юстрица вопит от боли, круша длинным и толстым змеиным хвостом всё вокруг, даже нетронутые дома. А у меня появляется шанс уйти как можно дальше, чем я с удовольствием пользуюсь, пускаясь в бег.

Юстрице же мой уход не нравится, всё-таки некрасиво ослеплять, а потом делать ноги, поэтому дух взлетает вверх, быстро догоняя меня. Птице остаётся лишь спикировать и коснуться меня крыльями, одной из голов, когтями, чем угодно, и мор расползётся по моему телу с небывалой скоростью. Не знаю, выживу ли я в третий раз, но проверять нет никакого желания.

— Берегись! — Ру метает молнию, попадая в крыло духа, а я прячусь за избой, откуда и стрелял страж. — Многие из капитанов и генералов мертвы.

— Мор действует так быстро? — пытаюсь отдышаться, спрашиваю я.

— Впервые вижу такое, — мрачно замечает Луиза, выглядывая из укрытия. — Обычно, мор Юстрицы не такой мощный и быстрый. Люди умирали минимум через два дня, но не через несколько минут, а то и секунд.

— Умирали? Ты раньше встречала Юстрицу? — недоумённо уставляюсь я на стражницу, но взгляд её бирюзовых глаз даёт понять, что сейчас не время для вопросов.

Дух летит прямо на нас: Ру успевает лишь прыгнуть в сторону, а Луиза тянет меня за собой, уходя в другую. Больно ударяюсь подбородком, зубы неприятно и звонко щёлкают, прикусывая язык. Встаю и успеваю помолиться Санкт-Ангелии, поставив воздушный щит перед собой и Луизой, когда Юстрица, опускаясь, вытягивает когти, норовя нас пронзить. Тонкие лезвия пробивают защиту, оказавшись в нескольких дюймах от моего лица. Юстрица вновь летит к небу, готовясь к очередной атаке. На этот раз она ждёт момента, когда её жертвы — мы — будем не готовы и явим свою уязвимость,

— Её нужно отвлечь, — говорю я. — И желательно, привлечь внимание всех девяти голов.

— Юстрица не такая глупая. Сзади к ней подобраться не получится, а уж тем более отрубить головы разом и одним мечом, — понимает мой замысел Луиза.

— А если связать её? — мигом предлагаю я. — Укрепить нити, связать головы и...

— На укрепление нитей нужно много сил. Подобное можно поручить лишь опытным стражам — капитанам и генералам.

— Вот и отыщи их, — велю я. — А я займусь птичкой. Встретимся на полигоне!

— Аня! — но Луиза не успевает меня остановить.

Я бегу, подняв руки и маша ими из стороны в сторону, привлекая внимания змеиных голов.

— Эй, курица общипанная! — сую два пальца в рот, выдавая протяжный свист. — Я здесь! Ну же, посмотрим кто победит: петушиная змея или тощая девчонка!

Мой крик привлекает Юстрицу, как я и планировала. Дальше дело за малым: остаться в живых и добежать до полигона. Места там предостаточно, чтобы укротить птицу. Мой план держится на одной лишь удаче, и гораздо больше шансов, что он с треском провалится. Будь здесь Александр, он бы придумал план получше. Да чего уж там, не удивлюсь, если капитан способен в одиночку справиться с Юстрицей! Смерти он не боится, а даже наоборот — отчаянно ищет. Поэтому мор ему не страшен.

Перепрыгиваю через разрушенные дома, всё ближе и ближе подбегая к крепости. Ворота разрушены, поэтому я сразу бегу на полигон, а не обхожу весь Орден, чтобы подобраться к полю тренировок.

Полигон пуст. Кого-либо из стражей на нём нет. Первая трещина в плане расплзается широкой паутинкой по нему всему.

Юстрица с грохотом опускается на траву, пока я верчу головой, пытаюсь что-то придумать. Со стороны площади замечаю фигуру в белом кафтане: Данияр, серьёзный и суровый. В сильных ладонях он сжимает нити и крест, подбегая ко мне.

— Аня! Прячься! — орёт он, когда Юстрица, встав на когтистые лапы, взмахивает одним крылом, чуть не поражая меня. Но я лишь отделяюсь падением и ушибом в плече. — Аня! — Данияр не теряет попыток дозваться до моего разума, но уходит мне некуда.

Юстрица гремит и ревет, бьёт хвостом по земле, что ходит рябью, так и не давая мне восстановить равновесие. Крепость ходит ходуном, каменные куски отваливаются, грудой летя прямо вниз. Едва успеваю уйти от них, иначе я бы в следующий миг превратилась в лепешку. Как и Данияр, который вытаскивает меч, смело идя на Юстрицу, чей гнев не уменьшается.

Очередной удар хвостом — и Данияра отбрасывает в сторону — к груде каменных обломков, из которой торчит штырь с символом Ордена.

И этот штырь пронзает Данияра насквозь.

— Данияр! — кричу я, когда изо рта стража ручьём стекает кровь.

Пытаюсь подбежать к нему, но Юстрица загораживает Данияра, загоня меня в угол. Языки шипят, головы извиваются. Крепко сжимаю крест, пытаюсь сообразить, какая молитва лучше подойдёт против твари. Слепить её теперь не получится — Юстрица уже знает этот трюк, поэтому её головы виляют из стороны в сторону как бешеные, запутывая меня. От их стремительных движений голова идёт кругом, обращения теряются, сосредоточиться невозможно.

Но я выбираю и дальше следовать своему плану. Хотя бы ради Данияра, мысли о котором вызывают приступ колючих слёз и жгучую ярость.

Укрепить нити трудно. Для этого необходимо обратиться к Санкт-Марье и перенаправить полученные силы на нити. Главное, не перестараться, иначе можно получить труху вместо желанного результата.

Дело усложняют постоянные удары Юстрицы, что сопровождаются оглушительным клёкотом, бьющим по ушам и заглушающим собственные мысли. Не поняв, обратилась ли я святому или нет, пытаюсь нащупать силу, которая, по идее, должна пульсировать у меня в руках.

Видимо, всё-таки не обратилась.

Крылья духа схожи с наточенным лезвием. Похоже, Юстрица пытается не просто заразить меня, а именно убить. Видимо, ей хочется, чтобы я упала замертво. А от мора или расчленения — ненужные детали.

Удар приходится по кафтану, разрезая приятную белоснежную ткань. Больно ударяюсь боком и тут же перекатываюсь, предчувствуя, как змеиные головы разом хотят обрушиться на меня. На земле остаётся вмятина с прижатой травой и широкими трещинами. Сглатываю, понимая, что через несколько мгновений в то же самое превращусь и я.

В глазах от многочисленных ушибов темнеет, кое-как поднимаюсь на ноги, чтобы просто убежать; чтобы просто найти Данияра, снять его со штыка, убедиться, что он жив, что ещё дышит, что ещё не всё потеряно; чтобы просто хоть что-то сделать, а не стоять перед Юстрицей, смиренно ожидая собственной кончины.

Практически ничего не вижу, ноги подкашиваются, желание бороться за жизнь стремительно тает, будто устав звенеть у меня в голове как нечто важное и нужное. Оно уходит, быстро и спешно, не желая больше задерживаться.

В тот момент, как я обессиленно падаю, сделав пару-тройку шагов, мне кажется, будто по крыше Ордена бежит маленькая фигура с копной белёсых волос и в синем одеянии.

— Есений... — молвлю я, почти полностью погрузившись во тьму. В ней мне не важна Юстрица, чьи девять голов уже собираются впиться зубами в моё тело.

Тьма отступает так же быстро, как и появилась: её прогоняет яркая вспышка молнии, что стрелой попадает в тело Юстрицы, заставив ту встать на дыбы и отойти от меня. Приподнимаюсь на локтях и вижу перед собой спину Есения. Его бледные ладони покрыты мелкими царапинами, в руке он сжимает крест, светлые волосы развеивает ветер. Лицо стража я не вижу, но всем телом ощущаю его ярость и злость, что остриями впиваются в него и дёргают за нужные ниточки, управляя им.

Никогда не видела его таким. Почему-то мне казалось, что Есению чужд гнев.

Есений поднимает руку и вспышкой исчезает, из-за чего мне теперь кажется, что стража тут никогда и не было и он мне попросту привиделся. Но тот оказывается сзади Юстрицы, щёлкает пальцами, и в глаза духа — во все девять пар — ударяют солнечные зайчики. Птица топчет землю, вопя и орудуя крыльями, точно так она пытается сотворить с Есением то же, что сделала и с Данияром. Но Есений стоит неподвижно: светло-голубые глаза блестят, губы поджаты, на лице проступают желваки. Его походка твёрдая и опасная, точно Есений голыми руками способен свернуть девять змеиных шей.

Он взмахивает руками, и с них слетает огненная шипящая плеть, чьё пламя переходит на землю, стремясь к Юстрице. Жар сковывает духа в кольцо, птица пытается взлететь, чтобы выбраться из ловушки, но её точно что-то удерживает. Будто кольцо пламени не даёт ей выбраться на свободу. Есений же, подобно буре, движется к ней. Плеть возгорается ярче.

Страж поднимает руки на уровне груди, растягивая плеть и превращая её в тонкое, но крайне острое лезвие. Он обращается с огнём, будто бы не просто молится святому, а словно эти силы у него есть без всяких обращений к мученикам.

Резкий взмах — и широкое пламенное лезвие с мокрым хрустом отсекает девять голов, что гулко обрушивается на землю. Обезглавленное тело с таким же грохотом припадает к земле, и языки огня тут же переходят на него, пожирая.

— Есений... — кое-как встаю, ковыляя к стражу.

Тот смиряет меня колючим взглядом, от которого меня точно прошибает холодом. Останавливаюсь, не смея сделать и шага дальше или что-либо сказать. Сглатываю вязкую

слюну и оглядываюсь по сторонам.

— Данияр! — только вспоминаю я и бросаюсь к стражу, что неподвижно лежит в груди обломков.

Ноги болят, но через силу я всё же дохожу до Данияра, падая прямо перед ним. Штырь пробил грудь насквозь, на белом кафтане алеет тёмно-бордовое пятно. Глаза Данияра закрыты, рот едва приоткрыт, из него струёй стекает кровь, падая на одежду.

— Данияр? — шепчу я, дотрагиваясь до лица стража. Холодное, мокрое и липкое. — Данияр?! — срываюсь на крик, дрожащими руками нащупываю пульс, молясь всем святым услышать хотя бы слабые удары.

Проходит секунда. Затем другая. И третья. Надежда тлеет.

Первый удар оказывается тихим, едва слышным, точно сердце Данияра выжимает по крупице своих возможностей, борясь за жизнь хозяина. Второй стук оказывается таким же. По щекам бегут слёзы, я озираюсь по сторонам, надеясь отыскать того, кто может помочь, ибо времени у Данияра катастрофически мало.

Но полигон пуст.

Есений вновь куда-то исчез.

Глава двадцать вторая. Соловей

Александр

Дневник небольшой по размеру, вполне поместится в кармане кафтана. Оставлять дневник мне не хочется, потому что знаю, чем это может обернуться. Царь и без того с интересом перечитывает некоторые бумаги по несколько раз, точно пытается выжать из каждого слова весь сокрытый смысл. Дневник с предсказаниями о будущем не должен попасть в руки Мечислава. А ещё до него не должны дойти сведения, что в Ордене ходит страж с такими же причудами, что и у последнего святого.

Есений видит будущее и говорит о нём мудрёными фразами. Что же, во всяком случае, теперь я понимаю, почему его глаза всегда мокрые от слёз. Похоже, картины будущего весьма удручающие. Но как Есений стал таким? Когда он попал в мой отряд, все странности Есения были при нём.

Есения переводили из отряда в отряд, никто не мог стерпеть его причуд. Мне же важны в первую очередь умения, а языком я могу потрепать и за двоих. Я был подавлен смертью предыдущего отряда, поэтому нескоро обратил внимание на особенности стража. Ко всем его словам я относился несерьёзно, как и другие, не придавал особого значения. И тем самым поступил крайне глупо.

Как бы оно ни было, я должен найти Есения и выяснить, что же с ним происходит. А ещё нужно рассказать Велимиру о колыбельной тьме мертвецов, из-за которой нечисть и стала сильнее.

Среди всей этой череды вопросов есть не менее важный: кто такой Соловей? Раскрываю дневник на нужных страницах, ещё раз вчитываясь в слова. Большинство строк остаются для меня неясными, но всё же я что-то да разбираю.

«Родится во тьме Велеса» — сам Велес⁵¹ здесь ни при чём, речь наверняка идёт о Велесовой ночи⁵², что наступает, когда сумерки опускаются в последний день октября. Длится она до рассвета первого ноября. Мама часто говорила, что я появился на свет, когда тьма легла на город, а небо стало тёмно-синим с россыпью многочисленных звёзд.

Святые мученики...

Возможно, это обычное совпадение, ничего большего, но я родился именно в Велесову

ночь. Однако, читая следующие строки, чей смысл мне понятен, я убеждаюсь, что это не может быть обычным совпадением.

«Душа замерла, остановилась, в смерти застыл он».

Сомнений у меня нет, в отличие от желания, чтобы всё это было ложью. Эти слова описывают меня и моё небьющееся сердце, из-за которого я не могу быть полностью живым.

Вот же...

— Капитан, — сладкий голос царя отрывает меня от размышлений. — Всё в порядке? Ты резко побледнел.

— Просто не хватает воздуха, Всемиловейший государь, — отмахиваюсь я, мигом приняв невозмутимое выражение лица, точно читал детские сказочки, а не предсказание о себе самом.

И судя по всему, неполное предсказание, ибо многое автор, по своим же словам, упустил и не записал.

— Мы здесь сидим довольно-таки давно, — соглашается царь. — Неужели опасность до сих пор не миновала?

Он говорит таким будничным тоном, что мой желудок скручивается, заставив пожалеть о количестве выпитого невкусного алкоголя на празднике, точно теперь его мерзкий вкус бьётся об стенки внутренностей. Царь говорил не о сражении людей с опаснейшим духом, чьи прикосновения сулят верную, быструю и мучительную смерть, а о чём-то обыденном. Точно это стражи виноваты в том, что ему приходится отсиживаться, пока члены Ордена рискуют собой и погибают.

Как же просто он говорит о человеческих жизнях. Словно о разменных монетах.

Сжимаю ледяной крест, который будто бы перенял мой холод, и обращаюсь к Санкт-Илье, сосредотачиваясь на звуках, что происходят снаружи. Так просто уйти из тайного прохода я не могу, даже под предлогом проверить обстановку. Царь найдёт нужную лазейку, чтобы держать меня в поле зрения. А в глазах царевича и царевны я должен быть добросовестным стражем, который голову готов положить ради жизни других.

Может, голову ради чужих жизней я и положу. Но точно не ради жизни царя.

Шума слишком много, сложно сосредоточиться на одном и распознать его среди тысячи. Пытаюсь поймать звук Юстрицы, её рёв, хлопанье крыльев, удар хвостом, но ничего подобного нет. Настроение криков смешиваются: одни радуются, другие рыдают навзрыд. Среди них я нахожу то, что мне и нужно.

— Юстрица убита, — сообщаю я.

— А что насчёт тех тварей? — спрашивает Радим, явно имея в виду мертвяков.

— Не знаю. Упоминаний о них нет, точно они... Испарились. И судя по всему, видели их только мы, — говорю я, быстро убирая дневник в карман и направляясь к крутой лестнице, зажигая на кресте новое пламя, ибо предыдущее из-за последней молитвы заметно потухло.

— А как вы поняли, что Юстрица мертва? — живо интересуется Дара, сорвавшись с места и догоняя меня. — Это силы стражей? Молитва к bravому охотнику Санкт-Илье?

— Да, — немного ошарашенно отвечаю я. Не думал, что царевна так увлечена Орденом. Надеюсь, её интерес к стражам передался не от отца, что хмуро идёт позади вместе с царевичем.

Могла ли Юстрица действовать под контролем колыбельной тьмы мертвецов? Распространяется ли она на духах? И если да, то кто обладает подобным могуществом —

подчинять нечисть? Причём не только смертников, но и естественную. И могла ли быть замешена колыбельная в гибели деревни и смерти кадетов? Если это действительно так, а в возможности этого я практически не сомневаюсь, то тот, кто разрушил дом Ани, и стоит за ужасами, происходящими сейчас. Но почему он ждал пять лет? Что он преследовал и чего хочет сейчас?

Эти вопросы лучше обсудить с Тузовым, самой Аней и всем моим отрядом. Но первым делом я бы предпочёл найти Есения, которого не было на празднике. А перед этим неплохо бы избавиться от общества царя.

Нащупать нужный каменный выступ на этот раз оказывается проще. Стена расступается перед нами, а глаза, привыкшие к темноте, режут солнечные лучи. Погром стоит тот ещё: некоторые башни крепости рухнули, а вместо патруля теперь пропасть, в которой валяются обломки моста. Внизу тех мертвяков не видно, будто они действительно испарились.

Идти приходится длинным путём, обходя всю крепость. По пути нам не попадается ни один из стражей, никто из царской семьи не пытается завести разговор. Неожиданно царь останавливается в коридоре, отведённом для капитанов, облокотившись об стену. Рукой он прикрывает рот, глухо кашляя.

— Всемиловейший государь? — Радим подлетает к царю, когда тот сползает по стене, всё ещё кашляя и держа руку у рта. Сквозь ладонь на пол падают капли крови.

Царевич опускается рядом со своим отцом, чей лоб покрывается испариной. Я подхожу ближе.

— Что с ним? Такое бывало раньше? — спрашиваю у Радима, но по виду царевича можно легко догадаться, что тот видит происходящее с царём впервые. Он мотает головой, но слишком неуверенно. А тем временем кашель царя усиливается, он чуть ли не задыхается.

Мысленно чертыхнувшись, велю Радиму открыть третью дверь. Помогаю царю подняться и вешаю его свободную руку себе на плечо. Мечислав еле передвигается, кажется, ещё чуть-чуть, и он рухнет в обморок. Царевич распахивает дверь, и я вношу царя в свой кабинет, усадив того на лавку. Кидаюсь к шкафу с выпивкой, искренне веря, что там найдётся вода.

— Ты собираешься опить царя?! — вскипает Радим. Дара же молча сжимает руку отца, точно так она сможет ему помочь. Его кашель не прекращается, а крови становится значительно больше.

— Смелое предположение, но нет, — откупорив очередную бутылку и понюхав, я наконец нахожу воду, наливая полную кружку. — Я не лекарь, но вода обычно помогает в любых случаях, так ведь?

Царь отнимает руку ото рта, принимая воду. Пьёт он медленно, мелкими глотками, иногда прерываясь на кашель. Не выпив и половины, он хрипит:

— Рылов... Позови Рылого...

— Я приведу лекаря, — решаю я. — Ну, и главнокомандующего Рылого, раз он вам так нужен.

— Нет... — царь вцепляется в рукав моего кафтана. — Радим, приведи... — он снова заходится в кашле. — Приведи Рылого. Забери Дару.

— Но Всемиловейший государь... — лепечет царевич.

— Живо!

Радим не смеет ослушаться царя, хватая сестру за руку и идя к выходу. Довольно-таки странно отправлять за главнокомандующим царевича, который даже не знает, как устроена

крепость.

— Вы ведь поможете ему? — спрашивает Дара, обратив на меня взгляд синих глаз, чей цвет в точности такой же, как и мой. — У стражей же есть святая, что лечит... — всхлипывает царица, упиравшись, пока брат уводит её.

— Да. Есть.

И обращения к этой святой сложны настолько, что доступны лишь знахарям, которым я не являюсь.

— Идите до конца коридора, а дальше вниз и налево, — быстро говорю я. — Выйдете на полигон и разберётесь.

Радим благодарно мне кивает, спешно уходя и уводя сестру, которая явно не хочет оставлять отца. Я же, сам того не ожидая, прислушиваюсь к царице. Достаяю из стола клубок серебристых нитей, надеюсь, что хотя бы они помогут мне справиться с недугом царя.

Даже смешно от мысли о том, что я спасаю того, кого ненавижу.

Кашель царя не прекращается.

— Я бы предпочёл, чтобы ты умер, — злобно и тихо бросаю я, наматывая нить, не глядя на царя.

— Другого... Другого я от тебя не ожидал, — усмехается тот, и на его зубах темнеет кровь.

Царь неожиданно вскакивает с лавки, точно не бился в удушающем кашле последние несколько минут. Я ничего не успеваю сделать, как что-то острое вонзается мне в грудь и легко поворачивается внутри.

— Кхр-р... — выдавливаю я, роняя нити и выплёвывая кровь. Царь, криво ухмыляясь, придерживает меня за загривок, чтобы я не упал. Опускаю взгляд и вижу в его руках рукоять короткого кинжала, чьё лезвие полностью вошло мне в грудь, пронзив сердце.

— Ну тише-тише... — почти ласково приговаривает царь. — Тебе же не впервой умирать, мог бы уже и привыкнуть.

Глава двадцать третья. Бессилие, лишаящее жизни

Аня

Я помогаю лекарям отнести Данияра на носилках. Знахари обещают, что помогут ему и другим раненым, но произносят они это так отрешённо и безучастно, что я ощущаю повисшую в воздухе ложь. В неё хочется верить, она сказана с целью помочь, но горечи и пепла в ней столько же, сколько и в самом ядовитом обмане.

— Я могу помочь, — тихо сообщаю я лекарям, вносящим искалеченного Данияра во временный лазарет, ранее представляющий из себя боярский терем.

Те ничего не отвечают, будто не услышали, и быстро уходят, исчезая среди других стражей, снующих туда-сюда. Служащие Ордена постоянно вбегают в терем и выбегают из него, создавая толпу, состоящую из фигур в белых кафтанах. Моя помощь стражам точно не помешает, во всяком случае бегать за лекарствами я тоже могу. Уже хочу присоединиться, как меня окликают свистящий голос.

— Я тебя везде ищу, — говорит Ру, подходя ближе.

— Что-то случилось?

— Да. Ты ранена.

Устало вздыхаю.

— Ру, ничего серьёзного...

— Это уже мне как лекарю решать, — следует ответ.

— Ру, — я понижаю голос, говоря на несколько тонов тише. — Ты же знаешь, что это и впрямь обычные ушибы. Они заживут, не оставив и следа. И помог бы лучше другим!

— Знаю. Прости, — страж поджимает губы и отводит взгляд. — Просто Саша открутит мне голову, если с тобой что-то случится. А потом тебе. Ну, и снова мне в придачу.

— Где он?

— Не знаю. Но надеюсь, что под удар Юстрицы он не попал, как другие капитаны.

В последний раз я видела Александра в зале, когда царь уводил его на личный разговор. Не знаю, где был капитан во время нападения, но я согласна с Ру. Неожиданное воскрешение Александра после поражения мора будет невозможно скрыть.

Я хотела поговорить с ним насчёт того, что он сделал с Таиславом. Стоило сразу догадаться, что ярость Александра не обернётся ничем хорошим, но я остановила эти сомнения, заставила их замолчать, потому что действительно хотела, чтобы Черменский поплатился.

Но мой страх не ушёл. Он всё ещё внутри, тихонько ожидает, когда я вновь проявлю слабость, позволю ему ухватить себя за руку и держать в каменных тисках.

Во всей этой ситуации меня испугал Александр. Никогда не видела его таким разъярённым, он будто бы был готов разнести всю крепость в щепки. Мне казалось, что он прикончит Таислава на месте, я еле держалась, чтобы не кинуться к Александру и не остановить его, ибо верила, что капитан знает меру. Его синие глаза пылали, голос звучал подобно стали. Когда же во всё вмешался царь, меня пробрало холодом от колючего осознания. И мне хочется верить, что я ошибаюсь.

В тот момент Александр был поразительно похож на царя. Осанка, умение держать себя, цвет глаз, волосы, черты лица, интонации в голосе и движения. Даже царевич Радим не так похож на своего отца, у них вообще нет ничего общего, кроме манер.

Всё это и то, как Александр отзывался о царе, натолкнули меня на странные мысли. Но лучше выяснить у самого капитана, хотя я уверена, что он будет увиливать и отнекиваться.

— Тогда помоги мне с ранеными, — просит Ру, на что я согласно киваю.

Ру ведёт меня в терем, проталкиваясь через других стражей. Вместе с этим он просит их принести травы, что уже заканчиваются у лекарей, и нити для обращений к Санкт-Ксении⁵³. Уже хочу спросить, нужно ли мне кидаться выполнять его поручения, как Ру говорит первым:

— Иди за мной. И не смотри, — тихо кидает он, даже не оборачиваясь ко мне.

Но не смотреть на это невозможно.

Людей здесь настолько много, что не протолкнуться и постоянно приходится смотреть себе под ноги, чтобы случайно не наступить на кого-то. Ру идёт быстро и уверенно, когда я едва шевелю ногами, чуть не падая на ровном месте от зловония, что пропитало эти стены. Кровь, гниль, смрад отравляют воздух, забиваются в лёгкие и горло, скручивают их до острой и кричащей боли. Но страшен далеко не запах.

Деревянный пол занят бесчисленными телами. Здесь есть и стражи, и гражданские, и дети, и старики. Кто-то корчится от боли, крича так пронзительно, что закладывает уши, и я попросту не слышу собственных мыслей, превратившихся в беспорядочный хаос. Другие медленно моргают, глядя пустым взглядом на снующих людей. Третьи... Если кинуть на них мимолётный взгляд, никак не приглядываться, то можно решить, что они спят. Но спят с закрытыми глазами, когда их — потухшие — открыты. Спят со спокойным лицом, а не заледеневшим видом. Кожа спящих розовая, а не бледно-синяя или чёрная и гноящаяся в

трещинах.

Но дикий и зверский ужас вызывают во всей этой картине четвёртые. И это живые люди.

Они склоняются над умершими в безмолвном плаче. Многие даже не имеют возможности дотронуться до погибших, дабы не получить смертельный мор. Но кто-то всё же решается рискнуть, и спустя миг падает рядом с умершим, став таким же. Слабые всхлипы превращаются в сдавленные и душераздирающие крики. Кто-то колотит по деревянному полу, вымещая свои боль и гнев. Их боль чувствуется отдельным запахом, что никогда не покидал стражей на их пути, но стал более ощутимым сейчас. Это запах бессилия, отчаяния и скорби. Этот запах обдирает лёгкие, дробит в мелкую пыль кости, сдавливает горло, ломает волю и сжигает сердце. Бессилие убивает людей изнутри, оставляя их живыми снаружи.

Многие стражи пытаются оттянуть людей и своих товарищей по службе от заразившихся. Но бессилие настолько сильно завладевает каждым, что скорбящие вырываются сквозь крики и слёзы, удары и ругань, мольбу и проклятия. Некоторым всё же удаётся освободиться и подскочить к своим близким. А затем и коснуться их. И пасть рядом с ними.

Заразившихся стражи осторожно и аккуратно поднимают с помощью воздуха и уносят, стараясь никого не задеть.

— Куда их забирают? — тихо интересуюсь я, не будучи уверенной, что произнесла вопрос вслух.

Ру указывает в сторону, и, проследив за его взглядом, я замечаю широкие окна. Кажется, они слегка помутнели, но наверняка это у меня голова кружится от происходящего. Через окна видна улица — двор терема. И неподалёку стоят несколько телег, наполненных почерневшими телами. Стражи опускают в груды трупов ещё одного бездыханного, после чего умершие покрываются янтарным огнём.

— Нельзя дать мору распространиться. К тому же у многих наверняка не подошёл срок, — говорит Ру, поднимаясь по лестнице. Я же следую за ним, крепко держась за перила, чтобы не упасть из-за тошноты. — Лекари делают всё возможное. И этого недостаточно.

Лекарей никак не отмечают в Ордене: они носят те же синие кафтаны с серебристыми узорами, их тоже посылают разобраться с бесчинствами, что устраивает нечисть, они тоже гибнут на заданиях. Лекари редко действуют одни, если только на простецких заданиях, не требующих много времени. Обычно знахарей ставят в пару с другими стражами, отправляя на более серьёзные миссии, чтобы в случае чего была оказана необходимая помощь.

Знахарь должен быть в каждом отряде. Но этим искусством, а уже тем более обращением к нужной святой, способен овладеть не каждый. Поэтому некоторые отряды обходятся без лекарей из-за их нехватки.

Когда мы поднимаемся на второй этаж, краем глаза замечаю массивную фигуру мужчины, засевшего в тёмном углу. Он нервно почёсывает аккуратную длинную бороду, поправляет богатые одежды, что блестят на нём, с нескрываемым раздражением смотрит на стражей, которые на него и внимания не обращают. Во взгляде мужчины так и читается, что вся эта ситуация его только злит.

Нетрудно догадаться, что это боярин, чей терем превратили во временный лазарет и пристанище для людей. Хоть Юстрица и убита, выходить наружу всё равно опасно.

— Нацэ, раненые на тебе, — бросает мимо проходящий страж, даже не остановившись перед Ру хотя бы на миг.

Тот кивает, и мы проходим в просторный зал, где столько же людей, скрипящих от боли, сколько и внизу. Но если на первом этаже больше заразившихся, то здесь лишь истекающие кровью.

— Возьми жёлтый бутыль и дай каждому сделать маленький глоток, — велит Ру, опускаясь перед первым раненым: у того разодрана рука. — Это притупит их боль.

Я послушно подлетаю к углу, где стоят склянки и мешочки со снадобьями и травами. Найти нужную бутылку оказывается просто: она самая длинная и единственная жёлтая. Открываю её, когда подхожу к раненым. Те ничего не говорят, только тихо поскуливают и послушно выпивают маленький глоток.

— Анаи⁵⁴, — слышу я слабый шёпот Ру, а затем резкий крик и мокрый хруст.

Испуганно смотрю на лекаря, когда тот без единой эмоции откладывает отрезанную руку в сторону и зовёт меня:

— Снадобье. Срочно!

Ру вырывает бутыль у меня из рук, как только я подхожу. Стражу, только что потерявшему руку, Ру вливает не один маленький глоток, а чуть ли не пятую часть всей бутылки. Бедняга орёт и корчится, а Ру возвращает мне лекарство, молча веля продолжать давать другим стражам по глотку. А сам знахарь наматывает на крест белые нити.

Когда я подхожу к одному из стражей, тот резко хватает меня за запястье:

— Н-не надо... — заикаясь и захлёбываясь слезами, умоляет он, глядя на меня покрасневшими глазами. — За... З-закончи эт-т... это...

— Тебе нужно выпить лекарство, — сирым голосом говорю я, поднося бутыль ко рту стража. — Только один глоток, и боль утихнет.

— Убей меня! Убей! — орёт страж, трясая меня так сильно, что лекарство чуть не проливается. — Закончи мои муки!

Кто-то забирает у меня снадобье и вырывает мою руку их хватки раненого стража. Поднимаю взгляд, и встречаюсь с ясно-голубыми глазами Велимира Тузова, который опускается на колени перед раненым, хватая его загривок и насильно вливает жёлтую жидкость.

— Не смей сдаваться, пока есть малейший шанс того, что ты можешь продолжить борьбу, — цедит главнокомандующий, когда страж тяжело дышит после принятого лекарства. — И не смей желать себе смерти, когда ты ещё жив. Руанин, что дальше? — спрашивает он лекаря.

— Лекарство ослабило их боль, но ненадолго. Мне нужна помощь вас обоих, — Ру подзывает нас рукой. — Случай тяжёлый.

— Святые мученики... — выдавливаю я и прикрываю рот ладонью, чтобы не сорваться на крик, содержащий лишь ужас.

Мне сказали, что о Данияре позаботятся... В тех словах играла ложь, но бывает так, что обман превращается в правду, и я надеялась, что это свершится. Но не в этом случае.

Его попросту бросили среди других раненых.

Пальцы Ру дрожат, но действует он быстро: расстёгивает белый кафтан, пропитанный кровью, после чего руками разрывает льняную рубаху, обнажая сильное тело Данияра. Тот не подаёт каких-либо признаков жизни. Заметив моё беспокойство и остекленевший взгляд, Тузов проверяет пульс, и спустя время неуверенно кивает.

— Держите его, — велит Ру, полностью перекрыв конец креста намотанными нитями. — Крепись, Данияр, — шепчет лекарь, тяжело сглатывая. — Будет больно.

Я держу Данияра за ноги, а главнокомандующий — за плечи, готовясь, что в любой миг страж резко дёрнется от внезапной боли. Ру же подносит крест ближе к дыре, темнеющей на груди раненого. Крест озаряется белым светом, чьи лучи касаются ранения, заживляя его. Данияр тихо мычит, вздрагивает, подёргивает ногами. Кажется, у него точно припадок, но Ру не обращает на это внимание, а только усиливает свет, стиснув зубы от усердия. Лицо у него красное и мокрое от пота, ко лбу прилипают рыжие волоски, а дыхание учащается. Мычание Данияра переходит в скрипящий хрип, у уголков его губ собирается кровавая пена.

Ру резко выдыхает и чуть не теряет сознание, когда белый свет затухает. Лекарь тяжело дышит, а я оглядываю Данияра, который и впрямь упал в обморок. Его глаза плотно закрыты, рот слегка приоткрыт, лицо покрыто испариной. А на груди змеится красно-розовый широкий шрам, тянущийся чуть ли не пупка.

— Останется... только шрам, — произносит Ру с придыханием и убирает со лба волосы. — Но жить будет.

Ру вытирает лицо рукавом кафтана, после чего переходит к другим стражам. Я же хватаю Данияра за руку, дабы удостовериться, что его пульс в норме. Сердце бьётся слабо и тихо, но чуть чаще, чем в прошлый раз. Смаргиваю подступившие слёзы, благодаря всех святых и Ру за спасённую жизнь Данияра.

— Ты сама-то как? — обеспокоенно интересуется главнокомандующий Тузов. — И что в итоге с Юстрицей?

— Убита, — шепчу я, пропуская первый вопрос мимо ушей. — Её убил Есений.

— Это тот парнишка, которого я практически не вижу? Он ещё говорит, как мертвец, и, помнится, сказанул мне что-то про смерть от кукловода...

— Он, — подтверждает Ру. — Где сейчас Есений, мы не знаем, — говорит страж, предвещая следующий вопрос главнокомандующего. В руках Ру вновь мелькает белый свет, и крик очередного раненого пронзает эти стены.

— Ты так выдохнешься, Ру, — сетует Тузов. — Лечение Данияра и так заняло у тебя много сил, я бы мог...

— Вы не лекарь, главнокомандующий. А пока другие знахари не придут, жизни всех раненых на мне. И я не могу их подвести. Да, и перебинтуйте грудь Данияра. Шрам может открыться.

Тут же бегу к углу, где стоят все нужные лекарства и снадобья, и хватаю ткань, возвращаясь к Данияру и главнокомандующему.

— Это я виновата, — заявляю я, когда Тузов аккуратно поднимает Данияра, и я бережно обматываю его грудь чистой тканью. — Если бы я хоть немного подумала и поняла, насколько мой план дерьмовый, Данияр был бы сейчас невредим. Это я потащила Юстрицу на полигон, это всё из-за меня.

— Ещё скажи, что Юстрица по твою душу прилетела, — буркает Тузов. — Вина не поможет справиться с горем, а только погубит тебя саму.

Благодарно киваю.

— К слову, — говорит Тузов, точно про что-то вспоминает. — Где этот болван — капитан ваш?

— Он разве был не с вами? — Ру обеспокоенно поворачивается в нашу сторону.

— Поначалу я думал, что Александр и угробил духа. А тут вот как всё вышло...

С лестницы доносятся быстрые шаги, и спустя несколько секунд в помещение влетает Луиза, держа за руку испуганную и взволнованную девочку, чьи светлые волосы растрепались, а богатое платье помялось. Я не сразу узнаю царевну Дару, которая, увидев во мне знакомое лицо, поворачивается в мою сторону:

— Отец в опасности! Он... — царевна запинаясь, то ли для того чтобы отдышаться, то ли затем, чтобы подобрать верные слова. — Ему не здоровится, я не знаю почему, но срочно нужен лекарь!

— Где сейчас царь? — тут же вскакивает главнокомандующий.

— Какой-то кабинет, там ещё шкаф с выпивкой... — сбивчиво объясняет Дара. — С отцом сейчас капитан Демидов...

На этих словах оживляется и Ру, настороженно переглянувшись с Тузовым.

— Где царевич? — спрашиваю я.

— Пошёл за главнокомандующим Рыловым, — хмуро говорит Луиза.

В этот же момент в помещение входят и другие лекари, что изумлённо смотрят на царевну, но мигом вспоминают, зачем они пришли, и подходят к раненым, которым всё ещё нужна помощь. Дара беспомощно глядит то на меня, то на главнокомандующего Тузова, то на Луизу.

— Ру, за мной, — наконец велит Тузов. — Я такой же главнокомандующий, а этот длинный — лекарь. С вашим отцом всё будет в порядке, моя царевна, — кидает он напоследок и выходит за дверь. Ру даже не спорит и ничего не говорит, а лишь следует за главнокомандующим, слегка покачиваясь. Видимо, молитвы изрядно его вымотали.

Одобряюще улыбаюсь замершей Даре:

— Всё будет хорошо, вот увидите.

Сама я почему-то не верю в эти слова. Наоборот, внутри поселяются щемящее чувство тревоги и жгучее желание отправиться вслед за Ру и главнокомандующим прямо в крепость.

Прямо к Александру.

Луиза отпускает Дару, оставляя её среди раненых стражей и лекарей. Царевна даже не знает, куда ей податься, поэтому топчется на месте. Луиза же подходит ко мне, а точнее — к Данияру, всё ещё пребывающему без сознания.

— Что с ним? — отстранённо спрашивает она, поднеся к нему руку, но так и не опустив ту на грудь мирно спящего Данияра. Ладонь Луизы замирает в воздухе, а спустя несколько секунд стражница и вовсе убирает её, положив себе на колени.

— Теперь всё в порядке, — выдавливаю я, краем глаза замечая, как Луиза кончиком пальца убирает одинокую слезу с щеки. — Грудь была пробита насквозь, но Ру — настоящий мастер. А Данияр держался, ожидая помощи.

— Он никогда не ждёт помощи, — неожиданно возражает Луиза, словно ударяет лезвием. — Если всё время ждать помощи от других, то можно захлебнуться в безысходности. И Данияр знает это. Он держится до последнего, но помощь ждёт только от самого себя, а не от кого-либо ещё. Он просто не хотел уступать смерти. Упрямый и рискованный придурок... — последние слова она гневно шипит, глядя Данияру в лицо.

Ничего не отвечаю, ибо в этот момент мне кажется, что молчание лучше любых слов.

— Бинты заканчиваются, — чертыхнувшись, сообщает один из лекарей. — Стражницы, бегом в крепость и наш лазарет. И травы прихватите заодно.

— Какие именно? — уточняю я.

— Да все хватайте, там уж разберёмся, — отзывается другой знахарь.

— Позаботьтесь о царевне, — в свою очередь просит Луиза. — Или дождитесь царевича, он её заберёт.

Лекари дружно отвечают, что поняли, а мы с Луизой покидаем душный терем, стены которого пропитались кровью и отчаянием. Вдыхаю свежий воздух и уже поворачиваю в сторону Площади Чести, как Луиза хватается меня за рукав кафтана:

— Нужно уходить. И быстро.

— Чего? — я сбрасываю её руку с плеча. — Куда уходить? И почему?

— Просто доверься мне.

— Луиза, я тебя не понимаю...

— Понимать и не нужно. Просто доверься, оставаться здесь небезопасно! Или ты скажешь, что я вру?

Лжи в словах Луизы я и впрямь не чувствую. Но Луиза может и сама верить в свой обман: прямо сейчас она считает, что здесь небезопасно. Тем не менее стражница может ошибаться, поэтому я ошеломлённо стою на месте, хлопая глазами и ожидая объяснений её странного поведения.

— Луиза, просто скажи, что случилось?

Процедив сквозь зубы бранное выражение, Луиза уже было открывает рот, как её прерывает появившийся главнокомандующий Рылов.

— Алконостова, пойдёшь со мной, — и не дожидаясь моего согласия или какого-либо ответа, он хватается меня за локоть, крепко в него вцепившись.

— Она остаётся! — неожиданно заявляет Луиза, дёргая меня за вторую руку к себе.

— Рудова, это приказ.

— Плевала я на приказ и весь Орден! Аня, этому человеку нельзя верить! — в её бирюзовых глазах загораются обеспокоенные огоньки, и слова звенят стальной уверенностью.

— Это приказ царя! — ревет главнокомандующий.

— Вот уж кому точно нельзя доверять! — усмехается Луиза и выдёргивает меня из хватки главнокомандующего, чуть не оставив мою вторую руку в его сильных пальцах.

Стражница загоразивает меня собой.

— Луиза, какого лешего происходит?! — шёпотом спрашиваю я, решив поверить именно ей, потому как Рылов не внушает доверия. В его словах я почувствовала лишь угрозу, которую он и не пытался скрыть.

— Будь готова сражаться, — бросает она, не сводя глаз с Рылого, что вытягивает из кафтана золотые нити. Делает он это специально медленно, точно предупреждает, говоря, что у нас обеих есть время одуматься.

Фраза Луизы приходится мне не по душе, особенно когда она вкладывает в мою руку короткий кинжал, чуть не поранив меня. Поняв, что дело другим не закончится, Рылов вздыхает и поворачивается к выходящим из терема стражникам:

— Стражи, схватить девчонку! — он указывает на меня. — Вторую можете убить.

— Но главнокомандующий... — пересохшим голосом произносит один из стражей, недоумённо смотря то на меня, то на Рылого.

— Эти девушки — изменницы, — ровным тоном заявляет он. И больше стражники не медлят.

До меня доходит, в каком я дерьме, только тогда, когда Луиза ловко проводит ножом по горлу одного из стража, и тот падает замертво.

Глава двадцать четвёртая. Медленная смерть

Александр

Кто-то хлёстко ударяет меня по лицу. Я взываю от пронзающей боли, но так и не открываю глаза. Тогда второй удар не заставляет себя ждать и вновь приходится по лицу, но на этот раз у меня ощущение, точно вмазал мне чей-то сапог.

— Тебе давно пора проснуться, Саня, — протягивает до мучительной агонии знакомый голос. — Мне казалось, к жизни ты возвращаешься быстрее.

— Иди нахер, — бормочу я, надеясь, что выдавил именно это, а не неразборчивый лепет. Открываю глаза и жмурюсь от острой боли. Руки затекли, и, дёрнув ими пару раз, понимаю, что они крепко связаны гремящей цепью.

Тогда я обращаюсь к Санкт-Варваре, собираясь разорвать путы, но и здесь меня ждёт неприятное открытие: крест на моей шее отсутствует. Цепочку, на которой висит моё оружие стража, сучающе крутит на пальце царь.

Дверь плотно закрыта, шторы на окне занавешены. Царь по-хозяйски устроился за моим столом, закинув на него длинные ноги.

— Какого хрена ты творишь? — сквозь зубы цежу я, пытаюсь встать с лавки, но тут же шиплю от боли, что пронзила жгучим кольцом боли левый бок, в который воткнул кинжал.

— Пришлось немного сместить рану, — спокойно поясняет царь. — Ты долго не приходил в себя, я уж решил, что ты действительно умер. Поэтому вытащил кинжал из сердца, но полностью невредимым тебя не хотелось оставлять. Так что не дёргайся, щеночек. Рана не заживёт, пока в ней лезвие.

— Чего ты хочешь? — крови так много, что у меня впервые за долгие годы кружится голова. Красные пятна темнеют на деревянном полу, пачкают белый кафтан и остаются на лавке.

— Много чего, — неопределённо отвечает царь. — Лучше скажи, Саня, почему ты всё ещё жив? Твоё сердце не бьётся, но прямо сейчас ты сидишь передо мной, как живой человек.

— Зачем ты убил меня, если знал? — игнорирую я его вопрос.

— Хотел лично убедиться.

— Как ты узнал?

— У меня свои источники, — вновь уклончиво отвечает царь. — А теперь будь добр ответить на мои вопросы, — он убирает ноги со стола, встаёт, подходит ко мне и опускается рядом, схватившись за рукоять ножа. От боли я стискиваю зубы. — Ответишь на все честно, я уберу кинжал. Будешь лгать, последствия ждать себя не заставят, — в доказательство этого он проворачивает нож. — Поэтому побудь умным мальчиком, Саня, и прислушайся к своему отцу.

— Ты мне не отец, — тяжело дыша, выдавливаю я, и царь вновь проворачивает кинжал. — И меня зовут Александр. И никак иначе, — очередной приступ боли волной проходит по всему телу.

— Снова показываешь зубы?

— Ну, теперь и я могу их вырвать любому.

— Не в этом положении, — нож крутится внутри. — Как ты выживаешь? Как ты умудряешься постоянно возвращаться к жизни?

— Думаешь, меня можно этим напугать? — губы изгибаются в кривой от боли усмешке. — Я убиваю себя с четырнадцати лет. Я перерезал себе горло, сгорал заживо,

сбрасывался с обрыва, отрубал себе руки, ноги и другие части тела, топился, резал вены, вешался, отравлял сам себя. Да этот нож по сравнению со всем тем, как я убивал себя, жалкая щекотка.

Кинжал снова поворачивается, резче и больнее, чем до этого. Царь чуть не вгоняет лезвие полностью в моё тело, вместе с резной рукоятью. С отстранённым хладнокровием он вынимает нож, и кровавое пятно расплзается по белоснежной ткани. С таким же ледяным спокойствием Мечислав вонзает кинжал мне в живот со смачным хлопанием, проворачивая ручку несколько раз.

— Раз так, — безразлично говорит царь, выпрямляясь в полный рост, — то подождём твою стражницу.

— При чём здесь Аня? — стоит этому вопросу слететь с моего языка, как я тут же проклинаю себя за глупость.

Мечислав тут же хватается за нужные ниточки, которые я самолично предоставил ему на блюдечке. Единственный глаз недобро поблёскивает, и что-то внутри меня предательски сжимается.

— Кто она тебе? — он наклоняет голову, совсем как любопытная птица.

— Обычная подчинённая, — отрешено заявляю я, пытаюсь справиться с голосом и взять себя в руки. Сейчас не время давать эмоциям свободу, они обязаны и дальше сидеть под замком. Но почему сейчас они неожиданно нахлынули одной волной, подбираясь ко мне все разом? Почему теперь с ними так трудно бороться? Почему мне кажется, что ещё чуть-чуть, и они возьмут надо мной верх, а я паду от этой слабости?

— Будь это так, ты бы не заступился за неё.

— Я бы заступился за любую девушку, пережившую подобное. Это называется честь, а ещё воспитание тут свою роль играет — может, слышал о таком? — голос до краёв наполнен язвительным ядом.

Царь усмехается уголком губ.

— Неужели? Я думал поразвлекчя именно с твоей стражницей, а оказалось, достаточно любой девушки.

Я догадываюсь, что нашло на меня в этот момент. Злость: яростная, сокрушительная, неконтролируемая, зверская и обжигающая. Но одновременно с этим она оказалась бессильной и полностью затуманивающей все мысли. Я бросаюсь на царя, позабыв о связанных руках и двух кровоточащих ранах. Меня настигает вспышка боли, заставляющая согнуться и припасть к полу с перекошенным лицом. Перед глазами пляшут чёрные звёздочки, металлические звенья впиваются в запястья, а царь возвышается надо мной, поставив ботинок на грудь и надавив.

— Щекотка, говоришь? — смеётся он, когда я вскрикиваю. Царь только надавливает сильнее, и одно из рёбер трещит, а внутри проносится очередной всплеск боли вперемешку с моей беспомощностью. — Ты, видимо, никогда не пробовал умирать медленно. Времени у нас, конечно, не так много, но я с удовольствием покажу тебе, каково это. Но если ты передумал и всё же прекратишь упрямиться, ответив мне на вопросы, я смилуюсь и позволю тебе излечиться, — его нога перемещается мне на шею, перекрыв воздух. Я хриплю и брыкаюсь, пытаюсь что-либо с этим делать, но эти жалкие попытки лишь забавляют царя. — Итак, как ты постоянно выживаешь? — он приподнимает ступню, давая мне глотнуть немного воздуха. Я же захожусь в сдавленном кашле.

— Срок не подошёл, — сплёвываю я, часто моргая, пытаюсь тем самым прогнать

мельтешащие красные искры.

— Он подошёл уже давно. Ещё тогда, когда тебя отправили к упырям; ещё тогда, когда в Великомире обнаружались милосницы; ещё тогда, когда я услышал про Сирина.

Последние слова будто бы выбивают из меня последний воздух. В горле пересыхает, я не узнаю собственный скрипящий голос, когда выдавливаю:

— В каком смысле, услышал про Сирина?.. Мне сказали... Сказали, что завёлся водяной.

— Пришлось приказать Рылову, чтобы тот приврал. Только так тебя бы отправили одного.

Внутри что-то трескается, ломается, рушится. По ощущениям моё небьющееся сердце останавливается во второй раз, рассыпавшись в пыль. В пересохшем горле стоит металлический привкус крови. В ушах поднимается шум, дышать становится невыносимо, воздух превращается в удушающий гнилой запах, а внутри об рёбра бьётся страшное осознание:

— Приврать... — язык полон горечи, скорби и ненависти. — Приврать?! — срываюсь я на крик. — Четверть города полегло из-за твоей лжи! Ты вообще понимаешь, что натворил?! Люди погибли, дети стали сиротами, родители лишились детей, люди потеряли любимых! И всё это... Всё ради того, чтобы я сдох?!

— Не придавай этому столько значения, — раздражённо цокает языком царь, точно я кричал из-за какой-то мелочи, а не из-за гибели нескольких тысяч людей. — Я должен был узнать, сможет ли тебя убить дух. Всё-таки до этого ты умирал либо от нечисти, либо от собственной руки. А в то время представился такой шанс, я не мог им не воспользоваться.

— Ещё как мог! Ты... — пытаюсь приподняться, но тяжёлая нога царя вновь упирается мне в грудь, прижимая к полу, как бессильного зверька в лапах грозного хищника. — Мои друзья погибли из-за тебя... Моя мама...

— В этом виноват только ты, щенок. Можешь сколько угодно повторять себе, что был под контролем духа, но твоей вины это не отменит. Сирина была нужна не только для твоей смерти, не переоценивай себя. Трагедия в Соколинске сыграла мне на руку, как и твоё небольшое преступление. Тебя должны были приговорить к казни, но Тузов оправдал тебя. Таким образом, доверие к Ордену заметно подорвалось после того, как юный капитан не только погубил свой отряд, но и не смог спасти четверть города от хаоса. А потом выясняется, что он по-прежнему занимает место среди стражей и даже не понёс наказания. Знаешь, кого люди увидели в тебе, Александр? Монстра. Чудовище, похуже любой нечисти. То же они стали думать и об остальном Ордене, перестав видеть в них защитников народа. Вас стали бояться, а вот уважение начало тускнеть.

— Тебе нужен Орден, — понимаю я. — Стражи Святовита, своя армия с силами святых.

Всё так очевидно. В трагедии Соколинска действительно виноват я, свою роль во всём этом я всегда признавал и не отрицал. Но почему-то даже не задумывался, как это отразилось на всём Ордене, который не смог защитить крупнейший город лишь от одного духа. Потери были колоссальными, ущерб был нанесён страшный. В тот день я не обращал внимания на взгляды людей, адресованных мне — фигуре в синем кафтане. Было не до этого. Теперь же я вспоминаю и чувствую те эмоции, что их переполняли: ненависть, отвращение, презрение, желание расправиться со мной. Люди перестали верить в Орден, прекратили думать, что они всегда могут рассчитывать на помощь стражей. Действительно, с тех пор многие стали относиться к стражникам с подозрением и враждебностью. Доверие к Ордену дало трещину. Теперь же, когда нечисть активна и при свете дня, люди посчитали,

что сил Ордена недостаточно и стражи не справляются. Трещин появилось гораздо больше. Такими темпами народ быстро взбунтуется и потребует перемен в Ордене. И тут, подобно солнцу в дождливый день, на сцене появится царь и пообещает своему народу лично разобраться с этим и взять Орден под своё подчинение. Если сейчас он управляет лишь некоторой частью Ордена, то в будущем царь будет контролировать каждого стража.

Стражи станут его слугами. Личной армией, что будет убивать не только нечисть. История с Багларом повторится. И вновь в центре всего будет стоять царь, руководящий кровавым бесчинством.

Если это то, что задумал Мечислав, то может ли он обладать колыбельной тьмы мертвецов? Однако, будь это так, он действовал бы гораздо радикальнее. Тот, кто действительно владеет колыбельной, явно преследует цель, пока ещё неясную мне.

— Почему ты не убил меня тогда? — этот вопрос уже шесть лет не даёт мне покоя, витая в мыслях каждую бессонную ночь.

На удивление, Мечислав отвечает сразу же:

— Я жалел об этом. Думал, что совершил ошибку, отпустив тебя и доверившись одному лишь предположению. С другой стороны, ты был как на ладони — в кадетском училище. А после и в особом легионе. Знаешь, ты меня удивил. Самостоятельно перевёлся в легион Тузова. Это всё усложнило. Но позднее я услышал, что и умереть ты не можешь. Это натолкнуло меня на интересные выводы. Ты ведь и сам к ним пришёл, когда читал ту книгу в потайном ходе, верно?

Будто бы смеясь надо мной, царь достаёт спрятанный под платном потрёпанный дневник, маша им у меня перед носом. Царь небрежно кидает дневник на мой стол, возвращаясь к нашему разговору:

— О Санкт-Драговите не так много известно, но и в Ордене не рассказывают всей правды. Молитвы к нему запрещены, хотя мучеником признали. Обладал даром, что приносил одно лишь горе: он видел будущее. А как известно, люди любят уничтожать собственное будущее так же, как и узнавать его. Но кое-что из него жизни держат в тайне. Драговит был младшим братом создателя Ордена Святовита, чей дневник ты так любезно мне предоставил. Ты ведь понял, кто ты? Ты не можешь попасть в Навь, потому что чужд ей. Правь вряд ли принимает твоё существование. А Явь отвергает тебя, потому что это делаю я — твой отец. Тебе нет места ни в одном из трёх миров. И наконец, ты родился в Велесову ночь, — он надавливает мне на грудь, и второе ребро тоже хрустит, а по телу проходит колющая агония, что смешивается с другой болью.

— Мне, конечно, льстит, что ты знаешь, когда у меня день рождения, однако предсказание о Соловье — брехня полная, — со хрипом выдавливаю я.

Раз царю известно о Соловье, то мне ясно одно: надо делать ноги. Из крепости, а уж тем более из города я не сбегу, да я и до конюшни не дойду, как рухну замертво. Ясноликий не солгал: он и впрямь решил показать мне, каково умирать долгой и мучительной смертью. Каждой частичкой тела я чувствую, как жизнь — или то, что у меня от неё осталось, — ускользает, уходит краткими мигами, растягивая всю гибель в вечное мучение. Никогда не думал, что умирать — это страшно. Обычно, всё происходило быстро: я захлёбывался, проваливался во тьму, разбивал кости вдребезги. Это возвращаться к жизни всегда больно. Кости срастались сквозь приступы жжения, раны затягивались, сопровождаясь пульсирующим огнём, а конечности и вовсе отрастали так, точно вместе с этим следует распятие. Но смерть всегда выходила безболезненной, быстрой и привычной.

В тот момент, как я подумываю вызвать Баюна, который в один миг способен перегрызть глотку царя, дверь с грохотом слетает с петель, едва на упав на меня.

— Саша! — в кабинет врывается Ру, отбрасывая дверь в коридор.

Царь убирает ногу и отходит подальше, но вид у него всё ещё холодный и невозмутимый, точно появление стража никак не помешало ему. Ру тем временем, не обращая внимания на Мечислава, опускается рядом со мной, вынимая нож из живота и убирая звенящие цепи с затёкших рук.

— Где Аня? — первым делом спрашиваю я, не решаясь спросить про Есения из-за присутствия царя.

— Помогает раненым.

Ру помогает мне подняться, и в кабинет влетает Велимир, устремляя голубые глаза, что метают молнии, на царя, чьи руки сложены за спиной. Правитель Великомира не останавливает Ру, а тот и вовсе не смотрит на царя, тихо спрашивая о моём самочувствии. Я же пытаюсь сказать, что нужно срочно найти Аню, но язык заплетается.

— Ты зашёл слишком далеко, Мечислав, — произносит Велимир, делая шаг вперёд, загоразивая меня и Ру.

— Я найду и дальше, пока не получу желаемое. Из искреннего уважения к тебе, Велимир, прошу: одумайся.

— То же я могу сказать и тебе. Ты перешёл все черты ещё двадцать семь лет назад, когда уничтожил берендеев.

Царь перебивает его лёгким смешком:

— Я лишь отдал приказ. А вот выполнил его ты. Твой главнокомандующий не упоминал об этом, щенок? — он вперяет взгляд единственного глаза в меня. — Велимир Тузов собственноручно уничтожил Баглар, истребив его народ: и взрослых, и детей, и стариков. Не жалея никого. Или он говорил только о моей причастности к этому? Держал в тайне, что является таким же чудовищем, каким нарёк и меня.

Велимир заметно бледнеет, становясь одного цвета со мной. Я же помалкиваю, не найдя слов. Главнокомандующий действительно никогда не говорил, какую роль в войне сыграл он. Велимир только рассказывал о кровавых боях, о том, что всё это затеял царь и что стражи приложили ко всему свою руку. Следовало догадаться, что Тузов не стал исключением. Но почему-то я не думал об этом. Не спрашивал. Не мог представить, что человек, ставший мне другом, способен на убийства.

— Ты не далеко от него ушёл, Саня, — продолжает царь. — Твои руки тоже в крови...

— И его воли тоже не было, — обрывает Велимир злым шёпотом.

— Отсутствие воли не отменяет вины, а уж тем более не смывает с рук кровь.

Я видел Тузова в действие лишь однажды, когда тот в одиночку разделался с болотником, пока я приводил Ру в чувства, ибо тот сильно ударился головой. Несмотря на возраст, Велимир быстр, ловок и силён, ему не нужны нити даже для самых мощных атак. Звание главнокомандующего он получил не только за умения, но и за способность здраво и трезво оценивать ситуацию, несмотря ни на какие внешние обстоятельства. Сейчас же он срывается, позволяет острой ярости завладеть собой, не думает о дальнейших последствиях. Он нападает на царя, взбросив руку, с которой срывается ударная волна.

Длинные руки Ру меня отпускают, и я на качающихся ногах едва не валюсь на пол, а страж вскидывает руку вперёд, ставя перед царём защиту. Удар Велимира отскакивает и попадает прямо в грудь главнокомандующего, отбрасывая его в стену. Тот с оханьем

ударяется спиной и лежит, не смея встать.

— Что ты наделал?! — Ру в ответ на мой крик только открывает рот, но тут же захлопывает, поджимав губы.

Срываюсь к Велимиру, но Ру хватает меня на этот раз за руки, скручивая их и заставляя меня опуститься на колени. Ру надавливает на какие-то точки, и мои мышцы становятся податливыми, силы словно покидают меня. Незажившие раны отзываются глухой и ноющей болью, которая сейчас меня волнует меньше всего. Велимир лежит всё так же неподвижно, удар вышел нехилый. Сморщенные губы главнокомандующего слегка приоткрыты, кожа мертвецки-бледная, грудь едва заметно вздымается, словно воздух проходит через силу.

— Ру, какого хрена ты творишь?! — брыкаюсь я, пока страж крепко сжимает мои выкрученные руки — Ру, он умирает! — я поднимаю взгляд на него и осекаюсь.

Ру не шевелится и не смотрит на меня, словно ему не позволено. Таким поникшим я видел его лишь один раз, когда он рассказывал о своём прошлом. О том, как попал в Великомир.

Мой друг любит говорить о своей родине, её традициях, празднике, особенностях народа. Он говорит об этом так часто, что складывается впечатление, будто делает он это для самого себя, чтобы не забыть родную страну, свою семью и близких, с которыми его разлучили.

В детстве Ру похитили работорговцы из Рутфура, продав его старому аристократу. По словам Ру, он стал ручным мальчиком, выполнял каждый каприз своего хозяина, терпел побои и наказания. В тринадцать лет ему удалось сбежать. Ру бежал до самого Великомира, не зная, как ему вернуться домой: денег на корабль у него не было, пробраться тайком на какое-либо судно было слишком рискованно. Уже в Великомире он повстречал стражей, которые и отправили его в кадетское училище.

Теперь же, глядя на потерянного Ру и торжествующего царя, я осознаю то, что было у меня прямо под носом. Вот почему царь знает о моём небьющемся сердце. Вот почему ему известно, что я убивал себя несколько раз. Вот почему он знает чуть ли не всю мою жизнь.

Всё это ему рассказал Ру. Мой лучший друг.

— Ты не сбежал, — медленным и опустошённым голосом произношу я, глядя лишь на Ру. — Тебя выкупили.

— Саша, я хотел рассказать, но...

— Не оправдывайся перед ним, Нацэ. Старик своё уже отжил, ему давно пора на покой, — встречает царь, для которого происходящее — спланированное представление, где каждой куклой руководит он. Мечислав подходит ко мне и опускается на одно колено, схватив мой подбородок и заставив смотреть лишь на него. Прикосновения у него остались теми же: до отвращения нежными и холодными. — Александр, — с неожиданной отеческой лаской произносит царь, заставив всё внутри сжаться. Такой тон точно не сулит ничего хорошего. — Я понимаю, для тебя всё это слишком неожиданно. Но ты обладаешь бескрайним могуществом. Ты способен разрушить Калинов мост⁵⁵, уничтожить границы миров, создав совершенно новый мир. Счастливый мир, где никто не будет знать горя и боли. Я же признаю тебя своим сыном, сделаю тебя царевичем и своим наследником. Вместе со мной — со своим отцом — ты и создашь лучший мир для людей. Идеальный мир.

Где-то внутри плачет ребёнок, которому не хватает отеческой руки, но я быстро затыкаю его, давно уяснив, что я уже не тот мальчик, который нуждался в отце, его поддержке и любви. Я обошёлся без всего этого.

Продумываю красноречивый, длительный и обязательно едкий ответ, заключающий в себе всю ненависть, что я испытываю к царю. Но вместо этого выбираю более краткий, но не менее содержательный вариант:

— Иди нахрен.

Я бы ещё плюнул в него, но не успеваю: царь ударяет мне в челюсть, и щека мгновенно вспыхивает.

— У тебя будет ещё время подумать, — заверяет царь, вставая с колена и возвышаясь надо мной. — Уведи его в темницу, — велит он Ру.

— Что насчёт моей сестры? — осторожным шёпотом спрашивает Ру. — Вы... Вы обещали, что скажите, где Мирей...

Мирей? Имя традиционно для Талора, но Ру никогда не говорил, что у него есть сестра. Он рассказывал про родителей, про старейшину, про старших братьев, но не сестру.

Получается, Ру стал рабом царя ради сестры. Ради того, чтобы хотя бы узнать, где она сейчас.

— Раз ты такой нетерпеливый, Нацэ, — взгляд царя метается к неподвижно лежащему главнокомандующему, — прикончи Тузова и не только узнаешь, что с твоей сестрой, но и обретёшь свободу.

Ру вздрагивает, даже ослабляет хватку. Я же могу спокойно выбраться, ударить локтем стража и даже добраться до креста, лежащего на столе. Но почему-то я не шевелюсь.

— Ну же, — напоминает царь, заметив, что Ру медлит. — Последнее поручение, раб. И всё закончится.

— Ру, одумайся! — вмешиваюсь я, поднимая глаза на него. Ру же смотрит только на главнокомандующего, который постепенно начинает приходить в себя. — Ру, мы вместе найдём твою сестру! Только пожалуйста, не делай того, о чём потом пожалеешь!

— Я о многом жалею, — отрешённо отвечает он. — Я много лгал, Саша. Много лгал тебе, своему другу.

— Ты лгал ради семьи, Ру. Это многое меняет.

— Не в Талоре. Друзья — это вторая семья, не менее важная, чем кровная. Лжи и предательству нет места в семье. Это непростительно, потому что ложь отравляет душу, и та становится гнилой и отделяется от обеих семей, переставая быть им родной. Мою душу уже не исправить. Она прогнила. Я хуже бьётэ. Но, — он поворачивается к царю, — убийство испепеляет душу навеки. И если у меня что-то осталось от неё, я хочу это сохранить. Ради Мирей.

Ру отпускает меня, и я не медлю, как и он сам. Я кидаюсь к кресту, но царь оказывается быстрее, схватив оружие раньше меня. Я же берусь за кинжал, что до этого нанёс мне раны, которые уже затянулись. Ру, обратившись к святому, вскидывает руку вверх, и на пальцах искрятся мелкие молнии, которые он запускает в царя.

И к моему удивлению, и к замешательству Ру, Мечислав ловко их ловит одной рукой, когда в другой сжимает мой крест.

— Святые отвечают любому, — напоминает он. — Главное, знать лишь нужные слова, — он вытягивает молнии до острых искрящихся всполохов.

Велимир тем временем полностью приходит в себя, кое-как поднявшись на ноги и держась за стену, чтобы не упасть. Его колени трясутся, спина сгорблена, изо рта вырывается одышка и хрип. Уголки губ царя приподнимаются вверх при виде столь очевидной жертвы.

— Нет! — кидаюсь вперёд, намереваясь сбить царя с ног. Но молнии предназначались не Велимиру, а мне: искрящийся заряд попадает прямо в грудь, проходя по всему телу. Я роняю кинжал, меня отбрасывает в сторону, спиной ударяюсь об шкаф, и бутылки, разбиваясь, падают на меня. Трясусь, лёжа среди осколков, что впились в кожу, и крови, смешавшейся с выпивкой. Ру опускается рядом со мной, взывая к Санкт-Ксении. Боль отступает вместе с дрожью и молниями, которые бились внутри. Слова застревают в горле, когда я пытаюсь сказать другу, чтобы тот плевал на меня и помог Велимиру.

Кое-как разлепляю глаза, но уже поздно.

— Нет... — и вместе с моим шёпотом кинжал, сжатый в руке царя, с мокрым хрустом вонзается в сердце Велимира и с лёгкостью поворачивается.

Он выглядит таким старым. Точно вся его усталость, обрамлённая годами и бесконечными делами, свалилась на него тяжким грузом. На его седую бороду льётся кровь, а тело, заваливаясь набок, с чудовищным грохотом падает на пол. Светло-голубые глаза закатываются, искры добра и заботы в них гаснут. С губ срывается что-то, похожее на последние слова: то ли на прощание, то ли на напутствие, то ли на что-либо ещё. Но в итоге оказывается сдавленным, полным предсмертного крика и боли хрипом. В груди, что больше никогда не поднимется, зияет кровоточащая дыра.

— Велимир... — зову я, чувствуя себя ребёнком, рыдающем навзрыд. Глупая надежда клубится внутри, горит нескончаемой пыткой, сжимает в мёртвых тисках, отказываясь признавать то, что у неё перед глазами. Где-то в глубине, сжигая всё на своём пути, поднимается крик.

Велимир Тузов погиб.

А вместе с этим что-то обрывается и во мне.

Глава двадцать пятая. Кукушка

Аня

Единственное, чего мне хочется прямо сейчас, так это как следует проблеваться после увиденного.

Ветер хлещет по лицу, лошади мчат так быстро, что я едва разбираю дорогу, просто следуя за Луизой. Во рту стоит привкус пепла и крови, а перед глазами — убитые стражи, чьи тела повалились на землю, глаза остекленели, а рты открылись в сдавленном и последнем стоне боли. Из их перерезанных глоток струилась кровь, переходящая в огромную багряную лужу, в которой я увидела своё отражение: перепуганная девчонка, стоящая столбом, пока её товарищей по службе убивала такая же стражница, как и она сама.

Луиза ничего не говорит с тех пор, как мы оседлали лошадей, пустившись в бегство. Я же в свою очередь тоже молчу, хотя куча вопросов ворошится в голове, из-за чего затылок гудит ноющей болью. Спрашивая себя, чем я только думала, когда выбрала довериться Луизе, понимаю, что, видимо, ничем.

Она убила стражей. Четырёх защитников простого люда. Быстро, ловко, без всякого промедления и единого сожаления. Она словно прикончила нечисть.

К горлу подступает тошнота. Голова кружится, мысли путаются, перед глазами мерещатся тёмные пятна.

— Я знаю, как это выглядит, — неожиданно произносит Луиза, и я чуть не валяюсь от испуга со скачущей кобылы. — На деле всё иначе.

— На деле всё так же, как и выглядит! — накидываюсь я, не глядя на стражницу. Точнее, бывшую стражницу. Таковую же бывшую, как и я. — Ты хладнокровно убила четверых

стражников! Бессердечно лишила из жизни!

— Я всё объясню, когда остановимся. А теперь, пожалуйста, не сбавляй темп.

Будь я в другой ситуации, я бы отметила вежливый тон Луизы. Даже назвала бы это чудом, но сейчас мне не до этого. Внутри кипит гнев, и я не пытаюсь его сдержать:

— Ах вот оно как?! Тогда пришло время остановиться!

Пододвинув свою лошадь поближе к кобыле Луизе, я резко перехватываю её поводья, дёрнув на себя. Животное с испуганным ржанием встаёт на дыбы, пальцы Луизы соскальзывают, и она кубарем валится вниз. Я же поступила очень неосмотрительно, ибо теперь мне нужно успокоить обоих скакунов: моя лошадь перенимает испуг своего сородича. Луиза же тем временем поднимается на ноги, потирая ушибленный затылок.

— С дуба рухнула?! — вопит она, топнув ногой. — Я себе чуть шею не сломала!

— О, вот это тебя волнует! — понимающе киваю я, аккуратно ведя лошадь за поводья и сидя на своей. — В отличие от убитых тобой стражей!

— Я обещала всё рассказать, когда мы остановимся! — напоминает она, теряя терпение.

— Вот мы и остановились, — пожимаю я плечами, спрыгивая с кобылы.

Во всяком случае место остановки я выбрала удачное: рядом журчит узкая речка. Я опускаюсь рядом с ней и набираю в ладони прохладную воду, умывая лицо, чтобы хоть немного снять тошноту. Но меня всё равно мутит, поэтому я без всякого стеснения блюю на траву, задыхаясь в кашле.

— Так было нужно, — строго отчеканивает Луиза, подходя к своей лошади и успокаивающе глядя её по лбу.

— Кому было нужно?! — срываюсь я, чувствуя, что новая волна рвоты уже на подходе. — И какого хрена ты так спокойно об этом говоришь?! Ты убила четырёх стражей! Мы предали Орден! — именно эти слова не покидают мою голову, гудящую от бессилия.

— Тут и предавать нечего, — невесело усмехается она. — Ордена как такового уже давно нет.

— Он есть! И мы были его частью! — с рвущимся внутри гневом я указываю на некогда белый кафтан, который теперь испачкан в крови и грязи.

— Осталось лишь название. Но ни суть, ни принципы, ни убеждения. Даже бывшая вера ушла, — Луиза поджимает губы и разворачивается ко мне лицом. — Пойми, Аня, нет того Ордена Святовита, в который ты свято веришь, как глупый ребёнок! Стражи безукоризненно подчиняются тем, кто выше их, но не святым! Они следуют приказам главнокомандующих и царя! И вот от него я тебя и спасла! Думаешь, Рылов хотел просто поговорить с тобой?! Хрен там плавал, он уже давно раболепствует перед Ясноликим! — Луиза вздыхает и с раздражённым бормотанием трёт переносицу. — Послушай, времени на разговоры у нас нет. Рылов уже точно послал за нами погоню, так что доверься мне.

— Я уже доверилась тебе.

— Тогда доверься мне ещё раз! Если бы я желала тебе вреда, то оставила бы в Воиносвете!

— Я доверилась тебе, потому что чувствовала в твоих словах правду!

— Тогда ты чувствуешь её до сих пор.

— Да, — не отрицаю я. — Но я уже не могу доверять только чувствам. Их слишком... много, — удручающе заканчиваю я. — Они непостоянны. И я их не понимаю.

Луиза отворачивается от меня.

— Почему я должна довериться тебе? — едва слышным шёпотом спрашиваю я, всё ещё

стоя на коленях перед рекой. — Кто ты такая?

Луиза ничего не говорит, то ли не собираясь вовсе отвечать, то ли попросту растягивая моё ожидание. Я бы бросилась на неё и потребовала бы всех объяснений силой, но я слишком измотана, да и Луиза сильнее меня физически.

Вздохнув и шлёпнув себя по лбу, Луиза наконец поворачивается в мою сторону, сузив кошачьи зрачки. Она молчит ещё пару секунд, точно тщательно обдумывает решение, взвешивая все за и против. Я же мысленно считаю до десяти, пообещав себе, что если Луиза не решится, то я заберу лошадь, гордо развернусь и уйду куда глаза глядят.

Но уже на восьми Луиза говорит:

— Учти, если упадёшь в обморок, я тебя тащить не буду.

Она поднимает рукав кафтана, оголяя плечо. Сначала я вижу лишь ровную персиковую кожу, но спустя миг на ней проступает бледный символ, выглядящий как звезда с семью лучами.

— Это Звезда оберег... — шепчу я, вставая и подходя ближе. Рука замирает в паре дюймов от руки Луизы и самого символа. — Но почему?..

— Потому что это мой символ, — Луиза закрывает плечо рукавом.

— То есть ты?..

— Богиня охоты Девана⁵⁶, любимая дочь Перуна⁵⁷. Настолько любимая, что он решил, что божественность мне ни к чему, — сквозь зубы добавляет она, одёргивая рукав. — Ниц передо мной падать не нужно. Всё-таки богиня я бывшая.

Луиза или Девана, а впрочем, не так уж это и важно, подходит к реке, быстро ополоснув лицо.

— Почему бывшая?

Она жуёт губу, с безразличием смотря на водную гладь реки, точно в ней и кроется ответ на мой вопрос.

— Я хотела быть во главе Прави. И если за это отец попросту сделал меня тёмной богиней, сослав в Навь, то следующую мою выходку он не стал терпеть. Точнее, её не стали терпеть и другие мужчины поганого пантеона, — сплёвывает она. — Видишь ли, тёмных богов немного. И наше название вовсе не означает, что мы везде несём смерть. Но именно этим мне и хотелось руководить тогда. Я заманивала мужчин — путников. Предлагала им переночевать, а те, увидев меня, мигом соглашались, даже не думая. Они видели во мне красивую вещицу, а не девушку, которая запросто может и нож в рёбра воткнуть, — губы Луизы расплываются в нервной, чуть ли не истеричной улыбке. — Но я убивала не просто мужчин. Я убивала тех, кто издевался над девушками, насиловал их, а после убивал и закапывал в землях леса. Я встречала ублюдков и делала с ними то же самое, что проворачивали и они. Об этом прознали боги. Посчитали неправильным. И Перун сослал меня сюда, лишив большей части силы. Оставил только бессмертие и охотничье чутьё. Ну, и глаза остались.

— И давно ты в Яви?

— Я не старею, поэтому сложно ориентироваться в годах. Когда появился Орден, я уже перестала быть богиней. Смутное было время. Хотя, когда оно было другим? — печально вздыхает она. — Уж не знаю, в который раз я это говорю, но оставаться здесь нам нельзя. Ах да, — она расстёгивает кафтан и сбрасывает его на землю, оставаясь в одной лишь рубашке. После чего взмахивает рукой, и одежда вспыхивает пламенем. — Кафтан слишком заметный. Так что ты тоже сними и сожги.

— Я всё ещё не понимаю, почему мы сбежали из Ордена. Зачем моя смерть царю, Девана?

— Луиза, — исправляет она. — Девану я не выбирала, в отличие от Луизы. Поэтому называй меня так. А царю твоя смерть ни к чему. Особенно учитывая, что и умереть ты не можешь.

— Откуда ты?..

— Я богиня, Аня. Пусть и бывшая, но знаю много. А теперь сжигай кафтан к хренам и запрыгивай на лошадь. Ответы, в том числе и на вопросы, кто ты такая, получишь по пути.

***

Большую часть пути мы молчим, ибо скачем, как бешеные, пытаюсь оторваться от погони. В её существовании я не сомневаюсь, всё-таки мы и впрямь предали Орден. Луиза убила стражей, а я была рядом с ней, поэтому моя вина тоже есть. Мы заходим в Нечистый лес и наконец сбавляем темп, чтобы лошадям было легче идти среди зарослей.

— Куда мы идём? — решаюсь спросить я.

— Я должна отвести тебя в Правь.

— Правь?! Но ни один смертный не может попасть туда!

— Поэтому мы и идём к богу, который и поможет попасть туда. Ну, или он найдёт нас первыми, на что я очень надеюсь.

Уже темнеет. Солнце опускается за горизонт, а лес обволакивают сумерки. Нам не встречается никто из нечисти, что даже удивляет, учитывая, что отныне твари опасны в любое время суток. Думаю, ночи достаточно опуститься, чтобы нечисть повылазила из своих нор и почувствовала свежую добычу — нас. Нитей у меня не так много, а шнурок с крестом сдавливает шею. Пришлось повесить его, ибо в штанах нет карманов.

Холодает, и обычная рубаха не спасает от ледяных порывов ветра. Луиза же подобные неудобства не испытывает, а мы всё дальше и дальше заходим в лес. Возможно, мы даже дошли до Зарослей Невозврата, потому что окружающая атмосфера здесь соответствующая. Лысые и покосившиеся деревья нагоняют страху, под копытами лошадей хрустит что-то сухое, напоминающее человеческие кости. Корявые ветви, поднятые ввысь, соединяются между собой паутиной, не только закрывая тёмное небо, но и создавая ощущение, что мы находимся под куполом и выхода отсюда нет.

— Остановимся здесь, — неожиданно произносит Луиза.

— Это явно не самая лучшая идея, — я ёжусь от холода.

— Лошадям надо передохнуть, как и тебе. Мне сон не нужен.

— Луиза, здесь полно нечисти...

— Вот поэтому я и буду на стрёме.

Спорить с ней бесполезно, а лошади и впрямь выдохлись. Я послушно слезаю с кобылы, пока Луиза разжигает небольшой костёр. Тепла он даёт мало, но всё же лучше, чем ничего. Тем не менее сна нет ни в одном глазу.

— Ты обещала рассказать, кто я такая. И почему не могу умереть, — напоминаю я.

— Ты слышала о Санкт-Драговите?

— Обращения к нему запрещены. Он видел будущее, но его предсказания не дошли до наших дней.

Луиза безрадостно усмехается:

— Ещё как дошли. Даже в библиотеке Ордена полно свитков, где его предсказания записаны. А ты думала, как ещё Ясноликий узнал обо всём?

— То есть царь подчинил себе Орден ради знаний?

— Нет, — мотает она головой. — Знания он получил ещё десятилетия назад, найдя всё о последнем святом, что только можно было. Орден он ещё до конца не подчинил, но всё идёт к этому, — на этих словах моё сердце сжимается. — Стражи ему нужны в качестве личной несокрушимой армии, но суть не в этом. Драговит был не просто святым или человеком с даром. Он был Проводником — странником, ходящим по трём мирам и несущим в них свои предсказания. Предсказывал он много, говорил непонятно, мало кто его понимал, — я сразу же вспоминаю Есения, чей голос звучит как у мертвеца, а слова больше похожи на запутанный клубок неразберихи. — Что-то сбылось, что-то сбудется. И он предсказал появление Кукушки. Полное предсказание я не знаю, но кое-что мне известно.

Луиза прочищает горло, кашлянув пару раз, пока я пытаюсь понять, при чём здесь какая-то птица.

— «Явится Кукушка. Не одна она будет, но последней ей быть. Придёт в Явь в ранний день тепла. Гибель на мир накликает или поднимет золотое лико ввысь, когда оно треснет под мраком. Криком погубит любого. И кончину каждого знает. В Мир Теней тропа ей закрыта. Жизнь будет биться, пока сама она будет в небе парить. Не только владыки падут из-за неё, но и центр мира станет прахом», — она заканчивает, беря приличную паузу. — Насколько я знаю, должно быть что-то ещё.

— По-твоему, я и есть эта Кукушка? — голос возвращается ко мне, но больше напоминает беспомощный лепет. — Ты говорила, как... как Есений!

— Неудивительно, — Луизу даже не смущает такое сравнение. — Он же теперь Проводник.

Только сейчас я понимаю, что Есений говорил про Кукушку, глядя только на меня. Неужели он знал? И неужели Есений видит будущее?

— А в том, что ты Кукушка, я не сомневаюсь, как и другие боги. Ты родилась в Навий день — «ранний день тепла». И умереть ты не можешь — «в мир Теней тропа ей закрыта».

— Этого недостаточно.

— Достаточно, — обрывает меня Луиза. — Царю неизвестна ни одна строка из предсказания о тебе. Но он знает о том, что ты умерла, но вернулась к жизни. Этого ему уже достаточно, чтобы заподозрить тебя в подобном.

— А другие предсказания Драговита ему известны?

— Он помешан на них, особенно на Соловье.

Голова и так разрывается от мыслей и череды вопросов, поэтому я даже не спрашиваю, кто такой Соловей, а просто пытаюсь понять, кто такая я. Но в итоге ничего не укладывается в голове, ибо я всем нутром чувствую, что чего-то не хватает. Луиза сказала, что предсказание неполное и многое упущено.

Голова гудит, когда я спрашиваю:

— Как Есений стал таким? И может ли он говорить предсказания... — запинаясь, пытаюсь подобрать нужное слово, — своего предшественника?

— Как становятся Проводниками я не знаю. А вот говорить известные предсказания Есений может. Поэтому его тоже лучше найти, это значительно упрощит нам жизнь.

Согласно киваю и тру глаза, что уже слипаются. И это не скрывается от всевидящего взгляда Луизы.

— Ложись спать. Двинемся с рассветом.

Я уже было хочу убедить её, что не хочу спать, как сон и впрямь подбирается вплотную,

а вся накопившаяся усталость волной взваливается на меня. Зеваю и ложусь прямо на землю, подложив ладони под голову. Последнее, что я слышу, прежде чем впасть в сон, это громкое карканье.

Глава двадцать шестая. Крах твердыни белых

Александр

Тишина давит.

Холод усиливается.

Пустота заглатывает.

А боль... Она душит.

Кажется, я умираю. Все способы смерти, которые я только перепробовал, разом обваливаются на меня. Я тону, захлёбываясь в бессилии. Кричу внутри, падая во тьму. Отсекаю руку, сжавшись от страха. Перерезаю вены, закрыв глаза, чтобы не видеть тёмную лужу крови, где отражаются синие глаза. Такие же, как у царя.

Он лишь обходит тело Велимира, не выказывая ни единой эмоции. С кончика кинжала стекают капли крови, отсчитывающие секунды.

Внутри что-то снова обрывается и летит вниз, ко дну, и там теряется. Внутри колотится крик, и я не понимаю, вырывается он на свободу или продолжает звенеть глубоко у меня внутри. Воздуха не хватает. Почему? Почему мне нечем дышать?

— Одной проблемой меньше, — протягивает царь, наконец взглянув на тело Велимира. — Признаться, я думал, избавиться от него будет сложнее. А это оказалось очень даже легко.

Меня мутит.

— Замолчи... — шепчу я, смотря лишь на кровавое пятно, расплывающееся под Велимиром.

— Что? Тебя не слышно, щенок.

— Замолчи! — срываюсь я на крик. Горло першит, во рту стоит привкус крови и горечи, а язык едва шевелится. — Очень даже легко?! Как только можно говорить так о человеческой жизни?! Ты... Ты чудовище. Хуже любой нечисти.

Он лишил меня всего. Спокойной и счастливой жизни с мамой, отправил в этот гребаный Орден, гори он ярким пламенем. Он играл моей жизнью — тем, что от неё осталось. День изо дня продумывал изощрённые способы, как бы меня прикончить, зная, что я пытаюсь сделать то же самое на протяжении нескольких лет. Из-за него погибла четверть населения Соколинска, в том числе мои друзья и мама. Всё моё существование было спланированной игрой, где я выступал в роли главного шута на потеху постановщику — царю. А теперь он убил Велимира Тузова. Человека, который стал мне другом.

По щекам катится что-то мокрое и колючее, обжигающее кожу и размывающее мир вокруг. Почему-то я не могу остановить это. Почему-то я над этим не властен. Почему-то эти колющие капли продолжают стекать к подбородку, не останавливаясь ни на миг.

— Саша... — тихо зовёт меня Ру, когда я поднимаюсь с колен, слегка покачиваясь от удара молнии. Не слушая стража и его тихую мольбу, я хватаюсь за его крест и дёргаю за шнурок, срывая его. Ру реагирует лишь немым изумлением, явно будучи всё ещё ошеломлённым смертью Велимира. Но его скорбь так и остаётся таковой, когда моя перерастает в гнев, что взрывается внутри, оставляя после мокрых капель лишь сухость и жжение в глазах. Царь глядит на меня, и его лицо не выражает ни единой эмоции. Но это пока. Скоро оно исказится в боли.

Быстрая молитва пролетает в голове, и с рук срывается горячая плеть огня. Пламя летит прямо в царя, но тот даже не отходит ни на дюйм дальше, а лишь выставляет ладонь вперёд, отбивая удар воздушной защитой. Искры падают на пол и стены, вспыхивая мелкими острыми языками жара. Я уже и забыл, что в руках царь сжимает мой крест. Пользуется молитвам он умело, даже в нитях не нуждается. Но связался он с таким же.

Огонь скачет с моих рук быстрыми и мощными всполохами, но все атаки Ясноликий отражает или перенаправляет на меня, а уже я их перекидываю в стороны или захватываю, вновь отправляя в свою цель. Происходящее только забавляет царя, меня — злит, а Ру всё это настораживает. Он пытается дозваться до меня, но его свистящий голос утопает в треске пламени, что повсюду полыхает янтарным жаром. Всё теряется в пламенных вспышках, но царя я вижу отчётливо. Тот тоже не сводит с меня взгляд единственного глаза, в котором отражаются острые красные языки, пляшущие повсюду. Я бы с удовольствием лишил царя оставшегося глаза, но хочу видеть, как жизнь погаснет в этом ненавистном взгляде раз и навсегда, как в нём заиграет страх и замрёт там навеки.

Воздух наполняется удушающим дымом, но никто из нас не останавливается. Искры пляшут, пытаясь достигнуть противника, но в последний момент тухнут или прыгают в сторону, касаясь стен. Глаза слезятся от чёрного дыма, царю тоже становится не по себе. Но если я не боюсь сгореть заживо и умереть от удушья, то Мечислав вряд ли обладает такой привилегией.

— Саша... — кашляет Ру, и только сейчас я мельком оборачиваюсь к нему. Тот едва держится на ногах, прикрывая рот и нос рукавом. — Надо... Кхе-кхе... Ухо...кхе...дить... Пожалуйста!

Точно. Если я сейчас не остановлюсь, погибнет ещё один человек, что мне дорог. Или хотя бы был когда-то близок.

Мысленно чертыхнувшись, кидаю в царя новый заряд пламени, надеясь, что это его отвлечёт, а сам бросаюсь к Ру, помогая ему устоять на ногах, и подхожу к окну. Если я его открою, то огонь только сильнее возгорится, но другого выхода у нас нет. К тому же через окно можно сбежать.

Из-за дыма, что застилает глаза и забивается в ноздри, не могу нащупать створки или хотя бы выбить стекло. Ру тем временем только хуже: он безвольно повис у меня на спине. Стоит мне подобраться к окну, как меня отбрасывает ударной волной к стене, и я больно ударяюсь об горящую поверхность. Огонь перебрасывается мне на кафтан, и я даже не пытаюсь его сбить, ибо в этом нет никакого смысла. Огонь вспыхивает с новым рвением, точно им управляет сила, которую я пока не вижу. Из-за пелены пламени и дыма не вижу Ру. Огонь плотным кольцом сгруппировывается вокруг меня, не давая шагнуть ни вперёд, ни назад.

— Убей обоих. Демидов, — сквозь огненный треск я различаю знакомый голос, заходящийся в кашле, — всё равно воскреснет.

Крест выскользывает из рук и теряется в языках огня, чьи яркие всполохи точно по чьему-то велению двигаются прямо на меня, облепляя и окружая. Среди огня и дыма я различаю иссечённое шрамами лицо.

Рылов.

Он-то и управляет огнём.

Огня становится всё больше и больше, я по-прежнему не вижу ни Ру, ни тело погибшего Велимира. Огонь лижет кожу, оставляя крупные пузырящиеся волдыри. Захожусь в кашле, но

всё равно пытаюсь продвинуться через огонь, чьи языки с удовольствием пляшут на мне.

— Саша! — поначалу я даже не узнаю голос Ру, что охрип и звучит как жалкий скрип. Его руки обхватывают меня, пока я чуть не задавливаю стража своим телом. — Нужно... уходить.

— Я ещё... Ещё не отомстил за... За Велимира, — кашляю я.

— Он бы не хотел, чтобы ты выбрал... такой путь...

— Велимир... Его тело...

— Мы... — Ру заходится в кашле. — Ничем ему не поможем.

Я должен что-то сделать. Должен помочь Ру, не дать ему погибнуть. Должен не дать уйти царю безнаказанным. Должен...

Но всё потеряно. Огонь полностью распространился по стенам моего кабинета, охватив каждый дюйм в своих безжалостных объятиях. Всё тщетно. Я ничего не могу, кроме как бесконечно кашлять от дыма и медленно ожидать очередного прихода смерти. Её холод вновь коснётся меня, а спустя какое-то время я очнусь живым, но буду во власти царя. А Ру погибнет. Ему смерть не предоставит второй шанс.

Голова кружится, в ушах звенит. Волосы прилипают ко лбу, кожа пузырится, покрываясь ожогами. Будь при мне крест, я бы отогнал огонь, вобрал бы в себя или хотя бы приуменьшил его жар, чтобы помочь Ру спастись. Но сейчас я не могу и этого. Святые не ответят без креста.

Мёртвые никогда не помогут живым.

Но я смело могу отнести себя к неживым.

К тому же по словам той, кому я безукоризненно верю, святым не нужен какой-либо знак, чтобы быть рядом. Поэтому я делаю то, что могу.

Я молюсь.

Молюсь каждому святому. Молюсь с яростью, со злостью, с безнадёгой. Молитва переходит на слабый шёпот, но огонь заглушает его. Произношу имя каждого мученика, обращаюсь к ним с мольбой, чтобы огонь охватил всю эту проклятую крепость и добрался до царя, покарав того.

И вот, когда мои глаза уже закатываются, полыхающие стены охватывает рябь, что мигом меня пробуждает. Окна лопаются, разбиваясь вдребезги, со всех сторон слышен звон и треск. Пламя разрастается с новой силой, но на этот раз уходит дальше от меня и Ру, приближаясь к Рылову, безуспешно пытающемся взять контроль на себя. Кажется, он что-то кричит, но его слова теряются среди многочисленных звуков. С потолка сыпется пыль, главнокомандующий спешно уходит, но огонь гонится за ним, превратившись в тонкую змеевидную ленту.

Рылов пытается сбежать, но пламя, переняв мою ярость, догоняет его, лезвием пронзая его насквозь. Из рта второго главнокомандующего вырывается хриплое бульканье, и он замолкает навеки. Языки пламени лижут всю крепость: и снаружи, и внутри, доходя даже до полигона.

Странно. Огонь ведь был так далеко.

Кое-как встаю и поднимаю Ру. Дым от огня больше не душит меня, но Ру в сознание не приходит. Его грудь едва заметно вздымается, а руки почернели из-за пламени. Пол под нами трескается, унося вниз. По потолку идут трещины, и он обваливается крупными кусками. Стены дрожат и трескаются, падая и разбиваясь.

Когда обломки потолка и куски стен летят на меня и Ру, мне хочется одного: чтобы они

нас не трогали. И точно по моему велению, вокруг нас возникает купол, на который и валится куча обломков, оставляя нас целыми и невредимыми.

Крепость идёт крахом. Какая-то сила неведомым мне образом разрушает её, уничтожает, превращает в пыль и обломки, что у меня под ногами. Тяжело дышу, падая на колени. Всё тело наливается чем-то тяжёлым, будто я вот-вот упаду в такой же обморок, когда умираю. Кажется, люди называют это усталостью.

— Саша?.. — слабо произносит Ру. — Что произошло?

Купол над нами пропадает, и картина происходящего открывается в своём кошмаре.

Повсюду обломки, под которыми виднеются чьи-то неподвижные руки или ноги. Огонь тускнеет, но мелкие всполохи всё ещё пляшут на обвалившихся стенах. От самой крепости ничего не осталось. Лишь синий флаг с серебристым крестом грязным и ненужным платком валяется среди разрухи. И среди всего этого горит священный алтарь, чьи символы покрываются обугленной тьмой.

Поднимаюсь с колен, идя вперёд и немного покачиваясь. Ру следует за мной, но я останавливаю его поднятой рукой и даже не поворачиваюсь к нему:

— Уходи из Великомира. Беги из него так далеко, как только можешь. Найди сестру или возвращайся в Талор.

— Но Саша...

— Я Александр, — сухим тоном поправляю. — Мне плевать, можешь ты произнести это или нет. Лучше вообще забудь меня.

— Но... Алескан... Алистеда... — Ру запинается, но не смеет сделать шаг навстречу мне. — Я не оставлю тебя!

— Оставишь. Считай это последним приказом.

Ру не идёт за мной, когда я медленно выхожу из разрушенной крепости, а остаётся среди обломков. А может, повернул в другую сторону и пустился в бег, прислушавшись ко мне. Мне плевать, что с ним будет.

— Баюн, — шепчу я, вновь упав на колени. — Баюн, ты нужен мне.

Ничего не происходит. Никто не появляется передо мной. Я ударяю кулаком по земле, и на костяшках пальцев остаётся кровь.

— Баюн, твою кошачью мать, явись сейчас же! Я твой грёбаный хозяин, ты обязан мне подчиняться, тупорылая скотина!

— Ой-ой, р-разор-рался тут, — протягивает мурчащий голос у меня за спиной. Я оборачиваюсь, и Баюн одаривает меня удивлённым взглядом, которым и обводит всё то, что осталось от крепости. — Мама моя р-родная... Ты чего натвор-рил тут?

— Перенеси меня, — велю я, поднимаясь. — Перенеси меня отсюда как можно дальше.

— Нет, я, конечно, говор-рил тому стар-рому пню, что этим его Ор-рден и кончит, но не думал, что так скор-ро...

— Баюн, перенеси меня.

— Ай? — он поворачивает голову ко мне. — Я пр-ришёл к тебе с др-ругого конца страны, силушек у меня мало...

— Быстро. Перенеси. Меня.

Кот вздыхает.

— Ох, опасно это, — сетует он. — Но Нави ты всё р-равно чужд, Соловушка.

— Так ты знал? Знал всё это время?

— Все духи знают. Все боги ведают. Одни людишки не сообр-ражают, как и во все вр-

ремена.

— Какого хрена ты мне об этом не говорил?!

— Да ты и не спрашивал, — справедливо отвечает дух. — Ладно, пер-ремещу я тебя, но куда сам не знаю, сил уже нет. Возможно, ты после этого будешь кр-ровью истекать, но...

— Заживёт, — отрезаю я.

Кот подходит ко мне, обернув хвост вокруг моей шеи. Перед глазами мелькает вспышка, а уже в следующую секунду я падаю лицом вниз в колючий и холодный снег.

— Котьяра, какого лешего?!

Глава двадцать седьмая. Крик

Аня

Кажется, Луиза меня будит, едва я смыкаю глаза. Она трясёт меня за плечи, приговаривая:

— Аня, вставай! Нам нужно уходить! И немедленно!

— Что случилось? — кое-как разлепляю глаза и поднимаюсь с земли. Костёр, судя по всему, Луиза успела потушить.

— Будь готова защищаться, — вместо всяких объяснений Луиза решает бросить совет. Она стоит рядом с лошадьми, дёргая их за поводья, но кобылы упираются, не желая идти за богиней, которая на упрямство животных тихо матерится. — Говорила я ему, нельзя нам сюда соваться! Но нет, он своей дудкой думает, а не головой, пастух хренов! — Луиза точно говорит сама с собой, пока я настороженно оглядываюсь в поисках опасности, что так взволновала мою спутницу. — Да идите вы уже наконец! — выкрикивает она, когда лошади во всю отказываются следовать за ней.

Резко холодает. Ветер касается кривых ветвей, скрипящих воем при одном лишь дуновении. Воздух пронзает неожиданно карканье, от чего Луиза вздрагивает, посылает лошадей куда подальше и оборачивается ко мне:

— Если коротко, мы вошли во владения Мораны.

— Что?! И ты говоришь об этом только сейчас?! Или она тот самый бог, с которым мы и должны увидеться?

— Не она. Но тот бог уверил меня, что всё пройдёт гладко! Вот же идиотка, — Луиза хлопает себя по лбу, а после хватает меня за запястье, уводя за собой. — Медлить нельзя! Уходим сейчас же!

Я даже не успеваю среагировать, как несусь со всех ног вместе с богиней, пытаюсь понять, чем я насолила Моране. Вряд ли дело в том, что хозяйке Нави попросту не нравится, когда вторгаются на её территорию. Оглядываюсь назад, проверяя, нет ли погони, как вижу, что в одно мгновение лошади, топчущиеся на месте, рассыпаются в пепел. Взгляд также цепляется за мимолётный металлический блеск, подсказывающий мне, что нужно ускориться.

— Осторожно! — кидаюсь на Луизу, прикрывая её своим телом, и мы обе падаем на сухую землю, больно ударяясь. И в это же время над нами пролетает сверкающий серп. Не успеваем мы встать, как лезвие, совершив круг, вновь чуть не задевает наши головы.

Проходит секунда, а затем другая. Лишь досчитав до десяти, я осмеливаюсь подняться с Луизы и осмотреться. Замираю, стоит мне взглянуть назад.

Из темноты леса выходит стройная женщина, игриво шевеля бёдрами. В белоснежных руках она держит серп, ласково водит пальцем по краю лезвия. Волосы незнакомки черны, тянутся до самой поясницы. Кроваво-алые губы изогнуты в усмешке, а глаза сверкают

беспросветной тьмой: даже белок абсолютно чёрен. Одета незнакомка в чёрное платье, струящиеся до самой земли и сотканное из переливающихся теней, что извиваются редкими всполохами.

Стоит мне взглянуть в чёрные глаза незнакомки, как из лёгких будто выбивают весь воздух. При этом потребности в нём я не испытываю, я просто не ощущаю и не чувствую собственное дыхание. Кажется, вокруг всё останавливается. Под собой я чувствую не твёрдую землю, а вязкую пустоту. Практически ничего не вижу перед глазами, кроме стройной фигуры незнакомки, чьи кровавые губы дёргаются в безумной улыбке.

Но мир перед глазами появляется быстро внезапным ударом под дых. Теперь я слышу и своё дыхание, чувствую воздух, которого почему-то резко не хватает, ощущаю землю под собой. Кое-как встаю, не понимая, почему сил так мало, и гляжу на незнакомку. За руку меня дёргает Луиза, велящая уходить, но я стою, не в силах сдвинуться с места. Женщина смеётся залихватистым смехом и наклоняет голову, точно ворона:

— Девана, я уже и позабыла, как ты выглядишь. Годы тебя измотали, — цокает она языком. — Или это человеческая жизнь так над тобой пошутила? Косу вон отрезала.

— Зато ты свои космы распустила, Морана, — сплёвывает Луиза, вставая впереди меня и загораживая собой. Морана отвечает истеричным смешком и обращает взгляд, в котором клубится тьма, ко мне:

— А ты что замерла, птичка? — от одного её голоса хочется сжаться в тёмном углу и не вылезать из него вечность. От богини исходит гибель. Кажется, одним своим шёпотом она может захватить чью-то душу и утащить в свои владения. И сейчас подобное она проделывает с моей душой, что забилась в пятки, почувствовав приближение смерти. — Заставила же ты меня помучиться. Всё никак не умрёшь.

— Не думала, что моя жизнь мешает самой богине, — нервно усмехаюсь я, стараясь придать голосу уверенности и непоколебимости. И вместе с тем еле держусь, чтобы не дать страху взять над собой вверх. Он ломится внутрь, его когти нависают над самым сердцем, но не решаются вонзиться, ожидая нужной минуты. Я же оттягиваю этот злосчастный миг.

— Мешает многим, — Морана неопределённо взмахивает рукой, точно говорит о чём-то неважном, незначительном и недостойном её внимания. Богиня, не переставая ласкать серп, вновь с витающей на губах улыбкой смотрит на Луизу.

И я, и она понимаем, что бежать бесполезно, но вступать в бой с самой владычицей смерти и зимы — самая худшая идея, что только может вбрести в голову кому-либо. Тем не менее, нам взбрела именно она, поэтому Луиза, мельком посмотрев на меня и дав этим взглядом понять, что время действовать, атакует Морану зарядом молнии.

— О, ты настолько свыклась с людской сущностью, что используешь их приёмы? Какое убожество!

— Замолчи! — вскрикивает Луиза, не переставая метать молнии, которые для Мораны оказываются сущим пустяком: она попросту отбивает их лезвием серпа. Я же, обратившись к Санкт-Елене⁵⁸, посылаю в Морану звуковой удар, который точно вывел бы обычного человека из игры на несколько минут.

Но Морана не человек. Она хозяйка Нави, поэтому мой удар богиня даже не чувствует. Луиза уже в открытую вступает в бой: она достаёт из сапога короткий ножик, бросившись на Морану. Ту это только веселит, и она парирует удар серпом.

— Беги! — Луиза цедит приказ сквозь зубы и вновь замахивается. Морана даже не останавливает удар, а только сжимает руку Луизы, и спустя миг та валится с ног.

— Луиза! — я замираю, не решаясь подойти ближе и наблюдая, как Морана отбрасывает Луизу, потерявшую сознание. Если я подбегу к ней, то Морана тут же пронзит меня серпом, и решительность Луизы будет напрасна.

Но она ведь не может умереть. Луиза богиня, пусть и бывшая, но Перун оставил ей бессмертие! Она попросту не может...

Или бессмертие ничего не значит для самой богини смерти?

— Этим именем она назвалась? — уточняет Морана, кидая презренный взгляд на Луизу. — Не волнуйся, птичка. Мне нет смысла убивать Девану, в отличие от тебя, — с каждым словом она делает шаг навстречу ко мне, когда я отступаю, выставив перед собой крест, который в бою с богиней мне ничем не поможет.

Морана наклоняет голову, водя пальцами по краю серпа. Её пустой и ледяной взгляд поднимается на меня. Широкая улыбка напоминает больше острый, как клинок, оскал. Тени её платья клубятся, поднимаясь ввысь и вставая за спиной богини, как бдительные стражи. Они змеятся, концы заостряются в тонкие клинки, нагоняя на меня страху, что уже давно впился в сердце и теперь не собирается ослаблять хватку.

Свою ошибку я понимаю поздно: моё внимание было заострённо на тенях, что способны пронзить любого насквозь. И поддавшись страху, я будто бы позабыла, кому эти тени принадлежат. И что в её власти есть ещё одно оружие.

Серп, крутясь и свистя, летит прямо на меня. Пригибаюсь вниз и отпрыгиваю в сторону, а серп исчезает во тьме леса.

Слишком легко.

И будто насмехаясь надо мной, серп возвращается с ещё большей силой и скоростью. Он появляется совершенно с другой стороны, не с той, в которой исчез. Лезвие крутится вокруг оси, целясь мне в горло. Отчаянно думая над причиной, по которой я не угодила Моране, уворачиваюсь как только могу: приседаю к земле, бегаю из стороны в сторону, отпрыгиваю и пытаюсь запутать летающий серп, который на все мои уловки не ведётся, а только наоборот: загоняет угол, намереваясь вот-вот вонзиться мне в череп.

Морана смотрит на это с улыбкой. Её тени опускаются и шелестят у ног богини. Я же безуспешно пытаюсь сбить серп молитвами: использую и огонь, и молнии, и воздух, и даже молюсь Санкт-Варваре, но металл лезвия не подчиняется святым. Он следует лишь велению своей богини.

— Ты не устала, стражница? — спрашивает Морана, тихо посмеиваясь. — Остановилась бы, дух перевела, отдохнула.

— На том свете отдохну! — огрызаюсь я, приседая, и остриё серпа вонзается в ствол дерева, но без проблем выходит, оставляя глубокую царапину, и вновь летит в мою сторону.

— Ну, ждать осталось не долго, — как ни в чём не бывало заявляет Морана.

Луиза по-прежнему лежит неподвижно, и мне остаётся только гадать, что такого с ней сотворила Морана. Но лучше сейчас сосредоточиться на серпе, что вот-вот лишит меня башки, если я через секунду не придумаю, как от него отделаться!

Недолго думая, я выбираю поступить рискованно и безрассудно: бегу прямо на богиню, которую мой поступок лишь веселит. Серп летит за мной, его свист так близко, что, кажется, лезвие в дюйме от шеи. Я резко останавливаюсь совсем рядом с Мораной и припадаю к земле, обхватив голову руками, а серп и дальше пролетает небольшое расстояние, не успев развернуться. Перекатываюсь в сторону, уходя подальше от богини, что теперь сжимает своё оружие. На её белой щеке видна бледная и тонкая полоса от лезвия серпа, что заживает

спустя секунду: теперь на её месте ровная белоснежная кожа.

Подбегаю к Луизе и быстро проверяю её пульс: сердце бьётся в нормальном ритме, точно Луиза всего лишь уснула. Но на мои прикосновения она никак не реагирует.

— Зачем тебе моя смерть? — выкрикиваю я, смотря на Морану, которая приближается неспешными шагами. Она точно играет со мной, заводит в ловушку, которую прямо сейчас и плетёт. А я, подобно, глупой мыши, попадаю в её когти, ибо они повсюду.

— Она нужна не столько мне, сколько всему миру, — богиня оказывается совсем близко, но вместо того, чтобы пронзить меня серпом или теньями, Морана ледяными пальцами касается моего подбородка, поднимая моё лицо так, что я встречаюсь с её глазами, полными тьмы. — Видишь ли, птичка, у каждого есть свой срок. В случае его нарушения вы, люди, становитесь нечистью — смертниками. Но и здесь вы обхитрили самих богов, сжигая умерших. Нет тела — нет и новой твари. Навь и так полнится мёртвыми, а теперь ещё ушедших раньше приходится принимать. Но миры из-за этого не страдают, потому как основной закон соблюден: мёртвые в Нави, живые в Яви. Но с тобой другой случай, птичка. Несколько лет назад ты умерла. Твой срок подошёл, но вот мы здесь, а ты живая, невредимая и здоровая! Так не пойдёт, — качает она головой, и тени двигаются в такт её движениям. — Это рушит равновесие миров и прочая белиберда, которую твой смертный ум всё равно не поймёт. Поэтому не дёргайся, и всё пройдёт быстро.

— Раз так, то зачем тебе Александр? — вопрос сам слетает с моих губ, прежде чем я успеваю его тщательно обдумать.

Морана заливается в сумасшедшем смехе, от которого по телу пробегается ряд морозящих мурашек.

— О, мои планы насчёт этого птенчика гораздо грандиознее, — мечтательно протягивает она. — И ты бы мне пригодилась, — её пальцы ласково очерчивают моё лицо, — но слишком велик риск. Поэтому продолжим.

Но продолжить я ей не даю, резко хватая Морану за руку и дёргая её так, что конец серпа касается шеи богини. Вновь бледная полоса, что затягивается спустя мгновение, но заминка Мораны даёт мне вырваться из её хватки и отскочить на несколько саженей подальше. Но вот что делать дальше — я понятия не имею.

Морана только усмехается, и я уже готовлюсь вновь бегать от серпа. Но лезвие она не кидает, а лишь водит по краю оружия пальцами, создавая глухую мелодию. Морана что-то напевает себе под нос: тихо и спокойно, что совершенно не вяжется с её чокнутым смехом. Слов я не различаю, но звучание похоже на колыбельную: размеренную, едва слышную и сладкую. И почему-то мне кажется, что эту песню я уже слышала.

Пение прекращается так же внезапно, как и началось. В воздухе повисает гнетущее напряжение, корявые деревья стоят неподвижно, хотя до этого их ветви колыхались от слабого ветра, который тоже утих. Слишком тихо, я даже не слышу собственного дыхания. Кажется, будто всё замерло, и одной лишь Моране известно, что случилось.

Звуки возобновляются резким и острым выстрелом прямо в голову. В ушах поднимается звенящий шум, ветер усиливается, чуть ли не срывая чёрные коряги с корнем. Проносится гремящий рёв, а в следующую секунду паутина ветвей, закрывающая ночное небо, с треском ломается. Землю сотрясает чудовищный ящер, что опускается вниз, хлопая чешуйчатыми крыльями.

Клыки выглядывают наружу прямо из птичьего заострённого клюва. Чёрная чешуя блестит при лунном свете, просочившемся в Заросли Невозврата, но ненадолго: паутина

ветвей вновь зарастает, не давая свету пройти. Глаза — два ярко-зелёных блюдца с узким и хищным зрачком. Железные когти, вонзаясь в землю, оставляют на ней борозды. Из ноздрей выходят клубья жаркого пара.

Аспид⁵⁹ даже не ждёт команды Мораны. Он рывком бросается на меня, припечатывая к земле мощной холодной лапой, а железные когти рвут рубаху, превращая её в жалкие лоскуты. На груди кровоточат глубокие полосы, я задыхаюсь в крике. Аспид открывает клюв, вязкая слюна твари стекает вниз. Брыкаюсь, пытаюсь выбраться, но я намертво прижата к земле, даже руками не пошевелить. В ладони зажат крест, но любая моя атака попросту полетит вверх или в сторону, но аспида не коснётся. Однако я всё равно обращаюсь к Санкт-Владимиру, вывернув ладонь, и сноп пламени прилетает прямо в распахнутую пасть твари, касаясь раздвоенного чёрного языка.

Чудище шипит, языки пламени играют на его клюве. Аспид поднимает передние лапы, давая мне выбраться, что я делаю без промедлений. Перед глазами пляшут красные пятна, окружающий мир ходит ходуном, ноги подкашиваются. Одной рукой прикрываю кровоточащие раны, которых слишком много, другой же крепче сжимаю крест, произнося про себя новую молитву. Она оказывается слишком слабой: не хватает даже на искры. Жар чувствуется на руках мимолётно, едва касается меня. От запаха крови тошнит.

Летающий в меня серп я замечаю лишь тогда, когда он вонзается мне в плечо, сбивая с ног. Тело пронзает чудовищная и неистовая боль. Она дробит кости до перетёртой пыли, вонзается в каждую часть моего тела тысячами клинками, пульсирует внутри, разрывая на части. Сердце судорожно стучит, шум в ушах перекрикивает мой вопль. Кажется, жизнь обрывается в один миг, возвращается ко мне и вновь заканчивается жгучей болью. И так по кругу.

Когтистая лапа вновь опускается мне на грудь, железные когти входят внутрь. И вместо того, чтобы пасть в темноту смерти, я вижу свою горящую деревню.

Земля содрогается от рёва. Поднимаю глаза: в небе, махая крыльями, летает огромный чёрно-золотой змей. Голова... Нет, три головы украшены острыми шипами, из всех пастей вырывается пламя, опускающееся на деревню и не щадящее ничего на своём пути. Жаркие языки поднимаются к небу, к своему хозяину, что кружит над уже сожжённой деревней, не прекращая извергать огонь. Пламенем вспыхивает всё, я едва различаю что-либо среди кроваво-оранжевых всполохов. Но лишь одно место ни огонь, ни змей не трогают.

Там стоят две фигуры, повёрнутые ко мне спиной. Одна из них высокая, мощная и сильная, явно мужская. За его спиной развеивается плащ, чьи тени, из которых он создан, превращаются в перекошенные и жуткие человеческие лица. А рядом с мужчиной, держа его под руку, стоит стройная женщина, которая слегка поворачивается в мою сторону. Свет, исходящий от огня, помогает различить её лицо: прекрасное и бледное, дивное и убийственное. Глаза блестят непроглядной тьмой.

Морана.

Она была в ту ночь в моей деревне.

Она... Это сделала она.

Ушей касается пение богини, а перед глазами возникает летний лес. Дюжина кадетов смеются с глупой шутки, пока я, не имея при себе креста, пытаюсь отыскать мелкую нечисть. В воздухе появляется слабая вонь гнили и падали, я вздрагиваю от крика однокашника, когда тот, застыв, с ужасом указывает в глубь леса, откуда бежит целое скопление мертвяков. Твари мычат, вытягивают руки, набрасываются на кадетов, вгрызаясь

им в плечи, вырывая им кишки и глаза. Я ничего не успеваю сделать, как мертвяк сбивает меня с ног одним ударом, а его гнилые зубы вонзаются в мой живот, потроша его.

Внутренности превращаются в кровавое месиво, которым и становятся мои однокашники, упав замертво. Среди деревьев вижу тонкую улыбающуюся фигуру: чёрные волосы струятся по плечам, глаза, погрязшие во тьме, сверкают.

Морана.

Это была она.

Кричу, и мертвяки рассыпаются в пепел.

Кричу, и то же происходит с аспидом, чьи когти исчезают, а тело взрывается.

Кричу, не прекращая.

От боли, от бессилия, от несправедливости. Морана приходила за мной всё это время. И если я выживала, то другие гибли из-за её желания покончить со мной. Гибли невинные люди, умирали в мучительной агонии.

И всё из-за меня...

Кричу, не замечая, как обваливаются корявые и лысые деревья, как трещит земля, как ломаются нависшие кривые ветви, закрывающие небо. Кричу, а сердце внутри превращается в мелкие осколки, что сочатся кровью, и собирается воедино, но вновь рассыпается на острые куски, впиваясь внутрь острой болью. Кричу, наблюдая, как в трещины чёрной земли проникает моя кровь, бурля в них.

Мораны не видно. Замечаю лишь быструю вспышку, похожую на чернильную ворону, что взмывает вверх. От этого мой крик только усиливается, земля под ногами идёт рябью.

Кто-то опускается рядом со мной и обхватывает за плечи, крепко обняв. Не прекращая кричать, я даю волю горячим и ненавистным слезам. Болит всё: мышцы, кости, сердце, горло, голова. Всё разрывается на части, а моему крику нет конца.

Тот, кто обнимал меня, мягко отстраняется. Я вглядываюсь в его лицо: бледное и болезненное с тёмными кругами под светло-голубыми глазами. Губы сжаты в линию, белые волосы растрёпаны, а по впалым щекам стекают слёзы.

Нет, не слёзы.

Кровь.

— Есений... — выдыхаю я, прекратив кричать и падая в руки Проводника. Тот гладит меня по спине, ничего не говоря, а я теряю сознание.

Глава двадцать восьмая. Пение

Александр

— Какого лешего, котяра?!

— Я и сам гор-ры не люблю, — заявляет Баюн, не чувствуя какого-либо холода. — Но ты и слушать меня не стал! А я говор-рил: сил мало! Но зачем слушать Баюна, своя голова — только дур-рная — есть! — причитает он.

Кое-как поднимаюсь и оглядываюсь: вокруг снег и деревья, укрытые им. Падающие хлопья заметно ухудшают обзор, а ещё больно колют щёки. Ясен пень, Баюн перенёс меня в Морозные горы. От Ордена, конечно, далеко, но лютый холод значительно портит этот факт. Прорываюсь сквозь снег, идя вперёд, но тут же проваливаюсь в него по колено, а после и вовсе падаю лицом вниз.

— Н-ну всё, кошара! Т-ты у-у меня д-доигрался! — стуча зубами, грозно произношу я и оплёвываюсь от снега. — Я тебе усы в жопу затолкаю!

— Ага, когда выбер-решься, — беззаботно отвечает дух.

Да я заставлю его весь этот снег сожрать, как сам из него выберусь!

— Баюн, живо мне помоги!

— Вот любят людишки поор-рать на пустом месте.

Мощные лапы Баюна хрустят по снегу, а после поднимают меня, прижимая в косматому, но тёплому шерстяному пузу. Дух несёт меня ни к менее заснеженной земле, согревая толстыми и пушистыми лапами. Проклиная тех, кто додумался использовать для кафтанов такие лёгкие и продумываемые ткани, я кое-как шевелю окоченевшими конечностями, приводя их в норму.

Пока Баюн согревает меня своим теплом, я пытаюсь здраво оценить дерьмовую ситуацию, в которую попал, рассуждая вслух:

— В Орден возвращаться нельзя. От него и камня на камне не осталось.

— Мя-у-у-у, и всё благодар-ря тебе, — вмешивается Баюн.

— В каком смысле? Хочешь сказать, крепость разрушил я?!

— О, умные мысли всё же посещают тебя, — язвительно фыркает кот. — А как, по-твоему, действует твоё пение, Соловушка?

«Соловей пением границы развеет» — мелькают в голове строчки предсказания.

— Пение... — тупо повторяю я, точно пытаюсь понять весь скрытый смысл этого слова. — Но я... Я просто молился. Наверное, даже по-настоящему.

Чего ни разу не делал до этого.

Всякий раз, обращаясь к святым, я требовал именно силы. Я не верил в мучеников, как Аня, практически никто в Ордене не обладает искренней верой, под чьим наставлением и должны служить стражи. В тот момент я потерял надежду. Ощутил бессилие и поступил так, как требовало нахлынувшее отчаяние. Попросил помощи.

Лишь помощи.

Не силы.

Но вспыхнула именно она.

Гляжу на свои руки, точно вижу их в первый раз. Такие же бледные, даже немного посиневшие от холода.

Неужели... Крепость разрушил я? Обычной молитвой?

Но у меня даже креста не было! Он выпал из рук, когда дым душил меня. А крест необходим, чтобы молитва сработала. Почему же... Почему же она сработала без него?

Аня как-то сказала, что святым не нужны никакие знаки, чтобы быть рядом.

Аня! Леший меня в лес заberi, я совершенно забыл про Аню! И про Данияра, и про Луизу, и про Есения! Они могли быть в крепости, когда всё и случилось. Их могло придавить завалом. Возможно, Аня в таком случае выжила бы, но за остальных я не ручаюсь. И даже если выжила, то всё хуже некуда: теперь Аня в руках царя. Если, конечно, тот тоже остался в живых.

А что насчёт Милена? Был ли он в крепости во время праздника? Если мне не изменяет память, накануне этого он вернулся в кадетский корпус. Но это меня всё равно не успокаивает. Кто знает, что успела натворить Юстрица до нападения на Орден? А если она облетела всю столицу? Мог ли Милен попасть под удар?

— Мне нужно в Орден, — понимаю я.

— Да ты ж только сказал, что нельзя тебе туда! — вспоминает Баюн.

— И это по-прежнему так, — соглашаюсь я. — Но там мой отряд. Там Аня и другие. И очень надеюсь, что все они живы.

— Не буду я тебя пер-ремещать! — в знак возмущения кот гордо поднимает голову, отвернув её от меня и скрестив лапы, когда я отодвигаюсь от его шерстяного пуза подальше, о чём быстро жалею, ибо холод подбирается вплотную. — Я и так устал, набегался с тобой! Мне нужен здоровый сон и вкусный обед!

— Можешь сожрать царя, я не против. Тем более он наверняка мёртв.

— Мяу-у-у-у, я потр-роха не ем!

— Мне нужно в Орден, Баюн, — твёрдо повторяю я. — Немедленно.

Баюн, задрав нос и размахивая хвостом, фыркает, распушив усы:

— Мне тоже много чего нужно. А Аньки твоей там нету.

Что-то снова обрывается внутри.

— Как это нет?! Она?..

— Да жива-жива она. Сбежала только с этой чокнутой, — протягивает кот таким тоном, будто проглотил кислое яблоко.

— С чокнутой? — так Баюн говорит только об одной девушке, что однажды наступила ему на хвост и даже не извинилась. — Причём здесь Луиза?

— Я за ней не слежу. Знаю только, что убила она стр-ражей да девицу твою с собой увела. Их тепер-рь в измене обвиняют.

Я и подумать не мог, что пропустил так много, будучи рядом с царём.

Луизе я доверяю так же, как и всему своему отряду. Но учитывая, что доверие к Ру обернулось для меня ничем хорошим, я начинаю сомневаться и насчёт Луизы. О ней я знаю немного, она не любит говорить о себе. Знаю только, что суженные зрачки её глаз у неё с самого детства. В юности её укусил волколак, но, к удивлению, тварью она не стала. Объяснений этому не нашлось ни у кого, а сама Луиза на все расспросы отмахивается и говорит, что укус был недостаточно сильным. Тем не менее с того дня каждую ночь Луиза связывает себя цепями на всякий случай. И когда она перешла в мой отряд, это важное задание Луиза поручила Данияру.

Мне ничего неизвестно о её семье, откуда она. Имя нездешнее, подобное Луиза объясняла тем, что её мамаша с головой не дружит и питает страсть к именам соседних стран. Я не знаю, сколько Луизе лет, хотя выглядит она не старше меня. Она никогда не говорила о том, как попала в Орден и что привело её к стражам. И почему-то я никак не могу вспомнить, под чьим командованием она служила до меня. Новичком, попав ко мне в отряд, она точно не была: Луиза мастерки обращается с молитвами, практически никогда не используя нитей.

Похоже, ещё одного члена своей команды я совершенно не знаю.

А что насчёт Данияра? С ним я знаком со времён учёбы в особом легионе. Мы сдружились не сразу, в отличие от Ру. Данияр казался мне слишком скучным и угрюмым, и то же самое думал о нём Ру. Но позже мы нашли общий язык, и я узнал, что он старший сын в многодетной семье. Дед Данияра — уважаемый страж, ушедший в отставку после потери нескольких конечностей. И для Данияра он всегда был примером.

Его семья находится в бедственном положении. Всех детей сложно прокормить, вот Данияр и отдавал чуть ли не всё своё жалованье семье. Но и этого не хватало. Предыдущий капитан Данияра задерживал или вовсе урезал выплаты. Тогда я и предложил старому другу перевестись в свой отряд, а плюс ко всему тоже отправлял небольшую часть своего жалованья, чтобы хоть как-то помочь семье Данияра.

Его я знаю: он храбрый и честный, серьёзный и рассудительный, спокойный и готовый

помочь в любую минуту. Единственное, он не говорит, как заработал свой жуткий шрам на лице. Но я не лезу в личные дела друзей.

Что касается Есения... Его я и впрямь не знаю.

— Ты знаешь, где Аня? — спрашиваю я у Баюна. — Она в опасности?

Он водит ушами, прислушиваясь, и спустя секунду выдаёт:

— Чокнутая с ней. По р-разговор-рам ей ничего не угрожает. Анька твоя в Нечистом лесу...

— И ты говоришь, что ей ничего не угрожает?! — накидываюсь я на духа, перебивая его.

— Да, етить твою налево, говор-рю! Она с этой чокнутой, а та уж любую нечисть сама сожр-рёт!

И всё же мои сомнения в Луизе не угасают. Она действительно сильный страж, и вместе с ней Аня уж точно не пропадёт или хотя бы сможет справиться с неприятностями, что поджидают в Нечистом лесу на каждом шагу. А ещё мне не даёт покоя мысль, почему Луиза убила стражей? Да ещё и прихватила с собой Аню, сбежав из Воиносвета.

В какой-то степени я даже рад, что Аня далеко от столицы. В конце концов ею заинтересовался царь. Учтывая, что о моём небьющемся сердце и бесчисленных смертях, Мечислав узнал от Ру, то правителю Великомира точно известно, что и Аня умереть не может. Наверное, тот же Ру обо всём и поведал. Вероятней всего, царь и устроил собрание лишь ради того, чтобы узнать побольше об Ане.

И я самолично предоставил ему эти знания.

В то время я пытался увести все подозрения по поводу смерти кадетов подальше от Ани. Я наговорил бред о возможности использовать молитвы без креста и нитей, а многие приняли это за возможную правду. В том числе и царь.

Вот только правдой это и оказалось.

Пение Соловья — это и есть обращения к святым, для которых не нужен крест, а уж тем более нити. И сказав это при царе, я собственными руками навлёк на Аню опасность, сам того не подозревая.

И теперь царь думает, что она такая же, как и я.

Раньше я был уверен, что ни одно из предсказаний Драговита не дошло до наших дней, но, как оказалось, я ошибался, как и многие. Предсказывал последний святой много, наверняка должно быть что-то и про Аню. И мне искренне хочется верить, что царь ещё не добрался до этой информации.

— Ты знаешь, где Есений? — спрашиваю я у Баюна и в ответ на его удивлённый взгляд добавляю: — Есений Ладов. Страж из моего отряда.

— А каких это пор-р Пр-проводник относится к твоей компашке? — с подозрением вопрошает Баюн, прищутив глаза.

— Проводник? Какой ещё Проводник?

— Всё тебе объяснять-то надо... — протягивает Баюн таким тоном, точно у меня в голове ветер гуляет. — Чудной твой стр-раж. Ходит туда-сюда, то в Явь, то в Навь, то в Пр-равь, то кр-руги наматывает по всем мир-рам. Говор-рит загр-робным голосом, предсказания свои мямлит.

— Предсказания, — повторяю я, зацепившись за это слово.

Значит, это правда. Каждая фраза Есения касалась и касается будущего. А теперь оказывается, что он и по трём мирам путешествует. Это вполне объясняет, почему он вечно пропадает и появляется неведомым образом.

И это только убеждает меня в том, что нужно срочно его найти.

— Перенеси меня к нему.

— Я, по-твоему, должен знать, где вся твоя шайка шастает?

— Котяра, ты слышишь всё живое, а значит, и моих друзей, — я растираю замёрзшие руки, чтобы хоть как-то согреться. — И так как я не вижу больше смысла объяснять тебе, что ты и так знаешь, то перенеси меня к Есению!

— Знать не знать где он. Пр-роводник постоянно кочует, звуков не издаёт.

— Тогда просто перенеси меня в другое место. Только не такое холодное.

Кот обматывает мою шею хвостом, и я уже решаю, что он пытается меня задушить — настолько я надоел духу. Но почувствовав мягкое щекотание шерсти, успокаиваюсь. Резкая вспышка — и второе перемещение проходит хуже первого, ибо я валюсь на колени, прижав ладонь ко рту. К горлу подкатывает ком тошноты, не заставляющий себя ждать: рвота оказывается жидкой и тёмно-коричневой, как выпитый мной накануне квас.

— А я говор-рил, пер-ремещения плохо на людишек влияют!

— Ты так много говоришь, что фиг разберёшь: что бред, а что полезная хрень, — говорю я, отдышавшись. — Где мы?

— В Нечистом лесу, — неопределённо кидает Баюн. — Уж не знаю, где мы в нём конкр-ретно, но похоже на Чащу Гибели. Воняет так же.

Киваю, удостоверившись и этим.

— Что насчёт Данияра? Он жив?

Кот вздыхает и водит ушами, прислушиваясь на этот раз дольше обычного, словно звук, что он пытается уловить, постоянно от него ускользает.

— Ну-у-у... — он дёргает ушами. — Сер-рдце бьётся, лёгкие р-работают. Жив! — довольно заключает кот.

— Баюн, — предостерегающе говорю я.

— Большого сказать не могу! — важно объявляет дух, гордо подняв морду и слегка отвернув от меня. — Я только слышу, а не вижу!

Данияр наверняка серьёзно ранен. И это целиком и полностью моя вина. Вероятней всего, Данияр попал под завал, а прямо сейчас он лежит под огромными кусками, не в силах выбраться. Воздух у него закончится быстро, если смерть от ранения не придёт раньше.

Баюн, точно прочитав мои мысли, устало и сердито произносит:

— Его окр-ружают лекар-ри. Говор-рят, р-рану залечили, но не очнулся до сих пор-р. Юстр-рица постар-ралась, — добавляет он, увидев мои округлённые глаза. — Вы, люди, постоянно вините себя. Но вот только как эта вина помогает?

Его вопрос я оставляю без ответа. Весь мой отряд жив, хотя Данияр всё же оказался на грани смерти. Рана явно не от когтей Юстрицы, иначе Данияр бы уже умер от мора или стал мертвяком, как и другие стражи, что пали от твари. Всё ещё не понимаю, куда делись мертвяки, при жизни бывшие членами Ордена. Они точно испарились, будто бы их и вовсе не было.

— Баюн, — вновь обращаюсь к духу, который знает больше моего. Тот поднимает недовольный взгляд жёлтых глаз, тяжело вздохнув, предвещая очередной вопрос. — Тебе что-нибудь известно о колыбельной тьме мертвецов?

— О, стр-рашная вещь! — с интересом говорит он. — Подчиняет себе всю нечисть, делает их сильнее, даже духов, по слухам, контр-ролир-рует. Да чего уж там, колыбельная пр-ревр-ращает любого в нечисть! Я, к счастью, песни этой не слышал, под влияние её не

попадал.

— И кому под силу эта колыбельная?

— Кому-кому, ясен пень, богам под силу! Мор-ране, ну, или Чер-рнобогу⁶⁰ — её мужу.

Только им, только они колыбельную знают.

Морана... Снова она. А теперь ещё и Чернобог объявился, который вполне вместе со своей жёнушкой мог устроить всё, что творится в Великомире последние несколько месяцев. Началось это с гибели кадетов и продолжается до сих пор. Последним их ходом была Юстрица и, что-то мне подсказывает, толпище мертвяков. И всё время они преследовали какую-то цель. Или, судя по всему, не совсем сошлись в этой цели.

Морана ускорила моё воскрешение, когда я погиб от когтей упырей. Да и сказала, что я ей пригожусь, а значит, моя смерть — невозможная смерть — богине не сдалась. Солнце никак не влияло на нечисть с самого того дня, как Аня умерла во второй раз. А спустя несколько дней её пытались убить лихо, что тоже не дремало при свете дня. Жердьяй обрёл способность к регенерации, когда рядом была стражница. И Юстрица напала на крепость, где была Аня, а меня птица не тронула, даже остановилась в атаке, будто кто-то ей запретил.

Если за всем этим стоит богиня смерти и зимы, то Аня явно ей не угодила. А вот я Моране даже нужен. И если она контролировала Юстрицу и была рядом, то откуда возникли мертвяки, напавшие на меня и царскую семью? И вот здесь находится место для Чернобога — тёмной лошадки во всей истории. Похоже, не нравлюсь я именно ему.

Причина этого довольно ясна: я не умираю. И Аня тоже. Вряд ли повелители Нави жалуют тех, кто нарушают законы их мира, и поэтому они решили лично убить нас. Но всё-таки их интересы разошлись, ибо Моране выгодней, чтобы я и дальше был в Яви.

Я узнал, что всё моё существование подстроено, как спланированная игра. Мой друг всё это время служил моему заклятому врагу, находясь у него в рабстве. Мой второй друг умер у меня на глазах. Я разрушил крепость Ордена и стал изменником, потеряв звание и положение. А теперь оказывается, что я ещё и перешёл дорогу богу смерти.

Всё дерьмовей и дерьмовей.

— Мне нужно найти Аню, — если ей угрожает Морана, то я должен быть рядом. Луиза не сможет защитить Аню от богини, а только погибнет сама. — Она далеко отсюда?

Баюн задумывается, крутя ушами.

— Не могу понять... То там, то тут... — хвост Баюна встаёт дыбом, когда кот хмурится и удручающе произносит: — Слишком много звуков.

— И перенести меня к ней ты не можешь, — догадываюсь я. — Слушай, а если я на тебя сяду?..

— У меня и так сил мало, чтоб тебя ещё таскать, — важно заявляет кот, обрывая моё предложение.

Если я буду искать Аню самостоятельно, даже верхом на Баюне, это займёт слишком много времени. Морана может добраться до неё раньше меня с помощью нечисти, которой кишит огромный лес. Неожиданно в голову ударяет мысль, что кажется мне единственным возможным вариантом.

— У тебя хватит сил, чтобы обежать весь лес без меня и найти Аню?

— Если подкр-реплюсь по дор-роге, то вполне.

— Отлично. Найди какого-то зайца или любую другую зверушку, чтобы набить брюхо, но не человека, — велю я, заметив, как плотоядно облизывается Баюн. — И дай мне свой клубок.

Глава двадцать девятая. Бог первой любви

Аня

Во рту сухо, горло деревянное, ноги и руки кажутся безвольными верёвками. Голова разрывается на куски от шума, что навис надо мной. Напоминает чей-то разговор — нет, спор, — вот только слова и их смысл теряются. Пытаюсь хоть как-то пошевелиться, но безуспешно: мышцы сводит болью. Пытаюсь что-то сказать, но и здесь терплю поражение: изо рта вырывается лишь стон. Открыть глаза я не пытаюсь. Всё равно знаю, что не получится.

— Ты должна была защищать её, а в итоге дала Моране усыпить себя! — причитает незнакомый голос, и чьи-то руки поднимают мою голову, а после укладывают на что-то мягкое. — И вот когда она теперь очнётся?!

— Кто бы говорил, — этот язвительный тон я узнаю среди тысячи. Луиза тяжело вздыхает: — Почему ты не нашёл нас раньше?

— Я был занят.

— Чем?! Играл на своей дудке на радость курам?

— Это свирель, а не дудка, — обиженно произносит незнакомец.

От их препираний головная боль усиливается. Разлепляю глаза, подсознательно догадываясь, что снова их закрою из-за солнечного света. Но к моему удивлению, я встречаюсь с крошечной тьмой. Но глаза всё равно закрываются от усталости.

— Аня, — Луиза интенсивно трясёт меня за плечи, когда незнакомый юноша шикает на неё, шепча, что мне нужно отдохнуть. — В другом мире отдохнёт! — отмахивается она от незнакомца, который даже не пытается спорить.

В ответ я лишь мычу и мотаю головой, отказываясь просыпаться. Но Луиза крайне настойчивая, поэтому спустя несколько мгновений я всё же открываю глаза.

— Ну наконец-то! — с облегчением выдыхает Луиза. Я поднимаюсь, помогая себе локтями. Вокруг всё тот же лес, всё те же Заросли Невозврата. Над головой кривые ветви, закрывающие небо огромным куполом, не оставляя даже мелких щелей для солнца и его лучей, поэтому трудно сказать, ночь сейчас или день.

Почему-то мне кажется, что этого кокона ветвей не должно быть, ведь он треснул, обрушившись вниз. Да и деревья тоже покосились больше обычного. А земля усеяна сухими обломками веток.

— Что произошло? — тихо спрашиваю я, схватившись за гудящую голову.

— Ты использовала крик, — отзывается Луиза.

— Нельзя же так прямо! — тут же отчитывает её юноша, и я поднимаю на него взгляд, застывая с открытым ртом от изумления.

Он безумно красив. Молод, примерно одного возраста со мной, может, даже младше на год или два. Волосы у него пышные, растрёпанные, золотисто-пшеничные. На них только не хватает венка из весенних цветов. Кожа персиковая и безупречная, тело стройное, а глаза ясные и голубые. В ответ на мой изумлённый взгляд юноша тепло улыбается, и от одной лишь этой улыбки сердцебиение учащается, дышать становится трудней, а щёки полыхают алым румянцем.

Юноша одет просто: льняная подпоясанная рубаша с красными строчками узоров и светлые широкие штаны. Этаким беззаботный деревенский паренёк, что влюбляет в себя множество женских сердец.

— Это Лель⁶¹, — представляет его Луиза, закатив глаза — Бог любви.

— Бог первой любви, — уточняет Лель. — Рад тебя видеть, Аня. Прости, что прибыл поздно, возникли некоторые дела.

— Н-ничего страшного, — говорю я, заикаясь и пожимая протянутую руку бога. Тёплая. И приятная. — Так что случилось? — повторяю я свой вопрос, так и не поняв ответа. — И где Есений?

Лель и Луиза переглядываются.

— Здесь был Проводник? — спрашивает первый.

— Да. Он... У него из глаз шла кровь, — вспоминаю я. — И... А где Морана?

— Она ушла, — отвечает Луиза. — Точнее, сбежала как можно скорей от твоего крика, чтоб ты её не убила. Но сомневаюсь, что это ваша последняя встреча.

— Я могла её убить?

Лель поворачивается к Луизе:

— Ты ничего ей не сказала о её силе? О её крике? — Луиза только поджимает губы, и бог вздыхает: — Крик Кукушки смертелен. Ты видела, что случилось, когда кричала: аспид превратился в пепел, деревья повалились, завеса ветвей и вовсе сломалась, а нечисть поблизости тоже сдохла. Хорошо ещё, что Девана выжила. Но это чистое везение, это лишь доля твоей силы.

— Но её бы хватило, чтобы убить Морану, — добавляет Луиза.

— Нет, — отрезает Лель. — Не хватило. Ей было больно, не больше. Поэтому она и сбежала. Но если бы твои силы, Аня, достигли своего пика, то, возможно, Морана бы умерла.

— А разве можно убить бога?

— Всё имеет свои начало и конец. В том числе и боги, — пожимает плечами Лель. — Твой крик способен на многое. Поэтому Морана так и жаждет от тебя избавиться.

— А что насчёт Есения? — возвращаюсь я к своему вопросу. — Он... Он был здесь, когда я кричала. Я же... Не убила его?

От этой мысли по телу пробегает ряд ледяных мурашек.

— Его тела рядом с тобой не было, поэтому смею предположить, что Проводник ушёл. Но судя по крови из глаз, он чуть не умер от твоего крика. Даже удивительно, — усмехается Лель. — Проводников я встречал много, но с такой внутренней силой — впервые.

Лель говорит об этом так беззаботно и легко, точно рассуждает о погоде. Он проводит пятерней по волосам, ещё больше растрёпывая их, и, наткнувшись на мой удивлённый и застывший взгляд, виновато улыбается:

— Прости. Я... Иногда забываю, как люди реагируют на чью-то смерть. Или на упоминание смерти. Или на возможную смерть.

— Всё хорошо, — тут же произношу я.

Лель ещё раз выдавливает неловкую улыбку. Луиза же тем временем протягивает мне глиняную тарелку с серой и густой жижой, говоря, что мне необходимо подкрепиться и набраться сил. Желудок действительно болезненно скручивается, но запах чего-то сгнившего, исходящий от подозрительного варева, тут же убирает голод, поэтому я вежливо отказываюсь. Луиза же фыркает и выливает серое месиво на землю, а после вручает мне свой крест, в качестве оружия, убедив меня, что он ей не понадобится. Тот, что был при мне, я успешно потеряла.

Луиза рассказывает, как Морана навела на неё сон, когда коснулась её. Очнувшись, бывшая богиня нашла меня без сознания, среди сломанных колючих веток и крови. Раны от

аспида на мне быстро зажили, не оставив шрамов. Только когти безвозвратно разорвали рубаху в клочья, однако Лель заботливо принёс косоворотку. Мужскую, правда. Поэтому сидит одежда на мне как мешок.

— В Правь попасть будет сложно, — говорит Лель, когда мы наконец решаем двинуться в путь. — Ты, Аня, смертная, а тем дороги в Ирий нет.

— Я всё ещё не до конца понимаю, на кой ляд мне в Правь надо.

— Девана тебе ничего не сказала?

— Я Луиза, — вмешивается та. — И я бы сказала, да не сказали мне.

— Это приказ Белобога⁶², — спешно объясняет Лель. — Он знает, что Морана задумала убить тебя. И хочет спасти.

— Почему его так волнует моя жизнь?

— Думаю, будет лучше, если это он всё тебе объяснит. Всех мотивов Белобога я не знаю, и... Всё нормально? — спрашивает он, заметив, что я резко остановилась посреди леса, сложив руки на груди.

Я окидываю бога хмурым взглядом:

— Нет. Я не собираюсь быть чьей-то куклой, которой можно повелевать так, как хочешь. И передай это Белобогу.

Лель недоумённо поворачивается к Луизе, то ли ища поддержки, то ли ожидая объяснений. Но вместо этого он получает молчание, означающее лишь одно: «Разбирайся сам».

— Ты просто будешь в безопасности в Правь и всё.

— Уверен? Сам же сказал, что не знаешь всех мотивов Белобога, так с чего утверждаешь, что я буду в безопасности? Может, Белобог как раз и хочет избавиться от меня, а тебе сказал о моём спасении?

— Белобог не может лгать, Аня, — устало вздыхает Лель. — Видишь ли, по сути ты должна была умереть ещё пять лет назад. Но ты жива по сей день, твоё сердце бьётся, ты дышишь и ходишь по Яви. И это слегка нарушает равновесие миров. Хорошо, не слегка, а серьёзно нарушает равновесие между Явью и Навью. Твой срок подошёл, а живёшь ты дольше обычного. Поэтому ты и стала Кукушкой, но вот цена этого — баланс загробного и людского миров. И Белобог попросту хочет это исправить. Точнее, понять, как это исправить.

— А чего тут понимать? — фыркаю я, вспоминая слова Мораны. — Просто дайте Моране убить меня и забрать в Навь, я умру, и равновесие восстановится.

— Не восстановится, — мотает головой Лель. — Видишь ли, это работает иначе. Представь, посадила ты берёзу. Она выросла, красивая и стройная, но вот беда: землю отравили. Сгнила берёза, листья опали, и само дерево умерло. Посадила ты на её место другую берёзу, но та даже не проросла. Попыталась посадить другие деревья: результат тот же. И дело не в растениях.

— А в земле, — понимаю я.

— Именно. Твоя смерть и воскрешение пять лет назад отравили землю. Ну, точнее нарушили равновесие. И твоей окончательной смертью беду эту не решить. А беда страшная. Тёмные боги становятся сильнее, — на этих словах Луиза громко фыркает, но Лель, не обращая внимания, продолжает: — Ворота Нави растворяются. И, вероятней всего, Навь и Явь столкнутся. И неизвестно, какой мир поглотит другой. Ясно только, что ничем хорошим это не обернётся.

— Поэтому нечисть стала сильнее? — понимаю я. — Из-за нарушенного равновесия?

— Не совсем. Боги становятся сильнее. Тёмные боги. И Морана в их числе. Мощь тварей возросла благодаря колыбельной тьмы мертвецов. Колдовство сильное, подвластное только ей и Чернобогу. Ты уже видела колыбельную в действии, когда Морана призвала аспида.

Значит, всё это рук дело богини смерти и зимы. Неужели Морана делала это с одной целью: убить меня? Получается, и Юстрицу она послала.

Извращённые у неё, конечно, методы.

— Белобог хочет восстановить равновесие, Аня. Как он это сделает, я не знаю. Но, вероятней всего, сделать это можно лишь с твоей помощью.

Я ничего не говорю про Александра, чьи бесчисленные смерти так же могли поспособствовать нарушению равновесия. Моране он зачем-то нужен, пошатнувшийся баланс между мирами тоже играет ей на руку, делая богиню сильнее. Но мне до сих пор не понятны её истинные цели. И кем может оказаться Александр, если я всё это время была Кукушкой — той, чей крик способен убить любого?

Почему-то я не говорю ни Лелю, ни Луизе ни слова про капитана, точно считаю хранить его тайну своим долгом. А может, просто не хочу, чтобы боги узнали о ещё одном человеке, чьё место на том свете уже как несколько лет. К тому же Александр отличается от меня небьющимся сердцем. И это отличие тоже не даёт мне покоя.

Луиза упоминала какого-то Соловья. Может ли Александр оказаться им? Надо будет спрашивать у неё об этом, при этом не упоминая капитана.

В конце концов я сдаюсь, решив довериться Лелю и Белобогу, поэтому мы продолжаем путь, идя по Зарослям Невозврата. На удивление, нам не попадается ни единой нечисти.

— Ты что-то говорил о трудностях в попадание в Правь, — припоминает Луиза.

— Точно, — соглашается Лель. — Идти придётся через Навь.

— Что?! — на этот раз вместе со мной останавливается и Луиза.

— Смертным закрыт ход в Правь. А ты, Аня, пусть и не можешь умереть, всё же смертная. Поэтому придётся совершить небольшой переход между мирами.

— Небольшой переход? — вскипает Луиза. — Да она попадёт прямиком в лапы Мораны! Мы о таком не договаривались, дудец!

— Это не займёт много времени. И не называй меня так. В Нави есть двери в другие два мира, поэтому можно быстро проскочить в Ирий.

— Почему только в Нави? — спрашиваю я.

— Так уж вышло, что богам нравится беседовать со смертными. Только с мёртвыми смертными, а не живыми. Поэтому некоторые ушедшие удостоиваются чести посетить Ирий, — поясняет бог любви. — Уверяю, много времени это не занимает, я уже так делал с одним смертным. Кажется, он Орден Святовита основал.

— Нам придётся идти через Калинов мост, — напряжённо говорит Луиза, пытаюсь дозваться до благоразумия Леля. — Да стоит нам на него ступить, как Морана сразу поймёт, что мы в её владениях. И не только Морана.

— Ну, с Чернобогом я разберусь, — как ни в чём не бывало заявляет Лель.

— А что насчёт змея? Он нас не пропустит.

— Он сделает всё так, как скажу я. Поверь, я об этом позаботился.

Лель похож на самоуверенного мальчишку, который не имеет никаких забот, для него всё просто и легко, любые трудности по плечу. Он напоминает мне Милена, что с такой же

решительностью рассказывал о своих умениях, гордясь ими и значительно преувеличивая. Лель же говорит о Нави и необходимости перейти Калинов мост как об обычном деле, не видя в этом никакого риска.

И я ему уступаю. Говорил бог искренне и честно. К тому же если это единственный способ попасть в Правь и восстановить равновесие между мирами, то риск однозначно оправдан.

— Калинов мост и река Смородина⁶³ находятся как раз в Зарослях Невозврата, — рассказывает Лель спустя короткое время. — Поэтому здесь так много нечисти.

— Мёртвых притягивает загробный мир, — улавливаю я.

— Да. И именно сила моста не даёт солнцу проникнуть сюда. Поэтому ветви и растут так быстро, даже если их ломают. Солнце — это источник жизни. Под его лучами мост может исчезнуть, и ушедшие попросту не найдут его, оставшись в Яви.

— И став смертниками, — договариваю я, и Лель согласно кивает.

Не знаю, сколько мы идём. По ощущениям, корявые деревья не меняются уже несколько часов. Все сучья одинаково кривые, голова путается. Но Лель уверенно шагает впереди, я иду с ним вровень, а Луиза плетётся сзади.

— Лель, что тебе известно о Проводниках? — решаюсь спросить я.

— Это проклятие, а не дар.

— В каком смысле?

— Ты, наверное, заметила, в каком состоянии постоянно Проводник. Смирненное лицо, часто плачет, не может нормально говорить, голос мёртвый, вид болезненный, — перечисляет бог, и каждое слово в точности описывает Есения. — Это плата за виденье будущего.

— Стрдание?

— Именно. Вечные боли и муки. Каждое видение сокращает жизнь Проводника, сопровождаясь страшной болью и ужасом.

— Хочешь сказать, Есению осталось недолго?!

— Я не знаю, какой у него срок. Но да, он умирает. Говорю же, это проклятие. Многие Проводники были такими всего год или несколько месяцев. Некоторые не выдерживали и убивали себя. Есений же долго держится, как первый Проводник.

— Санкт-Драговит?

— Именно он.

— Но как Есений стал Проводником? Как им вообще становятся?

— Это уже вопросы к Гамаюн⁶⁴. Она и насылает проклятие. А вот как она выбирает очередную жертву — мне неизвестно.

— А можно ли как-то снять это проклятие?

— Не лезь в это, — советует Лель. — Не помогай, пока сама нуждаешься в помощи.

Дальше мы наш разговор не продолжаем.

И всё же я хочу помочь Есению. Он спас меня, когда я задыхалась в собственном крике, что причинил боль Проводнику. Только благодаря нему я и остановилась. К тому же никто не заслуживает той участи, что несёт Есений на себе. На протяжении нескольких лет он видит картины ужасающего будущего, не только не зная, как его предотвратить, но и не в силах рассказать кому-либо об этом. Да ещё и расплачивается за это собственной жизнью, что сокращается каждый раз, когда он снова видит будущее. Это несправедливая цена! И Есений не должен её платить.

Вспоминая все его услышанные фразы, я лишь теряюсь в догадках, что они могут значить на самом деле. И мысленно обещаю себе, что помогу Есению. Да хоть вырву Гамаюн все перья, но я заставлю эту мерзавку снять с него проклятие!

Наконец, чёрные коряги сменяются серым и густым туманом. Становится холодней, но ветра нет. А туман повсюду: внизу он укрывает землю, сверху скрывает купол ветвей, которого не видно, и со всех сторон мутная пелена заполняет собой весь воздух. Я даже собственных ног не вижу.

Туман расступается, стоит нам шагнуть дальше. Он уходит медленно и плавно, и перед нами расстилается обрыв, под которым бурлит янтарная река. Вместо воды в ней будто бы течёт огонь. Но вот тепла от него нет ни малейшего.

— Река Смородина, — говорит Лель. — Не советую прикасаться в ней, иначе можно сгореть заживо.

Прислушиваюсь к совету бога и стараюсь даже не смотреть на огненную реку. Мы идём вдоль неё, приближаясь к огромному, но тусклому, едва прозрачному мосту, сквозь который видно пламя, текущее по Смородине.

Куда ведёт этот мост — не видно из-за тумана впереди. Над ним кружат вороны, громко каркая. А по самому мосту идут едва заметные фигуры: тонкие, прозрачные и невзрачные, они похожи на лёгкий дым. Их так много, что они стоят в самом начале моста, практически не двигаясь, только толкаются между собой. Некоторые из фигур беззвучно падают в огненную реку.

— Умершие, — подсказывает мне Лель. — Идут в Навь.

— Их так много? — шёпотом спрашиваю я, сглатывая ком страха.

— Сегодня погибло много людей. Я думал, ты знаешь, всё-таки случилось это рядом с Орденом.

Внутри образуется давящая пустота от этих слов. Голова кружится, а перед глазами всплывает образ подростка, что умер под завалом. И чью младшую сестру я увела подальше от его тела.

Он наверняка среди этих умерших. Но я не приглядываюсь, когда мы подходим ближе.

Мёртвые не обращают на нас никакого внимания. Лишь со скучающими лицами стоят, ожидая своей очереди.

— Они нас не тронут, — заверяет Лель. — Точнее, коснуться могут, но они просто пройдут сквозь нас, не причинив никакого вреда. Главное, не останавливайтесь.

— Что насчёт змея? — обеспокоенно спрашивает Луиза.

— Я же сказал, всё пройдёт так, как скажу я, — напоминает Лель, но его слова не вселяют в меня спокойствия.

Лель идёт первым, ступая на мост и галантно подавая мне руку. Я протягиваю свою, и стоит мне ступить на прозрачный мост, сделанный будто из льда, как меня окутывает не только холод, но и щемящая пустота и гнетущая тишина. Будто всё замерло внутри меня. Касаюсь груди, проверяя сердцебиение. Немного учащённое из-за волнения, но сердце бьётся, а значит, я жива. Следом за мной поднимается и Луиза.

Мы идём среди мёртвых, и те действительно касаются нас, но ничего не говорят. Их руки проходят сквозь меня, и желудок и другие внутренности точно покрываются корой льда или вовсе сжимаются в тугий узел. Лель уверенно ведёт меня вперёд, не отпуская руку. Луиза с опаской поглядывает по сторонам.

— Мы почти дошли, — успокаивает Лель, но впереди лишь туман, а вот слова бога...

Они лживы.

Глава тридцатая. Пламя, сжигающее жизнь

Аня

Я оборачиваюсь назад: землю Яви всё ещё видно. И на ней я замечаю бегущую фигуру в синем кафтане и белёсыми волосами. На его лице застывает ужас, рот приоткрыт, точно Есений хочет что-то сказать, выкрикнуть, проорать, но не может. Я же резко останавливаюсь посреди моста и грубо вырываю руку из ладони Леля.

— Лель, что происходит?

Луиза тоже оборачивается и замечает Есению. А после вперяет взгляд в Леля, нахмутив брови, и выступает вперёд, загораживая меня.

— Нам нужно идти, — сухо напоминает Лель.

— Там Есений, — говорю я.

— Проводник здесь ни к чему. Нам нужно идти, — повторяет бог, а в его руках тем временем возникает тонкая свирель.

— Никуда она с тобой не пойдёт! — заявляет Луиза. — Аня, уходим, и как можно скорей!

Но Луиза не успевает ни шагнуть, ни схватить меня за руку. Пальцы Леля ложатся на дырочки в инструменте, и бог подносит его ко рту. Из свирели вырывается звенящая мелодия, а после Лель рассекает инструментом воздух.

Луиза охает и дёргается. На её шее появляется глубокий, сочащийся кровью порез.

А сама Луиза растворяется в воздухе.

— Что ты сделал?! — отшатнувшись от Леля и того места, где секунду назад стояла Луиза, вопрошаю я.

Лель же на удивление спокоен.

— Я же говорил: всё имеет свои начало и конец. Жизни богов не исключение. А уж тем более жизнь бывшей богини. Мне жаль, что так вышло, Аня, — признаётся Лель, пожимая плечами. — Но это необходимая мера.

Туман рассеивается, и не трудно догадаться, что ничего хорошего это не предвещает. Послав Леля и его необходимые меры нахрен, я бросаюсь назад, дабы как можно скорей уйти с Калиного моста. Вслед мне звучит быстрая мелодия, резкий свист, и меня сшибает с ног силовой удар.

— И что теперь?! — спрашиваю я так, будто бросаю вызов. — Убьёшь меня?!

— Нет. Не хочу пачкать руки, — его голос неожиданно становится другим, более отстранённым и пустым. — Но жить тебе осталось недолго.

— Значит, всё это было ложь?! Вся эта брехня с равновесием, с Белобогом, с Правью?!

— Разве я лгал? Разве ты чувствовала ложь в моих словах? — вопрос Леля ставит меня в тупик, и в голове спешно проносится каждая его фраза. Обмана ни в одной из них не было. — Я не говорил, что проведу тебя в Правь. Я лишь сказал, как туда попасть. И равновесие миров и впрямь рушится. И Белобог правда послал меня за тобой.

— Тогда зачем? Если миры в опасности, то...

— То мне всё равно, — обрывает бог ледяным тоном. — Поверь, я бы хотел, чтобы всё вышло по-другому. Но этому не суждено случиться. А теперь прости. За всё.

Он отворачивается, вновь насвистывая мелодию на свирели. Я же встаю и пытаюсь уйти, но музыка грёбаного бога любви находит меня быстрее, постоянно ставя подножки. Пару раз я чуть не валюсь в Смородину, чей жар заставляет сердце биться чаще. Есений же

тем временем почти добежал до моста.

— На самом деле я оказал тебе услугу, — произносит Лель, закончив играть на свирели. Когда я поднимаюсь, колени вмиг подкашиваются, а дышать становится невыносимо, словно воздух отравлен. Ощущение именно такое. Гадкое, омерзительное, колючее. — Белобог та ещё сволочь. Поэтому хорошо, что ты с ним не встретилась, — усмехается он. — И прости ещё раз.

— За что на этот раз?

— За Змея-Горыныча⁶⁵.

С этими словами Лель исчезает, туман впереди расступается, а я понимаю, что мне конец. Есений уже на середине моста, он активно машет руками, явно веля мне уходить. Но я замираю в страхе от увиденного.

Дыхание у него тяжёлое, как и шаги, от которых, к моему удивлению, не шатается мост. Плотный туман окончательно рассеивается, являя огромное чудище. Тело громадное и сильное, покрыто чёрно-золотой чешуёй. Шея... Нет, *шеи* длинные, украшенные чёрными блестящими пластинами, точно броня. А голов у чудища три. Все одинаковые: с глазами цвета расплавленного золота, взгляд гордый и убийственный, чёрные рога вытянутые и заострённые. Многочисленные золотые и чёрные шипы тянутся по хребту до самого хвоста. За спиной сложены два кожистых крыла, которые Змей-Горыныч раскрывает, пронзая воздух мощным порывом ветра.

Сглатываю, едва стоя на ногах, и осторожно отступаю. Все три пары глаз Змея направлены только на меня.

— Я... — собственный голос кажется жалким лепетом. — Я, пожалуй, пойду...

Три головы заинтересованно и одновременно наклоняются. Ни одной из своих пастей чудище не раскрывает, но его шипение лезвием проносится по ушам:

— Живым нет места в Нави...

— Вот я и пойду, раз места нет, — нервно говорю я, отступая ещё на пару шагов.

— Но ты и не живая... И не мёртвая... — кажется, голос Горыныча звучит со всех сторон, да ещё и так громко, что будто каждая его голова нависла надо мной и шепчет, находясь в паре дюймов от меня. — Ни живая, ни мёртвая... — повторяет он, усмехаясь. — Кто же ты?..

Его шипение похоже на эхо. Следует по пятам, найдёт тебя везде и коснётся твоего слуха. Я же словно прирастаю к мосту, не в силах отступить дальше или броситься в бег.

— Я... — голова кружится от страха. — Я прошу п-прощения, что п-потревожила. Я живая...

— Ложь... — головы наклоняются в другую сторону. — Мне кажется, мы встречались... Не здесь, не только с твоей душой, но и телом, как сейчас... — он подходит ближе, и к его шипению присоединяется звон цепей. Только сейчас я замечаю на каждой шее Змея золотой обруч ошейника, служащего оковами. — Да, давно... Когда цепи ненадолго слетели...

Пять лет назад моя деревня сгорела в чудовищном пламени. И лишь недавно я вспомнила то, что видела в ту ночь. Не только Морану, не только вторую таинственную фигуру, но и летающего в небе Змея, чьи три головы извергали пламя.

Шесть глаз чудища прищуриваются, словно улыбаются. Он вдыхает воздух, а ко мне тем временем подбегает Есений, дёргающий за рукав косоворотки. Я, будто очнувшись от долго и тягучего сна, тупо хлопаю глазами, поворачиваясь к Проводнику. А затем к Змею-Горынычу, что, кажется, уловил не только мой запах.

— Два живых... — бормочет он. — Нет, ни живые, ни мёртвые... Другие...

Оковы страха резко спадают с меня, уступив желанию выжить при любых обстоятельствах. И я, и Есений бросаемся в бег, при этом Проводник вцепляется в мою руку и ведёт вперёд, сквозь души ушедших.

— Другие... Но и другие не уйдут... — кажется, пасти Змея изгибаются в улыбке.

Крылья раскрываются в полной мере, Змей взлетает, а вместе с тем друг о друга трутся звенья цепей. Он летит низко, сшибая души, что беззвучно падают в реку, стораю в ней. Мы же бежим, не оглядываясь, но по ощущениям, мы не приблизились к земле Яви ни на дюйм.

Туман плотным облаком собирается вокруг нас. Сжав крест и помолившись Санкт-Благомиру⁶⁶, пытаюсь рассеять его, но бесполезно. Он только становится кучней, я ничего не вижу даже на расстоянии вытянутой руки, но Есений уверенно тащит меня вперёд, изредка оборачиваясь назад то ли проверяя, с ним ли я до сих пор, то ли узнавая, как далеко Горыныч.

Тот пролетает прямо над нами, с грохотом опустившись впереди и перекрыв путь. Есений пятится, закрывая меня собой. Туман собирается сзади и за спиной Змея, образуя круг, за пределами которого ничего не разглядеть. Я даже не вижу краёв моста, боясь сделать шаг в сторону, ибо запросто могу провалиться в реку.

— Снова ты, Проводник... — протягивает Змей, всё так же не раскрывая ни единого рта, словно его голос вторгается в сознание. — Снова твоя истерзанная душа... — он чуть ли не смеётся.

Есений же никак не отвечает на его слова, продолжая твёрдо стоять и вытянув руку в сторону, как бы закрывая меня и говоря, что я под его защитой. Я же крепко сжимаю крест, осознавая, что никакая молитва мне не поможет против духа Калиного моста.

Возможно, стоит попробовать вновь использовать крик. Но я не знаю, смогу ли и как это повлияет на Есения и на сам мост. Кто знает, вдруг мой крик способен разрушить вход в мир мёртвых?

Есений бросается на Горыныча, исчезая в воздухе во время прыжка. Но появляется он быстро, только на этот раз стоя на центральной голове Змея. Тот пытается сбросить Проводника, но он, чуть не упав, вцепляется одной рукой за его рог, болтаясь навесу. Я же пытаюсь помочь Есению, обращаясь к силам Санкт-Светолика⁶⁷, но в руках нет даже намёка на свет.

— Это переход миров... — шипит Горыныч, посмеиваясь и раскрывая крылья. — Здесь не существует света...

Он взмахивает крыльями, и рука Есения соскальзывает, а сам он пролетает несколько саженей, пропадая в тумане, чьё кольцо, кажется только сужается, оставляя меня наедине со Змеем.

— Есений! — кричу я, бросаясь к туману, но топот тяжёлых лап валит меня с ног. Больно ударяюсь подбородком, рассекая его в кровь. Пасти Горыныча раскрываются, давая волю сразу трём ураганам пламени, что одновременно несутся в мою сторону. Вовремя молюсь Санкт-Владимиру, сдерживая огонь собственным щитом жара. Но его и моих сил хватит лишь на несколько мгновений, которые почти подошли к концу.

Мир перед глазами расплывается, огонь Змея обжигает, волосы прилипают к лицу от пота. Руки покрываются волдырями и ожогами, пламенная защита трескается. Пытаюсь перехватить контроль над огнём Горыныча, но безуспешно: от его жара исходит лишь гибель, но нетепло. Этот огонь холодный внутри, как сама смерть, её прикосновения и

приближение. Моя жизнь точно застывает в этом холоде, а затем горит в чудовищном пламени, уходя и ускользая от меня.

Змей не останавливается. Щит становится тонкой пеленой. Тумана всё больше, а сил меньше. Не сдаться и продолжить сражение меня заставляет пронзительный вопль:

— Мяу-у-у-у, а ну убр-рал лапы от неё, заср-ранец!

Огонь прерывается, а моя защита окончательно пропадает, и я едва не падаю в обморок. Только шипение Баюна, который прыгает на правую голову Горыныча и пытается растерзать её железными когтями, помогает мне оставаться в сознание.

— Баюн! — кричу я. — Что ты здесь делаешь?!

— Александр-р пр-риказал! — с рыком протягивает он, перепрыгивая на другую голову. Левая голова Змея поворачивается, изрыгая пламя, что волной летит в Баюна, но кот только пикирует, приземляясь на спину чудища. — Чего встала?! — вопит дух. — Дуй отсюда да поскор-рей!

— Тут Есений.

— Ну дуйте вместе, мне бы ваши пр-роблемы!

Пробираюсь назад сквозь туман, но Есений находит меня быстрее, выскочив из плотного дыма. Одной рукой он придерживает другую, бросая изумлённые взгляды то на меня, то на скачущего Баюна, то на Горыныча, пытающегося поджарить кота.

— Это Александр его послал, — объясняю я. — И нам лучше поскорей уйти, пока Змей занят Баюном.

Есений хватается за руку, снова потянув за собой. Я не сопротивляюсь, отмечая, что вторая его рука, судя по всему, сломана.

Горыныч встаёт на дыбы, пока Баюн орудует когтями, и в этот момент мы проскальзываем мимо Змея. Точнее, под его брюхом, оказываясь позади Горыныча. Баюн, заметив это, тут же скатывается вниз по хребту чудища, пустившись в бег вместе с нами.

— Скор-рей, скор-рей! — поторапливает кот, несясь галопом. Горыныч взлетает, а вместе с его сильным телом поднимается и крупная цепь. — В Яви это чучело до нас не добер-рётся! Ах ты ж пар-рази-и-ит!!! — орёт он во всё горло, когда Змей сметает кота с моста одним махом крыльев.

Баюн летит прямо в огненную реку, но, едва не упав в неё, успевает исчезнуть и переместиться на летающее чудище.

— Сволочь! — шипит кот, пытаясь пробить чешую Горыныча. — Это ж надо-то так! Со спины! Хам! Ублюдок! Ой мамо-очки-и-и-и! — голосит Баюн, когда Змей резко вздымает в воздух и так же стремительно летит вниз. — Дор-рогу! В стор-рону! Бегите-е-е!

Явь уже близко, тумана не так много. Остаётся всего несколько секунд, и ни моей жизни, ни жизни Есения ничего не будет угрожать. Но тут чешуйчатый хвост с грохотом опускается на мост. Я успеваю припасть вниз, обхватив голову руками. Но не успевает Есений.

Его отбрасывает в сторону, к самому краю моста. Проводник кое-как поднимается, держась за сломанную руку. Я тут же бросаюсь к нему, чтобы помочь, но не успеваю. Второй удар Горыныча оказывается решающим, и Есений падает с моста.

Прямо в реку Смородину, чьё пламя поглощает Есения полностью.

— Есений! — на бегу я опускаюсь на колени у самого края моста, но слишком поздно.

Нет, нет, нет! Это не может закончиться так, Есений не может умереть! Я... Я обещала ему помочь, обещала, что сниму с него проклятие!

— Аня-я! — орёт Баюн. — Уходи, тр-рѣхголовый совсем чокнулся!

Нет. Не уйду. Я не могу бросить Есения. Не могу...

И эти мысли проносятся у меня в голове, когда меня сшибает огромный чешуйчатый хвост. Рѣбра трещат, с ладоней сдирается кожа до крови, когда я пытаюсь удержаться на хвосте Змея. Бесполезно. Пальцы соскальзывают, а жар огненной реки становится ощутимей с каждым мгновением, пока он не заглатывает меня полностью.

Кажется, последнее, что я слышу, это или вопль Баюна, или чей-то знакомый крик, отчаянно произносящий моё имя.

Глаза тридцать первая. Холод. Тишина. Пустота

Александр

Клубок Баюна должен прийти в действие, когда кот найдёт Аню. Я же тем временем брожу по Нечистому лесу, надеясь найти её первым. И не просто найти, а целую, невредимую и живую. Оружия при мне никакого нет, но, на удивление, нечисти тоже не попадается. А её должна быть тьма тьмущая, всё-таки я в Зарослях Невозврата.

Это я понял не только по бесконечной тьме, но и по куполу, в который срослись многочисленные ветви. Крикнуть или позвать Аню или Луизу, надеясь, что они рядом, я не решаюсь, ибо не хочу привлечь лишнее внимание. Пусть я и не могу умереть, но смерть и воскрешение займут слишком много времени.

Что делать дальше, я не знаю. В Орден — если от него ещё хоть что-то осталось — мне дорога закрыта. Моё исчезновение точно заметили, а если царь жив, в чём я очень сомневаюсь, то во всём он обвинит меня, приписав к изменникам.

Нужно поговорить с Аней. Рассказать ей всё то, что я узнал. Про Соловья, про Есения про... Про Ру. Про падение Ордена. Про Велимира.

Воспоминания о мёртвом главнокомандующем отравляют сознание, иглами впиваются в голову и прикручиваются в мыслях, снова и снова. В который раз проклиная себя, что не смог помочь тому, кто не раз выручал меня. Его смерть до сих пор кажется чем-то невозможным.

Странное ощущение. Я будто лишился не друга, а кого-то другого, не менее важного и дорогого, но горечь от его потери иная. Она чувствуется пеплом, личным поражением, отсечением от себя чего-то важного и родного, словно целого куска жизни. Почему-то я думаю о том, что не успел ему сказать. Что не успел его поблагодарить за всё то, что Велимир сделал для меня. Что не успел извиниться за каждую свою смерть, хотя знал, какую боль это ему причиняло. Что не успел побыть с ним рядом, когда он не раз предлагал выпить вместе, а я отказывался, выдумывая различные предлоги, чтобы уйти.

Почему сейчас мне хочется вернуться в то время и согласиться? Почему мне хочется слушать истории о его приключениях стража с разинутым ртом и искрами интереса в глазах?

Почему мне казалось, что Велимир всегда будет со мной рядом? Почему я думал, что смерть не коснётся его, как и меня?

Я ни к кому не испытывал ничего подобного. Кроме, наверное, мамы. Её смерть тоже выглядела для меня невозможным явлением. В мыслях крепко закрепились детская, но глупая надежда на то, что мама никогда не оставит своего ребёнка. Даже если их попытается разлучить смерть.

— Прости меня, Велимир, — я говорю это вслух, потому что должен. Я не чувствую себя легче после этих слов, груз потери всё равно не покидает меня. — И прощай.

Точно услышав мой шёпот и возмутившись, какого хрена я с ним тут прощаюсь, клубок выпрыгивает из рук и вертится вокруг своей оси, нарезая круги. Резко останавливается, словно думает, в какую сторону ему покатиться, и выбирает тропу, ведущую вперёд. Я запоздало понимаю, что Баюн нашёл Аню, и кидаюсь за быстро мчащимся клубком, что аж подскакивает на кочках.

Пару раз я его чуть не теряю из виду, но клубок, замечая моё отставание, ненадолго замедляется, и стоит мне приблизиться, как он возобновляет свой бешеный темп. Ясно одно: дело дрянь.

Вокруг меня собирается плотный туман, что только толкает меня назад. Клубок же проскальзывает через него без всяких проблем. Туман ощущается вязкими облаками, что прилипают и к рукам, и к ногам, и к телу, не давая пройти. Но я должен сделать это, и мою уверенность подкрепляет крик Баюна:

— Дор-рогу! В стор-рону! Бегите-е-е!

Аня наверняка там! Совсем рядом! Только этот гребаный туман не даёт мне пройти через него.

Резко вырываю руку, чуть не оставшись без неё. Туман тут же собирается кучней и плотней, толкая меня назад — в Нечистый лес.

— Аня! — кричу я, но тут же задыхаюсь от нехватки воздуха, ибо туман проник в раскрытый рот.

Плююсь и кашляя, вырываюсь из тумана, которого за ним оказывается ещё больше. Но на этот раз он не нападает, точно смеётся, разрешив посмотреть, что прячется за ним.

Аню я не вижу, но замечаю огромной силуэт трёхглавого змея и скачущее из стороны в сторону чёрное пятно. Туда-то я бегу, пытаюсь разглядеть Аню.

— Аня! — кричу я, увидев расплывчатый, практически прозрачный мост, у края которого Аня сидит на коленях, вытянув руку вперёд, точно пытаюсь что-то поймать. Под мостом пузырится река кровавого огня.

Уже почти подбегаю к мосту, как трёхглавый змей поворачивается, снося Аню мощным хвостом. Ей удаётся зацепиться, но ненадолго: спустя миг, когда мне достаточно нескольких секунд, чтобы взобраться на мост, Аня падает вниз, исчезая в пламени.

— Аня!!!

Чьи-то мягкие, но сильные руки хватают меня за плечи, удерживая на месте, когда я рвусь вперёд: к мосту, к реке, к Ане. Кричу, срывая голос, ору до сдавленного хрипа её имя, дёргаюсь и извиваюсь, когда мурчащий шёпот велит мне успокоиться.

— Пусти меня, Баюн! — резко приказываю я, и дух невольно повинуется.

Мост уже близко, я пытаюсь ступить на него, но врезаюсь в невидимую преграду. Колочу по ней кулаками, разбивая костяшки пальцев в кровь, стекающую на мёртвую землю.

— Немедленно пропусти меня! — кричу я единственному, кто стоит на мосту и интересом и насмешкой наблюдает за моими жалкими попытками. В каждый свой новый удар я вкладываю лютую ненависть, которой становится всё больше и больше. Но мой крик лишь веселит змея, по чьей вине Аня и упала в объятия огня.

Три пары глаз одновременно лениво моргают, когда я вновь бью по преграде.

— Ты чужд Нави... — только и произносит змей, уходя по мосту и звеня цепями оков.

Тогда я кидаюсь к обрыву, собравшись броситься в бурлящую жидким пламенем реку. Но и тут меня ждёт то же самое препятствие: я просто не могу пройти. Невидимая стена преграждает мне путь, когда жар пламени такой же ощутимый, что и боль внутри.

Она не могла умереть. Я знаю это. Она ещё жива. Её надо только найти... Только вытащить из огненной реки... Только...

Только как это сделать?!

Бью невидимую преграду, ломая пальцы. Кричу проклятия хриплым голосом, так и не понимая, кому они предназначены. То ли царю, что за один день вновь лишил меня всего. То ли трёхглавому змею, чья усмешка, кажется, до сих пор витает рядом, а сам он с наслаждением наблюдает за моими бесполезными и бесконечными попытками пробить преграду. То ли мне, слабому и бессильному, ничтожному и жалкому.

Почему?.. Почему я ничего не могу сделать?! Почему продолжаю колотить по невидимой стене, будто это поможет?! Будто это вернёт её!

Она не могла... Это неправда.

Я не могу потерять ещё и её!

— Пожалуйста... — тихо произношу я, падая на колени. Ноги попросту не держат, а с ладоней стекает кровь. — Пожалуйста, вернись ко мне. Мне больно... Без тебя.

Сердце рассыпается в прах.

Снова холодно.

Снова тихо.

Снова пусто.

Снова больно.

И теперь так будет всегда.

Глава тридцать вторая. Потеря всего

Аня

Холодно.

Тихо.

Пусто.

Что-то ускользнуло от меня. Что-то, за что постоянно цеплялась, не желая отдавать, когда костлявые руки тянулись к этому, желая забрать у меня. Я же боролась. Отбивалась, прижимала к себе, отчаянно защищала. Почему же?.. Почему же я не сражаюсь сейчас? Или...

Или я уже проиграла?

Внутри чего-то не хватает. Это крайне важное и ценное, я уверена в этом. То, без чего я не могу быть собой. То, что я бережно хранила, но теряла несколько раз.

А теперь потеряла окончательно.

От бессилия хочется выть. А могу ли я вообще выть? Горло то ли сдавливает, то ли мне просто кажется. Но из рта не вырывается ни звука. Я даже не слышу и не ощущаю собственное дыхание.

Приоткрываю глаза, смотря на светло-серое небо. Или это вовсе не небо... Поднимаюсь, но ноги не держат, и я вмиг валюсь на землю, точно разучилась ходить. Боль от удара я не чувствую. Как и прикосновения к белой земле, как которую я и опустила.

Зачерпываю землю рукой. Похоже на снег, только колючего холода нет. Его вообще вокруг нет, но впереди белоснежные деревья, чьи ветви застыли в блестящей корке льда и мелком инее. Деревья стоят по бокам белой тропы, впереди которой лишь непроглядный туман.

Что произошло? И где я вообще? Последнее, что я помню, это летящий в огненную реку Есений. И, кажется, потом я сама оказалась в пламени...

— Есений? — осторожно зову я, но ответа не следует. Как и эха. — Баюн? Луиза? — ничего. — Александр?

Снова тихо.

Как и внутри.

Касаюсь того места, где бьётся сердце. Но вместо привычных ударов не чувствую ничего, словно сердце замерло.

Словно оно остановилось раз и навсегда.

Кажется, я умерла.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Заметки

[

←1

]

Если вы видите надменного индюка с таким видом, будто он пуп всего мира, да ещё и в синем кафтане, то знайте: вы встретили самого стража Ордена Святовита. Громкое название, а смысла с ноготок. Раньше от одного упоминания Ордена действительно разило честью и благородством, но времена меняются, и перемены не всегда в лучшую сторону. Орден существует относительно недавно, чуть больше ста лет. Именно его создание стало началом нового времени, новой эры. И в начале этой новой эры стражи действительно придерживались своих принципов: помогали слабым, защищали простой люд от нечисти, были бескорыстны. Но долго так не продолжалось и всё полетело к хренам: Орден терял свою независимость, царь (причём не один, в этой семейке все повёрнутые) хотел прибрать стражей к своим рукам, сделать из них оружие, а сами стражники поддавались алчности и лицемерию. Времена настали тяжёлые, по сей день такие. Отныне Орден служит не народу, а царю и его амбициям. Стражи почитают святых, взывая к ним, чтобы на время получить силу мучеников. Но Орден давно утратил свою веру, поэтому сейчас стражники — это кучка идиотов, служащих тирану. И, глядя на то, чем стал Орден, смело могу заявить, что Великомиру ничего не поможет, когда это будет необходимо. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←2

]

Шишиги выглядят так, будто над ними природа то ли подшутила, то ли просто решила отдохнуть. Ростом они некрупные, не больше курицы. Ручонки сучковатые, тонкие, кривые, тельце у них толстое, твари пузатые и горбатые. Серая кожа покрыта грязью и пылью, глаза мутные и вытарашенные. Обитают у мелких водоёмов. Занимаются мелкими проказами, а ещё орут громко, как резанные. Справится с ними легче лёгкого: схватить за шкуру да швырнуть куда подальше. Такой полёт шишиги точно не переживут. Ну, или если хотите усложнить себе жизнь, то сверните им шею. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←3

]

Анчутки — мелкие мохнатые твари, чересчур злые и вредные. Даже удивительно,

сколько злости может помещаться в таком маленьком существе! Ростом эти твари не больше двух вершков. Головы у них лысые, а вот тело покрыто чёрной колючей шерстью. Пяток у анчуток нет, зато есть копытца, что в какой-то степени намекает на скотское поведение этих тварей. Кто-то даже говорит, что анчутки способны летать с помощью крыльев, да и рога, торчащие из башки, у них тоже имеются, но это обычные рассказы тех, кто, увидев анчутку, настолько перепугался, что не только в штаны наложил, но и навдумывал с испугу. Водятся анчутки везде: в полях, в банях, на болотах. Любят устраивать беспорядок, пугать людей, доводить их до истерики своими шалостями. Но победить их просто: твари боятся соли и железа. Огонь против этих надоедливых существ тоже неплохо работает. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←4

]

Чудовищная птица. Лицо у неё женское, писаное, аж заглядеться хочется такой красотой. Но тело у твари свиное, мощное. Сирин опасна из-за чарующего голоса, которым она с лёгкостью подчиняет любого. Она и памяти может лишиться, если пожелает. Противиться её песням можно, но нужно обладать сильной волей. Хотя Сирин способна сломить и её. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←5

]

Основное, но далеко не главное оружие стража, — это крест. Сделан он из железа, омыт в святой воде, что постоянно находится либо под лучами солнца, либо под светом луны. Само оружие небольшое по размеру, всего три дюйма, а по середине в нём выкован солнечный крест: горизонтальная палка лежит на вертикальный, и из всех четырёх концов торчат короткие линии, а чуть длиннее торчат из середин. Имея при себе крест, стражи и обращаются к святым. Без оружия ни один мученик не поделится своей силой, да и вообще не поможет, поэтому служащие Ордена всегда держат крест при себе, нося на шее. Но одного креста недостаточно для победы над нечистью. Стражи пользуются нитями, что тоже вымочены в святой воде, однако в них втирают кору определённых деревьев, от которых и зависит сила нитей. Отмечу, что крестом можно пользоваться и без нитей, но это позволено лишь опытным стражам, чьи молитвы и так сильны. С самими же нитями нужно быть осторожным и здраво оценивать собственные способности. Если молитва, подкреплённая мощью нитей, окажется слишком сильной для стража, то она запросто может свести его с ума. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←6

]

Злыдни обладают крайне неприятной способностью, которая бесит всех, кроме самих тварей. И это невидимость. Они видимы лишь тогда, когда сами хотят. Ведут себя как паразиты: прицепляются к человеку, сидят на его шее и приносят ему нищету и беды. Очень часто в одном доме можно встретить десятки злыдней. Внешне злыдни напоминают собак, научившихся ходить на двух лапах. Только горбатые они, а морды приплюснутые и тупые. С этими тварями можно бороться разными способами, но все они непросты. Обычно люди носят обереги, покрывают ими своё жилище. Также можно вбить в злыдня осиновый кол, но

сделать это трудно из-за невидимости твари. Поэтому при борьбе с ними лучше всего подходит хитрость и коварство, с помощью которых нужно заманить злыдней в мешок или ящик из боярышника да пинком выкинуть из дома, желательно на болото. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←7
]

Не работайте в полдень в поле, если не хотите встретить эту тварь. Выглядит она, конечно, милостиво: белое платье, шелковистые волосы, чаще всего светлые, как пшеница в полях. Обычно это высокая девушка, хотя и парней я пару раз встречал. Но всё это прекрасное впечатление портит коса, что всегда с полудницей. Твари агрессивные по отношению ко всем людям, которые работают в полдень. Убивает либо косой, либо усыпляет навеки. Именно вторым способом они и размножаются. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←8
]

Всего существует семь видов нитей: красные, зелёные, синие, чёрные, белые, серебристые и золотые. Красные нити являются самыми слабыми и лёгкими в применении. Именно с них каждый страж и начинал в своё время. В них втирают кору рябины, и считается, что это дерево защищает от мёртвых. Соответственно, и от нечисти, но это брехня полная, необходимая, чтобы кадеты не передумали становятся стражами и не повернули бы назад. Следующие по силе идут зелёные нити, в них втирают кору тополя, который, согласно поверьям, отпугивает несчастья. Будь оно так, я бы ходил я тополем в обнимку. Синие нити самые сильные среди начальных, именно ими пользуются стражи, что только закончили обучение. В них втирают кору орешника, и это дерево воплощает собой справедливость, которую и должны нести последователи Ордена. Для чёрных нитей используется кора пихты. Если верить всяким балаболам, то пихта вселяет уверенность в себе. Будь это правдой, половина Великомира ходила бы с пихтой в руках. Белые нити третьи по силе, для их создания нужна кора клёна. Это дерево позволяет обрести внутреннее равновесие с самим собой, то есть со своими эмоциями. Их вверяют тем стражам, которые в первую очередь полагаются на голову, а не на другие части тела. Серебристые нити почти самые сильные, в них втирают кору сосны. Она успокаивают душу, но это нихрена не так. Золотые нити являются самыми сильными, пользуются ими единицы. В них входит кора дуба, дающая нитям небывалую мощь, с которой могут совладать лишь самые опытные и рассудительные стражи. «Справочник по выживанию в Великомире». Ведагор Смородский.

[
←9
]

Крайне мерзкие твари. Тельце у них мелкое, тонкое, голова непропорционально большая, от чего они часто заваливаются вперёд. Могут издавать самые разные крики от плача ребёнка до блеяния козла. Пасть у них огромная, полна зубов, что острее любого меча. В основном нападают на скот, так как те не могут быстро среагировать, а уж тем более как-либо защититься от мощных челюстей твари. Дрекаваки также не прочь полакомиться детишками по той же причине. Особенно им по вкусу приходятся младенцы. Поэтому не

ходите в лес со своим маленьким чадом, иначе рискуете увидеть голову своего ребёнка в пасти твари. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←10
]

О Володе можно сказать много чего хорошего. Но в первую очередь он был настоящим лидером. Заряжал людей на славный бой, дарил им воинский дух и предвкушение победы, храбро вёл войска, никогда не отступая, и смело смотрел любой опасности в лицо, не отводя взгляда. Отплатили ему за стойкость и силу тем, что пронзили его копьями. Воевода одного из княжеств поджёг дом Владимира, где находилась его беременная жена. Володя кинулся прямо в пламя, и то не только не тронуло его, но и подчинилось его воле. А пожарище тогда был знатный. К Владимиру стражи обращаются чаще всего, дабы заполучить власть над огнём, чей жар крайне полезен против многих тварей. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←11
]

Из названия ясно, что волколаки похожи на волков, только в два раза больше их, и челюсти у них помощней будут. Стараются селиться рядом с людьми, чтоб далеко за жратвой ходить не пришлось. Считается, что они сохраняют разум, но нихрена подобного, там и намёков на разум нет, как и у тех, кто в подобную чушь верит. Днём волколаки похожи на людей, вот только волосы у них жёсткие, больше волчью шерсть напоминают. А уже ночью твари показывают своё истинное обличье, и тогда им башку сносит. Волколаком можно стать из-за укуса или проклятия. Боятся серебра, а значит, убить можно. Вот только в упыря превратится, если не проткнуть сердце волколака колом из боярышника, когда он будет пребывать в человеческом обличии. Ну, или засунуть ему в глотку три серебряные монеты в момент смерти. Короче, одна морока с убийством этих псин. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←12
]

Если вы видите ожившего и при этом разлагающегося трупа, то вас можно поздравить со встречей с мертвяком. Вокруг них ещё обычно мухи кружат, а сами твари что-то непонятно мычат, как мужики после пьянки. У них даже конечности отваливаются, поэтому не думайте, что, снеся башку разлагающемуся уродцу, вы выйдете победителем в этой схватке. Да ещё и живым победителем. Голова и другие части тела держатся у мертвяков на соплях. Ходят медленно, а цель свою знают — откусить кусок свежей человечинки. Тварей берёт только огонь, и палить надо всё тело полностью. Мертвяков ещё называют заложенными покойниками. Такие люди умерли неестественной, порой даже преждевременной смертью. Мертвяком вполне можно стать из-за раны, полученной от лихо. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←13
]

Упыри — это трупы, что по ночам восстают из своих могил, да и идут пить кровь людей

или скота. Конечно, чаще всего они собираются компанией и выют гнёзда, покидая свои могилы, и тогда днём уже отсиживаются в них. Они опасны не только тем, что сосут чужую кровь, но и тем, что распространяют чудовищный мор. Упыри худющие, точно их ветер сдует, кожа зелёно-серая, конечности тонкие и костлявые, рот и зубы испачканы засохшей кровью. Волос у них практически нет, а если и есть, то упырь явно раньше принадлежал к женскому полу. Упырями становятся преступники, волколаки, и те, кто, к своему несчастью, получил укус от упыря. Убить их можно осиновым колом, да и огня эта нечисть боится. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←14
]

Споров о том, естественная это нечисть или всё смертник, полно, а толку нихера. Существует два мнения: неверное и моё. Неверное гласит, что бесами становятся люди, живущие без совести, но если верить этому, то мы все должны стать бесами. Поэтому моё мнение заключается в том, что бесы и людьми-то не были. Твари эти постоянно окружены своими сородичами, да и вообще они довольно-таки уродливые создания. Мелкие, примерно с один аршин, морды вытянутые, тела у них покрыты или чёрной, или грязно-рыжей шерстью, из башки два рога выпирают, хвост тонкий, как тростинка. У некоторых есть крылья, и вот такие бесы раздражают одним своим видом. Боятся огня, как и многие другие твари. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←15
]

Лихо одноглазое опасно всем: своим видом, своей природой, своим существованием. Лихо не просто жрёт людей, оно поступает умней и изощрённей, а именно заманивает бедняг человеческими криками. Тварюга обитает на болотах, а самые опасные и гигантские из них в холодное время года впадают в спячку. Рост у них может достигать и до восьми аршин. Башка обычно лысая, но у некоторых наблюдаются три волосинки в два ряда. Кожа у лихо тошнотворно-зелёная, вся в вонючей слизи. Руки неестественно длинные, с когтями, как и ноги. Пахнет тварь характерным запахом: гнилью и тухлым мясом. Лихо довольно-таки неуклюжее создание, да и видит плохо, всё-таки глаз-то один, да и то мутный. И именно он является слабым местом твари. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←16
]

Мужик он хороший был, работающий. А вот умер рановато, как и все другие мученики. И всё из-за неблагодарных людей, которые во всём подвох увидят, кроме своей лживости. Святослав был обычным деревенским кузнецом, каждый его знал и уважал. И в один ненастный день началась страшная гроза, что длилась неделями. Природа буянила, и никто не мог понять, почему. Как позже выяснилось, это уже у богов что-то произошло, но молнии остановил Святослав. Он вышел один навстречу стихии и крикнул в небо, чтобы это гроза стихла. И действительно случилась так. За это Святослава утопили, а теперь стражи обращаются к нему ради молний. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←17

]

Навь — это один из трёх миров, попадание в которое обеспечено каждому после жизни в проклятом Великомире. Туда попадают мёртвые, умершие ровно в отведённый им срок. Старики любят называть его Миром Теней, а то и Кошным Миром. Навь далеко не мрачное пространство, где души страдают в вечных муках. Нет, таким скорее предстаёт мир живых. Навь — это прекрасный мир, где души могут отдохнуть от всего пережитого, чтобы набраться побольше сил для перевоплощения. Однако есть в Нави одно место, куда лучше не попадать. Такое своеобразное скопление зла, что зовётся Пеклом. Именно туда попадают убитые души на перерождение, и именно Пекло является обителью тёмных богов, что изредка заглядывают в мир живых. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←18

]

Надгробный памятник с треугольной крышей. Часто украшаются крестами и резными узорами (прим. автора).

[
←19

]

Не надо думать, что это нечисть, заплывшая жиром. Они тощие и тонкие, ни мяса, ни костей в прямом смысле. Жердяи — длинные существа, максимальный их рост достигает семи аршин. У них нет рта, глаз, да и похожи они на плоские чёрные тени. Зато руки тварей неестественно длинные, чуть ли не до самой земли доходят вместе с когтями. Жердяи слоняются в темноте ночи, пугая людей. Тварюги ничем не заняты, кроме бессмысленного шатания по миру. Вот они и завидуют людям, у которых есть дело, поэтому и убивают их, сворачивая шеи. Главное, что стоит помнить, это то, что жердяи абсолютно бесшумны и к тому же быстры. И чтобы одолеть одну такую тварь, надо всего-то разрезать её тело пополам. А лучше на несколько частей, чтоб уж точно. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←20

]

Волибор был не самым приятным человеком на мой взгляд. И как оказалось позже, так о нём думаю только я. Остальные же испытывали к нему уважение, даже когда подожгли его дом. В огне пожара Волибор и погиб. Мужик он был способный, работающий. Трудился на славу: ковал воинские доспехи. Но постоянно грубил, если что-то выходило не так, как он хотел. Ещё и шуток не понимал, чувства юмора у него как у дырки от баранки. В общем, уважали его, как мне хочется верить, за мастерство и крепкие руки, способные в один миг открутить чью-то голову. А к святым его отнесли из-за одного случая: Волибор успокоил землю, когда та началась так трястись, что аж трещины пошли. Вот теперь стражи и обращаются к этому угрюмому петуху, чтобы повелевать силами земли. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

Когда я впервые увидел ырку, я не только с ужасом осознал, что мне нужны новые штаны, но и к своему горю узнал, насколько тонко может звучать мой вопль. Ырки — одни из самых опаснейших тварей. Ими становятся самоубийцы. Обитают в полях, днём прячутся в норах, а уже ночью выходят на охоту и нападают на людей, высасывая всю их кровь и не оставляя даже капли. Выглядят настолько ужасно, что увидишь во сне и не проснёшься больше. А если в жизни увидишь, то не уснёшь. Кожа у них гнилая, покрыта трупными пятнами да язвами, глаза в темноте светятся жёлтым. Ходят ырки бесшумно и очень быстро настигают своих жертв. Если вы чувствуете на себе сверлящий взгляд, то ни за что не оборачивайтесь, потому как в таком случае будет сложно избежать смерти от ырки. Их взгляд гипнотизирует, да и голос они менять могут, соблазняя жертву обернуться. В случае встречи с этой тварью вам остаётся лишь молиться богам и святым, надеясь, что смерть наступит безболезненно. Если же вы совсем с головой не дружите, то в первую очередь выколите ырке глаза. Так у вас появится хоть какое-то преимущество. А затем по возможности либо бегите, либо пронзите тварь в глотку, обязательно задев язык. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

Берендеи никогда не относились к нечисти, духам или каким-либо другим видам тварей. Это отдельный народ со своей историей и культурой. Раньше они населяли Морозные горы, и то лишь небольшую часть, считая, что горы всё-таки принадлежат природе и её силам. Внешне берендеи похожи на людей, только более крупные, сильные, крепкие, выносливые и высокие. Хорошо сложены, отличные воины. Берендеи оборачиваются медведями, при этом сохраняя рассудок. В былые времена этот народ не любил внимание, старался держаться в стороне от всех междоусобиц и других конфликтов. Но всё же могли оказать людям помощь, если те по-хорошему просили. Берендеи не раз выручали людской род, но разве хорошее запоминается? Столь славный и благородный народ был истреблён. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

Рарог — дух нейтральный. Людей не трогает, если те его не беспокоят. Это огромный пламенный сокол, и чаще всего его можно увидеть летом. Хотя, это как повезёт, Рарог не особо любит внимание, но если вы увидите в небе пламенную летящую точку, то вполне вероятно, что это именно гордая и благородная птица. Зимой он пропадает неизвестно где, но вряд ли покидает Великомир надолго, всё-таки умеет перемещаться в пространстве. В народе птичку прозвали Рахом, кто-то даже нарекает Страхом, считая её предвестником пожаров и смерти. Я же считаю такое отношение к Рарогу глупым, но понятным. Люди всегда боятся того, что сильнее их. На то они и люди. Но Рарог — милое создание. Помнится, путешествовал я в лесах Великомира зимой да чуть копыта не откинул. И Рарог не только согрел меня, но и поджарил жирного зайца. Думаю, если бы все духи были такими, как эта огненная птичка, а не занозами в одном месте, то мир между ними и

людьми был бы возможен. Очень даже выгодный мир. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←24

]

Милосницы относятся к редким тварям, но чересчур сильным. О них мало что известно, всё-таки народ они тревожат редко из-за своего вымирания. Несут за собой неизлечимые болезни. Вместо лиц у них пожелтевшие черепа, глаз нет, ходят в чёрных мантиях, сотканных из теней. Могут становиться невидимыми, поэтому сложно их опознать. Но победить милосниц возможно, пусть и трудно. Тварюги эти боятся огня, причём пары искр недостаточно. Пожарище должен быть знатным. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←25

]

Мавок я отношу к типу водных тварей: той нечисти, что обитает в воде. Становятся мавками дети, погибшие от рук родителей, но выглядят они как подростки юнцы, только ходят у своих водоёмов голыми. Волосы у них длинные, зеленоватые. Признаться, даже не понять, кем определённая мавка была при жизни: мальчиком или девочкой, ибо отличительной внешней особенности у тварей нет. Спина мавок лишена кожного покрова, поэтому видны их органы. У тварей нет теней, в воде они тем более не отражаются. Убивают исключительно из чувства мести, думая, что все люди повинны в их ранней смерти. Поэтому способы их расправы крайне жестоки и кровавы. Сбивают путников с верного пути, ведя тех напрямик к ужасной гибели. Одолеть их можно с помощью раскалённого железа. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←26

]

Деньгами в Великомире выступают монеты: медные, серебряные и золотые. Нередко пользуются бартером, но это сложное дело, там чуть до драки не доходит, поэтому зрелище поистине увлекательное, да ещё и словарный запас пополнится интереснейшими оскорблениями. Монеты в простонародье же имеют и другие названия. Медяки зовутся клопами, ибо мелкие: хрен, что на них купишь. Серебряные — это тройки. Своё название они получили благодаря среднему пальцу, являющемуся третьим. Вроде не мало, но и до много не дотягивает. Золотые прозвали фигами, так как фиг кому достаются. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←27

]

Нечисть вредоносная, и я бы отнёс её к высшей, но кто меня слушать-то будет? Русалками становятся юные девы, убившие себя из-за несчастной любви. Встретить их можно ночью, у воды, именно тогда они выходят, чтобы расчесать свои космы да песни петь. Так они привлекают внимание заблудших путников, что видят в них красных девиц. На самом деле кожа у них бледная, тонкая, руки длинные и костлявые, зубы острые, глаза навьют, вместо ног хвост рыбий. Стоит какому-либо бедняге подойти ближе, так русалки

или зашекочат его, или уташат на дно сразу же. Но воздействия их чар миновать можно, если смотреть в землю, избегая их взгляда. Борьба против них лучше всего железом, русалки его на дух не переносят. Также следует помнить об ужаснейшей способности старших русалок — наиболее могущественных. Они не только управляют водой, владеют чарами, но и запросто проникают в голову человека. Её присутствие в мыслях незаметно, но, если она захочет, она увидит вас насквозь. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←28
]

Ангелия была хороша собой, даже слишком. Каждый глядел ей вслед, будь то мужчина или женщина, и она прекрасно об этом знала. Вертела всеми, даже с духами любила заигрывать. Ну, и с нечистью тоже, но я это даже вспоминать не хочу, а уж тем более писать об этом. Ангелия была поистине писаной красавицей, умеющей пользоваться этим. Именно поэтому её сундуки были забиты украшениями и расписными платьями. Многие называли её ветряной, и в каком-то смысле они не прогадали. Гулял сильный ветер, чуть ли не сносящий людей, и необъяснимым чудом Ангелия усмирила его. За это её задушили. Обращаясь к ней, стражи получают контроль над воздухом. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←29
]

Эта девушка была воином. Лучшим воином на моей памяти. Прошлое у Варьки тяжёлое: сбежала из дома, чтобы попасть в армию, а уже там ей пришлось притворяться мужчиной. Там-то мы и встретились. Остра на язык, бойка, сильна, не сидит без дела. Варвара быстро добилась уважения, даже раскрыла свой истинный пол. И как-то в одном сражении ей удалось сделать доспехи противников настолько тяжёлыми, что их мышцы попросту порвались. За это Варвару бросили в реку, привязав к ноге тяжёлый камень. Обращения к ней дают стражу возможность управлять металлом. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←30
]

Ей было пятнадцать, когда её связали и сожгли заживо. Некраса была прекрасной девушкой с чистой душой и добрым сердцем. Любила лесных зверушек, в особенности белок. Постоянно таскала сухари, чтобы только накормить этих мелких созданий. Красиво пела, её голосом заслушивалась даже природа, желая цвести и пахнуть под мелодию Некрасы. И доброта же сгубила её. Плотина, что сдерживала реку, рухнула, и город чуть не затопило. Беду остановила Некраса, встав в одиночку перед разрушительной водной силой. Юная спасительница смогла усмирить буйную стихию, но кара её настигла. Стражи обращаются к ней, чтобы подчинить воду, если та есть поблизости. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←31
]

Из названия ясно, где этих тварей можно встретить и куда лучше не соваться, если вы хоть немного дорожите своей жизнью. Твари высокие, их рост равен одной сажени, а бывают ещё выше. Ноги у них крепкие, тяжёлые и сильные. Кожа серая, грязная, глаз нет, зубы гнилые и кривые, так что воняет от болотников знатно. Толстые, неповоротливые, медлительные, но сильные и опасные. Заманивают людей в трясины, где те погибают. Издают любые болотные звуки, выращивают цветы, чей аромат манит жертв. Некоторые из этих тварей в конце обнаглели и вздумали ночью зажигать огни на болотах. Победить болотников можно за счёт их медлительности. Но стоит помнить, что сила их огромна, и они одним ударом запросто могут проломить череп. Так что намного лучше и проще не гулять рядом с болотами. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←32

]

Я полностью согласен с теми мудрецами, что не относят бук к низшей нечисти, а считают страшными тварями. И мудрецы эти — это дети. Именно они способны видеть бук, из-за чего изловить этих тварей и избавиться от них довольно проблематично. Это маленькие злобные существа, живущие под детскими кроватями. Насколько мне известно, буки выглядят так, как видят их дети. Например, я, повстречав буку, увидел косматое существо в виде грязно-коричневого шарика с выпученными глазами, кривыми и короткими лапами и с высунутым длинным языком, с которого стекала густая слюна. Любят пугать детей, буки питаются их страхами, становясь сильнее. Боятся солнечного света, поэтому днём нечисть не выходит. Стражник справляется с ними довольно-таки забавным способом: бегаёт по детской комнате со светящимся крестом, чётко следуя указаниям ребёнка, который говорит, где бука. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←33

]

Суджелицы — это духи, определяющие судьбу рождённого ребёнка. Всего их три. Приходят они в полночь, спустя три дня после рождения ребёнка. Суджелицы невидимы, но принято встречать их чистым домом. Первая суджелица предстаёт маленькой девочкой, которая говорит о юных годах человека. Вторая выглядит взрослой и опытной и определяет судьбу ребёнка: печальная или счастливая. Последняя — дряхлая старуха, и она видит смерть ребёнка. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←34

]

Лешего ошибочно относят к духам, считая, что он один-единственный. Но леса разные бывают, и за свою долгую жизнь я повидал достаточно леших, поэтому с уверенностью заявляю, что их много и относятся они к нечисти. Конечно, больше к нейтральной. Их главная задача — защищать лес от человеческого влияния. Важно понимать, что лешие — это мастера маскировки. Они притворяются обычными деревьями: низкими или высокими, стройными или поваленными наземь. Тут уже не угадаешь, сели ли вы на трухлявый ствол или на задницу нечисти. Если вы всё-таки разбудите лешего, а существа эти отличаются необычайным спокойствием, то перед собой вы неожиданно увидите, как зелёная крона превратилась в бороду, шероховатости на древесном стволе оказались глазами, носом и

ртом, все ветки срослись только в две: толстые и массивные руки, а корни, что были под землёй, оказались тяжёлыми ногами. Обычно лешие подшучивают над людьми, но их шутки могут обернуться в злую сторону только в том случае, если человек причинял вред лесу. Хотя в мире немало леших, которые убивают людей лишь за то, что те зашли на их территорию. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←35

]

Илюха был отличным мужиком. И пиво с ним выпьешь, и шутку скажешь, и по душам поговоришь. Что уж говорить об охоте, в этом деле он был настоящим мастером, лучшим, что я только встречал за свою гнилую жизнь. Дичь выслеживал за считанные секунды, чувствовал её за версту, а то и дальше. Знал повадки каждого зверя, но несмотря на свои умения, охотой занимался редко из-за любви к животным. Делал он это только из крайней необходимости и извинялся перед каждым зайцем, чьё сердце пронзил стрелой. В основном Илья использовал свой дар, дабы помочь зверям, угодившим в людские ловушки. И эта помощь вылилась в то, что пристрелили Илью из его же лука. Обращения к нему позволяют стражу кого-либо выследить и обострить собственные инстинкты. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←36

]

Не имею ни малейшего понятия, почему люди Великомира празднуют день почитания мёртвых в первый день весны, когда всё должно расцвести и запеть жизнью. Хотя, погодка в Великомире такая, что зацветёт всё и запахнет только в апреле, а то и в мае. В Навий день принято относить на могилы требы — подношения для мёртвых. Это может быть еда или любые другие вещи, но сделаны они должны быть своими руками. Так как захоронение — это некая привилегия, то чаще всего требы оставляют у распахнутых окон или на пороге двери. В этот же день принято прощаться с зимой. Но прощаются, видимо, крайне хреново, ибо грёбаный снег ещё долго лежит. Люди сжигают чучело, которое нарекают именем богини смерти. Думаю, именно поэтому зима не покидает земли Великомира даже весной. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←37

]

Водяной — своевольная нечисть, может вредить людям, а иногда любит беседовать с ними. Вместо ног у него рыбий хвост, а сам он выглядит как обрюзгший старик с выпученными глазами, зеленоватой и склизкой кожей и длинной бородой. Опутан тинной. Водяной опасен тем, что запросто может утащить на дно зазевавшегося человека, чтобы поразвлечься с ним или отдать другой нечисти, что делит с ним среду обитания. При приближении жертвы громко хлопает в ладоши, радуясь предстоящему веселью. Живёт, безусловно, в воде, где ж ему ещё обитать с таким-то названием? Не терпит железо и медь, они только разозлят его. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←38

]

Явью народ называют мир, в котором человек живёт с рождения и до смерти. Люди настолько привыкли к названиям, что даже такие простые вещи получили их. Явь — это видимый людской мир, и его мы делим с нечистью и духами. Иногда в Явь заглядывают боги, но ничем хорошим такое не заканчивается. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←39

]

Баюн — самый вредный дух из всех, что я только встречал. Этот огромный комок шерсти действительно является котом. Причём самым раздражающим из всех существующих котов! Баюна нельзя отнести ни к злу, ни к добру. Котьяра может помогать людям, но ещё больше он любит их есть. Особенно ему нравится растягивать этот процесс: встречает на железном столбе путника да начинает свои сказки говорить. Смею заметить, они даже интересные. Сюжет непредсказуем, котелок у кота варит хорошо. Сказками он навеивает сон, а потом нахально сжирает свою жертву, раздирая её внутренности железными когтями. Кот ещё обладает очень хорошим слухом: слышит всё, что только происходит. Может перемещаться в пространстве, но делать этого не любит, ибо очень ленивый, и в его случае именно хлеб ходит за брюхом, а не наоборот. Баюна можно поймать, и вот тогда он будет верой и правдой служить счастливцу да лечить его чудесными рассказами. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←40

]

Я бы назвал Вия одним из самых опаснейших духов. К своему счастью, я его не встречал. В противном случае книжонки, что вы сейчас зачем-то читаете, и не было бы. Взгляд Вия убийственен в прямом смысле этого слова. Под ним даже земля гибнет, причём навеки, без малейшей надежды восстановиться. Однако, к счастью всех живущих людей, Вий зависим от слуг, так как его глаза закрыты огромными веками, а их дух поднять не в силах. Поднимают их вилами, и вот тогда Вий действительно непобедим. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←41

]

Искренне сочувствую каждому, кто, как и я, повстречал на свою голову это «чудо». Даже сейчас, вспоминая встречу с ним, я спрашиваю себя, а что это за хрень вообще была? По внешнему виду вопросов нет, да и не назовёшь хренью огромного красночешуйчатого дракона с дюжиной голов. И вот проблема как раз в этих головах... У каждой. Головы. Есть. Своя. Грёбаная. Личность. И все они спорят между собой! Да так громко, быстро и непонятно, что после одной минуты голова уже разрывается! Чудо-Юдо может не только раздавить своими гигантскими размерами, но и свести с ума разговорами! В бою с этим духом запросто можно услышать ссору Трухлявого с Шилом о том, что последний слишком громко храпит, а голова между ними и вовсе противно чавкает, отбивая весь аппетит! Причём отруб головы не поможет, вырастит новая и спросит, какого фига ты её отрубил и потребует извинений, потому как невежливо прерывать на полуслове! Нужны стальные нервы или длинный язык, чтобы справиться с Чудо-Юдо. «Справочник по выживанию в

Великомире» Ведагор Смородский.

[

←42

]

Своеобразная дамочка, крайне своевольная. Не представляю, как её муж только терпит такую жёнушку, на его месте я бы давно повесился. Хотя, наверное, божественная сущность и не даёт ему этого сделать. Морана — богиня смерти и зимы, повелительница Нави и мёртвых. Не советую заводить с ней разговор ради вашего же блага. Конечно, эта гордая нагура может быть и приветливой и очень даже интересной собеседницей, но будьте начеку, так как в следующую секунду она попытается вас убить ради забавы. Моране плевать на законы Нави, она найдёт способ преодолеть их. Управляет холодом и морозом, знает толк в пытках и жестокости. Неразлучна с серпом, одно касание которого смертельно. В общем, по возможности не приближайтесь к ней. И будьте предельно осторожны с воронами, чьи глаза абсолютно черны. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←43

]

Детская забава, которую ненавидят строгие родители и гончары. Для этой игры дети таскают из дома всё, что легко бьётся, и чаще всего берут именно горшки, потому что их пропажу дольше всего не замечают. Из-за этого игра и получила такое названия. Все стыренные вещи дети ставят в ряд, отходят на приличное расстояние, а после пытаются разбить шишками, желудями или камнями. Тот, кто больше всего разбил, получит не только знатных люлей от взрослых, но и гордое звание победителя. Взрослые предлагали изменить игру: по их мнению, лучше закидывать в горшочки те же жёлуди, шишки и камни, а не пытаться ими что-либо разбить. На столь скучное предложение дети отреагировали одинаково: пропустили мимо ушей. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←44

]

Изначально бойня не задумывалась как традиционный танец Ордена Святовита. Чего уж там, бойня появилась ещё в Святочную эру, во времена князей, раздоров и междоусобиц. Кто-то верит, что это легенда, другие утверждают, что всё взаправду. Но никто из них в те времена не жил, в отличие от меня. Но не спешите радоваться, своими глазами я нихрена не видел, происходило это в самых далёких от меня землях Великомира. История заключается в сражении двух воевод: Добрыни Рябова и Белозара Осипова. Воеводы служили разным князьям — двум братьям, что постоянно враждовали, а в каждом сладостном сновидении видели смерть друг друга. Бои длились долго, было их много. Не то чтобы я со счёта сбился, я этот счёт даже не начинал, ибо смысла нет. И во время каждого боя Добрыня наблюдал за Белозаром, а тот тоже не отводил взгляд от противника. Многие придерживаются версии, что они просто следили друг за другом, как за врагами, но мой зоркий глаз не обманешь, да и солдаты, от которых я и узнал эту историю, не слепые. Полюбили друг друга воеводы, и оба думали, что долг перед князьями важнее их любви. Добрыня и Белозар столкнулись в последней бою, точно в вихре танца. Они молчали, ни слова не вымолвили, лишь смотрели друг на друга, не отрывая взгляда. И бой закончился смертью обоих, ибо не хотели они

враждовать да проткнули друг друга мечами одновременно. Таков танец был изначально: напоминал бой, где умирают оба сражающихся. Спустя время его изменили, добавив больше резких движений и изменив историю. Теперь танец повествуют о славных воинах, что сражаются бок о бок. Когда Орден только-только зародился, среди стражей приглашение на бойню воспринималось как признание. Страж, приглашая на танец кого-либо, тем самым говорил, что готов вечно защищать своего партнёра и быть рядом с ним. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←45

]

Летающее в небе чёрное пятно, у которого видны девять голов и кожистые крылья, уж точно не предвещает ничего хорошего, особенно если это нечто опускается к воде. Юстрица — птица, несущая мор и болезни. Голов у неё насчитывается девять штук, все гладкие и змеиные, чешуя чёрная и склизкая. Зубы, когти и крылья Юстрицы содержат смертельный яд, вызывающий мор. Ночами дух летает над поселениями, опускаясь рядом с водоёмами и окуная своё крыло в воду, тем самым отравляя её. На моей памяти из-за Юстрицы полегло две дюжины деревень. Победить эту тварь можно одним лишь способом: отрубить сразу все девять голов. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←46

]

Мстислава росла на улицах, перебегая с места на место, и воровала, чтобы выжить. Она не знала, кто её родители, но будущую святую это не особо волновало, ибо её главной целью было растянуть свою жизнь и не сгинуть в канаве с пустым желудком. Мстислава не боялась запачкать руки кровью, для неё существовали только одни правила: те, которые установила она же. Ворую долгие годы, Мстислава приноровилась, став тенью для многих. Её шаги стали бесшумными, а дыхание превратилось в молчание. Она научилась обманывать людской взгляд, наводя морок, и тем самым наворовала много чего. Но удача оказалась недолгой спутницей для Мстиславы. Однажды воровку поймали, да ещё и застали за наведением морока. Сначала ей отрубили пальцы, затем кисти, после ударили по локтям, и в конце окончательно лишили рук. Мстислава скончалась от потери крови. Стражи обращаются к святой за наведением морока, дабы скрыть от врагов не только себя, но и то, что их глазам не предназначается видеть. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←47

]

Сейчас её знают как Санкт-Марью — святую, что наделит небывалой силой в трудный момент. В моё время она была Марьей Моревной — княжной и богатыршей. Да-да, за её необычайную силу её убили не сразу из-за её происхождения, но не спешите радоваться. Подвигов у Марьи тьма тьмущая, все и не упомнить. Она убивала духов, боролась с нечистью, даже с богами водилась. Чего уж там, она смогла из Нави уйти! Хотя история с этим так и осталась для меня загадкой, которую я по сей день пытаюсь разгадать. Из всех святых Марья была наиболее приближена к богам, что не может не заинтересовать. Долгое время Марья была помолвлена с княжичем Иваном, тогда впервые заговорили об

объединении княжеств, и брак двух наследников должен был поспособствовать этому. Но накануне свадьбы Марья сбежала вместе с Василисой Премудрой — той ещё занозой в одном месте. Девушки любили друг друга, но их никто не понимал. Побег лишил Марью всего: имени, статуса, семьи, безопасности. За ней началась охота из-за её чудесной силы. Но погибла она на войне, храбро сражаясь за тех, кто этого не стоит. Теперь же стражи обращаются к храброй девушке, чтобы стать физически сильнее. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←48

]

Правь — третий мир, принадлежащий светлым богам. Смертные попасть в него могут только при одном условии: если какой-либо бог их пригласит. Но, насколько мне известно, приглашают они лишь мёртвых, чтобы поболтать, а затем снова отправляют в мир мёртвых. Правь также имеет и другое название: Ирий. Обычно так свой дом называют светлые боги, чтобы в очередной раз показать, насколько они отличаются от людей и тёмных богов, что аж название у них другое. Именно из Прави боги и наблюдают за Явью. Вот только смысл в этом, если они никак не помогают людям? «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←49

]

Насколько мне известно, это единственный дух, которому разрешено появляться в мире светлых богов. Поэтому большую часть времени Алконост проводит именно там. Выглядит как птица, перья у неё золотистые, аж на солнце переливаются. Лицо девичье, молодое, белокурые волосы развеваются на ветру, а на голове сияет золотой венец. Алконост приносит счастье и благополучие, дарит пением любовь и надежду. Но не стоит недооценивать это пернатое создание, чья сила такая же убийственная, как и у её сестёр. Пением она способна стереть память, а перья остры, словно наточенные кинжалы. Считается божественным посланником, но птица ни разу не послала богов, хоть я и неоднократно просил её об этом. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←50

]

Не знаю, зачем Драговита возвели в святые, если стражи всё равно к нему не обращаются. Да и сделали они это в последний момент, когда стала ясна его сила: он видел будущее. Драговит нигде не мог найти себе места, везде он ощущал себя чужим. А будущее держать в себе крайне трудно, даже невозможно. Вот этот глупый мальчишка и шептал свои предсказания каждому. Но будущее, что говорил Драговит, всех пугало. Умер он в рано, и до тридцати не дожил. Его тело разорвали на мелкие кусочки, а каждую часть зарыли в разных местах. Если страж обратиться к нему, то открывшееся знания могут свести его с ума до такой степени, что он тут же перережет себе горло. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←51

]

Моя родственная душа, такой же ворчливый и всем недовольный дед, как и я. Встречаясь, постоянно сцепляемся, как старые супруги, терпеть друг друга не можем, но до чего же я понимаю его! Такого знакомого нужно иметь каждому, так сказать, собственное отражение. Именно благодаря Велесу я понял, насколько же я невыносимый тип, как многие говорят. Велес — покровитель земли. Считается, что Творец мира назначил его богом всех трёх миров, хранителем равновесия между ними. Во всяком случае, именно это мне и сказал Велес, поэтому я считаю, что выпендривается он, не иначе. Бог любит испытывать людей, проверять их силу духа и веру. Сам же Велес крайне силен и могущественен. Как-то я спрашивал его, почему бы ему не стать правителем Прави, сил и ума у него для этого достаточно. Тот ответил мне, что ему это нахрен не сдалось, в чём я полностью согласен.

«Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←52

]

Велесова ночь — ночь с тридцать первого октября на первое ноября. Именно в это время границы между мирами наиболее размыты. Живые запросто могут попасть в Навь, не умирая, ибо проход в мир мёртвых виден невооружённым глазом. Лучше этого, безусловно, не делать, так как есть шанс не вернуться обратно. К тому же кто, скажите мне, в здравом уме полезет добровольно в Навь? И если вы есть среди этих умников, то учтите, что попадёте вы в таком случае в Пекло — обитель тёмных богов, ибо хозяева Кошного мира не жалуют гостей. Но лучше проведите Велесову ночь в кругу семьи, вспоминая предков, или же в мягкой кровати со сладкими сновидениями.

«Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←53

]

Ксения всегда казалась мне милой девушкой, что любит этот мир материнской любовью. Помогала людям, была во всеми доброжелательна и вежлива, умела находить с каждым общий язык, чему я поражаюсь по сей день. Но и за ней есть грешок: утопила своего первенца, потому как тот слишком громко кричал, не давая ей спать. Тем не менее Ксения одним лишь прикосновением исцеляла больных и никогда в этом не отказывала. Вот и прознали об этом быстро. Ксению заковали в цепи и бросили диким зверям на растерзание. Молитвы к ней даются не всем стражам, и таких счастливиц прозвали лекарями или знахарями. Те благодаря обращению к святой могут исцелить раненого товарища.

«Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←54

]

В переводе с языка Талора — «прости».

[

←55

]

Калинов мост — это граница между Навью и Явью. Находится в Нечистом лесу — владениях хозяев загробного мира. Живым мост пересечь нельзя, всё-таки владыки мёртвых

не особо жалуют незваных гостей, но всё же исключения были. Под мостом бурлит огненная река, а вход в Навь охраняет ужасное чудовище с безграничной силой. Оно-то и избавляется от всех нежеланных гостей. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←56

]

Если мне и нравится кто-то из богов, то Девана — богиня охоты, относящаяся в Нави, — точно стоит на первых строчках. Девана оберегает зверей, помогая тем выбраться из расставленных охотниками ловушек. Если быть откровенным, то животных богиня любит намного больше, чем людей, и в какой-то степени её можно понять. Нрав её суровый, грозный и огненный, не прощает никого, кто посмел убить животное жестоко, без всякой надобности. Богиня умеет перевоплощаться в любое животное, о её меткости слагают легенды, как и о её дивной красоте, что очарует любого, даже слепого. Во всём стремится быть первой, и это желание привело её к тому, что стала тёмной богиней в мире мёртвых. Девана пыталась занять место правительницы Прави, но потерпела поражение от собственного же отца, за что тот изгнал её из светлых богов. Девана пообещала отомстить всем мужчинам пантеона, которые сомневались в её могучей силе. И я всё чаще и чаще ловлю себя на мысли, что искренне желаю увидеть её мечь. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←57

]

В прошлом Перун считался главным защитником Яви, но и в нынешние времена о его подвигах не забыли, просто выбрал бог другой мир — Правь. Не могу в этом его винить, всё-таки если бы мне выпала такая возможность, то я бы точно ею воспользовался. Перун — бог грома, великий и отважный воин. Буйный, мужественный, порывистый. Вселяет в людей храбрость и воинский дух, дарует силу тем, кто слаб физически, но могуч внутри. Призывает воинов не сдаваться и идти до конца. В общем, благодаря ему многие отбрасывают свои страхи и прутся прямо в бой, в котором имеют все шансы погибнуть и, собственно, погибают. Вот если бы Перун не вдохновлял на сражения, а останавливал их мирным путём, цены бы ему не было. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←58

]

Я помню Елену как гордую и надменную женщину, способную на сострадание и милосердие в трудную минуту. На людях она выглядела как статная барышня, чьи слова могли заткнуть любого. Вместе с этим Елена обладала чудесным голосом. Стоило ей начать петь, как она расцветала снаружи, и от высокомерной девицы не оставалось ни следа, её место занимала нежная и ранимая душа. Что уж и говорить о слухе Елены: та знала, что гонец вскоре подоспеет, когда тот был за несколько вёрст до города. И голос, и слух стали для Елены причиной, по которой её прилюдно казнили. Она предупредила своего князя о вторжении вражеских войск, когда те должны были добраться до города только к утру следующего дня. Сначала Елену посчитали чокнутой, потом и вовсе предательницей. Казнили её в тот миг, когда к воротам подошла армия врагов. Стражи, обращаясь к ней,

заглушают свои шаги, чтобы нечисть их не услышала, или оглушают звуковыми волнами. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←59

]

Если вы повстречали на свою голову аспида, то примите мои соболезнования, вы были прекрасным человеком, которого смерть постигла так рано. Аспид — крайне опасный зверь, обитающий в горах. Это гигантские змеи с чешуйчатыми крыльями, птичьим клювом и когтистыми лапами. Кожа чёрная, практически ничем не пробить. В пище непривередливы: едят как людей, так и скот. Извергают огонь, не щадящий никого. Пламя же является их основной слабостью: аспидов можно убить лишь сжиганием. Также они боятся трубного звука, но этот способ я не совершенно не рекомендую. Услышав вой труб, аспид может впасть в такую ярость, что тут уж всему Великомиру не поздоровится. Поэтому при встрече с ним рекомендую либо вспомнить все лучшие моменты своей жизни, либо кинуться в бег, что достаточно бесполезно, так как аспиды крайне быстры, либо, если вы с головой совсем не дружите, кинуться в атаку, подготовив заранее огонь. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←60

]

Это единственный бог, помимо Творца мира, которого я не встречал на своём веку. Чернобога называют ещё Кощеём, однако, по словам его жены, он всё же предпочитает первое имя. Чернобог — хозяин Нави, повелитель мёртвых, властитель смерти, зла и разрушений. С его образом у людей ассоциируется что-то плохое, тёмное, страшное. И я бы не был удивлён этим, если бы мой друг, знающий Кощею лично, не рассказал мне о нём более подробней. Чернобог, несмотря на свою тёмную принадлежность, защищал людей наравне со светлыми богами, даже, скажу по секрету, гораздо больше. Но простой люд всё равно боится хозяина Нави, хоть и уважает его. Эх, если бы до людей дошла правда, но кто послушает выжившего из ума старика, то бишь меня? А как сказал мой друг, Кощей и не хочет, чтобы люди перестали его бояться. Он давно разочарован в них, чему я не удивлён. И всё же жаль, что я не знаком лично с Кощеём. На мой взгляд, он гораздо приятней, чем его брат-близнец. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←61

]

Милый юноша, внутри которого настолько много тайн, что даже мне не по силам докопаться до них. А его свирель — это не просто дудка, а мощнейшее оружие, способное и пробудить в человеке уверенность в своих силах, и лишить кого-либо жизни. Лель — бог любви, который о самой любви говорить не любит. Он говорит буквально обо всём на свете, порой его даже не заткнуть, но стоит попросить любовный совет, как он замолкает и достаёт свирель, наигрывая грустную мелодию, а после и вовсе переводит тему. Мне бы не казалось это странным, не будь Лель по сути знатоком всей этой любовной хрени. В первую очередь Лель — бог первой любви, самой страстной, чистой, искренней, лишённой похоти. Он буквально олицетворяет её собой: милый юноша, чья музыка способна и людей в пляс пустить, и сердце очистить. Но сердце самого Леля далеко неспокойно. Это я говорю, как

его друг. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←62

]

Носитель света, сеятель удачи, созидатель истину — как только этого козла не называют. Из светлого в нём только его волосы, кожа и одежда, не больше. Сын Творца мира, брат-близнец хозяина Нави. Но в отличие от своего брата, Белобог, к всемирному счастью, не повелевает ни одним из миров. Белобог — бог света, истины и удачи, он является воплощением добра и всякой прочей положительной ереси. Любит золото и роскошь. В былые времена частенько спускался в Явь, дабы подарить народу свою любовь и тепло. Но единственное, что он дарил, это сломанные жизни, боль и бессилие ни в чём неповинным людям. Но этого никто так и не понял, и Белобога по сей день почитают, как благодетеля миров. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←63

]

Река Смородина как таковой рекой и не является по своей сути. На самом деле это полыхающий огонь под входом в загробный мир. И пламя, заточённое в Смородине, обладает страшной силой. По легенде, правдивость которой я так и не выяснил, огонь этот принадлежит заклятому врагу богов, который много сотен лет назад поработил их. Пламя способно испепелить всё, в том числе и человеческую душу. Поэтому когда вы будете стоять перед входом на тот свет и видеть под собой бурлящий огонь, то старайтесь в него не падать, иначе уж точно не вернётесь в мир живых. Иногда я задумываюсь о своей смерти и понимаю, что, возможно, я бы самовольно сиганул в эту реку. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←64

]

К этой птице я испытываю лишь одну эмоцию, которую при ней показывать ни в коем случае нельзя. И это ненависть. Гамаюн — сестра двух других духов-птиц. Оперенье у неё пёстрое, яркое, аж в глазах рябит. Характер у неё крайне тяжёлый и отвратный, да и болтает без умолку. Гамаюн предсказывает будущее своими песнями, управляет погодой. Правда, этот дар зависим от её настроения. Если птичка зла, то вокруг гремит гром. А если польстить ей, то солнце воссияет. Помимо предсказаний и управления погодой, эта проклятая птица занимается тем, что рушит чужие судьбы, получая от этого одно лишь удовольствие. И я поклялся, что когда-нибудь вырву ей все перья. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[

←65

]

Мне всегда казалось, что такое сильное создание не может быть духом, его уровень равен богам, не иначе. Змей-Горыныч — это крылатое чудовище, охраняющее проход в загробный мир от нежелательных гостей. Чешуя у змея толстая, чёрно-золотая, непробиваемая. Голов у него три: змеиные, с многочисленными острыми рогами. И каждая из них извергает уничтожающее пламя. Кто-то говорит, что если отрубить одну голову, то

вырастят сразу две. Не могу утверждать, что это правда, так как сам я не пробовал из чувства самосохранения. К тому же, на мой скромный взгляд, хотя бы поцарапать его невозможно, что уж там говорить об отрубке головы. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←66
]

Этот малой любил играть в карты и дурить людей. Но святыми становятся разные люди, поэтому мучеником Благомир стал. Его деревню разорили набегами вражеского княжества, поэтому им и пришлось отправиться искать новое место. С Благомиром пошли не все жители, а лишь небольшая группа. По пути им встретился непроглядный туман, застилающий всё вокруг. Пройти было попросту невозможно, к тому же нельзя было заметить нечисть или хищников, притаившихся в засаде, что тоже осложняло дело. Благомир же чувствовал, куда идти, вот и вывел людей. Казалось, он видел сквозь туман. За это его забили насмерть. Стражники молятся ему, если хотят призвать туман либо взять его под контроль. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.

[
←67
]

Светолик был настолько красив, что заглядывались на него не только женщины. Но погубила его не красота, чтобы была подобна лучу ясного солнца. Долгие месяцы беспрерывно шёл ливень, солнце ни на секунду не выглядывало. И гордый красавец Светолик смог исправить положение, заставив солнце победить грозные тучи. Долгое время Светолик находился в бегах из-за своего сделанного чуда. Когда же его поймали, его ждало распятие. Стражи взывают к этому святому, чтобы повелевать светом. «Справочник по выживанию в Великомире» Ведагор Смородский.